Е.Л.Немировский, Иоганн Гутенберг

Е.Л.Немировский

Иоганн ГУТЕНБЕРГ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Е. Л. Немировский

Иоганн ГУТЕНБЕРГ

Около 1399—1468

Ответственный редактор
доктор исторических наук,
профессор
А. С. МЫЛЬНИКОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1989

ББК 30г
Н 50
УДК (092) Гутенберг

Рецензенты:
кандидат технических наук В. И. ВАСИЛЬЕВ,
доктор исторических наук А. А. ГОВОРОВ,
Н. В. КОБРЕЛЕВ

Немировский Е. Л.

Н 50 Иоганн Гутенберг. Около 1399—1468 / Отв. ред. А. С. Мыльников.— М.: Наука, 1989 — 320 с., ил. (Научно-биографическая литература)
ISBN 5-02-012646-2

Книга посвящена жизни и деятельности великого немецкого изобретателя Иоганна Гутенберга, разработавшего технические основы книгопечатания, процесса множественного воспроизведения информации. Автор на основе изучения большого объема материала реконструировал жизненный путь изобретателя, описал издания, вышедшие в свет при жизни Гутенберга, проанализировал техническую сущность его изобретений, дал краткий очерк истории техники книгопечатания от Гутенберга до наших дней.

Для читателей, интересующихся историей техники.

Н $\frac{1401020000—069}{042(02)—89}$ 80-89 Доп. **ББК 30г**

Научное издание

Немировский Евгений Львович

Иоганн Гутенберг. Около 1399—1468

Утверждено к печати редколлегией серии
«Научно-биографическая литература» Академии наук СССР

Редактор издательства **В. П. Большаков.** Художник **А. Г. Кобрин**
Художественный редактор **В. В. Алексеев.** Технические редакторы
Л. В. Прохорцева, Т. А. Калинина
Корректоры **В. А. Алешкина, Е. Н. Белоусова**

ИБ № 38969

Сдано в набор 10.10.88. Подписано к печати 06.02.89. Т-00041. Формат 84×108 1/32. Бумага книжно-журнальная импортная № Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр. отт. 17,01. Уч.-изд. л. 18,2
Тираж 5200 экз. Тип. зак. 2276. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5-02-012646-2

Введение

Двадцатилетний романтик Виктор Гюго считал изобретение книгопечатания величайшим историческим событием. «В нем зародыш всех революций!» — восклицал он. И пояснял: «В виде печатного слова мысль стала долговечной как никогда: она крылата, неуловима, неистребима... Этот способ выражения мысли является не только самым падежным, но и более простым, наиболее удобным, наиболее доступным для всех...» [1].

С того времени, как был написаи этот восторженный панегирик книгопечатанию, прошло полтораста лет. Ныне мы более трезво оцениваем возможности типографского станка. Мы видим в книгопечатании, а точнее, в печатной книге, лишь одну из форм регистрации и распространения информации. Форму далеко не единственную и оптимальную лишь в определенный период развития человеческого общества.

Новейшие изобретения постепенно ограничивают поле деятельности книгопечатания. Электронная память современных счетно-вычислительных машин хранит информацию, для воспроизведения которой понадобилось бы выпустить десятки тысяч книг. Радио и телевидение приносят новости в дом каждого из нас с такой скоростью, которая не по силам печатному станку. Превратившись в ультраскоростные ротации, он все же не может сделать регистрацию, доставку и воспроизведение информации единовременными самому факту ее возникновения.

Правда, печатное слово еще и сегодня служит основным источником распространения идей, революционизирующих общественную жизнь во всех ее формах и проявлениях. Однако истоки революционных потрясений, периодически охватывающих общество, мы видим и находим не в книгопечатании, а в противоречиях между производительными силами этого общества и сложившимися в его недрах производственными отношениями.

Пройдет время — и развитие производительных сил породит новые средства информации. Но и тогда человечество не перестанет интересоваться многовековым путем печатного станка и его подвижниками, не жалевшими ни сил, ни жизни для того дела, которое казалось им столбовой дорогой общества. Изобретение книгопечатания всегда будет считаться одним из «звездных часов» человечества, минутой величайшего озарения, последствия которого неисчислимы.

Об этом убедительно и точно писали основоположники марксизма-ленинизма.

19 июля 1840 г. (а в этот год весь мир отмечал 400-летие изобретения книгопечатания великим немецким первооткрывателем Иоганном Гутенбергом) 19-летний Фридрих Энгельс писал своему другу писателю Левину Шюккингу (1814—1883), что «праздник Гутенберга» был «отмечен с блеском» [2]. «Празднику книгопечатания» молодой Энгельс посвятил и специальную корреспонденцию, присланную им из Бремена в штутгартскую газету «Моргенблатт фюр гебильдете Лезер» и опубликованную 30—31 июля 1840 г. В ней Энгельс подчеркивал, что юбилею книгопечатания «был придан народный характер» [3].

Среди многочисленных юбилейных изданий, выпущенных в 1840 г., привлекает внимание «Гутенберговский альбом» брауншвейгского издателя Генриха К. А. Мейера [4]. В нем напечатана (в испанском оригинале и в немецком переводе) ода Мануэля Хозе де Кинтаны (1772—1857) «На изобретение книгопечатания» и указано имя переводчика: Фридрих Энгельс [5].

Кинтана, воспевая человеческий разум и ставя имя Гутенберга рядом с прославленными именами Коперника, Галилея, Ньютона, пишет:

«А ты не бог ли, кто века назад
В живую плоть облек и мысль и слово,
Что, раз возникнув, улетело б снова,
В печатном знаке не найдя преград?» [6]

Речь идет о регистрации и распространении информации. Как видим, Кинтана превосходно уловил смысл и значение книгопечатания. Поэма заканчивалась вдохновенным гимном в честь Гутенберга:

«Хвала тому, кто темной силы чванство
Повергнул в прах, кто торжество ума
Пронес сквозь бесконечные пространства;

Кого в триумфе Истина сама,
Осыпавши дарами, вознесла!
Борцу за благо – гимны без числа!»[7]

Позднее Ф. Энгельс определит место книгопечатания в ряду причин, вызвавших, по его словам, «с чудесной быстротой» возрождение и развитие наук «после темной ночи средневековья». Во-первых, считает Энгельс, это — развитие промышленности, породившее «массу новых механических (ткачество, часовое дело, мельницы), химических (красильное дело, металлургия, алкоголь) и физических факторов», во-вторых, установление тесной взаимосвязи между различными странами Европы, в-третьих, географические открытия. «В-четвертых,— подчеркивает Энгельс,— появился печатный станок»[8].

Аналогичная оценка принадлежит Карлу Марксу. Называя три великих изобретения, которые «вводит буржуазное общество»: порох, компас и книгопечатание, К. Маркс поясняет: «Порох взрывает на воздух рыцарство, компас открывает мировой рынок и основывает колонии, а книгопечатание становится средством протестантизма и, вообще, возрождения науки, самым мощным рычагом для создания предпосылок необходимого духовного развития»[9]. Книгопечатание, по Марксу, одна из необходимых предпосылок буржуазного развития[10], великое открытие ремесленного периода[11].

Возникновение книгопечатания способствовало тому, что наука и образование утеряли религиозный характер, сделались светскими. Говоря о предпосылках Крестьянской войны в Германии, Ф. Энгельс отмечал, что духовенство «в результате изобретения книгопечатания и роста потребностей все более расширяющейся торговли... лишилось монополии не только на чтение и письмо, но и на более высокие ступени образования»[12].

«Книга — огромная сила»[13]. Эта емкая ленинская формула превосходно характеризует ту великую роль, которую печатное слово сыграло и играет по сей день в истории человеческого общества. Нет никакого сомнения, что В. И. Ленин говорит здесь о печатной книге. В том, что это именно так, убеждает нас другое ленинское высказывание: «Печатный станок — сильнейшее наше оружие»[14].

Массовость и оперативность — вот в чем секрет

могущества печати. И как же важно в наши дни, когда могущество это не подлежит сомнению, знать о его истоках, разобраться в причинах, породивших его, отдать должное Иоганну Гутенбергу — человеку, с трудами и днями которого связаны первые шаги типографского станка.

Литература о великом первооткрывателе Иоганне Гутенберге и об изобретении книгопечатания поистине необозрима. Полного, отвечающего современным требованиям указателя ее не существует. Еще в 1886 г. голландец Антоний ван дер Линде зарегистрировал 1099 книг и статей о Гутенберге [15]. Американский исследователь Дуглас Макмертри, который в 1942 г. вместе со своими сотрудниками составил указатель литературы «Изобретение книгопечатания», довел это число до 3228 названий [16]. За неполные 50 лет, прошедших с тех пор, число это, пожалуй, утроилось.

Историография гутенберговского вопроса, к сожалению, по сей день не создана. Алоиз Руппель, автор одной из подробнейших монографий о жизни и деятельности Гутенберга, писал в 1939 г. о «лабиринте противопоставленных одно другому мнений», в который попадает каждый, кто начинает заниматься гутенберговским вопросом [17]. При сравнительно ограниченном числе документальных источников и почти полном отсутствии свидетельств современников исследователи перепробовали, пожалуй, все возможные сочетания предположений и гипотез. Жизненный путь изобретателя «оброс» таким количеством легенд, что в гипотетичности их не могут разобраться даже опытные гутенберговеды. Со временем некоторые из легенд перешли в традицию, источник их возникновения забылся.

В конце XV — начале XVI в. еще были живы люди, на глазах которых свершился великий переход от рукописания к книгопечатанию, но обстоятельства этого перехода уже начали забываться. Рядом с именем Иоганна Гутенберга стали называть других людей, претендовавших на честь считаться изобретателем книгопечатания. Правда, дату возникновения нового искусства помнили. В 1540 г. немецкие типографы собрались в Виттенберге и под руководством Ганса Люфта, пропагандиста и издателя трудов Мартина Лютера, торжественно отметили столетнюю годовщи-

ну книгопечатания. Так была заложена традиция «столетних празднеств» (Säkularfeier) — они отмечались в 1640, 1740 и 1840 гг. В 1940 г. юбилейным торжествам помешала война.

К первому столетию книгопечатания майнцский корректор Иоганн Арнольд опубликовал латинские вирши, восхвалявшие создателей типографского станка, являвших собой, по его мнению, некоторое подобие «святой троицы». «Первый был Гутенберг,— писал Арнольд,— второй Фауст, третий — Шеффер» [18]. Вскоре, однако, появились труды, в которых назывались иные имена.

Адриан Юниус (1511—1575), врач и хронист, в составленном им историческом труде «Батавия» (труд впервые был напечатан в 1588 г. в Лейдене, уже после смерти автора) утверждал, что книгопечатание было изобретено не в Германии, а в Голландии в городе Гарлеме человеком по имени Лауренс Янсзон и по прозвищу Костер [19]. Это утверждение, ставшее вскоре известным в Германии, вызвало стремление собрать все сохранившиеся к тому времени свидетельства младших современников великого изобретения. Впервые это сделал профессор теологии Даниель Крамер в приложении к изданной в 1608 г. в Лейпциге книге Иеронима Горншуха «Ортотипография» — руководстве для корректоров. Книга неоднократно переиздавалась и пользовалась большим успехом [20].

Второе столетие со дня изобретения книгопечатания было торжественно отмечено в 1640 г. Корректор Себастьян Готтфрид Штарке произнес в Лейпциге «Короткую историческую речь о благородном, всемирно знаменитом, высоко полезном искусстве книгопечатания» [21]. Он склонялся к тому, чтобы признать изобретателем богатого майнцского бюргера Иоганна Фуста, а Иоганну Гутенбергу отводил скромную роль его служителя и помощника, который к тому же пытался похитить секрет открытия. Как равноправный участник изобретения Фуст (или Фауст, как тогда говорили) фигурирует и на страницах труда «Об изобретении и совершенствовании типографского искусства» Бернгарда фон Маллинкродта (1591—1664), изданного в Кельне в 1639—1640 гг.[22] На титульном листе книги изображены профили Гутенберга и Фуста.

Большую роль в становлении гутенберговедения как отрасли историко-книжного знания сыграл геттин-

генский историк Иоганн Давид Кёлер (1684—1755). Он впервые обратился к актовой документации, положив начало интенсивным архивным поискам, которые продолжались на протяжении почти двух столетий и привели к открытию многих интересных и значительных документов о жизни и деятельности Иоганна Гутенберга. В книге «Заслуженное и тщательно установленное по сохранившимся источникам воссоздание чести Иоганна Гутенберга» (Лейпциг, 1741), направленной главным образом против голландских притязаний, Кёлер опубликовал многие акты о майнцском периоде деятельности изобретателя [23]. Наибольшее значение среди них имел так называемый Хельмаспергеровский нотариальный акт — едва ли не главнейший и наиболее значимый источник гутенберговского вопроса. Акт этот, впрочем, был известен и ранее; его опубликовал в 1734 г. Г. Х. Зенкенберг, не связав, однако, с историей книгопечатания [24].

Примерно в это же время в Страсбурге поиски документов о Гутенберге проводил Якоб Венкер (1668—1743) — архивариус братства св. Фомы. Сам он, однако, ничего не публиковал; находки стали известны благодаря Иоганну Даниэлю Шёпфлину (1694—1771) и его труду «Vindicae typographicae», вышедшему в 1760 г. в Страсбурге [25]. Здесь впервые увидели свет материалы процесса, который в 1439 г. братья Дритцен вели против Гутенберга. Это — важнейший источник для реконструкции обстоятельств возникновения книгопечатания. Впоследствии, уже в 40-х годах XIX в., поиски в страсбургских архивах продолжили Леон де Лаборд и Шарль Шмидт.

В Лейпциге, справедливо претендовавшем на звание столицы типографов, 300-летие книгопечатания было отмечено волнующими празднествами, по материалам которых был издан сборник «Высокочтимое воспоминание об изобретении книгопечатания при праздновании в Лейпциге окончания третьего столетия всеми типографами» [26]. Украшением сборника стала торжественная речь писателя и ученого Иоганна Христофа Готшеда (1700—1766), составленная с неплохим знанием литературы. Речь породила традицию, которую с успехом восприняли писатели следующих поколений: Георг Гервег и Фердинанд Фрейлиграт, Отто Виганд и Франц Меринг, Альфонс Мари Луи де Ламартин и Анатоль Франс...

В том же 1740 г. Иоганн Кристиан Вольф (1689—1770) издал в Гамбурге двухтомную хрестоматию «Памятники книгопечатания», в которой были воспроизведены в переводе на латынь 44 работы, трактовавшие историю книгопечатания [27]. Многие из них носили характер источника. Первые издания этих работ очень редки и в настоящее время практически недоступны для исследователей. Поэтому и сегодня хрестоматия Вольфа — настольная книга каждого гутенберговеда.

В противовес этим публикациям голландский юрист Герхард Мееман (1722—1771) выпустил в 1765 г. двухтомный труд «Происхождение типографии», на страницах которого отстаивал приоритет Костера [28]. Несправедливость этих притязаний хорошо показал лейпцигский типограф Иоганн Готлоб Имануэль Брайткопф (1719—1794). Превосходно знавший полиграфическую технику, он сумел профессионально и компетентно подойти к сложному и запутанному вопросу. Брайткопф задумал создать капитальную «Историю изобретения книгопечатания», но повседневные практические дела руководимой им крупной издательско-полиграфической фирмы оставляли мало времени для научных занятий. В свет вышли лишь отдельные фрагменты в полном виде никогда не законченной работы: «Сообщение о гравировании пунсонов и литье шрифта», «Опыт исследования происхождения игральных карт, введения льняной бумаги и начала гравирования по дереву в Европе» и, наконец, «К истории изобретения книгопечатания» (Лейпциг, 1779) [29]. На страницах последней работы были проанализированы три новые претензии на честь считаться изобретателем книгопечатания. Само возникновение этих претензий говорило о том, насколько далек был XVIII в. от точного и документально подтвержденного знания об обстоятельствах возникновения типографского станка.

Новое слово в гутенберговедении было сказано в XIX в., когда историко-книговедческое знание становится самостоятельной научной дисциплиной. Появляются первые достаточно обстоятельные труды, посвященные всеобщей истории книгопечатания. На их страницах мы встречаем сравнительно подробные очерки об изобретении книгопечатания. Назовем прежде всего выпущенную в 1840 г. в Лейпциге к 400-лет-

нему юбилею «Историю книгопечатания в его возникновении и развитии» Карла Константина Фалькенштайна (1801—1855) [30].

В дальнейшем появляются «История книгопечатания» (Париж, 1854) француза Поля Франсуа Дюпона (1796—1879), превосходно документированное двухтомное «Руководство по истории книгопечатания» (Лейпциг, 1882—1883) немецкого книготорговца Карла Беренда Лорка (1814—1905) и, наконец, роскошно изданная «Иллюстрированная история книгопечатания» (Вена, 1882) австрийского профессора Карла Фаульмана (1835—1894) [31]. Следует назвать и первую русскую «Иллюстрированную историю книгопечатания и типографского искусства», составленную Ф. И. Булгаковым (1852—1908) и выпущенную в свет в Петербурге в 1889 г.

Едва ли не крупнейшее достижение гутенберговедения XIX в.— труды голландского историка Антония ван дер Линде (1833—1897). Вопросом о возникновении книгопечатания в Европе он занялся, имея перед собой четкую и недвусмысленно сформулированную цель — доказать приоритет Лауренса Костера. Однако изучение материала привело его к противоположным выводам. В 1878 г. Линде выпустил в свет монографию «Гутенберг. История и вымысел», три четверти которой занимал раздел «Заблуждения, сказки и фальсификации» [32]. Особенно подробно анализировались материалы, послужившие основой для утверждений о приоритете Костера. Монография была превосходно документирована. В приложении к ней были опубликованы тексты 17 архивных источников о жизни и деятельности Гутенберга.

Вершиной исследовательской деятельности Линде стал трехтомный труд «История изобретения книгопечатания» (Берлин, 1886) [33], который и по сей день остается непревзойденным с фактографической точки зрения. В нем Линде собрал почти исчерпывающую для своего времени литературу вопроса (1099 названий), хотя и не систематизировал ее. Он опубликовал тексты 90 ранних свидетельств о зарождении книгопечатания в Европе, полностью воспроизвел все известные к тому времени документы. Линде положил начало тщательному учету всех сохранившихся экземпляров первопечатных изданий. Так, 42-строчная Библия была известна ему в 30 экземплярах,

каждый из которых он описал как можно более подробно.

После трудов Линде костеровский вопрос окончательно отошел в область легенд. Для самого же автора его научная деятельность обернулась серьезными неприятностями. Соотечественники обвинили его в отсутствии патриотизма и заставили покинуть Голландию.

Критику источников, столь блестяще примененную Линде к вопросу о приоритете Лауренса Костера, некоторые современники голландского историка распространили и на актовую документацию, относящуюся к жизни и деятельности Иоганна Гутенберга. Надо сказать, что долгий путь гутенберговедения омрачен немалым количеством мистификаций и подлогов, которыми занимались на первый взгляд вполне серьезные и солидные ученые. Добавим, что большинство документальных источников о жизни и деятельности Иоганна Гутенберга дошли до нас в поздних копиях. Доказать сейчас их подлинность затруднительно, если не невозможно.

Нашлись скептики, которые подвергли сомнению основательность возведенного с таким трудом здания гутенберговедения.

Карл Фаульман, автор широко известной в свое время и уже упоминавшейся нами «Иллюстрированной истории книгопечатания», выпустил в 1891 г. книгу «Изобретение книгопечатания в свете новейших исследований» [34]. На ее страницах он собрал многочисленные примеры подделок гутенберговских документов. Выводы Фаульмана были неутешительны: он сомневался в подлинности почти всех документальных свидетельств о жизни и деятельности Иоганна Гутенберга или заявлял, что они повествуют совсем о других людях, носивших то же имя. «Легенда о Гутенберге» — такой формулой подытожил Фаульман свои наблюдения.

Взгляды Фаульмана в дальнейшем развивал англичанин Джон Генри Хесселс, опубликовавший в 1901 г. статью под красноречивым названием «Так называемые гутенберговские документы», а впоследствии и книгу с не менее красноречивым названием — «Гутенберговская фикция» [35].

Высказывания скептиков были встречены почти единодушным осуждением со стороны гутенбергове-

дов. В основательных и документированных рецензиях-отповедях была показана ошибочность построений Фаульмана и Хессельса.

В преодолении скептицизма решающую роль сыграли источниковедческие исследования. Источниковедение — мощное оружие исторической науки, но об этом подчас забывают. Точное знание документов дает историку точку опоры, с помощью которой он, подобно Архимеду, может перевернуть мир.

Одной из таких работ стала появившаяся в 1900 г. публикация Карла Шорбаха (1851—1939) «Документальные известия о Иоганне Гутенберге» — свод архивных материалов, повествующих о жизни и деятельности изобретателя книгопечатания [36]. Свод этот, дополненный последующими публикациями, стал основным источником-пособием для многих поколений гутенберговедов.

Важнейшим источником для истории книжного дела служат сами книги. Сводный каталог всех сохранившихся экземпляров первопечатных изданий составил в 1911 г. Сеймур де Риччи (1881 — после 1942). На его страницах дано подробное описание книг, изданных в 1445—1467 гг.[37]

Конец XIX — начало XX в. в гутенберговедении ознаменованы повышенным интересом к отдельным первопечатным изданиям, к кропотливому и углубленному их изучению. Особенно тщательно штудировались шрифты этих книг. Была разработана хорошо продуманная методика исследования шрифтов, причем в качестве конечной задачи ставились определение места и времени выхода в свет изданий, лишенных выходных данных. В первом варианте такую методику создал сотрудник Королевской библиотеки в Гааге Иоганн Виллем Холтроп и английский книговед Генри Бредшоу (1831—1886). Методика была применена к анализу голландских первопечатных изданий. В дальнейшем ее значительно усовершенствовали библиотекарь Британского музея Роберт Проктор (1868—1903) и прославленный немецкий книговед Конрад Хеблер (1857—1946).

Знакомясь с гутенберговедческими штудиями начала XX в., удивляешься тщательности, с которой они были выполнены. Казалось, ни одно, даже самое наименьшее изменение типографских знаков, незначительнейшие отличия штрихов не были пропущены.

По характеру набора научились определять «почерк» наборщика. По небольшим фрагментам устанавливали общий объем издания.

Большое значение имела активная деятельность группы исследователей, которые применили к первопечатным изданиям так называемый типологический метод, или метод Проктора—Хеблера, доведя его до совершенства. В этой связи следует назвать имена Карла Дзяцко, Пауля Швенке, Готфрида Цедлера, Отто Хуппа.

Карл Дзяцко (1842—1903), сотрудник ряда университетских библиотек и профессор библиотековедения в Геттингенском университете, оставил память в гутенберговедении превосходным сравнительным исследованием 36- и 42-строчной Библий, результатом которого стало утверждение о том, что первое из этих изданий печаталось после второго[38]. Дзяцко осуществил ряд важнейших источниковедческих штудий; ему принадлежит, в частности, вторичное «открытие» и тщательное изучение Хельмаспергеровского нотариального акта.

Ученик Дзяцко Пауль Швенке (1853—1921) начинал свою деятельность в университетских библиотеках, а впоследствии стал директором Королевской библиотеки в Берлине. Он — автор многочисленных исследований, посвященных отдельным первопечатным изданиям — учебникам латинской этимологии — Донатам, так называемому «Турецкому календарю» 1454 г., «Турецкой булле» папы Каликста III (1456 г.), 36-строчной Библии[39]. Особенно подробно им была изучена 42-строчная «Библия» Иоганна Гутенберга. В 1913 г. Швенке подготовил факсимильное издание этого замечательного памятника, которое было осуществлено лейпцигским издательством «Инзель»[40]. В 1923 г. был выпущен «завершающий том» издания, который содержал комплекс исследований Швенке, посвященных 42-строчной Библии.

Готфрид Цедлер (1860—1945) впервые описал ряд изданий, выполненных наиболее примитивным первопечатным шрифтом. Изучал он и голландские первопечатные издания. В 1921 г. он опубликовал в Лейпциге капитальную монографию «От Костера к Гутенбергу. Ранние голландские издания и изобретение книгопечатания»[41], на страницах которой оспаривал приоритет Гутенберга. В кругах немецких книговедов

монография произвела впечатление разорвавшейся бомбы. История с Линде повторилась — теперь уже на немецкой почве. В обстановке националистического угара, охватившего Германию после первой мировой войны, Цедлера обвиняли чуть ли не в отсутствии патриотизма, хотя основной его тезис вроде бы не оспаривал немецкого вклада в великое изобретение. Цедлер считал, что еще до Гутенберга в Голландии разрабатывался примитивный способ печатания с наборной формы, причем форма эта изготовлялась из отдельных литер, отлитых не с помощью словолитного инструмента, а путем литья в земляную опоку. Что же касается немецкого изобретателя, то он значительно усовершенствовал голландский способ.

В становлении гутенберговедения как специальной отрасли историко-книжного знания большую роль сыграли созданный в 1900 г. в Майнце Гутенберговский музей и основанное при нем год спустя Гутенберговское общество [42]. В 1902—1934 гг. общество выпустило 23 тома «Публикаций» [43], на страницах которых увидели свет многие важнейшие труды по истории раннего этапа развития книгопечатания. Исследовательская деятельность Общества значительно активизировалась после того, как его возглавил (в 1920 г.) профессор Алоиз Руппель. По инициативе Руппеля в 1925 г. к 25-летию Общества было выпущено «праздничное издание» «Гутенберг-Фестшрифт», в котором помещено 76 статей авторов из 19 стран мира [44]. Среди них были и представители молодого советского книжного дела — А. А. Сидоров и Л. М. Лисицкий.

Успех «праздничного издания» побудил Общество начать выпуск «Гутенберговского ежегодника», ставшего вскоре одним из наиболее авторитетных продолжающихся изданий по вопросам книжного дела [45]. Бессменным редактором ежегодника в 1926—1969 гг. был А. Руппель. Под его руководством в 1926 г. было начато издание серии «Маленькие издания Гутенберговского общества» [46]. В ее рамках в 1926—1976 гг. было выпущено 99 небольших монографий и научно-популярных работ, посвященных преимущественно проблематике раннего книгопечатания.

Личный вклад А. Руппеля на алтарь гутенберговедения включает 45 книг и около 300 статей. Наибольшую известность получила монография «Иоганн Гутенберг. Его жизнь и его дело», выпущенная впер-

вые в 1939 г., переизданная в дополненном и переработанном виде в 1947 г. и репродуцированная в 1967 г.[47] Монография как бы подводила итоги достижения гутенберговедения в первой половине XX в. Ее значительный недостаток — почти полное отсутствие научного аппарата. На соответствующие упреки критиков А. Руппель в предисловии ко 2-му изданию монографии ответил лишь раздраженной фразой: «Куда это приведет, если я захочу документировать всю чушь, которая написана о Гутенберге!»

Привело же это к тому, что при великом обилии всевозможных публикаций в нашем распоряжении по сей день нет подлинно научной монографии о жизни и деятельности Иоганна Гутенберга, в которой бы возникновение книгопечатания в Европе было рассмотрено во всем обилии связей и аспектов.

В 40—60-е годы XX в. в гутенберговедение пришло новое поколение историков. Его представляли хорошо уже известные исследователи: Рудольф Блюм, Карл Вемер, Ганс Видман, Фердинанд Гельднер, Теодор Герарди, Адольф Дреслер, Альберт Капр, Северин Корстен, Ганс Люльфинг, Гельмут Прессер, Гельмут Розенфельд, Аллан Стивенсон, Фридрих Адольф Шмидт-Кюнземюллер, Отто В. Фурман, Рудольф Юххоф[48].

Нельзя не сказать и об успехах молодого советского гутенберговедения, первые шаги которого восходят еще к довоенному времени. В советских книгохранилищах нашлись фрагменты первопечатных изданий. Еще в 1926 г. А. И. Малеин (1869—1931) описал отдельные листы из учебников латинской этимологии, так называемых Донатов, найденные в библиотеке Академии наук в Ленинграде[49]. В 1937 г. Б. И. Зданевич (1886—1966) отыскал в Киеве, казалось бы, совсем немыслимое — неизвестное до той поры издание Иоганна Гутенберга «Провинциале Романум»[50]. Десять лет спустя, в апреле 1947 г., В. С. Люблинский (1903—1968) обнаружил в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина фрагмент редчайшей 36-строчной Библии[51]. Трудно переоценить значение капитальной публикации Н. П. Киселева (1884—1965), который ввел в оборот науки сведения о древнейших памятниках печати Германии и Голландии[52].

В 1940 г. в нашей стране был торжественно отме-

чен 500-летний юбилей книгопечатания [53], а в 1968 г.— 500-летие со дня кончины Иоганна Гутенберга [54]. Памятником последнего юбилея остался коллективный труд «Пятьсот лет после Гутенберга» (М.: Наука, 1968), в создании которого принимали участие Н. В. Варбанец, Э. В. Зилинг, В. С. Люблинский, Е. С. Лихтенштейн, А. И. Маркушевич, А. А. Сидоров и другие известные советские книговеды.

Подступом к монографической разработке вопроса явились научно-популярный труд В. С. Люблинского «На заре книгопечатания» (Л.: Учпедгиз, 1959), а также диссертации Н. В. Варбанец (1916—1987) и Э. В. Зилинг [55].

Значительным достижением советского книговедения нужно признать труд Н. В. Варбанец «Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе: Опыт нового прочтения материала» (М.: Книга, 1980). Советская исследовательница уделила много внимания социально-экономическим предпосылкам возникновения типографского станка. Ее своеобразный взгляд, так сказать, «со стороны», на существо проблемы, независимость от западноевропейских стереотипов мышления позволяют считать этот труд новым словом в гутенберговедении. Несколько портит впечатление определенный субъективизм, а также тот факт, что книга Н. В. Варбанец не документирована: в ней нет библиографических отсылок. Но сочный и образный язык делает труд доступным для массового читателя.

Зарубежные книговеды в последние годы вроде бы отказались от большинства с таким трудом завоеванных позиций. Это прежде всего относится к атрибуции первопечатных изданий. В XIX в. были найдены многочисленные фрагменты учебников — Донатов, всевозможных календарей, индульгенций, которые считали первыми опытами Гутенберга, восходящими к 40-м годам XV в. Ныне утверждают, что все эти издания более позднего происхождения и что напечатал их работавший одновременно с Гутенбергом неизвестный нам по имени мастер. В трудах последних лет Иоганн Гутенберг представлен автором чуть ли не единственного шедевра — 42-строчной Библии [56]. Парадоксальность этих построений заставила многих историков говорить о глубоком кризисе современного гутенберговедения.

Выход из кризиса, как нам представляется, один —

тщательная, основанная на современных методах критика источников и основательная историографическая проработка проблемы. Чтобы идти дальше, современному гутенберговедению необходимо оглянуться назад и подытожить то, что было найдено и достигнуто в прошедшие годы. Иначе говоря, источниковедение и историография представляются нам генеральным путем развития штудий в области гутенберговского вопроса на ближайшие десятилетия.

Определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Большие надежды возлагают на исследование первопечатных изданий новейшими методами, например с помощью протонных миллипроб [57]. Этим способом, возможно, удастся совершенно точно атрибутировать Иоганну Гутенбергу вполне определенные издания.

Успешными были и последние филигранологические исследования. Алан Стивенсон, Теодор Герарди, Ева Цише, Дирк Шнитгер использовали для изучения бумаги первопечатных изданий новейшие электронно-рентгенографические методы [58]. Благодаря этому удалось, например, доказать более позднее происхождение Миссала специального или тот примечательный факт, что «Католикон» 1460 г. по крайней мере дважды перепечатывался уже после смерти Иоганна Гутенберга.

Новая полиграфическая техника использована для выпуска высококачественных факсимиле первопечатных изданий [59], снабженных тщательно подготовленным комментарием. Среди них выпущенное в 1979 г. факсимиле 42-строчной Библии, которое сопровождает «том комментариев», представляющий собой углубленное коллективное исследование проблемы [60]. Говоря об историографии вопроса, нужно назвать вышедший в 1972 г. под редакцией Ганса Видмана труд «Современное состояние гутенберговских исследований», содержащий много ценного и интересного [61].

Немалых успехов в последние годы добились исследователи ГДР. В 1983—1987 гг. на страницах журнала «Центральблатт фюр Библиотексвезен» началась публикация (еще не законченная) серии статей Леонгарда Гоффмана «Гутенберг, Фуст и первое издание Библии» [62]. Свежий взгляд на вещи, привлечение новейших источников позволили ученому прояснить некоторые загадочные моменты в жизни и деятельности изобретателя книгопечатания. Достойным завершени-

ем многолетних исследований Альберта Капра стала его научно-популярная монография «Иоганн Гутенберг. Личность и труд», вышедшая в 1986 г.[63] Необходимо назвать и капитальный труд Хорста Кунце «История книжной иллюстрации в Германии. XV столетие»[64], в котором немало интересных страниц посвящено Гутенбергу и его ученикам.

В заключение — несколько слов о нашей монографии. Автор этих строк не претендует на критическую источниковедческую проработку вопроса. Для этого нужно прежде всего тщательно изучить все или почти все сохранившиеся экземпляры первопечатных изданий, находящиеся в библиотеках многих стран мира. Для сколько-нибудь подробного изложения историографии у автора попросту не было места, ибо объем монографии ограничен.

Цель книги — документированное изложение жизни и деятельности изобретателя книгопечатания. В соответствии с профилем научно-биографической серии АН СССР основное внимание автор уделил техническим аспектам темы, по сей день еще очень плохо изученным. Завершает книгу краткий очерк истории полиграфической техники от XV в. и до наших дней.

Жизнь и деятельность

Карта Германии XV в. похожа на лоскутное одеяло. На пестром фоне герцогств, графств, ландграфств, маркграфств, курфюршеств словно заплаты раскиданы церковные земли и владения имперских городов. Все эти карликовые государства обладали относительной, а чаще почти полной самостоятельностью. Формально объединявшая их Священная Римская империя германской нации реального государственного образования не представляла. Императоры обладали лишь номинальной властью. Сидевшие на престоле Габсбурги и сменившие их в 1308 г. Люксембурги больше всего заботились о том, чтобы расширять собственные наследственные владения.

Император Карл IV, занимавший престол Священной Римской империи в 1346—1378 гг., издал в 1356 г. так называемую Золотую буллу. По словам Карла Маркса, это был «основной закон немецкого многовластия» [1], признававший полную самостоятельность светских и церковных феодалов. Император во многом зависел от избиравшей его коллегии курфюрстов, в которую входили король чешский, герцог саксонский, маркграф бранденбургский, пфальцграф рейнский и три архиепископа — майнцский, кельнский и трирский.

Еще меньшей властью, чем Карл IV, обладал его сын Венцеслав, в годы правления которого, возможно, увидел свет Иоганн Гутенберг, будущий изобретатель книгопечатания (точная дата его рождения неизвестна). В 1400 г. курфюрсты заставили Венцеслава уйти с престола. Императором избрали пфальцграфа рейнского Рупрехта, а после его смерти — младшего брата Венцеслава Сигизмунда, правившего с 1411 по 1437 г.

Затем корона снова переходит в руки Габсбургов. Первый из них — Фридрих III — занимал престол в течение долгих 53 лет — с 1440 по 1493 г. В это время было изобретено и делало свои первые успехи книгопечатание. Историки изображают Фридриха совершенно бесцветной личностью. Может быть, потому, что он не-

навидел войну, которая в ту пору считалась великой доблестью для государя. Успехи тихой дипломатии общественное мнение высоко не ставило. «Можно только удивляться,— писал в 1536 г. гуманист Себастьян Франк (1499—1542),— что в течение долгого, продолжавшегося 53 года правления Фридриха III о нем почти ничего не было написано. Был же он мудрым властителем, настоящим миролюбивым Соломоном, который хорошо правил и предпочитал мир войне. Он не воевал, поэтому историки и не уделяют ему внимания» [2].

Назвать это время миролюбивым конечно же нельзя. Стычки между феодалами, подчас ожесточенные и кровопролитные, продолжались. Империю сотрясали гуситские войны. Но больших войн, подобных, например, Столетней, которую с 1337 по 1453 г. вели Англия и Франция, не было.

Мир способствовал экономическому и культурному процветанию. Поэт и гуманист Энеа Сильвио Пикколомини (1405—1464), впоследствии ставший папой Пием II, писал: «Мы говорим прямо, Германия никогда не была более богатой, более блестящей, чем теперь. Немецкий народ по величию и силе стоит впереди всех других, и можно действительно сказать, что нет народа, которому бы бог оказал столько милостей, как немецкому. Повсюду в Германии видим мы обработанные нивы, поля, засеянные хлебом, виноградники, цветники и огороды по селам и в предместьях, повсюду красивые здания, изящные виллы, замки на горах, города, окруженные стенами. Если мы пройдем по самым замечательным из этих городов, мы ясно увидим богатство этого народа, красоты этой страны» [3].

Мир и экономическое благосостояние конечно же способствовали возникновению книгопечатания. Мы не можем согласиться с Н. В. Варбанец, которая недавно выразила удивление, что «начало книгопечатания было положено не в Италии, переживавшей в ту пору расцвет своих городов и своего Возрождения, а в Германии, где города не первенствовали и для которой рядом историков если не вообще, то в первой половине XV в. Возрождение отрицается» [4].

Ничто в мире не происходит случайно. Закономерным было и появление типографского станка в середине XV в. именно в Германии.

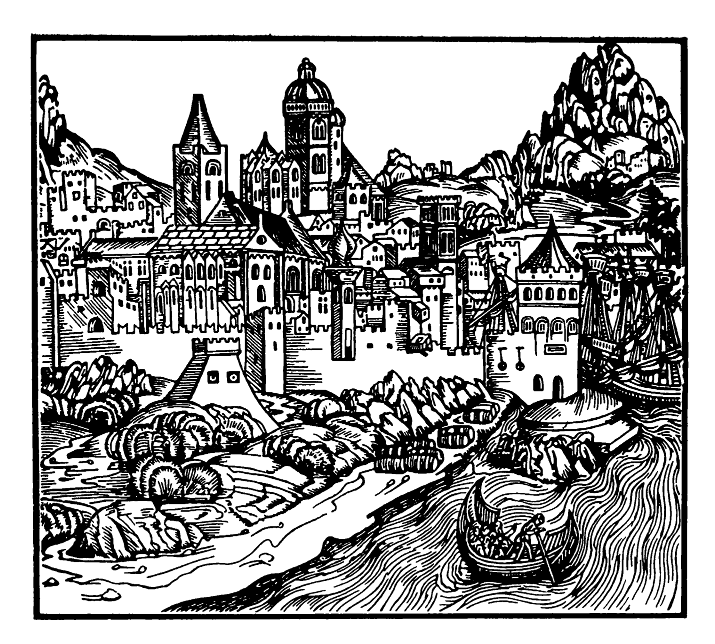
Создание первых типографий было делом частной

инициативы. Церковь, которая в средние века простирала предостерегающую, ограничивающую, а подчас карающую длань над всеми культурными начинаниями, в ту пору была ослаблена ересями и внутренними раздорами. С 1378 по 1409 г., в детские годы Иоганна Гутенберга, во главе римской курии стояли два враждовавших между собой папы — один из них жил в Риме, а второй — в Авиньоне. Чтобы найти выход из этого скандального положения церковники собрали в 1409 г. собор в Пизе, но, по словам Карла Маркса, «он не привел ни к каким результатам, так как эти ослы избрали еще третьего папу» [5].

Главную опасность для церкви представляло революционное движение крестьянства и городской бедноты, которое в ту пору с необходимостью приобретало национально-религиозную окраску. Профессор Пражского университета Ян Гус (1369—1415) поднял в Чехии знамя освободительного движения. По приговору Констанцского собора, заседавшего с 1414 по 1418 г., он был сожжен на костре, хотя император Сигизмунд, участвовавший в соборе, гарантировал ему неприкосновенность. «Этот жалкий паразит, тунеядец, попрошайка, кутила, пьяница, шут, трус и фигляр»,— так характеризует Карл Маркс Сигизмунда— подобно Понтию Пилату «умыл руки». В 1416 г., через год после сожжения Гуса, погиб его соратник Иероним Пражский.

Пламя этих костров перебросилось на Чехию, по стране прокатилась волна крестьянских восстаний. Страх перед гуситами, которые, как утверждали в Германии, сожгли 100 городов и 1500 деревень, охватил немецких бюргеров. В 1427 г. родной город Гутенберга — Майнц в спешном порядке обновлял крепостные укрепления, опасаясь осады гуситов.

Все это привело к тому, что церковники «просмотрели» книгопечатание. Печатавший преимущественно религиозные сочинения, типографский станок тем не менее подтачивал могущество римской курии. Это с очевидностью стало ясно 60—70 лет спустя. «Шестнадцатый век окончательно сокрушает единство церкви,— утверждал Виктор Гюго.— До книгопечатания Реформация была бы лишь расколом; книгопечатание превратило ее в революцию. Уничтожьте печатный станок — и ересь обессилена. По предопределению ли свыше, или по воле рока, но Гутенберг является предтечей Лютера» [6].

Майнц
С гравюры 1493 г.

Правильной оценке пропагандистской мощи типографского станка помогла и угроза извне. В Европе еще жива была память о нашествии гуннов. Знали здесь и о монголо-татарском иге, которое в течение многих столетий давило на Русь. Страх перед «опасностью с Востока» пробудился с новой силой, после того как в 1453 г. турки заняли Константинополь. Новое искусство — книгопечатание — сразу же было поставлено на службу антитурецкой пропаганде. Среди первых произведений типографского станка — антитурецкие буллы римских пап, листовки, индульгенции, средства от продажи которых шли на организацию военного отпора туркам.

Книгопечатание — детище городской культуры. Город, с которым связаны его первые уверенные шаги, лежал на левом берегу Рейна, напротив места, где в него впадает Майн. По реке он и был назван Майнцем. Люди здесь начали селиться еще в эпоху неолита. В V в. до н. э. неподалеку от устья Майнца было кельтское поселение, три столетия спустя — стан древ-

них германцев. В начале нашей эры римляне основали здесь вооруженный лагерь, ставший административным центром провинции Германия. С 746 г. Майнц — резиденция архиепископов.

Жизнь города во многом определялась судоходством по Рейну — «главной улице» германских земель, которая вела из Швейцарии в Нидерланды. В 1257 г. Арнольд дем Вальподен провозгласил в Майнце Союз прирейнских городов, ставший бастионом борьбы против феодальных междоусобиц.

«Городской воздух делает свободным»,— гласит немецкая поговорка. Крепостной крестьянин, бежавший в город и сумевший прожить здесь один год и еще один день, становился вольным человеком. Городское ремесло не испытывало недостатка в рабочей силе. Это важное обстоятельство способствовало развитию книгопечатания.

В 1244 г. Майнц получил самоуправление, стал «свободным» городом. Утерял он свободу в 1462 г. при драматических обстоятельствах, во многом изменивших жизнь Иоганна Гутенберга.

В XV в. Майнц не был большим поселением; здесь насчитывалось не более 6 тыс. жителей. Жизнь каждого была на виду у всех. Почти все горожане хорошо знали друг друга. Самым крупным германским городом в ту пору считался Кёльн, население которого превысило 35 тыс. человек. В Любеке, Магдебурге, Нюрнберге и Ульме насчитывалось до 20 тыс. жителей. Городов же с населением от 2 до 10 тыс. было не менее 200.

Население Майнца и других немецких городов в ту пору не было однородным. Между различными социальными группами шла жестокая борьба. Большую часть жителей составляли ремесленники, трудом которых из десятилетия в десятилетие и из столетия в столетие ковались слава и мощь немецкого города. Еще в XI в. ремесленники начали объединяться в цехи, позволявшие им отстаивать свои интересы и совместно решать актуальные проблемы. «Необходимость объединиться против объединенного разбойничьего дворянства,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— потребность в общих рыночных помещениях в период, когда промышленник был одновременно и купцом, рост конкуренции со стороны беглых крепостных, которые стекались в расцветавшие города, феодальная структура

всей страны — все это породило цехи...» [7] Цехи сыграли определяющую роль в борьбе за освобождение городов от так называемой сеньериальной — княжеской или епископской власти и достижении ими относительной самостоятельности.

Городское население расслаивалось, и из него выделился привилегированный слой, который первоначально называли «лучшими бюргерами», а затем патрициатом [8]. Капитал, сколоченный патрицианскими родами на протяжении нескольких поколений, дал им возможность перейти к крупным торговым операциям. Не брезговали они и ростовщичеством, хотя это категорически запрещалось, давали деньги в рост. Первоначальная связь с производством была постепенно утеряна. Патриции захватили власть во многих городах и стали использовать ее в интересах своей прослойки.

В соответствии с декретом архиепископа Зигфрида III, предоставившего в 1244 г. Майнцу самоуправление, горожане избирали магистрат из 24 человек. Входили в него первоначально одни патриции. Архиепископ сохранил за собой право назначать городской суд, чеканить монету, получать определенный налог с имущества горожан. Рыцари, жившие в городе, и евреи не подчинялись магистрату; они подлежали юрисдикции архиепископа.

Патрициям были предоставлены определенные преимущества — так называемые «три права»: право на службу, позволявшее им получать имения и должности от императора, архиепископа и других сюзеренов; исключительное право на торговлю сукном и шерстью; право на размен монеты и поставку серебра для ее чеканки. Патриции были свободны и от цеховых установлений.

Рост самосознания ремесленников породил цеховые восстания, направленные против патрициата. В XIV—XV вв. такие восстания прокатились по всем германским государствам. Во многих городах цехи одержали победу и пришли к власти. В 1368 г. такой переворот произошел в Аугсбурге, в 1396 г.— в Кёльне. Брожение цехов сотрясало и Майнц. Здесь цехам удалось добиться успеха в 1332 г. Произошло это при таких обстоятельствах. Горожане враждовали с расположенными неподалеку монастырями. Во время вылазки за городские стены они разграбили и разрушили одну обитель. Монахи обратились с жалобой к императору; тот

наложил на Майнц большой штраф и обязал горожан восстановить монастырь. Когда магистрат попросил цехи внести долю в расходы, ремесленники поставили условием свое участие в управлении. Патриции на первых порах категорически возражали, 129 из них покинули город. Эта была своеобразная форма давления. Выступая против господства патрициев, цехи, однако, были заинтересованы в развитии торговли, которая находилась в руках богатейших бюргеров. Налоги, уплачиваемые патрициями, служили щедрым источником пополнения городской кассы.

В 1332 г. патриции уступили. В Майнце были созданы как бы два магистрата, пользовавшиеся равными правами. В одном из них заседали 29 патрициев, в другом — 29 представителей цехов. Так продолжалось до 1411 г., когда перемирие между цехами и зажиточными бюргерами было нарушено. События эти, как мы узнаем позже, существенно повлияли на судьбу Иоганна Гутенберга.

В городах Германии, да и других стран Европы, складывается культурная жизнь, оппозиционная церковно-феодальной и рыцарской культуре. Ее центрами становятся университеты. Старейшие из них — Болонский и Парижский — существовали уже в XII в. В 1347 г. Карл IV основал университет в Праге — первый в пределах Священной Римской империи германской нации. Во времена Гутенберга здесь учились 15 тыс. студентов, к концу столетия их число достигло 30 тыс. Высшие школы появляются в 1386 г. в Гейдельберге, в 1388 г. в Кёльне, в 1392 г. в Эрфурте. Эрфуртский университет стал альма матер для многих типографов XV в. Недавно была выдвинута гипотеза о том, что здесь учился и Иоганн Гутенберг. В годы жизни великого изобретателя были основаны университеты в Вюрцбурге (1402 г.), Лейпциге (1409 г.), Ростоке (1419 г.), Лёвене (1426 г.), Фрайбурге (1457 г.), Грейфсвальде (1459 г.). Университет в Майнце появился уже после смерти Гутенберга — в 1476 г. Любопытно, что расположен он был в зданиях, в которых, как утверждали, родился и умер изобретатель книгопечатания.

Кроме высшей школы в ту пору существовали и начальные, работавшие при монастырях и церковных общинах. Основывали их и городские магистраты. В школах учили читать, писать, считать, петь. Школя-

ры осваивали здесь основы латыни — общепризнанного языка пауки, на котором велось преподавание в университетах.

Много сделало для распространения просвещения Братство общей жизни, основанное проповедником Геерхардом де Грооте в 1383 г. в Девентере (Нидерланды). Отделения Братства вскоре возникли во многих городах Германии. «Братья» одинаково одевались, вели общее хозяйство, переписывали книги. В их общинах существовали и школы.

Для школ и университетов нужны были книги, учебные пособия. Тогда еще никто не задумывался об их «стабильности». Но какое-то единообразие все же требовалось. Дать его могло только механическое репродуцирование текстов. Спрос па учебную литературу увеличивался с каждым годом, и рукописные мастерские пе могли удовлетворить его. Этот спрос и стал одной из побудительных причин возникновения книгопечатания. Иоганн Гутенберг, да и многие другие типографы, начинали свою деятельность изданием учебных пособий по классической латинской грамматике — Донатов.

Книгопечатание во многих отношениях было детищем того явления культурной и общественной жизни, которое известно под названием Ренессанса, или Возрождения. Возникнув в Италии на рубеже XIII и XIV вв., оно вскоре распространилось и на другие страны Европы. В противовес феодальному аскетизму деятели эпохи Возрождения заявляли о своем интересе к человеку, провозглашали веру в его безграничное могущество. Их и называли гуманистами — от латинского слова «humanus», что значит «человеческий».

Иоганн Гутенберг, человек, создавший книгопечатание, конечно же, не был полуграмотным ремесленником. Веяния эпохи были известны, близки и понятны ему. Он, как и мы сегодня, восхищался лирикой Франческо Петрарки (1304—1374), с благоговением воспринимал эпическую мощь «Божественной комедии» Данте Алигьери (1265—1321), следил за хитросплетениями сюжетов новелл Джованни Боккаччо (1313—1375). Немецкая литература его времени еще мало могла предложить гуманистическому складу ума. Изящная поэзия миннезингеров, и прежде всего Вальтера фон дер Фогельвейде (ок. 1170—1230), при всей своей привлекательности для немца и патриота своей отчизны

все же была делом прошлого. Рифмованные хроники, шванки, фастнахшпили, «народные» романы типа «Прекрасной Мелузины» были рассчитаны на непритязательного читателя, а нам хочется верить, что Гутенберг таким не был.

Иначе обстояло дело в изобразительном искусстве и особенно в архитектуре. Величественные, устремленные к небу соборы, строгие ратуши, подавлявшие своей грандиозностью замки воздвигались по всей Германии. Более 12 лет Гутенберг прожил в Страсбурге. Изо дня в день он мог наблюдать, как поднималась башня собора. Это знаменитое сооружение, казалось, строилось и перестраивалось целую вечность. Для завершения строительства в 1399 г. призвали архитектора Ульриха фон Энзипгена, который незадолго перед тем возвел собор в Ульме. Знаменитый мастер решил увенчать Страсбургский собор высокой восьмиугольной башней. В 1419 г. он умер; заканчивал работу Иоганн Гюльтц из Кёльна. В 1439 г. башня наконец-то освободилась от лесов, взметнувшись вверх на 142 м. Вплоть до XIX в. Страсбургский собор был самым высоким церковным зданием Европы.

Круг творческой интеллигенции в Страсбурге тех лет был достаточно узким. Поэтому вряд ли будет ошибкой сказать, что Иоганн Гутенберг был знаком с Иоганном Гюльтцем и, конечно же, присутствовал на празднествах, посвященных завершению строительства собора.

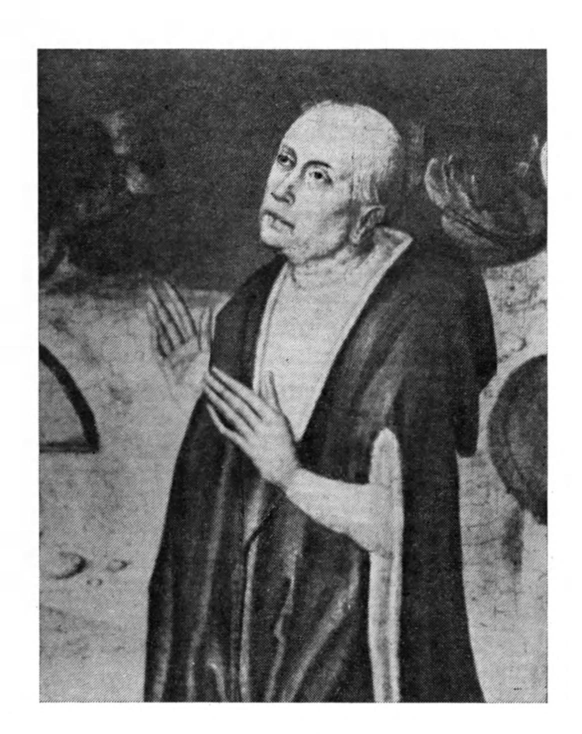
С первых же шагов гуманизм был неразрывно связан с книгой. Новые веяния проникают во дворцы сильных мира сего. Полновластный правитель Флоренции Козимо Медичи (1389—1464) приобрел около 800 рукописей, собранных гуманистом Никколо деи Никколи (1364—1437), и в 1441 г. основал при доминиканском монастыре св. Марка крупную публичную библиотеку, в которую вошли и другие собрания (среди них книги Д. Боккаччо). Над упорядочением этой библиотеки по просьбе Медичи работал гуманист Томмазо Парентучелли (1397—1445). Его собственное собрание книг, включающее 1200 томов, легло в основу другой знаменитой библиотеки — Ватиканской. Когда она была открыта, Томмазо знали уже под другим именем — папы Николая V. Так было на южных границах Священной Римской империи германской нации, а на восточных — колоссальную по тем временам биб-

лиотеку создал Матьяш Хуньяди (1443—1490) — король Венгрии Матвей Корвин [9].

Книжные собрания были и в Германии. Среди библиофилов гутенберговской эпохи назовем сына мозельского рыбака Николая Кребса (1401—1464), которого по его родному селению именовали Кузанским. Первичное образование он получил в Девентере, в школе Братства общей жизни, в которую 70 лет спустя пришел Эразм Роттердамский. Затем Николай Кузанский учился в Гейдельбергском и Падуанском университетах, а в 1424 г., получив степень доктора канонического права, вернулся на родину. По некоторым сведениям, юридическая карьера его начиналась в Майнце. Тогда-то он, как считает новейший историк и художник Альберт Капр, и познакомился с Иоганном Гутенбергом [10]. В дальнейшем в качестве папского легата, а с 1448 г. и кардинала Николай Кузанский неоднократно посещал Майнц. Его пребывание в этом рейнском городе зарегистрировано в период с 11 ноября 1444 г. по 6 января 1445 г., с 5 июня по 4 сентября 1446 г. и с 14 ноября по 10 декабря 1451 г. Как раз в эту пору в Майнце активно работала типография Иоганна Гутенберга. Ставший в последние годы жизни ближайшим советником папы Пия II, Николай Кузанский активно способствовал началу книгопечатания в Италии.

В библиотеке Николая Кузанского были труды по всем отраслям знания. Будучи по образованию юристом, а по «профессии» теологом, он интересовался математикой, медициной, географией, астрономией. Обаяние его личности не угасло и 100 лет спустя. «Кто в те времена мог сравниться с Альбертом Великим? — спрашивал Джордано Бруно (1548—1600).— Кто был равен Кузанцу — тем менее доступному, чем более великому? Если бы священническое одеяние не скрывало иногда его гения, я признал бы, что он не только равен Пифагору, но выше его...» [11]

В XV в. книга входила в быт, становилась обыденной и привычной, доступной более широким кругам обеспеченного населения. Больше того, она перестала считаться дорогостоящей редкостью. Небольшие частные библиотеки появились в домах профессоров, ученых, писателей. Увеличение спроса на книгу повысило требования к ее качеству. Едва ли не на первое место выдвигается проблема унификации и идентификации

Николай Кузанский
С портрета XV в.

текстов. Переписка книг от руки была первоосновой и первопричиной искажения текстов, их субъективного толкования. Бороться с этим могло только книгопечатание. Текст, размноженный в сотнях и тысячах совершенно идентичных экземпляров, становился нормой.

Надо, наконец, сказать и о материально-технических предпосылках для возникновения книгопечатания, которые зародились в недрах процветавшего в городах ремесленного производства. Развитие ремесла подготовило почву для типографского станка. А он, в свою очередь, способствовал совершенствованию производства. «Подъему ремесла,— утверждал Фридрих Энгельс,— значительно способствовал ряд более или менее важных изобретений, в истории которых наиболее блестящую страницу составили изобретение пороха и книгопечатания» [12].

Материальная культура средневековья изучена еще очень плохо. Поступательное движение человечества

по дороге технического прогресса с падением Римской империи конечно же замедлилось, но не остановилось, а тем более не было повернуто вспять. Основу могущества феодала создавало сельское хозяйство. Повышать его производительность и продуктивность одним лишь усилением и интенсификацией эксплуатации крестьянского труда можно было только до определенных пределов. Чтобы выжить в борьбе с феодальными соперниками, требовалось расширение сельскохозяйственного производства, совершенствование орудий земледелия. Путь к этому был один — замена деревянных орудий металлическими.

Ландграфы и бароны больше всего думали о золоте. Хитроумные алхимики, нашедшие приют в их замках, пытались отыскать философский камень, который бы без большого труда превращал железо в золото. Но реальную власть феодалу давало именно железо. Оно, по словам основоположников марксизма, «сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из известных тогда металлов» [13].

С каждым годом железа требовалось все больше и больше. Это привело к развитию горного дела и металлургии. Сыродутные горны с середины XIV в. постепенно уступили место доменным печам. Появились кричные горны, в которых получали сталь.

Цветные металлы использовали главным образом в быту и в литургической практике. Всевозможные сосуды, ступки, ведра, светильники в XIV—XV вв. отливали из олова. Этот легкоплавкий металл пригодился и при создании первых типографских шрифтов. Недостатка в олове не было. Один лишь оловянный рудник в Альтенберге давал начиная с 1458 г. от 5 до 6 тыс. ц чистого олова в год [14].

«Немецкие рудокопы являлись в XV веке самыми искусными в мире»,— утверждал Ф. Энгельс [15]. То же можно сказать о ювелирном мастерстве, которое подготовило почву для возникновения гравюры — первого в Европе полиграфического способа репродуцирования. Подробный разговор об этом пойдет ниже. Пока же отметим, что особенно прославлен в этой области был Майнц. В 1475 г. здесь трудились 29 ювелиров, а в значительно большем и влиятельном Нюрнберге —

всего 16. С ювелирным делом тесно связана чеканка монеты, технологический процесс которой во многом аналогичен процессу изготовления типографских шрифтов.

Печатный станок — детище прикладной механики. Среди механических производств, которые, по словам Энгельса, «доставили не только огромный материал для наблюдений, но также и совершенно иные, чем раньше, средства для экспериментирования и позволили сконструировать новые инструменты», названы ткачество, часовое дело и мельницы[16]. Майнц был знаком с этими производствами. Взять, например, часовое дело. У Гутенберга еще не было карманных часов — они появились в конце XV в., но он мог справляться о времени по городским часам Майнца. При магистрате этого города была должность часовщика, который получал еженедельно 10 шиллингов. На одной из башен старого Страсбургского собора еще в 1352 г. установили удивительные часы с астрономическими фигурами. Они продолжали поражать приезжих и во времена Гутенберга.

Важной материально-технической предпосылкой для возникновения книгопечатания стал дешевый материал, первоначально предназначенный для письма. Речь идет о бумаге, которую знали в Китае уже в самом начале новой эры. Из Китая новый материал проник в соседние страны — Корею и Японию. В VII в. началось великое и длительное путешествие бумаги на запад. Пленные китайские мастера, попавшие в Самарканд в VIII в., познакомили с бумагоделанием народы Средней Азии. Отсюда бумага попала на Ближний Восток, затем в Сицилию и через Испанию в другие страны Европы. В XIII в. первые бумажные мельницы были сооружены в северной Италии, примерно столетие спустя — во Франции. Германия в XIV в. использовала преимущественно итальянскую бумагу, лишь в 1390 г. нюрнбергский патриций Ульман Штромер впервые начал изготовлять бумагу на немецкой земле. Было это еще до рождения Иоганна Гутенберга.

Появление дешевого писчего материала в Германии непосредственно предшествует изобретению типографского станка. К середине XV в., т. е. к моменту создания первой типографии, на немецких землях работало не менее 10 бумажных мельниц. Ученые счита-

ют, что каждая мельница ежегодно давала не менее 1000 рисов бумаги. Рис равен 480 листам. Легко подсчитать, что к середине XV в. в Германии производилось порядка 10 тыс. рисов, или 480 тыс. листов, бумаги в год [17].

По тем временам это было немало. Городская канцелярия Нюрнберга в 1440 г. приобрела всего 4 риса бумаги. Другие магистраты расходовали еще меньше. Можно поэтому утверждать, что молодое типографское дело с первых же своих шагов не испытывало недостатка в бумаге.

Таковы вкратце социально-экономические и материально-технические предпосылки изобретения книгопечатания. Рассказ о жизни и деятельности Иоганна Гутенберга будет значительно длиннее.

Происхождение изобретателя. 17 ноября 1442 г. Иоганн Гутенберг взял взаймы у монастыря св. Фомы в Страсбурге 80 фунтов динаров. Деньги он получил под залог пожизненной ренты, выплачиваемой ему магистратом Майнца. Документ, подтверждающий сделку и скрепленный личной печатью изобретателя, хранился в архиве Страсбурга, но, к великому сожалению, погиб в 1870 г. во время пожара, вызванного артиллерийским обстрелом города. Однако до наших дней дошли многочисленные репродукции печати, в основе которых лежит рисунок, выполненный с оригинала страсбургским архивариусом Л. Шнеегансом [18].

На печати изображен герб семьи Гензфляйш, из которой происходил Иоганн Гутенберг. Мы видим горбатого пилигрима-нищего с клюкой в левой руке и чашкой для сбора подаяний — в правой. По краю печати — надпись: «S. Hans Gensfleisch dci. Gutenberg». Аналогичные изображения можно встретить на печатях предков и родственников изобретателя. В 1900 г. Г. Шенк цу Швайнсберг издал репродукции пяти таких печатей, относящихся ко времени с 1352 по 1468 г.[19] Опубликовал он и раскрашенное изображение герба, извлеченное им из книги вассалов Фридриха I Пфальцского, относящейся к 1461 г.

Есть и другие многокрасочные изображения герба, старейшее из них обнаружено в книге Братства св. Христофора, датируемой концом XIV в. Копии герба как в красках, так и черно-белые найдены в гербовых книгах XVI в.[20]

На цветных изображениях поле гербового щита за-

крашено красным. Одежда на пилигриме желтая. Желтый колпак плотно охватывает голову, оставляя открытым одно лишь лицо.

Рисунок герба не раз давал повод к различным гипотезам. Трактовали его по-разному. Некоторые исследователи видели на нем не горбатого пилигрима, а бродячего торговца, который несет на спине мешок с товаром, прикрытый плащом. Отсюда делался вывод о происхождении изобретателя книгопечатания из купеческого рода.

Герб Иоганна Гутенберга

Крупнейший гутенберговед современности Алоиз Руппель утверждал: голые ноги, а также разорванные на коленях штаны пилигрима свидетельствуют о том, что на рисунке изображен нищий [21]. Почему богатый и влиятельный патрицианский род Гензфляйшей взял в качестве герба изображение нищего? Ответить на этот вопрос Руппель не смог.

В литературе приводились аналогии, например изображение нищего на гербе рода Бетлер фон Хердерен. Но в этом случае все объяснялось просто, ибо «Бетлер» по-немецки и означает «нищий».

В недавнее время западногерманский историк бумагоделательного производства Альберт Хеммерле указал на то, что в позднее средневековье одежду желтого цвета носили евреи. Желтый удлиненный колпак, говорит он, также характерная принадлежность еврейской одежды [22]. Хеммерле сделал вывод, что прапрадед Иоганна Гутенберга Фриле Рафит цум Гензфляйш, на чьей печати впервые встретилось изображение нищего, был еврейского происхождения. Указал он и на необычное для немца имя «Рафит» (или «Равит»).

Возражая Хеммерле, Гейнц Ф. Фридрихс, специалист по генеалогическим разысканиям, говорил о том, что Фриле Рафит возглавлял патрициев Майнца, состоял членом магистрата [23]. Это было бы невозможно, если бы в жилах у него текла еврейская кровь.

Фридрихс проследил генеалогию изобретателя книгопечатания до седьмого колена; он выявил предков Гутенберга, живших еще в начале XIII в. Они обитали в Майнце и были по преимуществу торговыми людьми, хотя среди них встречались и рыцари. В 1382 г. горожане Майнца предоставили г. Ветцлару заем в размере 78848 1/2 гульденов 8 шиллингов. Треть этой суммы — 26692 гульдена — собрали предки Гутенберга. Фридрихс подсчитал, что на эти деньги можно было купить 30 домов в Майнце или же 10 больших поместий.

Прапрадед Гутенберга по отцовской линии, Фриле Рафит цум Гензфляйш, жил в доме со странным названием «Цум Гензфляйш» — «Под гусиным мясом». Дом просуществовал до XVIII в. В 1702 г. на его месте воздвигли новое строение, на воротах которого в 1825 г. установили мемориальную плиту. Надпись на ней гласила, что в этом доме родился изобретатель книгопечатания. Надпись ошибочна, ибо задолго до рождения Иоганна Гутенберга род утерял право на дом «Цум Гензфляйш».

Имя Фриле Рафита впервые встречается в актах 1298 г. В 1330 г., когда он купил дом «Цум Гензфляйш», он был членом магистрата Майнца. Умер Фриле около 1352 г. в глубокой старости; ему было не менее 90 лет. Прапрадед Гутенберга пережил нескольких жен и оставил большую семью. От первого брака пошла фамилия Гензфляйш, от второго — фамилия Зоргенлох; многочисленных представителей этих семей, носивших имя «Иоганн», еще в прошлом веке нередко путали с истинным изобретателем книгопечатания.

Первая жена Фриле Рафита — Греде — упоминается в документе 1323 г. Она родила мужу трех сыновей. Младший из них — прадед изобретателя Петерман цум Гензфляйш — торговал сукном. Он, как и его отец, был членом магистрата; в таком качестве он упоминается еще при жизни Фриле — в 1332 г. Вместе с молодыми патрициями города прадед Гутенберга принимал участие в кровавых распрях с цехами. В ноябре 1357 г. граф Нассауский даровал Петерману и его шурину Петерману цум Юнген рейнский остров Гинсгайм. Умер Петерман цум Гензфляйш после 1370 г. Он был дважды женат и от второй жены Несы цум Юнген цум Эзельвек имел нескольких детей.

Старший из них, Фриле Гензфляйш цум Эзельвек цур Ладен, стал дедом изобретателя. О Фриле известно мало.

Впервые его имя упоминается в актах в 1356 г. Умер он около 1372 г., еще до рождения своего знаменитого внука. Дом «Цур Ладен», что в буквальном переводе означает «При магазине», в котором жил Фриле Гензфляйш, стоял на нынешней улице Шустергассе в Майнце вплоть до 12 августа 1942 г., когда был разрушен американской бомбой. От второй жены Греде цур Юнген Абен Фриле имел шестерых детей. Греде дожила до 1404 г. и была свидетельницей детских лет внука, ставшего впоследствии известным всему человечеству.

Третьим сыном в семье стал отец изобретателя Фриле Гензфляйш цур Ладен цум Гутенберг. Он был первым в роду, носившим прославленную фамилию. Домом «Цум Гутенберг», что означает «Под хорошей горой», с давних времен владели его предки по материнской линии. Фриле же полностью приобрел этот старый дом.

О доме надо сказать особо, ибо в нем, скорее всего, увидел свет изобретатель книгопечатания[24]. В источниках начала XIV в. дом «Цум Гутенберг» именуется «еврейским добром». После изгнания евреев из Майнца он перешел в собственность города и в 1330 г. был приобретен прапрадедом изобретателя Петерманом цум Юнген цум Блазхоф унд цум Эзельвек — отцом Несы (прабабки Гутенберга), которая, однако, в приданое этот дом не получила. Отец изобретателя Фриле Гензфляйш цур Ладен цум Гутенберг приобрел его у дальних родственников.

Какова дальнейшая судьба дома «Цум Гутенберг»? Родственники изобретателя владели им вплоть до 60-х годов XV в. В 1477 г. здание передали только что основанному Майнцскому университету. Профессор университета Иво Виттиг в 1504 г. воздвиг перед домом «Цум Гутенберг» каменную мемориальную плиту в честь изобретателя. В 1630—1635 гг. здание было сильно разрушено шведскими войсками. Восстановили его лишь в 1661 г. Новый дом простоял два с лишним века и в ночь с 5 на 6 января 1894 г. был уничтожен пожаром. На пожарище построили доходные дома, которые, в свою очередь, были снесены с лица земли во время американского налета на Майнц 12 августа

1942 г. Ныне уже ничто не напоминает о месте рождения одного из величайших изобретателей человечества.

Вернемся, однако, к отцу Иоганна Гутенберга. Сведения о нем встречаются в актовых источниках с 1372 г., когда его мать Греде купила для него пожизненную ренту, приносившую владельцу ежегодно по 25 гульденов. Рента была одной из форм помещения свободных средств, причем формой весьма доходной. Впоследствии ею пользовался и Гутенберг. Фриле Гензфляйш в 1410—1411 гг. стоял во главе четырех рехенмайстеров, иначе говоря, счетоводов города Майнца, следивших и за чеканкой монеты. Это была привилегия патрициев. Чтобы занять должность рехенмайстера, следовало доказать свою принадлежность к патрицианскому роду в третьем поколении.

Фриле Гензфляйш цур Ладен цум Гутенберг был женат дважды. В первом браке он прижил дочь Патце. В 1386 г. Фриле женился вторично на Эльзе Вирих, дочери купца Вернера Вириха цум Штайнерен Краме. Дед изобретателя по материнской линии к патрициату не принадлежал. Поэтому Иоганн Гутенберг был лишен возможности занимать почетные и доходные должности, в том числе должность рехенмайстера. От брака с Эльзой у Фриле Гензфляйша было трое детей: Фриле младший, Эльза и Иоганн, который в дальнейшем и стал изобретателем книгопечатания.

Отец Гутенберга активно участвовал в борьбе патрицианской городской верхушки против цехов. 15 августа 1411 г. и в период с 1413 по 1 февраля 1414 г. он вместе с семьей покидал Майнц; это, как мы уже говорили, была своеобразная форма протеста против решений руководства цехов, с которыми патриции не соглашались. Умер Фриле Гензфляйш между 1 июля и 27 декабря 1419 г.: 1 июля он получил очередную выплату по своей пожизненной ренте в городе Франкфурте, а 27 декабря рента осталась невыплаченной из-за его смерти [25].

После кончины мужа дела семьи продолжала вести его вдова Эльза — умная и энергичная женщина: источники неоднократно повествуют о ее торговых операциях. Умерла мать Гутенберга в 1433 г.

Расскажем коротко о старших сестрах и брате Иоганна Гутенберга. Были они людьми простыми и ничем не прославились. Но изобретатель, конечно же, поддерживал с ними тесные отношения, рассказывал

им о своих удачах и горестях. Судьба же близких к Гутенбергу людей не может быть для нас безразличной.

Старшая сестра изобретателя Патце вышла замуж за майнцского бургомистра Петера цум Юнгена цум Блазхоф, который, однако, умер еще 24 декабря 1403 г., когда Иоганн Гутенберг был ребенком. Если этого бы не случилось, столь влиятельный родственник мог в дальнейшем оказать изобретателю существенную поддержку. Патце жила долго, последний раз она упоминается в источниках 1449 г.[26]

Старший брат Гутенберга, носивший имя отца — Фриле Гензфляйш цур Ладен цум Гутенберг, первый раз встречается в документах 1420 г., когда он вместе с Иоганном и сестрами делит наследство отца. В дальнейшем источники неоднократно называют его имя. В начале 30-х годов Фриле-младший стал членом магистрата. В дальнейшем он переехал в Эльтвилль, с которым, как мы узнаем, у семьи Гутенбергов были давние связи. Возможно, они жили в этом городе и ранее. Здесь Фриле и умер в августе 1447 г. Женат он был на Эльзе Хиртц, дочери майнцского патриция, и имел двух детей — рано умершего сына Орте и дочь Одильген, которая в 1450 г. вышла замуж за дальнего родственника Иоганна Гензфляйша ден Юнген, но вскоре умерла. На этом род Гутенбергов по мужской линии прервался.

Сестра изобретателя Эльза вышла замуж в 1414 г. за майнцского патриция Клауса Витцтума. Умерла она после 1443 г.

Таким образом, Иоганн Гутенберг к старости остался совершенно один; все близкие его — брат, сестры, племянник и племянница — умерли. Детей же у изобретателя не было. Маленькие радости, которые обычно скрашивают старость, возня с внуками или хотя бы с внучатыми племянниками — все это для Иоганна Гутенберга оказалось недоступным.

Когда и где родился Иоганн Гутенберг? История не сохранила для нас ни одного документа, в котором бы была зафиксирована точная дата появления на свет будущего изобретателя книгопечатания. У нас остается возможность косвенных умозаключений, которые, как это ни парадоксально, позволяют добиться успеха.

Как уже говорилось, отец изобретателя Фриле Гензфляйш цур Ладен цум Гутенберг сочетался вто-

рым браком с Эльзой Вирих цум Штайнерен Краме в 1386 г. Первенцем молодой матери был сын, названный по отцу — Фриле. Источники упоминают о нем с 1420 по 1447 г. Но родиться он мог и в 1387 г., через год после заключения брака между Фриле-старшим и Эльзой Вирих. Запомним эту дату, ибо она пригодится нам в дальнейших расчетах.

Мать заранее побеспокоилась о том, чтобы обеспечить своих сыновей. Она приобрела для Фриле пожизненную ренту в размере 26 гульденов. Сохранилась расписка 1429 г.— Фриле тогда жил в Страсбурге и получил очередную выплату.

В 1433 г. Эльза Вирих умерла. В завещении, которое она оставила, содержалось пожелание, чтобы рента была разделена между Фриле и его младшим братом Иоганном пропорционально возрасту братьев. Раздел состоялся 30 мая 1434 г., о чем была сделана запись в «Долговой книге Майнца». Сама книга не сохранилась, но известна более поздняя копия, находящаяся в Государственном архиве Дармштадта. Текст ее еще в 1727 г. опубликовал историк Георг Христиан Иоаннис [27].

В результате раздела Фриле получил 14 гульденов, а Иоганн — 12. Повторим, что сумма ренты определялась пропорционально возрасту. Если Фриле родился в 1387 г., в 1434 г. ему было 47 лет.

Простейшее уравнение $47:x=14:12$, предложенное Алоизом Руппелем, позволило ему установить возраст Иоганна Гутенберга в 1434 г.: $x=(47:14)\cdot 12=$ $=40{,}3$ [28]. Если Иоганну в мае 1434 г. было 40 с лишним лет, то родился он приблизительно в 1394 г.

Во франкфуртской хронике патрицианских родов, сохранившейся в поздней копии в Государственном архиве Дармштадта и введенной в научный оборот в 1900 г. Карлом Шорбахом, обнаружено известие о дележе в 1420 г. наследства скончавшегося в 1419 г. Фриле Гензфляйша-старшего между его совершеннолетними детьми от второго брака и их сводной сестрой Патце [29]. Среди детей от второго брака упомянут Хенхен Гутенберг; Хенхен — это уменьшительное имя от Иоганн. Следовательно, будущий изобретатель к 1420 г. был уже совершеннолетним. Как считалось ранее, совершеннолетие в ту пору наступало в 21 год.

Значит, Иоганн Гутенберг должен был родиться самое позднее в 1399 г. У нас появляется возможность

утверждать, что изобретатель книгопечатания появился на свет между 1394 и 1399 г. Для празднования юбилеев решили принять более круглую дату. 500-летие со дня рождения Гутенберга отмечали в 1900 г.

Гипотетически установили даже день рождения — 24 июня — «Иванов день». В семье Гутенбергов существовала давняя традиция называть первенца по отцу, а второго сына — по имени святого, память которого отмечалась церковью в день рождения.

Эта четкая и на первый взгляд убедительная схема была в недавнее время оспорена Северином Корстеном, который указал, что в XV в. совершеннолетие наступало не в 21 год, а в 15—16 лет [30]. По Корстену, Гутенберг родился в 1400—1406 г., причем, скорее всего, ближе к последней дате.

Сомнителен и день рождения. Гутенберг мог быть назван по имени не Иоанна Крестителя — Ивана Купалы, а по евангелисту Иоанну, память которого церковь отмечала 28 декабря.

Взгляды Корстена далеко не общепризнаны. Вопрос о дате рождения Гутенберга остается открытым.

Сложен вопрос и о месте рождения. По давней традиции считается, что это был Майнц, где издревле жили семьи Гензфляйшей и Вирихов. Между тем некоторые современники родным городом изобретателя называют Страсбург. О Якобе (?) Гутенберге из Страсбурга, который вместе с Фустом (читатель вскоре узнает это имя) впервые начал печатать в Майнце металлическими литерами, упоминает Иоанн Филипп де Лигнамине в своих дополнениях к «Хронике пап и императоров» Риккобальда из Феррары, изданной им в Риме в 1474 г.— через пять лет после смерти изобретателя [31].

О «Иоганне Гутенберге из Страсбурга, который, по мнению некоторых, первым изобрел книгопечатание», говорит и другой итальянец — Якопо Филипп Форести из Бергамо [32]. Его «Хроника», написанная в 1459 г., была опубликована в Венеции в 1483 г.

«Первым изобретателем типографского дела был один горожанин из Майнца, родившийся в Страсбурге, которого звали юнкер Иоганн Гуденбурх»,— сообщает нам «Хроника святого города Кёльна», напечатанная в августе 1499 г. [33]

Можно привести еще несколько подобных свидетельств. Мы ограничимся лишь одним из них. Гума-

нист Якоб Вимпфелинг (1450—1528) в своем «Каталоге страсбургских епископов» (Страсбург, 1508) утверждает, что «книгопечатание изобрел страсбуржец, осуществив его в Майнце при помощи некоторых других, а именно Иоганн Гензфляйш, рожденный в доме Гутенберг» [34].

Майнц и Страсбург издавна спорят о чести быть не только родным городом Иоганна Гутенберга, но и местом изобретения книгопечатания. Эти споры усугубляет то обстоятельство, что в настоящее время между этими городами пролегла государственная граница: Майнц находится в Федеративной Республике Германии, а Страсбург — во Франции.

Годы учебы. Имя Иоганна Гутенберга впервые упоминается в актовой документации в 1420 г. Если изобретатель, как все еще (и после упомянутой выше гипотезы С. Корстена) считают многие исследователи, родился между 1394 и 1399 г., в тени остаются первые 22—25 лет его жизни. Это был период возмужания и, конечно же, напряженной учебы.

Типограф отличается от остального ремесленного люда. Печатать книги, овладев лишь необходимой для этого суммой технических приемов, невозможно. Первые типографы были издателями, а следовательно, редакторами. Почти все издания, приписываемые Гутенбергу, напечатаны на латинском языке. Изобретатель должен был свободно владеть этим языком средневековой науки и богословия. Знание латыни придавало отпечаток определенной кастовости. Человек, овладевший языком Цицерона, в своих глазах и в мнении окружающих становился как бы на голову выше остальных сограждан, не обременявших себя излишней и, казалось бы, непрактичной ученостью.

Читать и писать Иоганн Гутенберг научился в Страсбурге (или в Майнце) в школе при монастыре или церковном братстве. Здесь же он овладел начатками латыни. Элементарные знания, которые давала школа, конечно же были недостаточными для того, чтобы отобрать удовлетворительный список полной латинской Библии, ставшей основным изданием Гутенберга, чтобы унифицировать правописание, устранить грамматические, стилистические, текстологические упущения, встречавшиеся и в наиболее удовлетворительных и, как говорят сейчас, хорошо отредактированных рукописях.

Первотипограф должен был иметь университетское образование. Это, казалось бы, бесспорное положение стало очевидным лишь недавно. Тогда-то историки раннего книгопечатания обратились к матрикульным книгам европейских университетов, по счастью сохранившимся с самых древнейших времен. Результаты оказались потрясающими. В книгах нашлись имена, которые иногда непреложно, а иногда с определенной гипотетичностью можно было идентифицировать с многими из первых печатников. Это относится и к типографам, революционизировавшим книжное дело на территории нашей страны. В матрикульных книгах Краковского университета обнаружены имена: «Франциск сын Луки из Полоцка» и «Иван сын Федора Москвитин». Утверждается, хотя далеко и не всеми, что эти записи свидетельствуют об университетском образовании, полученном славянскими первопечатниками Франциском Скориной и Иваном Федоровым [35].

Видимо, и Гутенберг уже в юные годы почувствовал необходимость совокупного усвоения всей тогдашней учености, в которой с неизбежностью присутствовало наследие античного мира.

В 1976 г. Фердинанд Гельднер выдвинул гипотезу о том, что изобретатель книгопечатания получил образование в стенах Эрфуртского университета [36]. На первых порах казалось, что гипотеза не имеет серьезных оснований. В матрикульных книгах Эрфуртского университета нашлись сведения о том, что в течение летнего семестра 1418 г. и зимнего семестра 1419—1420 гг. здесь слушал лекции Иоганн де Альтавилла (Johannes de Altavilla), иначе говоря, Иоганн из Эльтвилля, небольшого городка западнее Майнца, лежащего на склоне невысоких Прирейнских гор [37]. Этого Иоганна Гельднер и отождествил с изобретателем книгопечатания.

Известно, что родным городом Гутенберга считается Майнц или Страсбург. О его происхождении из Эльтвилля ранее и речи не было. Однако вопрос оказался не столь простым. Благодаря дополнительным исследованиям, с большой тщательностью проведенным Альбертом Капром, связи стали проясняться [38]. И сегодня гипотеза Гельднера представляется нам имеющей право на существование.

Прежде всего нужно сказать, что среди студентов Эрфуртского университета нашлось немало людей, жиз-

ненные пути которых пересекались с гутенберговскими. В 1416 г. здесь учились двоюродные братья изобретателя Фриле и Рулемандус цу дер Ладен. Одновременно с Иоганном де Альтавилла в 1418—1420 гг. в Эрфурте слушали лекции Иоганн Брюн де Спира и Иоганн Хорнек де Спира. «Спира» — это Шпейер, город на Рейне южнее Майнца. В 1469 г. Иоганн из Шпейера стал первым типографом Венеции, напечатав здесь «Письма к друзьям» Цицерона. У нас нет никаких оснований не отождествить этого мастера с одним из двух Иоганнов из Шпейера, обучавшихся в Эрфурте. Типографскому же делу венецианский типограф научился в мастерской Иоганна Гутенберга.

В матрикульных книгах Эрфуртского университета нашлось имя и другого ученика Гутенберга — Конрада Свейнгейма, происходившего из Швангейма, небольшого городка под Майнцем. В Эрфурте Конрад учился в 1455 г., в ту пору, когда Гутенберг уже завершал создание своего шедевра — 42-строчной Библии. Десять лет спустя Свейнгейм вместе с Арнольдом Паннартцем из Праги основал первую типографию в Италии — в монастыре Субиако неподалеку от Рима. Эрфуртским студентом был и Ульрих Целль — первый типограф Кёльна; его имя внесено в матрикульные книги 1453 г. Но что самое интересное, так это имя Петера Гинсгейма, слушавшего лекции в Эрфурте в 1444 и в 1448 гг. Альберт Капр не без оснований считает, что это Петер Шеффер из Гернсгейма — ближайший помощник Иоганна Гутенберга, а впоследствии крупнейший типограф Майнца второй половины XV в. Представляется логичным, что мастер, на собственном опыте познавший важность университетского образования для книгопечатника, советовал своим ученикам слушать лекции в том учебном заведении, которое стало для него альма матер.

Еще несколько имен отыскалось в эрфуртских матрикульных книгах. В 1421 г. студентом университета стал Конрад Хумери, впоследствии ближайший друг Иоганна Гутенберга, поддерживавший его морально и материально в последние годы жизни. Во время зимнего семестра 1419/20 г. вместе с Иоганном из Эльтвилля лекции в Эрфурте слушал некий Николаус Фунгке, а много лет спустя, в 1434 г., студентом стал Иоганн Функ, возможно сын Николауса. Семья Функе занималась в Эрфурте чеканкой монеты. Для выпуска

новых монет каждый раз требовалось разрешение майнцского архиепископа. Здесь намечаются связи с отцом Гутенберга, который возглавлял майнцских рехенмайстеров. Кроме того, Иоганн Функе был знаком с типографским делом. А. Капр считает, что именно он напечатал индульгенцию 1473 г., с которой и началось книгопечатание в Эрфурте[39]. А. Капр не исключает даже возможности, что именно семья Функе и пригласила в Эрфурт молодого и энергичного Иоганна Гутенберга.

В актах Эрфуртского университета в 1455 г. названо имя переплетчика Иоганна Фогеля, который, однако, студентом не был, но пользовался покровительством ректора. В том же 1455 г. Гутенберг окончил печатание 42-строчной Библии. Хорошо известно, что Фогель переплетал некоторые экземпляры этой книги. На переплетной крышке Библии, находящейся ныне в библиотеке «Итон Колледж» в США, вытиснено его имя. На переплетах экземпляров Лейпцигского университета, библиотек в городах Фульда (ФРГ) и Титусвиль (США) можно найти знаки с изображениями игрока на лютне и узлов. Такие знаки обычно ставил на своих работах Функе.

Имена людей, пересекавших жизненный путь Иоганна Гутенберга и учившихся в Эрфуртском университете, конечно же, серьезный довод в пользу гипотезы Фердинанда Гельднера. Но однозначного решения вопроса они не дают. В поисках дополнительных доводов А. Капр решил выяснить, не существовал ли какой-либо другой Иоганн из Эльтвилля, которого можно было бы отождествить со студентом Иоганном де Альтавилла. В «Списке прелатов и каноников» монастыря св. Петра в Майнце, составленном в 1743 г., нашлись сведения об Иоганне из Эльтвилля, который был каноником в 1405 г. и умер в 1425 г. Так как каноником он не мог стать ранее 20 лет, Капр предположил, что родился этот Иоганн ранее 1390 г. В 1418 г. ему было около 30 лет; поступать в университет было уже поздно, и, следовательно, этого Иоганна нельзя отождествить с носившим то же имя студентом Эрфуртского университета. Других Иоганнов из Эльтвилля Капру обнаружить не удалось.

Остается, пожалуй, самый сложный вопрос: почему будущий изобретатель книгопечатания, записываясь в университет, не назвал себя Иоганном Гутенбергом,

Иоганном Гензфляйшем или, наконец, Иоганном из Майнца? И что связывало Иоганна с Эльтвиллем?

Ф. Гельднер высказал предположение, что после изгнания семьи из Майнца Иоганн Гутенберг относился к этому городу и к находившимся в нем домам «Цум Гутенберг» и «Цум Гензфляйш» с определенной антипатией, почему и не назвал их, записываясь в университет. Мы уже говорили о том, что в 1411 г. семья Фриле Гензфляйша-старшего принуждена была покинуть Майнц. Причиной был конфликт, который произошел 2 февраля 1411 г. между патрициями, или, как их называли, «стариками», и «молодыми», представлявшими цехи. «Старики» выбрали новым бургомистром патриция Иоганна Свальбаха, «молодые» же объявили эти выборы недействительными. Ремесленники, впрочем, не были единодушными: некоторые из них считали, что старый порядок нужно сохранить, другие же призывали к расправе с патрициями. В этих условиях 117 патрициев вместе с семьями выехали из города. Это был способ оказания давления на цехи, к которому «старые» прибегали и раньше. В списке «отъехавших» имеется имя отца Гутенберга — Фриле цур Ладен, названы и многие родственники — дядья будущего изобретателя Ортлиб цур Ладен и Петерман цур Ладен, Иоганн Гензфляйш, его сыновья Петер, Якоб и Георг [40]. (Иоганна Гензфляйша, сына Никласа, именуемого также Гутенбергом, в прошлом веке часто путали с изобретателем книгопечатания.)

Патриции уехали из Майнца 15 августа 1411 г., через некоторое время вернулись, а затем снова уехали. Лишь 1 февраля 1414 г. при посредничестве архиепископа было заключено мирное соглашение между цехами и патрициями. Среди подписавших его значится имя Фриле Гензфляйша, которого идентифицируют с отцом изобретателя, названным в списке 1411 г. Фриле цур Ладен [41].

Ф. Гельднер и А. Капр предположили, что Фриле с семьей уехал в лежавший неподалеку от Майнца Эльтвилль, где у него было наследственное владение. Это лишь гипотеза, ибо сведения о владении относятся к более позднему времени, а именно к 1434—1447 гг., когда оно принадлежало старшему брату Гутенберга, который носил то же имя, что и отец. Дом назывался «У городской стены». Вдова Фриле-младшего Эльзе Хиртц жила здесь еще в 1457 г. По мнению

Гельднера, Иоганн Гутенберг в юношеские годы жил в этом доме вместе со своей матерью.

Если это действительно так, то школьные годы изобретателя прошли в Эльтвилле, и именно отсюда он и приехал поступать в университет. Связи Гутенберга с Эльтвиллем прослеживаются и впоследствии. Не исключено, что он жил и работал в этом городе и в старости.

Исследованиями А. Капра установлено, что в Эльтвилле уже в 1401 г. была школа, в которой учили читать и писать, обучали латыни по грамматике Доната, читали Вергилия и Теренция... В небольшом городке на склонах Рейнгау Иоганн Гутенберг мог получить необходимую подготовку, которая требовалась для поступления в университет.

Иоганн де Альтавилла имматрикулировался в Эрфуртском университете на летний семестр 1418 г., за что заплатил 15 грошей. Начало семестра приурочивали к дням, когда отмечалась память святых Филиппа и Якова, т. е. к 1 или 2 мая. Ректором Эрфуртского университета в ту пору был Иоганн Шойбинг. Второй раз имя будущего изобретателя встречается нам в матрикульных книгах, в записях, относящихся к зимнему семестру 1419/20 г. Начинался этот семестр в день святого Луки — 18 октября. Ректором в ту пору был избран Генрих де Морле.

Иоганн де Альтавилла закончил обучение и получил ученую степень бакалавра. За все это он заплатил два богемских и два простых гроша.

Между летним семестром 1418 г. и зимним семестром 1419/20 г. прошло два семестра. Записи об участниках этих семестров сохранились, но Иоганн из Эльтвилля в них не упоминается. Будущий изобретатель, видимо, уехал домой — в Майнц или Эльтвилль. Причиной могла послужить тяжелая болезнь отца изобретателя. Последнее известное нам упоминание о Фриле Гензфляйше цур Ладен относится к 1 июля 1419 г., когда он вместе со своим младшим братом получал выплаты по пожизненной ренте [42]. При следующей выплате — 27 декабря 1419 г.— имя Фриле уже не упоминается. Считается, что отец изобретателя скончался в период между 1 июля и 27 декабря 1419 г.

Если окончательно согласиться с тем, что Иоганн из Эльтвилля, обучавшийся в Эрфурте, и был будущим изобретателем книгопечатания, и если предположить,

что Иоганн Гутенберг поспешил домой тотчас же по получении известия о болезни отца, дату смерти последнего надо искать где-то в период между 1 июля и 18 октября 1419 г. 18 октября Иоганн был уже в Эрфурте.

Какие знания получил изобретатель в университете? Ответить на этот вопрос сравнительно легко, ибо система университетского образования в те годы была стабильной. Все зависело от студента. Ни к каким группам его не прикрепляли, посещение занятий не было обязательным. Лекций в нашем смысле этого слова не существовало. Профессора читали произведения отцов церкви, античных мыслителей и, прерывая чтение, объясняли их. Именно в комментариях и выявлялась творческая индивидуальность лектора. Студенты хорошо знали, к какому профессору стоит ходить, а к какому нет. Часто проводились диспуты, которые оттачивали красноречие, закрепляли знания. Все преподавание велось на латыни; поэтому студент должен был хорошо освоить этот язык.

Весь курс обучения складывался из семи так называемых свободных искусств. Первоначально изучались грамматика, риторика и диалектика. Совокупность этих предметов именовалась «trivium», отсюда, кстати говоря, и наше слово «тривиальный». В состав следующих четырех предметов («quadrivium») входили арифметика, геометрия, астрономия и музыка[43].

Прослушав курс и получив степень бакалавра, студент мог пополнять свои знания на богословском, юридическом и медицинском факультетах, чтобы впоследствии получить ученые степени магистра и доктора наук. Для этого совсем необязательно нужно было оставаться в родном университете. Нередко студент брал котомку и отправлялся искать знания в Италию, Францию или еще какую-либо страну. Быть может, так сделал и Гутенберг. У нас нет никаких сведений о том, что он делал в период между 1420 и 1427 гг. Не исключено, что он продолжал учебу. Возможно, будущие разыскания в архивах Краковского, Пражского, Падуанского или же какого-либо другого университета подтвердят наше предположение.

Кроме университетской учености, будущий изобретатель должен был с необходимостью овладеть суммой прикладных технических навыков. Чтобы изготовить типографский шрифт, нужно уметь гравировать по

металлу, знать основы литейного дела. Говоря об этой «науке», обычно вспоминают, что Фриле Гензфляйш был рехенмайстером и имел непосредственное отношение к монетному производству. Познакомиться с приемами обработки металла мог и его любознательный сын.

Это могло с равным успехом происходить в Майнце и в любом другом городе. В принципе сыну патриция не был заказан путь в ремесленные ученики, особенно в «чужом» городе. Если Гутенберг хотел изучить какое-то ремесло, он это мог сделать без особенного труда. Впрочем, как раз трудиться следовало в поте лица своего. И будущий изобретатель, видимо, не терял времени даром.

Технические навыки и практическая жилка проявились в 1430-х годах, когда Иоганн Гутенберг жил в Страсбурге.

В Страсбурге. Порт на реке Иль, впадающей в Рейн, известен с XV в. до н. э., когда на одном из островов этой реки был заложен укрепленный лагерь. Вокруг вырос городок, который в 451 г. разрушили гунны. Но город отстроился на прежнем месте и со временем стал торговым, ремесленным и культурным центром Эльзаса.

Первый документ, свидетельствующий о пребывании Иоганна Гутенберга в Страсбурге, относится к 1434 г. Скорее всего, изобретатель жил здесь и раньше. Сравнительно недавно считали, что Гутенберг приехал сюда прямо из Майнца. Сделать это было нетрудно, нужно было лишь подняться по Рейну. Утверждали, что семья перебралась в Страсбург после 15 августа 1411 г. Принимая гипотезу об обучении Гутенберга в Эрфуртском университете, мы вынуждены ныне пересмотреть старые утверждения.

Читатель помнит, что подпись Фриле Гензфляйша стоит под соглашением между патрициями и цехами, подписанным 1 февраля 1414 г. Фриле был в Майнце, но семья его могла оставаться в изгнании. Впрочем, изгнанием это не назовешь. В Эльтвилле или где-либо еще у семьи были наследственные владения, давние связи и определенные финансовые интересы. А значит, и в Эльтвилле юный Гутенберг чувствовал себя как дома.

Как уже говорилось, в 1419 г. Фриле Гензфляйш умер. В 1420 г. Иоганн Гутенберг, его брат Фриле-

младший и сестра Эльза, интересы которой представлял ее муж Клаус Витцтум, вели тяжбу с Патце, дочерью Фриле-старшего от первого брака. Предметом тяжбы было наследство, оставшееся после смерти отца. Патце в ту пору была уже немолодой женщиной — ей было под пятьдесят, ее муж скончался еще в 1403 г.

Выше уже говорилось о документе, рассказывающем о тяжбе. Это первый документ, упоминающий имя изобретателя (если не считать записей в эрфуртских матрикулярных книгах). Он важен для определения возраста Гутенберга. Документ сохранился в извлечениях и в поздней копии. Был ли в ту пору будущий изобретатель в Майнце, не ясно. Быть может, Клаус Витцтум представлял и его интересы?

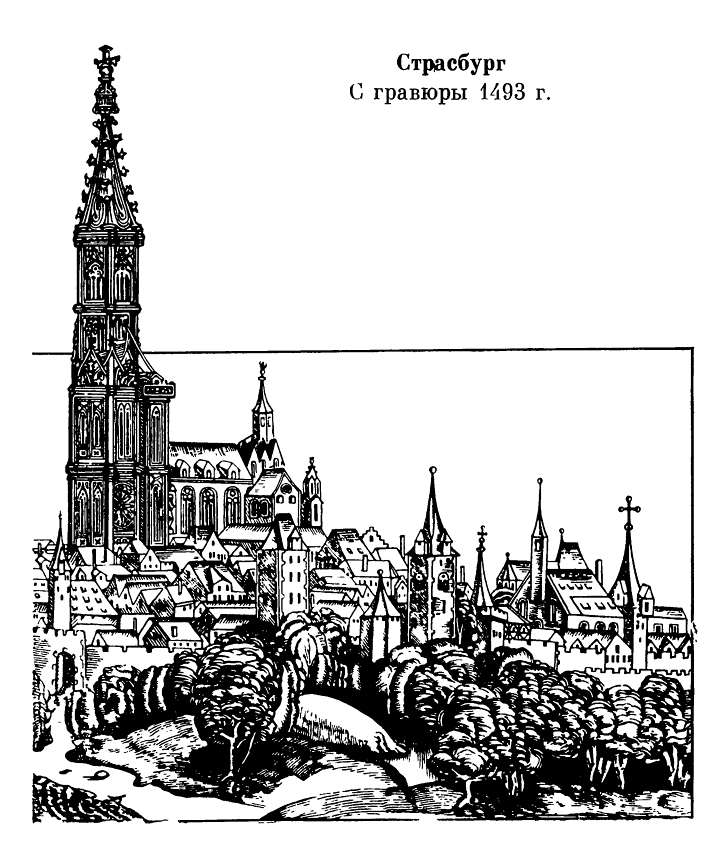
Тяжба происходила в 1420 г., но когда точно — неизвестно. В том же 1420 г. отношения между цехами и патрициями Майнца снова обострились, что могло заставить Гутенберга покинуть город.

14 июня 1422 г. магистрат Майнца запретил горожанам какие-либо сношения с «отъехавшими» патрициями под угрозой большого штрафа. Некоторые из патрициев вернулись. Так или иначе, но в 1427—1428 гг. Фриле-младший и его брат, именуемый в документах Хенгин цу Гуденберг, приобрели в Майнце ренту с ежегодной выплатой в 20 гульденов. Свидетельства об этом сохранились в копиях 1520 г., которые

находятся в архивах Майнца и Вюрцбурга. Обнаружил документ и опубликовал в 1900 г. Карл Шорбах [44].

Вскоре, однако, опять пришлось собираться в дорогу. В сентябре 1428 г. отношения между патрициями и цехами накалились вновь. Причиной послужил эдикт о налогах, который патриции не хотели признавать. Представители цехов заявили также об отмене права патрициев занимать половину мест в магистрате и решили провести новые выборы. И на этот раз патриции применили старую тактику — они покинули город, пытаясь своим отъездом расстроить финансовое положение Майнца. В качестве посредников между цехами и патрициями выступили города Вормс, Шпейер и Франкфурт, поддерживавшие с Майнцем тесные торговые связи. 17 января 1429 г. представители этих городов собрались в Майнце. Переговоры ни к чему не приве-

Страсбург
С гравюры 1493 г.

ли. Цехи, во главе которых стоял городской писарь Николай фон Вёрштадт, заняли непримиримую позицию. Запомним это имя, ибо жизненные пути майнцского писаря и изобретателя книгопечатания в дальнейшем перекрещиваются.

27 января 1429 г. представители патрицианских семей собрались в францисканском монастыре в Майнце. Если Иоганн Гутенберг и его брат Фриле в ту пору были в городе, они несомненно участвовали в этом сборе. Патриции решили не идти на компромисс. 13 членов магистрата — представители патрициев — 29 января сложили свои полномочия.

Несколько дней спустя по решению представителей цехов был избран новый магистрат, уже без участия патрициев. Городская касса прекратила платежи по пожизненным рентам тем патрициям, которые уехали из города. Среди последних был и Иоганн Гутенберг, который, как узнаем впоследствии, не замедлил нанести ответный удар — уже из Страсбурга.

Нужно коротко сказать об институте покупки-продажи рент, составлявшем существенную часть финансовой системы средневекового города. Смысл сделки состоял в том, что человек, желавший получить ренту, платил за нее определенную сумму денег, получая взамен право на ежегодные выплаты из городской кассы. Заплатив 200—300 гульденов, можно было приобрести ренту, приносившую ежегодно 20—26 гульденов [45]. Гульден содержал 27 шиллингов, а 1 шиллинг — 12 геллеров. В 1425—1454 гг. гульден приравнивали к 19 каратам чистого золота. Полугодовое жалованье городского писца составляло 32 гульдена. За 2,5 гульдена можно было купить свинью. Мешок угля стоил 5 шиллингов 4 геллера.

Право на ренту было пожизненным и часто передавалось по наследству. Для города продажа рент была определенным источником доходов, иногда немалых.

Иоганн Гутенберг имел несколько рент. В 1427—1428 гг. он, как мы уже упоминали, вместе с братом Фриле приобрел пожизненную ренту города Майнца, приносившую доход в 20 гульденов. 16 января 1430 г. по просьбе матери Гутенберга, названной в акте «Эльзе цу Гуденберг», величина наследственной ренты, выплачиваемой Иоганну, была снижена до 6,5 гульдена. Речь, видимо, идет о другой ренте. Документ этот, скопированный из долговой книги Майнца, нередко счи-

тают свидетельством в пользу того, что будущий изобретатель 16 января 1430 г. находился в этом городе. Между тем для покупки ренты того или иного города совсем необязательно было жить в нем и считаться его гражданином, но иногда это и требовалось.

После смерти отца Гутенберг, его брат, сестра и сводная сестра унаследовали ренту Франкфурта в размере 25 гульденов. Какую-то ренту братья имели и в Страсбурге. Фриле-младший получал ее (в размере 26 гульденов) еще в 1429 г.; в дальнейшем он завещал ее своей супруге Эльзе, урожденной Хиртц, и сыну Орту. Получал ли такую же ренту Гутенберг еще в 20-х годах, мы не знаем. Сведения о выплате ему страсбургской ренты в том же самом размере — 26 гульденов — сохранились за 1453—1455 гг.

Вернемся, однако, в Майнц. Конфликт между патрициями и цехами был улажен архиепископом Конрадом III. 28 марта 1430 г. он подписал грамоту, воспроизведенную на пергамене и скрепленную десятью висячими печатями. Грамота эта не сохранилась, но она была скопирована еще в XV в. в «Майнцской хронике», которая сейчас находится в Государственной библиотеке во Франкфурте-на-Майне. Она была введена в научный оборот еще в 1727 г. Георгом Христианом Иоаннисом[46], а полностью опубликована в 1741 г. Иоганном Давидом Кёлером[47]. Конрад III гарантировал патрициям возвращение всех их старых прав, в том числе и права на чеканку монеты. В магистрате патриции получили 12 мест из 36. В грамоте перечислены эмигранты, которым позволено вернуться в Майнц. Назван и Хенхин цу Гуденберг, в котором исследователи видят будущего изобретателя. Отмечено, однако, что в момент «умиротворения» его не было в городе.

В 1430 г. Гутенберг, скорее всего, был уже в Страсбурге. Правом вернуться в Майнц он не воспользовался. Майнц в полном соответствии со своими установлениями прекратил ему выплату ренты. Аналогичные законоположения существовали и в других городах. Так, в «Уставе о присяге» Кёльна от 5 марта 1341 г. был такой пункт: «Если какой-либо сеньор, рыцарь или оруженосец имеет ренту в Кёльне, то пока он несет все обязанности по отношению к городу и бюргерам, он может пользоваться ею. Если он немилостив и несправедлив, то вопрос о ренте рассматривается

Советом; тот, кто сидит на его ренте, обязан передать ее городу...»[48]

Феодальное право, однако, предоставляло Гутенбергу возможность бороться за своевременную выплату ренты. Ответственность с городом-должником разделяли все горожане. Гутенберг мог взыскать долг с любого жителя Майнца, имевшего неосторожность попасть ему в руки. Таким бюргером по стечению обстоятельств оказался Николай фон Вёрштадт, городской писарь, один из руководителей враждебного патрициям движения цехов. Человек неординарный, превосходный оратор, он впоследствии удостоился чести, которая редко выпадала на долю представителю непатрицианского рода. Император Сигизмунд III своим указом от 4 июня 1425 г. разрешил фон Вёрштадту иметь собственный герб. В глазах патрициев Николай был главным виновником их бед.

Узнав, что Николай приехал в Страсбург, Гутенберг ухитрился захватить его и упрятать в долговую тюрьму. Иск был предъявлен на сумму в 310 полновесных рейнских гульденов — сумму весьма значительную. Гутенберг требовал от Николая клятвенных заверений, что он самолично, еще до Троицы, выплатит долг с процентами. Получить долг Иоганн уполномочил своего двоюродного брата Орта, который тогда жил в Оппенгейме в доме «Цум Лампартен».

Магистрат Майнца, видимо, незамедлительно прореагировал на арест городского писаря. Было достигнуто соглашение, и Гутенберг согласился освободить Николая. Соответствующий документ был составлен 14 марта 1434 г. и записан в пергаменном кодексе, именуемом «Протоколами контрактной палаты» Страсбурга. Кодекс до нас не дошел, но сохранилась его копия, снятая в 1745 г. архивариусом Якобом Венкером. Выдержки из нее опубликовал в 1760 г. Иоганн Даниэль Шёпфлин[49]. В 1900 г. Карл Шорбах издал полный текст этого документа[50]. В нем, в частности, говорилось, что «Иоганн Гензефляйш дер Юнге, называемый Гутемберг», скрепил своей печатью обязательство освободить Николая, городского писаря Майнца, посаженного им в долговую тюрьму.

Результаты соглашения не замедлили сказаться. Майнц возобновил выплаты. Кроме того, 30 мая 1434 г. Майнц в соответствии с пожеланием покойной матери Гутенберга согласился разделить пожизненную

ренту, которую до того времени получал брат Иоганна Фриле Гензфляйш, между двумя братьями пропорционально соотношению их возрастов. Об этом документе, косвенно позволяющем определить дату рождения Гутенберга, речь шла выше.

В «Книге доходов и расходов Майнца» за 1436—1437 гг. сохранились записи, свидетельствующие о том, что Иоганн Гутенберг регулярно получал 10 золотых гульденов в счет ренты, завещанной ему сводным дядей — судьей Легеймером, а также 35 золотых гульденов в счет ренты, которую в свое время пытались реквизировать городские власти. Более того, город каждые две недели выплачивал Гутенбергу по 16 шиллингов [51].

Все эти выплаты делались не самому Гутенбергу, который жил в Страсбурге, а его зятю, мужу сестры Эльзы Клаусу Витцтуму. Расписки Витцтума сохранились в «Книге доходов и расходов». О Клаусе документы упоминают до 1449 г. Его единственная дочь, названная по матери Эльзой, вышла замуж за патриция Иоганна Гумбрехта и переехала с ним во Франкфурт-на-Майне. Брак был бездетным. Эльза, которая умерла 13 апреля 1475 г., оказалась единственной наследницей изобретателя книгопечатания, у которого детей не было.

Вопрос о том, был ли женат Иоганн Гутенберг, принадлежит к числу многочисленных загадок, связанных с судьбой изобретателя.

Архивариус Якоб Венкер в «Протоколах контрактной палаты» Страсбурга обнаружил записи, рассказывающие об одной из любопытнейших страниц жизненного пути Иоганна Гутенберга. Время этих «Протоколов» не пощадило. Но Венкер сделал из них выписки на полях своего так и не увидевшего свет труда по истории церкви в Страсбурге. Труд хранится в монастыре святого Фомы этого эльзасского города, где его обнаружил и в 1900 г. опубликовал Карл Шорбах [52].

Мы узнаем, что «Ханссе Гензефляйш фон Ментце (т. е. из Майнца.— *Е. Н.*), которого называют Гутенбергом», пообещал дочери страсбургского патриция Эннелин цу дер Изерин Тюр (буквально — Эннелин Железная Дверь) жениться на ней, но своего обещания не выполнил. Был ли почти 40-летний изобретатель завидной партией для знатной и богатой патри-

цианки? Ответить на этот вопрос трудно. Но оскорбленная в лучших своих чувствах Эннелин подала жалобу в епископский духовный суд. Процесс начался в 1436 г. и продолжался в 1437 г. Результаты процесса неизвестны. Это послужило первоосновой для дискуссии на тему «Был ли женат Гутенберг?» [53].

Еще в XVIII в. Иоганн Даниэль Шёпфлин, познакомившись с записями Венкера, утверждал, что суд принудил Гутенберга жениться. В пользу этого мнения как будто бы говорит тот факт, что в списках страсбургских налогоплательщиков с 1442 по 1449 г. упоминается Эннель Гутенберген. Шёпфлин указал и на тот факт, что 24 февраля 1443 г. Хансcе Гутенберг заплатил годовой налог на вино за две персоны — запись об этом сохранилась в бумагах Венкера [54]. Второй персоной, по мнению Шёпфлина, могла быть супруга будущего изобретателя книгопечатания.

В новое время аргументация Шёпфлина была поддержана и развита Артуром Виссом, которому категорически возражал Алоиз Руппель. Последний сослался на «Книгу военных налогов» Страсбурга за 1443—1444 гг., где упомянуты «Эллевибель цур Изерин Тюре и Эннель, ее дочь, живущие на винном рынке». Если бы Эннелин вышла замуж за Гутенберга, утверждал Руппель, она бы жила с ним, а не с матерью. По мнению этого известного гутенберговеда, богатая патрицианка и не могла серьезно стремиться выйти замуж за Гутенберга, которому во время процесса было уже свыше 40 лет [55]. По тем временам это был старческий возраст!

Доводы Руппеля не кажутся нам вескими. Женитьба Гутенберга в какой-то мере вступает в противоречие с созданным им образом одинокого и всеми гонимого изобретателя, ведущего борьбу с враждебным ему обществом. Вспомним, что статья Руппеля, посвященная декрету курфюрста Адольфа Нассауского, который за три года до смерти изобретателя признал его заслуги, называется «Единственный счастливый день Гутенберга» [56].

Вопрос о женитьбе изобретателя книгопечатания вроде бы остается открытым. Эннелин Железная Дверь оказалась счастливой находкой для беллетристов, создававших и по сей день создающих романы, повести и пьесы об Иоганне Гутенберге. Нет, пожалуй, ни одного художественного произведения об изобретателе,

Мастер домашней книги. Влюбленные
Конец XV в.

в котором Эннелин бы не фигурировала. Отметим, что число романов, повестей и пьес превышает сто названий. Существуют даже специальные указатели «Гутенберг в художественной литературе»; первый из них появился еще в 1900 г.[57]

Свидетелем со стороны Эннелин на процессе выступал сапожный мастер Клаус Шотт. Гутенбергу это не понравилось, и он, поссорившись с сапожником, назвал его «убогим, скудоумным человеком, который ведет презренный образ жизни, обманывая всех и каждого» [58]. Шотт привлек Гутенберга к суду за оскорбление. По приговору, вынесенному 30 августа 1437 г., обидчик был вынужден заплатить сапожному

мастеру в качестве компенсации 15 рейнских гульденов. Оригинал записи о процессе «Шотт—Гутенберг» по сей день хранится в Городском архиве Страсбурга. Документ этот был обнаружен и опубликован в 1900 г. Карлом Шорбахом [59].

Для биографов изобретателя книгопечатания материалы обоих процессов — свидетельство о вспыльчивом, буйном характере Иоганна Гутенберга. Нужно, однако, не забывать об односторонности этих материалов. Актовые документы XV в. большей частью связаны с судебными процессами, с долговыми расписками и обязательствами, с взысканием налогов. Они рассказывают нам о неприятностях в жизни тех людей, которые нас интересуют. Повседневная жизнь человека, в которой, конечно же, было немало счастливых дней, в архивах почти не отражена.

Читатель вправе спросить, почему же тогда мы задерживаем его внимание на этих документах. При той скудости источников, которыми мы располагаем, принимать во внимание приходится каждую мелочь. Важно буквально все. Каждый из документов прибавляет какую-либо новую черточку в создаваемом нами портрете изобретателя книгопечатания. А в совокупности они позволяют установить время пребывания Иоганна Гутенберга в Страсбурге.

Возьмем, например, запись от 9 июля 1439 г. в страсбургских регистрах, фиксирующих уплату налога на вино. Сами налоговые книги утеряны, но выписки из них сохранились в бумагах Якоба Венкера [60]. Документ свидетельствует, что Ганс Гутенберг фон Ментц заплатил налог за 1,5 фудра 6 оменов вина. В переводе на современные меры это составляет 1924 л. Количество, надо прямо сказать, обильное. Может ли один человек, не спившись окончательно, поглотить столько вина в течение года? Вряд ли! Видимо изобретатель жил в Страсбурге открытым домом, часто принимал гостей, да и в деньгах не нуждался.

И в дальнейшем Гутенберг пополнял запасы винного погреба и исправно платил налог. 24 февраля 1443 г. налог был заплачен за две персоны, о чем уже шла речь выше. Вторым человеком мог быть слуга изобретателя Лоренц Байльдек или его ученик Андреа Хейльман. И тот п другой упоминаются в материалах судебного процесса «Братья Дритцен против Гутенбер-

га». Документация процесса — один из важнейших источников, на которые опирается современное гутенберговедение.

Процесс «Братья Дритцен против Гутенберга». Документация, о которой идет речь, содержала шесть записей, собранных в три рукописи, которые известны в гутенберговедепии под индексами *A*, *B* и *C*. Все они хранились в так называемой Пфенииговой башне Страсбурга и были обнаружены здесь уже известным нам Якобом Венкером. Оригиналы погибли во время обстрела Страсбурга в 1870 г. во время франко-прусской войны. К счастью, к тому времени тексты рукописей были опубликованы.

Рукопись *C*, содержавшую постановление страсбургского совета от 12 декабря 1439 г., опубликовал в средневерхненемецком оригинале и в переводе на латинский язык еще в 1760 г. Иоганн Даниэль Шёпфлин [61]. Рукописи *A* и *B* подробно описал французский исследователь Леон де Ляборд. В 1840 г. он опубликовал оригинальный текст и его перевод на французский язык [62]. Рукопись *A* в свое время содержала 168 листов, переплетенных в пергамен. Называлась она «Постановление Большого совета 1439 г.». Рукопись *B* именовалась «Жалобы и показания Большого совета 1439 г.». В публикации Ляборда рукописи *A* и *B* частично воспроизведены факсимильно.

В 1940 г. критическое издание материалов процесса «Братья Дритцен против Гутенберга» было предпринято Отто В. Фурманом, который воспроизвел текст документов на эльзасском диалекте средневерхненемецкого языка и выполнил переводы на современный немецкий, английский и французский языки [63]. Публикация послужила основой для русского перевода, опубликованного в 1972 г. Э. В. Венгеровой-Зилинг [64]. Этот перевод мы и цитируем, рассказывая ниже о процессе.

Из документации явствует, что живший в Страсбурге Иоганн Гутенберг пользовался славой искусного и разностороннего мастера. В 30-х годах XV в. к нему обратился горожанин Андреа Дритцен с просьбой научить его шлифовать драгоценные камни. Гутенберг помог ему освоить это искусство. Впоследствии, когда Андреа умер, в оставленном им имуществе оказались «желтые, красные и зеленые камни».

Андреа Дритцен с успехом использовал полученные им знания; он полировал камни и «хорошо зарабатывал» на этом. Впоследствии, «спустя довольно длительное время», как утверждается в постановлении Страсбургского совета от 12 декабря 1439 г., Гутенберг «вместе с Гансом Риффе, фогтом из Лихтенау, занялся неким искусством, которое собирался использовать на паломничестве в Аахене». О том, что это за «искусство», постановление не сообщает. Но в других материалах процесса, в частности в свидетельских показаниях священника Антония Хейльмана, идет речь об «изготовлении зеркал для Аахенского паломничества».

Аахен, или, как в последнее время транскрибируют, Ахен,— город неподалеку от Кёльна, на самой границе с Нидерландами, в прошлом резиденция Карла Великого. Паломничество к аахенским святыням происходило каждые семь лет. В 1496 г. через городские ворота Аахена прошло в течение одного лишь дня 142 тыс. пилигримов. Торговцы и ремесленники во время паломничества привозили в Аахен товары и с успехом сбывали их здесь.

Не раз высказывалось предположение, что под «зеркалом» материалы страсбургского процесса понимают «Зерцало человеческого спасения» («Speculum humanae salvationis»). Так называлась популярная в ту пору адаптация библейского текста, повествующая о первородном грехе и его искуплении муками Христа. Известны четыре издания этой книжицы, насчитывавшей в полном виде до 58 страниц, воспроизведенных ксилографическим путем с гравированных на цельных деревянных досках зеркальных изображений текста и иллюстраций[65]. В двух изданиях текст дается на латинском языке, а в двух — на фламандском. Именно такие издания и могли найти сбыт в Аахене.

Гутенберговеды в прошлом и хотели бы видеть в «зеркалах» страсбургской документации эти опыты примитивной печати, иллюстрируя тем самым постепенный переход изобретателя к наборной технике, которая легла в основу современного книгопечатания. Документы, однако, для этого никаких оснований не дают. Речь, скорее всего, идет об обычных зеркалах, которые в XV в. изготовляли из металлических пластин, поверхность которых тщательно полировалась. Вспомним, что именно искусству полировки Иоганн Гутенберг обучал Андреа Дритцеиа. Пластины поме-

щали в медные или бронзовые литые или штампованные рамки, изготовление которых требовало большого искусства. Занимались этим ювелиры, золотых дел мастера, к цеху которых Гутенберг был одно время приписан.

Товарищество с Гансом Риффе было заключено на условии, что Гутенберг получает две трети прибылей, а Риффе — одну треть. Это недвусмысленно говорит о ведущем положении изобретателя. Узнав о новом предприятии своего учителя, Андреа Дритцен стал просить Гутенберга принять в товарищество и его. Как рассказывается в постановлении Страсбургского совета, Андреа «просил... обучить и наставить его в этом искусстве, предлагая, что заплатит за это столько, сколько (Гутенберг) пожелает». Изобретатель согласился.

О новом товариществе узнал и друг Гутенберга Антоний Хейльман, священник, декан Братства св. Петра. Духовный сан не позволял ему участвовать в задуманном предприятии. Он стал просить Гутенберга принять в товарищество его брата Андреа. В показаниях Хейльмана, выступавшего на страсбургском процессе в качестве свидетеля со стороны Гутенберга, подробно и живо передан его разговор с изобретателем.

Отвечая Хейльману, Гутенберг сказал, что не знает, как ему поступить: «Вдруг друзья Андреа завтра скажут, что это шарлатанство, а он этого не желает».

Комментируя ответ, советская исследовательница Э. В. Венгерова-Зилинг замечает: «Если бы...договор касался изготовления простых зеркал, вряд ли Гутенберг стал бы опасаться упреков в шарлатанстве. Очевидно, дело было неизвестным и новым»[66]. Определенный резон в таком утверждении есть. Э. В. Венгерова-Зилинг сообщает, что Хейльманы владели бумажной мельницей; естественно, что они были больше заинтересованы в опытах печатания, чем в изготовлении зеркал.

Изобретатель все же согласился принять Хейльмана в товарищество. «Раз уж он сделал так много для них,— сказал он обоим Андреа — Дритцену и Хейльману,— и они во всем пришли к соглашению ничего не скрывать друг от друга, то это послужит на благо всем». Денежные дела решили таким образом. Гутенберг должен получить половину прибыли, Ганс Риффе — четверть, а Дритцен и Хейльман — по одной

восьмой части. За обучение искусству изготовления зеркал Дритцен и Хейльман согласились заплатить Гутенбергу по 80 гульденов каждый. «Эти деньги,— говорил впоследствии на процессе Антоний Хейльман,— уплачивались лично Гутенбергу за долю и за искусство и не были вложены в товарищество».

После того как соглашение было подписано, Дритцен и Хейльман переехали в дом Гутенберга, который жил в предместье святого Арбогаста. Об этом рассказывал на процессе Мидехарт Штокар. Ученики, впрочем, большей частью жили в доме мастера. Слуга Гутенберга Лоренц Байльдек утверждал на процессе, что Андреа Дритцен «часто ел у Иоганна Гутенберга, но никогда (Лоренц) не видел, чтобы он заплатил хотя бы пфенниг».

Это утверждение показалось оскорбительным Иорге Дритцену, брату Андреа. Он крикнул: «Слушай ты, правдивый свидетель! Ты мне скажешь правду, даже если я попаду из-за тебя на виселицу!» Байльдек впоследствии жаловался суду: «Иорге нагло оскорблял меня и говорил, что я подлый лжесвидетель и злодей, чем обидел меня перед богом и людьми».

Со временем, рассказывал на суде свидетель Мидехарт Штокар, Дритцен и Хейльман узнали, что «Гутенберг скрывал от них некое искусство, которое он не обязан был показывать им». К тому времени выяснилось, что аахенское паломничество, первоначально намеченное на 1439 г., отложено до 1440 г. Значит, с изготовлением зеркал можно было не торопиться. Тогда ученики стали просить мастера, чтобы он посвятил их в тайны «нового искусства». Что это было за «искусство», документы страсбургского процесса не рассказывают. Гутенберг и на этот раз согласился. Стороны быстро пришли к соглашению, условия которого зафиксированы письменным договором. Дритцен и Хейльман обязались «добавить к 80 гульденам столько, чтобы получилось по 500 гульденов». Договор предусматривал, что если бы один из подписавших его умер, товарищество должно было выплатить наследникам 100 гульденов. Остальные деньги оставались в деле. «А из форм и прочего оборудования,— свидетельствовал на суде Антоний Хейльман,— наследникам ничего не положено».

И опять же гутенберговеды задают себе вопрос: о каких формах идет речь? Не о формах ли для отлив-

ки типографских литер? В показаниях Хейльмана есть совсем уже непонятный пассаж. Ему хорошо известно, утверждал он, что, незадолго до Рождества Гутенберг посылал своего слугу к обоим Андреа принести все формы; и они были расплавлены у него на глазах, и он сожалел о некоторых из них». Но упоминание о формах многозначительно!

Чтобы заплатить Гутенбергу 500 гульденов, Андреа Дритцен заложил чуть ли не все свое имущество. Многие свидетели показали на суде, что он одалживал у них деньги. К предприятию, которое держалось в секрете, Андреа относился с энтузиазмом.

Свидетельница Барбель фон Цаберн, торговка, рассказывала на процессе, что «однажды ночью она разговаривала о разных вещах с Андреа Дритценом и, между прочим, спросила его, почему он так поздно не ложится спать». «Сначала я должен сделать это»,— ответил Дритцен. Что именно «это», материалы процесса не раскрывают. Барбель в ответ сказала: «Господи, столько денег вы тратите, наверное, это стоило больше 10 гульденов».

«Ты дура, если думаешь, что это стоило мне всего 10 гульденов,— сказал Андреа.— Послушай, будь у тебя столько — больше 300 гульденов, тебе бы хватило на всю жизнь, а то, что мне это стоило почти 500 гульденов, так это даже мало, ведь потом понадобится еще, и я заложил все мое имущество и наследство».

«Упаси бог,— воскликнула Барбель,— это не удастся, что вы тогда будете делать?»

«Неудачи быть не может,— ответил Дритцен,— не пройдет и года, как мы вернем наше состояние и все будем счастливы, если бог нас не накажет».

Ночной разговор, переданный Барбель фон Цаберн с удивительной непосредственностью, говорит о многом, но, к великому сожалению, не раскрывает технической сути того «искусства», над совершенствованием которого работали компаньоны. Предприятие обещало быструю и верную прибыль, которая не шла ни в какое сравнение с суммой затрат, а они, как нам известно, были высоки.

Дритцен собирался разбогатеть в течение года. Судьба, однако, распорядилась иначе. «В день св. Иоанна Крестителя на Рождество, когда был крестный ход», Андреа заболел и вскоре умер. Об этом рассказал на процессе Мидехарт Штокар, в доме которого боль-

ной провел последние дни. Передал он и следующий разговор.

«Андреа,— спросил Мидехарт,— как ты себя чувствуешь»?

«Очень плохо,— ответил Дритцен.— Я точно знаю, что умру. Лучше бы я никогда не вступал в товарищество».

«Почему?» — спросил Штокар.

«Я хорошо знаю,— сказал Андреа,— что мои братья никогда не придут к согласию с Гутенбергом».

«Разве товарищество не имеет письменного контракта?» — удивился Штокар.

Он не знал, что контракт предусматривал выплату наследникам всего 100 гульденов.

Как предсказывал Дритцен, так и получилось. Братья покойного Иорге и Клаус потребовали, чтобы Гутенберг принял их в товарищество вместо Андреа или же вернул деньги, вложенные в предприятие. Гутенберг, ссылаясь на договор, отказал. Тогда братья обратились за помощью в Страсбургский совет. Постановление последнего состоялось 12 декабря 1439 г., оно подписано бургомистром Куном Ноне. Совет поддержал Гутенберга. «Поскольку существует документ,— говорилось в решении,— который свидетельствует, каким образом должно было произойти предполагаемое соглашение, Ганс Риффе, Андреа Хейльман и Ганс Гутенберг должны принести присягу на Священном писании, что дело было так, как сказано в вышеупомянутой записи соглашения, и что запись эта должна была служить основанием для официального договора, скрепленного печатью, если бы Андреа Дритцен оставался в живых, и Ганс Гутенберг должен также поклясться, что 85 гульденов остались ему неуплаченными Андреа Дритценом. Тогда эти 85 гульденов будут вычтены из вышеупомянутых 100 гульденов, и оставшиеся 15 гульденов должны быть вручены упомянутым Иорге и Клаусу Дритценам, и тем самым 100 гульденов будут выплачены согласно упомянутой выше записи соглашения».

Товарищество заплатило Дритценам 15 гульденов, на чем дело и было закончено.

Над чем работало товарищество? Отдельные упоминания в свидетельских показаниях и в решении совета позволили историкам сделать любопытные предположения. Прежде всего надо сказать о показаниях золотых

дел мастера Ганса Дюнне, который прямо заявил, что «три года назад он заработал у Гутенберга сто гульденов на том, что относится к печатанию» — «trucken». Этот термин, употребленный здесь впервые, для нашего слуха вроде бы недвусмыслен, но ведь мы не знаем, что обозначал оп в 30-х годах XV в. А. Руппель связывает этот глагол с производственным процессом, который осуществляли так называемые «брифмалеры» [67], которые неоднократно упоминаются в источниках. Эти ремесленники печатали изображения и небольшие тексты с цельных, гравированных на деревс форм. Так или иначе, но приходится признать, что за три года до процесса, еще в 1436 г., Гутенберг что-то «печатал», хотя мы и не знаем, как он это делал.

Ганс Дюнне, который произнес на страсбургском процессе это слово, был сыном Петера Дюнне, франкфуртского гравера, который изготовлял штампы для тиснения монеты. Ганс перебрался из Франкфурта в Страсбург около 1429 г. Страсбургские источники упоминают о нем еще в 1447 г., когда оп уже стал гражданином этого города.

В постановлении Страсбургского совета называется свинец — основной материал для изготовления типографских литер: «Андреа Дритцен во многих случаях, когда они покупали свинец и прочее, что сюда относится, был поручителем, одалживал и оплачивал расходы»,— так утверждал брат покойного Иорге; «Андреа Дритцен никогда не давал поручительств за него, ни за свинец, ни за что другое»,— это установил совет. Кто прав, мы разбираться не будем. Для нас важно, что в «искусстве», которым занималось товарищество, нужен был свинец.

Упоминается и «пресс», который изготовил столяр Конрад Заспах. В прессе лежали четыре «предмета», судьба которых очень беспокоила Гутенберга. Пресс находился в доме резчика по дереву Ганса Шультхайса, жена которого была теткой братьев Дритценов. После смерти Андреа Гутенберг послал своего слугу Лоренца Байльдека к Шультхайсу. Байльдек сказал Клаусу Дритцену, который там находился: «Дорогой Клаус Дритцен, покойный Андреа Дритцен имел четыре предмета, лежавших в прессе, и Гутенберг просил вас вынуть их из пресса и разобрать, чтобы никто не знал, что это такое, потому что ему бы не хотелось, чтобы это кто-нибудь видел». Клаус согласился и по-

шел в мастерскую, но никаких «четырех предметов» он не нашел.

Примерно о том же рассказал на суде и Конрад Заспах. К нему в мастерскую на улице Кремергассе пришел Андреа Хейльман и сказал: «Дорогой Конрад! Андреа Дритцен умер, а ты изготовил пресс и разбираешься в деле, так пойди, вынь эти предметы из пресса и разбери их, чтобы никто не знал, что это такое».

Компаньоны заботились о сохранении тайны, что в условиях средневекового ремесла было исключительно важно. Заспах хотел выполнить просьбу, но не смог, ибо, как он сказал на суде, «вещь эта исчезла».

«Когда умер покойный Андреа,— рассказывал на процессе Антоний Хейльман,— и свидетель (Хейльман.— *Е. Н.*) понял, что люди захотят увидеть пресс, Гутенберг сказал, чтобы они послали за прессом, так как он боялся, что пресс увидят. И он послал своего слугу туда (в дом Шультхайса.— *Е. Н.*), чтобы тот разобрал пресс».

Что это был за пресс? И что представляли собой «четыре предмета», в которых как будто бы скрывалась суть изобретения?

Предположений по этому поводу более чем достаточно!

Представители майнцской школы гутенберговедения, стремившиеся в конечном счете доказать, что книгопечатание впервые появилось в их родном городе, утверждали, что термин «trucken» — «печатать» относится не к печатанию, а к тиснению. Фридрих Адольф Шмидт-Кюнземюллер писал о том, что рамы для зеркал в ту пору изготовляли путем отливки в каменные или металлические формы [68]. Усовершенствование Гутенберга, о котором шла речь на страсбургском процессе, по его мнению, состояло в том, что изобретатель перешел от отливки рам к их штамповке с помощью предварительно гравированных штампов. Конрад Заспах сделал пресс именно для штамповки. Что же касается золотых дел мастера Ганса Дюнне, то он заработал свои 100 гульденов, изготовив для Гутенберга штампы для тиснения.

Процесс гравирования штампов и использования их для тиснения и послужил Гутенбергу техническим прообразом предложенного им впоследствии способа изготовления матриц для отливки литер — с помощью

гравированных на твердом металле пуансонов. Подбирая же состав сплава для отливки самих металлических зеркал (в сплав этот для твердости добавлялась сурьма), изобретатель постепенно отрабатывал состав типографского металла — гарта.

Высказывалось также мнение, что Гутенберг одновременно с зеркалами, готовил памятные значки, которые продавались пилигримам во время паломничества. Ландграф Гессенский Людвиг I приобрел в 1431 г. в Аахене при посещении знаменитого собора, воздвигнутого около 800 г. Карлом Великим, «Spiegel und Zeichen» («зеркало и значки») [69]. Значки эти отливали из бронзы, меди или свинца. Они нередко имели небольшие надписи. Воспроизведение литых надписей могло привести Гутенберга к мысли о литье типографских литер.

Клаус В. Герхардт недавно выдвинул новую гипотезу [70]. По его мнению, Гутенберг в Страсбурге проводил опыты изготовления литер методом тиснения. Для этой цели из стали или железа делались пуансоны с гравированными углубленными изображениями букв. Тиснение осуществляли с помощью пресса Конрада Заспаха. В нижней части пресса с помощью специальной державки укреплялся брусок из мягкого металла, на котором производилось тиснение. Державка состояла из четырех частей, скрепленных двумя винтами. Эту державку и собирался вынуть из пресса Лоренц Байльдек, чтобы никто не догадался, в чем состоит суть изобретения.

По мнению многих гутенберговедов, жемчужное зерно книгопечатания — это словолитная форма. Если согласиться с гипотезой К. В. Герхардта, не следует связывать страсбургские опыты книгопечатания с книгопечатанием. Что же касается тисненых литер, то их могли использовать и для воспроизведения надписей на переплетах.

Многие исследователи, напротив, в «четырех предметах», изъятых из пресса, видят словолитную форму. Соглашаясь с этим, Густав Мори, однако, утверждал, что форма эта не предусматривала отливку литер в матрицы, а была своеобразной опокой для отливки в песок по деревянной модели [71]. С реконструкцией Мори мы познакомимся ниже.

Так или иначе, но Иоганн Гутенберг какие-то опыты печатания в Страсбурге предпринимал, это бес-

спорно. Выиграв процесс против братьев Дритценов, он продолжал жить в эльзасском городе и совершенствовать изобретение.

Архивные источники свидетельствуют о пребывании Гутенберга в Страсбурге вплоть до 1444 г. В долговой книге страсбургского Братства св. Фомы сохранилась запись о том, что некий рыцарь Иоганн Карле взял в долг из братской казны 100 фунтов динаров. При возвращении долга он обязался выплатить проценты в размере 5 фунтов динаров. Поручителями за должника выступили «Иоганнес Гензфляйш, называемый Гутенбергом, из Майнца, проживающий в Страсбурге» и рыцарь Лютольд фон Рамштейн [72]. Если бы Карле не вернул долг в срок или бы отказался заплатить проценты, это обязаны были сделать поручители.

Документ говорит о том, что финансовое положение Гутенберга в этот момент было устойчивым и прочным. Поручителями выступали состоятельные и уважаемые горожане. Проходит, однако, незначительный срок, и Гутенберг сам становится должником. 17 ноября 1442 г. он одалживает в том же Братстве св. Фомы 80 фунтов динаров [73]. Размер процентов определен в 4 фунта, т. е. в 5% годовых. Проценты нужно было выплачивать ежегодно в день св. Мартина. Поручился за изобретателя страсбургский горожанин Мартин Рехтер. В качестве залога Гутенберг предложил ренту размером в 10 золотых гульденов, которую он унаследовал от своего сводного дяди Иоганна Легмейера, майнцского судьи.

Из расчетных книг Братства св. Фомы явствует, что Иоганн Гутенберг регулярно в день св. Мартина с 1444 по 1457 г., когда он жил уже в Майнце, уплачивал проценты по долгу [74]. В 1458 г. он прекратил выплаты. Братство подало на него в суд [75].

Впрочем, мы несколько забежали вперед. Вернемся в Страсбург, где Иоганн Гутенберг после процесса с братьями Дритценами продолжал работать над изобретением. 22 января 1444 г. Ганс Гутенберг и Андреа Хейльман упомянуты в списке лиц, приписанных к цеху золотых дел мастеров [76]. А значит, товарищество еще существует, занимается совершенствованием неизвестного нам искусства и заботится о получении официального статуса.

24 февраля 1443 г. и 12 марта 1444 г. Гутенберг

платил налог за вино, причем не за одного, а за двух человек[77]. Последняя из этих записей — самое позднее упоминание о пребывании изобретателя в Страсбурге. Сохранился, правда, еще один документ, который, однако, не датирован. Примерная дата может быть установлена в связи с событиями, которые вызвали его к жизни.

В 1444 г. над Страсбургом нависла угроза нашествия арманьяков — феодальной группировки, которой предводительствовал граф Арманьяк. Она боролась за власть с бургиньонами — сторонниками бургундских герцогов. Сохранился список страсбургских патрициев-ополченцев, относящийся, видимо, к тому периоду, когда город готовился встретить арманьяков. Список обнаружен в архиве Страсбурга Карлом Шорбахом и опубликован в 1892 г.[78] В нем упомянут и Ханссе Гутенберг, который должен был в случае войны стать ополченцем и обеспечить «пол-лошади», т. е. заплатить сумму, необходимую для приобретения с кем-то на пару и содержания боевого коня.

Следующий документ, в котором упомянуто имя Гутенберга, составлен 17 мая 1448 г. Из него явствует, что изобретатель в это время находился уже не в Страсбурге, а в Майнце.

Что делал он между 12 марта 1444 г. и 17 мая 1448 г., мы не знаем. Есть, правда, различные гипотезы, намечающие маршруты Гутенберга в годы странствий. Но прежде чем рассказать о них, поговорим о дате изобретения Гутенберга.

Когда Иоганн Гутенберг изобрел книгопечатание? Ответить на вопрос было бы легко, если бы в нашем распоряжении имелись издания, точно датированные и подписанные изобретателем. Таких изданий, к великому сожалению, нет.

Древнейшая датированная печатная книга, в которой указаны имена типографов,— это Псалтырь, выпущенная в свет в Майнце Петером Шеффером и Иоганном Фустом 14 августа 1557 г.

В знаменитой 42-строчной Библии, которую некоторые современные исследователи считают вообще самой первой печатной книгой, выходных сведений нет. Но на одном из ее экземпляров, который ныне находится в Париже, есть записи художника-рубрикатора, датированные 15 августа 1556 г. Таким образом, мож-

но утверждать, что этот шедевр первопечатания увидел свет по крайней мере раньше указанной даты.

Так называемый «Турецкий календарь», о котором будет рассказано ниже, предназначен для 1455 г.; эта дата проставлена в последней строке первой страницы издания. А значит, оно печаталось осенью 1454 г.

Наконец, имеются две печатные индульгенции: одна — 30-строчная и другая — 31-строчная. Даты их приобретения вписывались от руки. Старейшая из дат на первой из них — 27 февраля 1455 г., на второй — 22 октября 1454 г.

Вот и все, что нам предлагают первопечатные издания для их датирования. Мы говорим сейчас лишь о тех датах, которые зафиксированы на самих книгах. О логических умозаключениях историков, предлагавших различные даты, речь пойдет ниже.

Итак, если отталкиваться от самих изданий, в нашем распоряжении нет более ранней даты, чем 22 октября 1454 г.

Есть, однако, еще одна группа источников, которую сбрасывать со счета не приходится. Это свидетельства современников. В их поисках ученые прежде всего обратились к средневековым хроникам города Майнца. В одной из них очень подробно рассказывается о событиях 1440—1450-х годов[79]. Речь идет о ранней зиме 1440 г., о нападении французов в 1444 г., о небывалой осени 1445 г., когда дождь не переставая лил восемь недель подряд. Неизвестный нам по имени хронист повествует о том, что весной 1446 г. в городе появилось множество майских жуков, хотя весна эта и была холодной, рассказывает о том, что летом 1448 г. Рейн сильно обмелел. Но мы не найдем здесь ни одного слова о событии, имевшем колоссальное значение для всей последующей истории человечества. О первых опытах книгопечатания хронист молчит. Современникам не дано оценить великие свершения, происходившие у них на глазах.

Ни словом не упоминает о книгопечатании и хроника, именуемая «Сказаниями о старых событиях в достопамятном городе Майнце»; изложение событий доведено здесь до середины XV в.[80]

Правда, существует более поздний источник — «Хроника архиепископов города Майнца», восходящая к XVI в. Здесь имеется следующая запись, отнесенная ко времени правления архиепископа Дитриха Шенка

фон Эрбаха (он занимал кафедру с 1434 по 1459 г.): «Во время правления этого архиепископа в городе Майнце было впервые изобретено благородное искусство книгопечатания одним богатым горожанином по имени Ганс Гуденбергер (Hanns Gudenberger) ...» Точной даты здесь нет. Да и достаточно поздний источник не может быть признан свидетельством современника.

Старейшее из известных нам указаний даты изобретения книгопечатания мы, на удивление, найдем не в немецкой, а в итальянской хронике.

В средние века большой популярностью пользовались исторические сочинения Евсевия Памфила, епископа Кесарийского (между 260 и 265—338). Типографы XV в. охотно издавали «Церковную историю» и «Хронику», перевод которой на латинский язык приписывали святому Иерониму. Издание «Хроники», вышедшее в свет в Венеции 13 сентября 1483 г. из типографии Эрхарда Ратдольта (ок. 1447—1528), примечательно тем, что текст в нем дополнен; над этим потрудился флорентинец Маттео Пальмиери. Он, в частности, писал: «Насколько все люди, занимающиеся наукой, должны благодарить немцев, можно сказать, не будучи мудрецом. Ибо Иоганн Гутенберг цум Юнген, рыцарь из Майнца на Рейне, прилежным умом своим в 1440 г. открыл искусство книгопечатания, которое ныне распространилось по всей земле. Это позволяет потомкам читать размноженные во многих томах произведения античных писателей и покупать эти тома по дешевой цене» [81].

Пальмиери, вне всякого сомнения, хорошо осведомлен. Он знал даже о близости Гутенберга с родом «цум Юнген»; из этого рода происходила его прабабка Неса цум Юнген цум Эзельвек. Имеются сведения (их сообщает в 1505 г. аббат Иоганн Тритемий), что Иоганн Гутенберг жил в доме «цум Юнген» и именно здесь и изобрел книгопечатание [82].

Сообщение Пальмиери, хотя в нем указан 1440 г., помещено под датой «1457». Это ввело в заблуждение хрониста Боссия Доната, который в своей «Хронике», увидевшей свет в 1492 г. в Милане, пишет: «1457. В этом году немцем по имени Гутембер (Gutember) было изобретено искусство печатать книги, наиболее светоносное среди всех наук» [83]. Пальмиери же поместил свое сообщение под 1457 г., видимо, потому, что

в этом году вышла Псалтырь Петера Шеффера и Иоганна Фуста — первая точно датированная печатная книга.

К 1440 г. относит изобретение книгопечатания гуманист Гартман Шедель, автор знаменитой «Книги хроник», изданной в 1493 г. в Нюрнберге «королем типографов» Антоном Кобергером. Та же дата, хотя и с некоторыми уточнениями, названа в «Хронике святого города Кельна», выпущенной в свет в августе 1499 г. кельнским типографом Иоганном Кельхофом. Здесь помещен текст «О книгопечатании», который мы предлагаем вниманию читателей:

«Это высокодостойное искусство впервые в Германии было изобретено в Майнце на Рейне, и в том большая честь для немецкой нации, что среди нее нашлись такие мудрые люди. Случилось это в 1440 году; с того времени и до 1450 года искусство это и все, что принадлежит к нему, совершенствовалось. В 1450 году, который был золотым годом, начали печатать, и первая книга, которую напечатали, была латинская Библия. Она напечатана крупным шрифтом, каким и сейчас печатают богослужебные книги. И когда это искусство описанным путем достигло Майнца, были и первые прообразы ему в Голландии в виде Донатов, которые в это время там печатали. Так было положено начало искусству. И оно стало более совершенным и изящным, а со временем и более художественным. Один человек по имени Омиебонус написал в предисловии к книге, именуемой Квинтилианом, и в других книгах: некий валлонец из Франции, называемый Николай Иенсон, изобрел это мастерское искусство. Но это очевидная ложь, ибо еще живы те, кто печатали в Венеции до Николая Иенсона и начали там резать шрифты и изготовлять их. В действительности первым изобретателем книгопечатания был горожанин Майнца, родившийся в Страсбурге, которого звали юнкер Иоганн Гуденбурх (Gudenburch). Из Майнца искусство это в первую очередь пришло в Кёльн, затем в Страсбург, а потом в Венецию. О начале и успехах искусства рассказал мне почтенный человек, мастер Ульрих Целль из Ханау, типограф из Кёльна, который принес это искусство в Кёльн; он работает и в настоящее время (в 1499 г.). Есть, правда, некоторые дерзкие люди, которые говорят, что и ранее печатали книги, но это не-

правда, ибо ни в одной стране нет книг, которые печатали бы в то время»[84].

Сообщение восходит к Ульриху Целлю (умер после 1507 г.), который в 1453 г. учился в Эрфуртском университете, а в 1464 г. стал студентом Кёльнского университета. Год спустя он основал первую в Кёльне типографию. Нет никакого сомнения, что Целль знал Гутенберга и, скорее всего, учился у него типографскому искусству. Тем не менее некоторые сведения, приведенные в «Хронике святого города Кёльна», ошибочны. Это относится прежде всего к утверждению о том, что Кёльн был вторым после Майнца городом, узнавшим книгопечатание, а Венеция — третьим. На самом деле типографский станок появился сначала в 1458 г. в Бамберге и Страсбурге, затем в 1465 г. в Кёльне и Субиако, а в 1467 г. в Риме и Эльтвилле. Венеция узнала новое искусство лишь в 1469 г. Сведения о Кёльне можно отнести на счет местного патриотизма составителя хроники.

Итак, три древнейших сообщения о начале книгопечатания, относящиеся к XV в., указывают на 1440 г. как на время изобретения типографского станка. К этой дате восходит и традиция юбилеев книгопечатания.

Первый раз такой юбилей отмечали в 1540 г., затем в 1640 г. и так далее каждые 100 лет. Традиции не помешал и тот факт, что в начале XVI в. в литературе появилась новая дата — 1450 г. Впервые она встречается в посвящении императору Максимилиану I в «Римской истории» Тита Ливия, изданной в 1505 г. в Майнце Иоганном Шеффером, сыном Петера Шеффера, ученика Гутенберга, и внуком Иоганна Фуста, его заимодавца. В посвящении, в частности, говорится: «Этот труд... законченный и напечатанный в достославном городе Майнце... в каковом городе изначально изобретено удивительное искусство книгопечатания и прежде всего искусным Иоганном Гутенбергом (Güttenbergk) в год после Рождества Христова тысяча четыреста и пятидесятый, а затем прилежно улучшено и сделано постоянным средствами и трудом Иоганна Фауста и Петера Шеффера из Майнца»[85].

Проходит несколько лет, и в послесловии Часослова, изданного в Майнце в 1509 г., Иоганн Шеффер называет изобретателем уже одного своего деда — Иоганна Фуста[86]. Аналогичное указание — и в после-

словии к «Истории франков» аббата Иоганна Тритемия. Здесь сказано, что книга напечатана «в благородном и знаменитом городе Майнце... Иоганном Шеффером, внуком почтенного человека, покойного Иоганна Фуста, майнцского горожанина, первого изобретателя помянутого искусства»[87]. Далее сказано, что об изобретении задумались впервые в 1450 г., а в 1452 г. оно было «с божьей помощью окончено и введено в употребление». Эта версия впоследствии получила широкое распространение. Оттянуть изобретение книгопечатания на 10—12 лет Иоганну Шефферу было выгодно, ибо это способствовало утверждению приоритета его деда и отца.

Говоря об изобретении и первых опытах книгопечатания, дате «1440 год», на наш взгляд, следует отдать предпочтение перед датой «1450 год». В 1440 г. Иоганн Гутенберг был в Страсбурге. Значит, именно в этом эльзасском городе и были предприняты первые опыты нового искусства. Сохранились и древнейшие произведения типографского станка, пусть недатированные и анонимные. О них мы еще расскажем. Пока же наметим возможные пути скитаний Иоганна Гутенберга.

Прокоп Вальдфогель — Иоганн Гутенберг? Имя Прокопа Вальдфогеля стало известно в 1890—1891 гг., когда аббат Анри Реквен опубликовал брошюру и серию статей, посвященных находкам, сделанным им в архиве Авиньона[88]. Этот город на юге Франции знаменит так называемым авиньонским пленением римских пап, продолжавшимся с 1309 по 1377 г.

Из актов, обнаруженных А. Реквеном, следовало, что золотых и серебряных дел мастер из Праги Прокоп Вальдфогель производил в 1444—1446 гг. в Авиньоне какие-то опыты, обозначаемые как «искусство искусственного письма» (ars artificialiter scribendi). В акте от 4 июля 1444 г. Вальдфогель свидетельствует, что он изготовил два алфавита из стали, 48 оловянных форм и другие различные формы для магистра Мано Виталиса, который в ту пору учился в Авиньоне.

Все это, по словам Прокопа, было предназначено для «искусственного письма». Упоминаются в акте «винт из стали», который мог быть частью типографского станка, а также две «железные формы»,

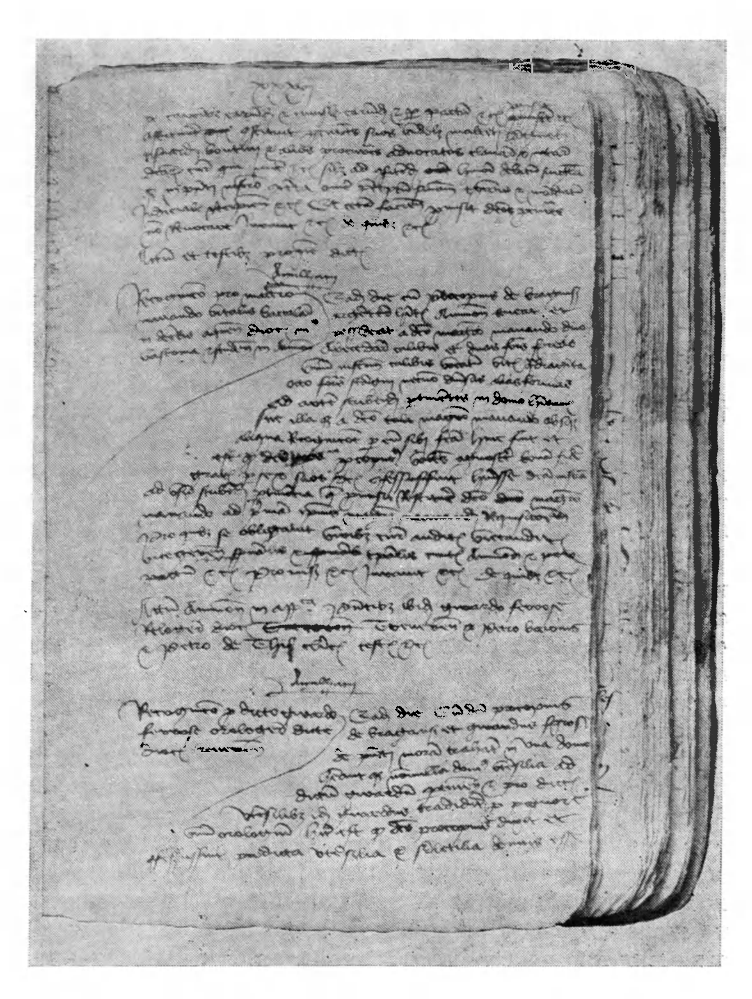
в которых некоторые исследователи видят словолитный инструмент.

Сохранились и другие документы, свидетельствующие о том, что Вальдфогель обучал желающих новому искусству, взяв с них обязательство никогда и никому об этом не рассказывать. Один из учеников, часовых дел мастер Жирар Феррозе, 4 июля 1444 г. поклялся, что не будет применять перенятое им у Вальдфогеля «искусство письма» ни в Авиньоне, ни где-либо еще в пределах 12 миль от города.

Постепенно круг учеников расширялся. 26 августа 1444 г. Вальдфогель обязался обучить «искусству письма» Жоржа де ла Жардена, доставив ему для этой цели все необходимые инструменты. За это Прокопу был положен гонорар в размере 10 гульденов в первый месяц обучения и по 8 гульденов — в каждый последующий. Ученик обещал никого не посвящать в секреты искусства, не поставив предварительно в известность учителя.

В течение полутора лет документы молчат о Прокопе Вальдфогеле. 10 марта 1446 г. он появляется снова. В этот день Прокоп обязался изготовить для еврея Давена де Кадерусса 27 вырезанных из железа еврейских букв с принадлежащим к этому делу инструментом из дерева, олова и железа. Давен обязался ни одному человеку в мире ни прямо, ни косвенно не сообщать об этом, по крайней мере до тех пор, пока Вальдфогель находится в Авиньоне. Он обещал также никому не рассказывать, кто обучил его таинственному «искусству». Документ от 26 апреля 1446 г. сообщает, что Прокоп получил обратно все то, что он ранее передал Давену, за исключением 48 вырезанных из железа букв. Давен еще раз подтвердил обязательство никому не сообщать о полученных им сведениях как в Авиньоне, так и в окрестностях города на расстоянии в 30 миль от него.

Примерно за полмесяца перед этим Вальдфогель потребовал, чтобы Мано Виталис возвратил ему инструменты для «искусственного письма», сделанные из железа, стали, меди, латуни, свинца, олова и дерева и, в свою очередь, сам вернул ему 12 гульденов. Больше мы о Вальдфогеле ничего не узнаем. Он пропадает из Авиньона. Имя его отныне никогда не встретится в архивной документации ни во Франции, ни в какой-либо другой стране.

Акт о Прокопе Вальдфогеле

Находка Реквена толковалась однозначно: в 1444—1446 гг. Прокоп Вальдфогель предпринял в Авиньоне какие-то, пусть примитивные, опыты книгопечатания. Это подрывало приоритет Гутенберга, хотя ни одного оттиска ранней французской печати никогда найдено не было. Патриоты Майнца пытались, правда, объявить «искусство искусственного письма» чем-то вроде каллиграфии. Попытки такие продолжаются и сего-

дня. Назовем в этой связи недавнюю статью Альфреда Сверка [89].

Скептикам хорошо ответил всемирно известный биограф Гутенберга Алоиз Руппель [90]. Чтобы учиться обычному письму, пускай каллиграфическому, утверждал он, никто не стал бы обращаться к ювелиру, каким был Прокоп Вальдфогель. Кроме того, магистр Мано Виталис и сам, конечно же, умел искусно писать. Гонорар, полученный Вальдфогелем, слишком высок, если речь шла об обычной каллиграфии. Наконец, чтобы учиться красиво писать, нужно иметь умело заточенное перо, чернильницу и писчий материал. Никакие металлические буквы, «формы», «стальной винт», которые упоминаются в актах, для этого не нужны.

Значит, Вальдфогель печатал! Но как же тогда быть с приоритетом Иоганна Гутенберга? Приоритет от этого не страдает, ибо, по мнению Руппеля, «весьма вероятно», что между Гутенбергом и Вальдфогелем были какие-то связи [91].

Историки книгопечатания начали искать такие связи. Выяснили, что Прокоп был еще до 1427 г. изгнан гуситами из Праги. В 1439 г. он приехал в Люцерну, где перед Рождеством получил гражданство, заплатив за это пошлину размером в один гульден. Как раз в это время в Страсбурге происходил процесс между Гутенбергом и братьями Иорге и Клаусом Дритценами. Три года спустя Иорге объявился в Люцерне и завел здесь торговое дело. Он мог встречаться с Вальдфогелем и рассказывать ему об изобретении Гутенберга.

Обнаружились и определенные связи Авиньона со Страсбургом. В документе от 5 апреля 1446 г. упоминается о пребывании в этом городе купца Арбогаста Базиля из Страсбургской диоцезии [92]. В другом авиньонском документе назван ювелир Вальтер Риффе из Страсбурга. Вспомним, что компаньоном Гутенберга одно время был Иоганн Риффе. Родственные отношения обоих Риффе нам неизвестны, но они могли быть и братьями.

Предположить, что Иорге Дритцен или Вальтер Риффе рассказали Вальдфогелю об изобретении и что тот воспользовался полученными сведениями, было бы слишком элементарным решением вопроса. Н. В. Варбанец, размышляя об отношениях Гутенберга и Вальд-

фогеля, заметила определенный «стереотип поведения» первого в Страсбурге и второго в Авиньоне[93]. И тот и другой заключают похожие договоры на обучение третьих лиц таинственному «искусству», сохраняя за собой право на необходимый для этого инструментарий. И тот и другой требуют от учеников не разглашать преподанные им сведения. И, наконец, самое главное. Пребывание Вальдфогеля в Авиньоне зарегистрировано с июля 1444 по апрель 1446 г. Именно в этот период мы ничего не знаем о местонахождении Гутенберга. В Страсбурге он последний раз упоминается 12 марта 1444 г., а в Майнце первый раз — 17 мая 1448 г.

Отсюда у Н. В. Варбанец возникла соблазнительная мысль о тождестве Гутенберга и Вальдфогеля, которая, впрочем, высказана очень осторожно. Мысль эту можно было бы поддержать, если бы не одно обстоятельство: чем объяснить смену имени и фамильного прозвища? Если Гутенбергу нужно было скрываться, а у нас нет оснований для такого утверждения, он мог бы сделать это в далеком от Страсбурга Авиньоне и не изменяя своего имени. Будем надеяться, что вопрос прояснят новые находки.

Лауренс Янсзон Костер. Алоиз Руппель обратил внимание на то, что столяр Конрад Заспах, изготовивший для Гутенберга его первый пресс, 21 марта 1444 г. отказался от страсбургского гражданства[94]. Вернулся он в город лишь семь лет спустя; его просьба о возобновлении гражданства была удовлетворена 26 июня 1451 г. Отсюда делался вывод, что Заспах и Гутенберг покинули Страсбург в 1444 г. и куда-то уехали. На вопрос «куда?» отвечали по-разному.

Одни, как мы уже знаем, отправляли Гутенберга на юг Франции — в Авиньон. Другие утверждали, что он поехал в Базель и здесь напечатал одно из недатированных первопечатных изданий — Миссал специальный[95]. Об издании речь пойдет ниже, пока же отметим, что новейшими исследованиями установлено более позднее происхождение этой книги. Третьи вспоминали, что в «Хронике святого города Кельна» идет речь о «первых прообразах» книгопечатания в Голландии, и пытались отыскать связи Иоганна Гутенберга с этой страной. К словам о «прообразах» нужно прислушаться, и вот почему.

Читатель уже знает (об этом говорилось во введении), что во второй половине XVI в. в трудах голландских историков появляются утверждения об изобретении книгопечатания не в Германии, а в голландском городе Гаарлеме. Едва ли не первым утверждал это гаарлемский гуманист Ян ван Цурен (1507—1591), рукописный труд которого дошел до нас в позднейших перепечатках [96]. Аналогичные утверждения можно найти и в послесловии Дирка Волкертсзона Корнхерта к переведенному им на голландский язык и опубликованному в 1561 г. сочинению Цицерона «Об обязанностях» [97]. О голландских истоках книгопечатания сообщал и Лодовико Гвиккардини, издавший в 1567 г. в Антверпене описание Голландии на итальянском языке [98].

Лауренс Янсзон Костер
С портрета XIX в.

Имя изобретателя назвал впервые историк Адриан де Йонге — издатель античных классиков и автор многих естественнонаучных трудов. Он более известен под латинизированным именем Юниус. Вернувшись из ученого путешествия по Германии, Италии, Франции и Англии, Адриан обосновался в Гаарлеме, где в 1559 г. женился и долгое время был ректором латинской школы. В 1588 г. в Лейдене увидел свет труд де Йонге «Батавия»; вышел он в свет уже после смерти автора, скончавшегося в 1575 г. В 17-й главе этого очерка истории и современного состояния Голландии, написанного в 1568 г., читаем: «128 лет назад (а следовательно, в 1440 г.— *Е. Н.*) жил в Гаарлеме в благородном доме, здание которого поныне можно видеть на площади Рынок напротив королевского дворца, Лауренс Янсзон, известный под прозвищем Костер. В то время существовало прибыльное и почетное дело, которым известная под указанным именем семья владела наследственно. Это был человек, которому следует возвратить в полном объеме славу изобретения книгопечатания, присвоенную другими лицами, человек,

который с полным правом заслужил, чтобы быть увенчанным лавровым венком, подобно всем триумфаторам». Далее де Йонге рассказывает о том, как было изобретено книгопечатание. Костер «однажды пошел гулять в лесок, расположенный неподалеку от города, где горожане, имевшие на то время, отдыхали после обеда или в праздничные дни. Там-то Костер вырезал буквы из коры букового дерева. После того, как ему удалось оттиснуть их на манер печатей на бумаге, он собрал из них несколько строк, чтобы доставить удовольствие внукам, детям своего зятя. Когда ему это удалось, он решил сделать то же самое в большом размере, так как он был человеком большого и острого ума. Он решил, вместе со своим зятем Томасом Питерсзоном, оставившим четверых детей, которые все впоследствии стали членами магистрата (я упоминаю об этом, чтобы каждый знал, что это искусство возникло в высокоуважаемой и свободной семье, а не в семье низкого состояния) составить липкую и вязкую краску, ибо он установил с помощью опытов, что при использовании обычной краски буквы выходят смазанными. Затем он печатал целые страницы с иллюстрациями и относящимся к ним текстом.»

«Я видел,— свидетельствует де Йонге,— одно из первых произведений такого рода со страницами, лежащими одна напротив другой; оборот страниц запечатан не был. Эта написанная на родном языке книжка неизвестного автора называлась „Зерцало человеческого спасения“ („Speculum nostrae salutis“). В этом инкунабуле — искусство в ту пору не было еще окончательно завершено — оборотные стороны были приклеены друг к другу...» Затем Костер «заменил деревянные формы свинцовыми, добавляя олово, чтобы материал был более плотным, менее гибким и прочным. Из остатка этого сплава были отлиты кувшины для вина, которые и сегодня можно видеть в доме Лауренса на площади Рынок. В этом доме впоследствии жил его правнук Герхард Томас, которого,— утверждает де Йонге,— я знал и который несколько лет назад умер в глубокой старости».

Изобретение книгопечатания Костером, если верить рассказу де Йонге, складывалось из нескольких этапов. Первый из них — создание деревянных букв, предназначенных скорее для забавы, чем для серьез-

Типография Л. Костера
С гравюры XVII в.

ной цели. Затем печатание с их помощью несложных и небольших по размеру книжек, оттиснутых с одной стороны листа. У де Йонге речь идет о печатании «страниц с иллюстрациями и относящимся к ним текстом». Можно, следовательно, предположить, что Костер печатал не с наборной, составленной из отдельных литер формы, а с цельной, гравированной на деревянных дощечках. Историкам гравюры известны книжки, отпечатанные указанным образом на листах, которые впоследствии склеивались попарно оборотными сторонами. Такие книги называют анопистографическими.

Следующей стадией изобретения был переход к

металлическим формам, которые, возможно, уже составлялись из отдельных литер, хотя вопрос этот у де Йонге изложен неясно.

Что было дальше?

Де Йонге рассказывает, что изобретение имело успех. Книги, напечатанные Костером, хорошо расходились, и изобретателю понадобились помощники. Одним из них стал Иоганн со «зловещим», как пишет де Йонге, прозвищем Фауст. «Ночью,— пишет де Йонге,— когда праздновали Рождество Христово и все без исключения находились в церкви, он (Фауст.— *Е. Н.*) собрал все шрифты, упаковал все инструменты и приспособления своего господина, которые принадлежали к упомянутому искусству, и вместе с украденными вещами скрылся из дома. Он поехал сначала в Амстердам, оттуда — в Кёльн, а затем дальше в Майнц... где он, как рассказывают, жил в безопасности, открыл типографию и пожинал богатые плоды своего воровства» [99].

Де Йонге не упоминает имени Гутенберга. Судя по всему, он считал, что изобретателем книгопечатания является Иоганн Фуст. Эта версия, которую усиленно пропагандировал внук Фуста Иоганн Шеффер, в XVI в. получила широкое распространение.

Впоследствии, уже в XIX и XX вв., историки разыскали в гаарлемских архивах документы, свидетельствовавшие о том, что в XV в. в Гаарлеме действительно жил Лауренс Янсзон Костер, а точнее, два человека, носивших это имя. Оба были членами гильдии Христа, которой принадлежала церковь св. Баво. Места в церкви были расписаны за членами гильдии. Один Лауренс Янсзон сидел на стуле № 5, а второй — на стуле № 29. Первый умер в 1439 г., а второй — в 1484 г. Первый был бондарем и, кроме того, изготовлял свечи, а второй — богатым купцом. О каких-либо связях с книжным делом документы не говорят.

Сообщение де Йонге было бы просто отнести к числу многочисленных легенд, которыми изобилует история книгопечатания, если бы не сохранились многочисленные фрагменты древнейших произведений типографского станка, который, как считают ученые, работал в Голландии, возможно еще в догутенберговские времена. Среди них есть и «Зерцало человеческого спасения». Все эти фрагменты анонимны, с каким-либо конкретным именем их связать невозможно.

Одним из первых фрагменты голландской первопечати изучил кембриджский библиотекарь Генри Бредшоу, издавший в 1871 г. в Лондоне «Указатель гарнитур шрифта и ксилографических украшений, употреблявшихся типографами в Голландии в XV столетии» [100]. Он выявил семь готических шрифтов, которыми было напечатано достаточно большое количество изданий как на голландском, так и на латинском языках. Впоследствии были найдены фрагменты, напечатанные восьмым шрифтом. Все эти издания подробно изучил немецкий инкунабуловед Готфрид Цедлер, который аргументированно показал, что они вышли из типографий по крайней мере трех печатников [101]. Древнейшего из них — «Печатника Зерцала» — Цедлер отождествил с Лауренсом Янсзоном Костером, хотя для этого никаких оснований не было. Самый старый шрифт этого печатника, так называемый «шрифт Понтана», по мнению Цедлера, создан еще в 30-х годах XV в. Он назван так по напечатанному им юридическому сочинению Людвига Понтана, которое могло выйти в свет не ранее 1458 г., ибо в нем упоминается папа Пий II, ставший во главе римской курии в указанном году. Однако ранее этим шрифтом печатались многочисленные Донаты — элементарные учебники латинской этимологии.

Вторым шрифтом «Печатника Зерцала» был «шрифт Салицето, или Доктриналов». Цедлер считал, что он возник в начале 40-х годов XV в. «Доктринал», составленный Александром де Вильдье в 1209 г., был популярным в средние века учебником латинского языка. Чтобы облегчить запоминание, он написан стихами — гекзаметром.

Косвенным доказательством достаточно старого происхождения второго шрифта служит следующий факт. Сохранилась записная книга некоего аббата Жана ле Робера из Камбре. В одной из записей идет речь о том, что аббат в середине января 1445 г. приобрел «Доктринал, отлитый в форме» (un Doctrinale getté en molle). Другая запись сообщает, что в 1451 г. в Валансьене Жан ле Робер купил «Доктринал, отлитый в форме», который «ничего не стоил и был полон ошибок» [102]. Здесь, вне всякого сомнения, говорится о печатных книгах. Но книги эти могли быть и ксилографическими, т. е. отпечатанными с цельной гравированной на дереве формы.

Противники Цедлера, а их было немало, относили работы «Печатника Зерцала» к 70-м годам XV в. Советский исследователь Н. П. Киселев утверждал, что «знакомство нидерландского прототипографа с техникою печати, изобретенной в Майнце (Гутенбергом.— *Е. Н.*), произошло, по-видимому, в начале 1460-х годов и во всяком случае не ранее конца пятидесятых...» [103]. Считать вопрос до конца изученным и решенным не приходится. Необходимо точно датировать сохранившиеся до наших дней фрагменты голландской первопечати, используя для этого методы бетарадиографии. Современные ученые, и прежде всего Фердинанд Гельднер, не исключают того, что Иоганн Гутенберг в 1444—1448 гг. или же, если допустить возможность его пребывания в Авиньоне, в период с мая 1446 г. по октябрь 1448 г. жил в Голландии и печатал там примитивные издания — «Зерцала человеческого спасения», Донаты и Доктриналы [104].

В Майнце. Первое свидетельство о пребывании Иоганна Гутенберга в Майнце после возвращения из Страсбурга, а может быть, не прямо из Страсбурга, а из Голландии относится к 17 октября 1448 г. В этот день «Хенн Гензефляйш, называемый Гуденбергк», одолжил 150 гульденов у майнцских горожан Райнгарда Брумзера и Ханхина (Иоганна) Роденштайна. Заем был сделан при условии выплаты процентов в сумме 7,5 гульденов ежегодно, т. е. под 5% годовых. Посредником при получении займа выступал Арнольт Гельтхуз, дальний родственник Гутенберга. Арнольт был мужем Эльзы, дочери Петера Витцтума, брат которого Клаус был женат на сестре Гутенберга. Из рода Гельтхуз происходила и бабка изобретателя Грета цур Юнген Абен.

Документ о займе сохранился не в оригинале, а в копии, заверенной в гражданском суде Майнца 23 августа 1503 г. К тому времени долг еще не был выплачен. Документ был обнаружен и впервые опубликован в 1830 г. Карлом Антоном Шаабом [105].

В документе сказано, что Гутенберг одалживает деньги «на свою пользу и благо». Нет никакого сомнения в том, что цель займа — получение средств на создание типографии. Долго отсутствовавший в родном городе изобретатель горожанам не известен. Поэтому, чтобы получить деньги, пришлось прибегнуть к помо-

щи Арнольта Гельтхуза, человека, исключительно преданного Иоганну Гутенбергу. Его однофамилец Адам Гельтхуз после смерти изобретателя установил на его могиле надгробную плиту с памятной надписью.

Гутенберг продолжает совершенствовать изобретение, первая мысль о котором пришла ему еще в Страсбурге. Уже в Голландии, если согласиться с тем, что Гутенберг там работал, изобретение начало приносить первые плоды. В Майнце издательская деятельность расширилась. Гутенберг во множестве печатает небольшие издания, рассчитанные на удовлетворение массового спроса. Все они набраны старейшим шрифтом, который в специальной литературе получил название *DK* (от первых букв слов «Донаты» и «Календари»). Подробнее об этих изданиях — учебниках латинской грамматики, календарях, индульгенциях — будет рассказано в следующей главе. Пока же отметим, что одно из них, так называемый «Астрономический календарь», традиционно датировали 1448 г. В последнее время датировка была сдвинута лет на 10 позднее, хотя полной уверенности в правильности этого у нас нет. Уже шла речь о том, что некоторые современные исследователи хотят изолировать Гутенберга от производства массовой, «рыночной», как они говорят, литературы. Утверждают, что параллельно с изобретателем в Майнце самостоятельно работал его ученик, поставлявший на рынок все эти листовки и брошюры. Нам такое предположение не кажется вероятным. По нашему мнению, Гутенберг в конце 40-х годов XV в. занимался в Майнце активной книгопечатной деятельностью.

Документальных подтверждений этому, к великому сожалению, нет. Архивные документы молчат о Гутенберге вплоть до 23 апреля 1453 г. В этот день ему была выплачена страсбургская рента в размере 26 гульденов. Из записи, извлеченной из страсбургского архива и впервые опубликованной в 1925 г. Карлом Шорбахом, явствует, что получал деньги не сам изобретатель, а клирик из Майнца Иоганн Буине[106]. Страсбург выплачивал ренту и родственникам изобретателя — Эльзе, вдове его покойного брата, в размере 13 гульденов (деньги получал Йекель Хиртц, брат Эльзы) и Орту, племяннику Гутенберга — тоже в размере 13 гульденов.

Сам Иоганн Гутенберг в это время был в Майнце.

3 июля 1453 г. он выступал в качестве свидетеля при составлении нотариального акта о том, что монах Ганс Шухман из Зелигенштадта отказал свое имущество монастырю св. Клары. Оригинал акта, написанный на пергамене, был обнаружен в начале XIX в. профессором Ф. И. Бодманом и опубликован в 1900 г. Карлом Шорбахом[107]. При подписании акта, помимо Гутенберга, в качестве свидетелей присутствовали городской писец Мадерн, мясник Петер Гельген, бондарь Хенне Олер, а также пекарь монастыря св. Клары Конрад фон Виттерштадт. Любопытно, что в документе указан род занятий всех свидетелей; исключение сделано лишь для Гутенберга, который упомянут вслед за городским писцом — одним из ведущих представителей городской администрации.

Документ свидетельствует, что в середине 1453 г. Иоганн Гутенберг занимает определенное положение среди граждан Майнца. Он близок скорее к представителям цехов, чем к патрициям, а значит, занимается ремеслом, добывает средства к существованию своими руками.

О профессоре Ф. Бодмане, открывшем этот документ, гутенберговеды вспоминать не любят. В свое время он предоставил для опубликования историкам книги Иеремии Оберлену и Готхельфу Фишеру фон Вальдгейму сенсационные акты, которые наделали много шума. Прежде всего это письмо, которое Иоганн Гутенберг самолично отправил из Страсбурга 24 марта 1424 г. своей сестре Берте, монахине монастыря св. Клары[108]. Второй документ повествовал о Хенне Гензфляйше, который передал в библиотеку монастыря Райхенкларен книги, которые он, Хенне, «напечатал и будет печатать в дальнейшем»[109]. Датирован последний документ 1459 г. Впоследствии акты признали фальшивками, сфабрикованными Бодманом, который превосходно знал язык и почерки XV в. и умел подделывать их.

Вернемся, однако, в Майнц. 23 апреля 1454 г. Гутенбергу опять-таки была выплачена страсбургская рента. На этот раз ее получила жена Иоганна Бунне. На следующий год, 23 апреля 1454 г., изобретатель получил причитающиеся ему деньги сам, для чего ему пришлось съездить в Страсбург. Записи о получении ренты в другие годы, к сожалению, не сохранились. Рента была пожизненной. Если Гутенберг не продал

ее, он получал ежегодно по 26 гульденов до конца своих дней.

Тем временем книгопечатная мастерская, находившаяся, возможно, в доме «Цум Гутенберг», работала с полной нагрузкой и ото дня ко дню совершенствовала качество печатной продукции. Мастерство типографа, отработанное на сравнительно небольших изданиях, становилось отточенным и убедительным. Иоганн Гутенберг решил, что настало время заняться большим делом.

В связи с этим в 1972 г. было названо имя Николая Кузанского, о котором уже шла речь на страницах нашей книги [110]. 23 июня 1431 г. в Базеле открылся вселенский собор, в работе которого Николай активно участвовал. Собор привлек в Базель художников и ремесленников. По мнению Альберта Капра, приезжал туда и Гутенберг, живший в то время в Страсбурге. Он возобновил знакомство с Кузанским, которое завязалось еще в юношеские годы. Николай Кузанский выдвинул на соборе проект церковной реформы, существенной частью которой была унификация литургической практики. О том же шла речь в сочинении Кузанца «О всеобщем согласии», написанном в 1432 г. Чтобы унифицировать литургию, нужно было тщательно отредактировать богослужебные книги, и прежде всего Миссалы. Альберт Капр считает возможным, что Николай Кузанский подсказал Иоганну Гутенбергу мысль о печатании так называемого Большого Миссала.

Гипотеза о том, что изобретатель собирался напечатать эту книгу, была в свое время выдвинута Готфридом Цедлером [111]. В новое время ее поддержали Рудольф Блюм и Фердинанд Гельднер [112].

Чтобы напечатать Миссал, следуя рукописной традиции, нужно было иметь четыре различных по кеглю шрифта. Самым мелким из них следовало набирать хоралы, несколько более крупным — основные тексты и двумя самыми крупными — каноны. Гутенберг пока имел только один шрифт, которым оп печатал Донаты и календари (шрифт *DK*). Отливка новых шрифтов требовала денег. Необходимо было также обеспокоиться созданием больших запасов пергамена и бумаги, которые стоили дорого. Следовало изготовить новые печатные станы и словолитный инструмент. Таковы были предпосылки, заставившие Гутенберга искать финансовую помощь на стороне.

Человека, к которому он обратился, звали Иоганн Фуст. Это был богатый майнцский патриций, который первоначально занимался профессией стряпчего, адвоката. В этом качестве он вместе со своим братом Якобом неоднократно упоминается в актах Майнцского городского архива начиная с 1428 г. В дальнейшем Якоб бросил адвокатскую практику и стал городским архитектором. Что же касается Иоганна, то в источниках 1448—1462 гг. он упоминается без указапия профессии. Есть все основания предполагать, что он занимался торгово-финансовыми операциями и не брезговал давать деньги в рост.

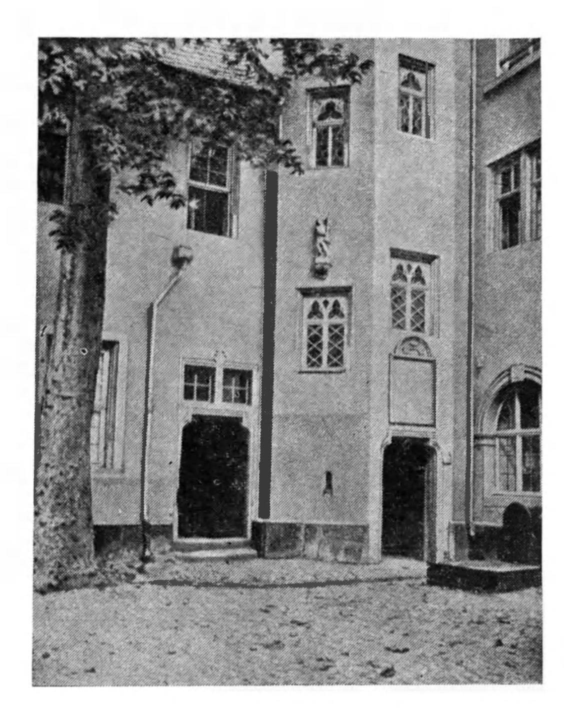
Гутенбергу удалось заинтересовать Фуста своим предприятием и получить у него в 1450—1451 гг. в долг 800 гульденов при условии выплаты 6% годовых. Денег этих не хватило. Тогда изобретатель решил привлечь Фуста в качестве компаньона. Фуст согласился. В 1452—1453 гг. он вложил в совместное предприятие еще 800 гульденов.

На эти деньги была оборудована большая типографская мастерская с несколькими печатными станами. Помещалась она в доме на улице Шустергассе, носившем название «Цум Губрехт». (Этот трехэтажный дом благополучно простоял до 40-х годов XX в. и был почти полностью разрушен в годы второй мировой войны.) Уже в 80-х годах XV в. его называли «Друкхауз» или «Друкхоф» («Печатный дом» или «Печатный двор»).

Гутенберг отлил три новых шрифта. Один из них — меньших размеров, чем первоначальный,— предполагалось использовать для набора хоралов будущего Миссала. Впоследствии он часто применялся. Основное издание, набранное им,— 42-строчная Библия, вот почему этот шрифт и получил у гутенберговедов название B^{42}. Два крупных шрифта в дальнейшем были использованы при наборе прекрасной Псалтыри, выпущенной Иоганном Фустом и Петером Шеффером в 1457 г.

С течением времени первоначальный замысел изменился. Что послужило тому причиной, сейчас сказать трудно. Быть может, изобретателя испугали трудности двухкрасочной печати: Миссал надо было печатать в два цвета. Вместо Миссала компаньоны решили печатать полную латинскую Библию.

Оборудовав новую мастерскую, изобретатель оста-

Дом «Цум Губрехт»

вил за собой свою первую типографию в доме «Цум Гутенберг». Она продолжала интенсивно работать, выпуская всевозможную малообъемную продукцию. Листовки и брошюры массового спроса изготовлялись и в большой мастерской.

В 1454 г., например, от архиепископа Дитера фон Изенбурга был получен заказ на так называемые кипрские индульгенции. С этим любопытным изданием мы подробно познакомимся в следующей главе. Пока же скажем, что согласно условиям заказа нужно было изготовить в короткий срок 10 тыс., а может быть, и все 20 тыс. экземпляров индульгенций. Заказ был серьезной проверкой и испытанием возможностей нового искусства. Распределить его решили между двумя типографиями и печатали одновременно в мастерской Гутенберга—Фуста и в собственной типографии изобретателя.

Ф. Гельднер недавно подсчитал, какой доход мог-

ли принести индульгенции печатникам. Он исходил из того, что ежедневный заработок писца составлял в ту пору два пфеннига [113]. За день писец мог изготовить не более двух тщательно переписанных бланков для индульгенций. Каждая из них, включая стоимость пергамена, стоила заказчику три пфеннига. Ф. Гельднер исходил из допущения, что типографу платили по два пфеннига за экземпляр. За 100 тыс. индульгенций печатник получал не менее 20 тыс. пфеннигов. Округляя, Ф. Гельднер считает, что эта сумма составляла не менее 200 гульденов. Сумма была немалая, а ведь тираж индульгенций мог быть и бо́льшим: некоторые исследователи полагают, что он составлял не менее 20 тыс. экземпляров. Рейнский гульден содержал в 1425—1454 гг. 19 каратов чистого золота. За полгода службы городской писец получал всего 32 гульдена.

Но все доходы съедало печатание Библии, с которым Гутенберг запаздывал. На трудоемкую и сложную работу, на пергамен и бумагу, на металл для шрифтов ушли деньги Фуста и все наличные средства самого изобретателя.

Хельмаспергеровский нотариальный акт. О том, что случилось дальше, рассказывает так называемый Хельмаспергеровский нотариальный акт, едва ли не самый главный и основной источник для изучения обстоятельств возникновения книгопечатания. Именно из этого акта известно о причастности Фуста к финансированию предприятия Гутенберга. Назван акт по имени составившего его майнцского нотариуса Ульрика Хельмаспергера, клирика Бамбергского епископства. Документ известен давно, он был опубликован еще в 1734 г. Генрихом Кристофом Зенкенбергом и в 1741 г.— геттингенским профессором Иоганном Давидом Кёлером, впервые собравшим многие документальные свидетельства о жизни изобретателя книгопечатания [114]. Затем акт пропал и был открыт вторично лишь в 1888 г. в библиотеке Геттингенского университета историком книги и библиотековедом Карлом Дзяцко [115]. С того времени и поныне документ служил предметом многих монографических статей и книг. Его трактовали такие знаменитые гутенберговеды, как Готтфрид Цедлер, Пауль Швенке, Отто Гартвиг, Алоиз Руппель, Фридрих Адольф Шмидт-Кюнземюллер, Вальтер Менн, Рудольф Юххоф, Рудольф Блюм и в

самое последнее время Фердинанд Гельднер[116]. В 1968 гг. Э. В. Зилинг-Венгерова перевела Хельмаспергеровский нотариальный акт на русский язык[117] (этот перевод мы используем в данной книге).

Акт представляет собой лист пергамена, на котором четким, но убористым почерком воспроизведены 77 строк на майнцском диалекте средневерхненемецкого языка. В левом нижнем углу — подпись нотариуса, помещенная в рамку-картуш, из которой вырастает изображение руки, держащей двумя пальцами цветок с пятью лепестками. В те времена умели делать из подписи произведение искусства.

Из документа можно узнать о процессе, который богатый майнцский горожанин Иоганн Фуст вел против Иоганна Гутенберга. Материалы самого процесса не сохранились. Одно из его решений обязывало Фуста публично принести присягу в том, что он действительно взял под проценты определенную сумму, которую и одолжил Иоганну Гутенбергу. Хельмаспергеровский акт и представляет собой документ, заверяющий произнесение этой присяги. Однако акт содержит некоторые сведения и о самом процессе, в чем его непреходящая ценность для историков книгопечатания.

По обычаю, существовавшему в Майнце, публичные юридические процедуры происходили в монастырях или церквах. Как говорится в документе, «в лето по Рождестве Христовом тысяча четыреста пятьдесят пятом... в четверг, шестой день месяца, называемого по-латыни ноябрем, в первый год венчания нашего святейшего в боге, господине и отце божьей милостью папы Каликста III между 11 и 12 часами дня в большой трапезной миноритов» — самой большой зале монастыря францисканцев — собрались майнцские горожане. Интересы Иоганна Фуста, находившегося в трапезной, представлял его брат — архитектор Якоб Фуст. Иоганн Гутенберг на нотариальном оформлении присяги Фуста решил не присутствовать. Его интересы представляли священник прихода св. Кристофора Генрих Гунтери (ум. в 1491 г.), а также ученики изобретателя — Генрих Кеффер, впоследствии ставший типографом в Нюрнберге, и «Бехтольф из Ханау» — Бертольд Руппель, который в 1468 г. основал первую типографию в Базеле. Ждали Гутенберга, но, «поскольку тот лично не явился», Иоганн Фуст приказал зачитать постановление суда, свою жалобу и зафикси-

рованный в материалах процесса ответ Гутенберга. Нотариус Хельмаспергер все это конспективно фиксировал.

Фуст начал с того, что сообщил об условиях соглашения, заключенного им с Гутенбергом. Само соглашение, которое, несомненно, было предъявлено суду, к великому сожалению, пе сохранилось. Мы знаем о нем лишь со слов Фуста.

Такие соглашения в XV в. записывали на больших бумажных листах, дважды совершенно дословно дублируя текст. Лист разрезали по пилообразной линии. Половинки отдавали договаривающимся сторонам. Чтобы установить подлинность документа, половинки складывали и смотрели, совпадают ли зубцы разреза.

В соответствии с соглашением, заявил Фуст, он ссудил Иоганну Гутенбергу 800 золотых гульденов, на которые тот «должен был довести предприятие до конца». О каком «предприятии» (werck) идет речь, пока не сообщается. Фуст заявил, что его «не касается», «будет ли это стоить больше или меньше». По словам заимодавца, «Гутенберг должен выплатить ему по 6 гульденов роста с каждых 100 гульденов». Денег Гутенбергу не хватило. По словам Фуста, «желая, чтобы Гутенбергу хватило денег, он одолжил ему, кроме этих 800 гульденов, еще 800 гульденов».

Ростовщичество в ту пору считалось смертным грехом и фактически возбранялось юридическими установлениями. Фуст представил дело таким образом, что он занял для Гутенберга «у христиан и евреев» указанные суммы «под залог своего имущества» и что он вынужден был сам выплатить проценты в сумме 140 и 250 гульденов. Общая сумма долга Гутенберга, включая первоначально взятые суммы, проценты и проценты с процентов, составляла, по утверждению Фуста, 2020 гульденов.

Много это или мало?

Золотые, или так называемые «тяжелые», рейнские гульдены в 1372 г. соглашением прирейнских владетельных особ были приравнены к 3 маркам 1 шиллингу в серебре (марка равна 12 шиллингам). Со временем курс гульдена возрастал. В 1468 г. 1 рейнский гульден был равен 4 маркам [118]. Долг Гутенберга составлял 8080 марок или 96 960 шиллингов. Напомним, что сумма ежегодной ренты изобретателя, которую он получал в Страсбурге, равнялась

И. Гутенберг и И. Фуст
С рисунка И. Г. Мюллера по рельефу
на памятнике Гутенберга в Майнце

26 гульденам. Наемному солдату с лошадью в начале XV в. платили 1 марку 8 шиллингов в год. Пошить камзол стоило 1 марку, а изготовить пару ботинок — 2 шиллинга. Дороже была еда: за заднюю ногу оленя нужно было заплатить 5 марок 6 шиллингов, за курицу — 3 шиллинга, за 100 яиц — 14—20 шиллингов. Бык, откормленный на убой, стоил 7—8 гульденов, дом в городе — 80—100 гульденов, дом в пригороде с хозяйственными постройками и садом — 10 гульденов. За 800 гульденов Гутенберг мог приобрести 8 город-

ских домов. Одалживая столь крупную сумму, изобретатель надеялся на то, что скоро сумеет возместить ее, ибо книги стоили очень дорого. Рукописная Библия в 1450 г. продавалась в Страсбурге за 60 гульденов; примерно столько же стоило небольшое имение. За крупноформатные, иллюминированные от руки Библии просили по 100 гульденов.

Исходя из суммы процентов, затребованных Фустом, историки высчитали, что первые 800 гульденов Гутенберг одолжил еще в 1450 г.[119] Значит, его изобретение в ту пору было уже настолько отработано, что Фуст не побоялся вложить в предприятие колоссальную сумму денег. При значительной стоимости книг и при все возрастающем спросе на них предприятие обещало скорую и устойчивую прибыль.

Вернемся, однако, к процессу «Фуст против Гутенберга», а точнее, к изложению его обстоятельств в Хелмаспергеровском нотариальном акте. Отвечая Фусту, Гутенберг утверждал, что в соответствии с соглашением заимодавец обязался ссудить ему 800 гульденов. На эти деньги изобретатель должен был «усовершенствовать и изготовить оборудование» («geczuge»). О каком оборудовании идет речь, опять-таки не конкретизируется. Быть может, в этом случае подразумевались лишь шрифты, а возможно, и полный комплект типографского оборудования, включая словолитные устройства и печатные станки. По словам Гутенберга, он мог употребить деньги и на собственные нужды, оборудование же «должно было стать залогом упомянутого Иоганна Фуста». При этом Фуст согласился давать изобретателю ежегодно еще по 300 гульденов «на расходы и на оплату подмастерьев, на наем помещения, пергамен, бумагу, чернила и т. д.»

Суть предприятия начинает проясняться. Речь, вполне очевидно, идет о книжном производстве, ибо в ответе фигурируют пергамен, бумага, типографская краска...

В случае конфликта Гутенберг, как он сам заявил на суде, должен был «вернуть 800 гульденов и освободить от заклада свое оборудование». Шрифты, словолитные устройства и печатные станы, таким образом, принадлежали лично Гутенбергу. Вклад Фуста в совместное предприятие заключался в средствах на оплату рабочих, а также производственных расходов. На каких условиях предполагалось реализовать гото-

вую продукцию, из Хельмаспергеровского нотариального акта нам установить не удастся.

Излагая ответ Гутенберга, Хелмаспергер приводит следующую фразу: «Отсюда понятно, что он (Гутенберг.— *Е. Н.*) должен был сделать это дело на свои, одолженные под залог деньги и не был обязан употреблять эти деньги на книжное дело».

Так впервые появляется более или менее конкретное обозначение предприятия — «книжное дело» («werck der bucher»). Оно противопоставлено «делу», для которого был сделан заем. Видимо, это последнее являлось изготовлением шрифтов и оборудования, а «книжное дело»—изготовлением самих книг.

О каких книгах идет речь? Здесь гутенберговеды почти единодушны. Большинство из них предполагают, что совместная типография Гутенберга и Фуста работала над 42-строчной Библией. Это была главная задача. Но попутно в типографии выполнялись и мелкие заказы, например печатались индульгенции и календари.

В ответе на иск Гутенберг признал, что в соглашении с заимодавцем шла речь о 6% годовых на полученную заимообразно сумму, но утверждал, что Иоганн Фуст заверил его, что «не желает брать этих процентов». Что же касается второго займа в 800 гульденов, то Гутенберг заявил, что «он желает представить отчет» в их использовании. Деньги эти, таким образом, толковались им не как заем, а как вклад Фуста в общее предприятие. В заключение изобретатель заявил, что «он не признает за собой ни процентов, ни процентов с процентов и надеется, что по закону не должен их».

После выступления сторон начались прения, которые, однако, в нотариальном акте не отражены. Упоминается лишь, что суд заслушал «иск, ответ, возражения и ответ на возражения».

Са́мо решение суда в Хельмаспергеровском нотариальном акте изложено настолько кратко и конспективно, что допускает возможность самых различных трактовок, чем и занимаются на протяжении многих лет гутенберговеды. Вот как аннотировано решение суда в акте:

«После того как Иоганн Гутенберг представит отчет обо всех вложениях и затратах на их общее дело, разница между вложениями в общее предприятие и

действительными затратами должна быть включена в сумму 800 гульденов. Но если, как выяснится из отчета, что он (Фуст.— *Е. Н.*) дал ему (Гутенбергу.— *Е. Н.*) больше, чем 800 гульденов, и они были затрачены не па их общее дело, он (Гутенберг.— *Е. Н.*) также должен вернуть их. Если же Иоганн Фуст даст присягу или представит свидетелей, что одалживал вышеупомянутые деньги под проценты, то Иоганн Гутенберг должен будет вернуть и уплатить ему эти проценты...»

В соответствии с последним пунктом решения Фуст, как сказано в акте, «поклялся на Священном [Писании], призвав в свидетели господа и святых, и в присутствии нотариуса принес присягу». Ее текст гласил: «Я, Иоганн Фуст, одолжил под проценты 1550 гульденов, которые ссудил Иоганну Гутенбергу и вложил в наше общее предприятие и из которых я ежегодно выплачивал проценты, оплачивал расходы и затраты и часть которых остаюсь должным по сей день. Как сказано выше, я ежегодно выплачивал с каждых одолженных мною 100 гульденов 6 процентов роста, что входит в сумму, которая не была истрачена на наше общее дело, что следует из отчета, а потому я требую с него согласно приговору суда по справедливости этой суммы в соответствии с решением суда по первому пункту моего иска, который я вчинил вышеназванному Иоганну Гутенбергу».

Итак, Фуст выполнил требование суда и дал присягу в том, что одалживал для Гутенберга средства под проценты. Изобретатель, следовательно, должен был вернуть ему эти проценты. Остается неясным, с какой суммы исчислялись проценты — с 1600 гульденов (принося присягу, Фуст снизил эту сумму до 1550) или с 800 гульденов, т. е. признал ли суд, что вторые 800 гульденов были вкладом Фуста в общее дело.

Завершен нотариальный акт удостоверением Ульрика Хельмаспергера в том, что «все вышеописанные события произошли в указанный выше год..., день, час... и в вышеуказанном месте в присутствии высокочтимых мужей Петера Гранса, Иоганна Киста, Иоганна Кумоффа, Иоганна Изенека, Якоба Фуста, граждан Майнца, Петера Гирнсхейма и Иоганнеса Бонне, клирика города Майнца и епископства, специально объявленных и приглашенных в качестве сви-

детелей». Далее следует распространенная, со всеми титулами и званиями, подпись Хельмаспергера.

Среди свидетелей нам знаком Иоганн Бунне (или Бонне), который в 1453 г. получал страсбургскую ренту Гутенберга. С другим свидетелем — Петером Гирнсхеймом — нужно познакомиться поближе.

Петер Шеффер из Гернсгейма. Человеку, о котором идет речь, суждено было стать одним из крупнейших типографов XV в. Отношение к нему двойственное. Подвижнический издательский труд, продолжавшийся свыше 40 лет, вызывает уважение. Выпущенные им книги стали своеобразным эталоном типографского искусства. Да и технику нового ремесла он, видимо, значительно усовершенствовал. В то же время нельзя забывать, что Петер, будучи одним из первых и, наверное, любимых учеников Иоганна Гутенберга, в трудный час предал учителя.

Гирнсгейм, или, точнее, Гернсгейм,— небольшой городок, принадлежавший майнцскому курфюрсту. Лежит он (по сравнению с Майнцем) несколько выше по течению Рейна, на правом берегу, между Вормсом и Оппенгеймом. Старые актовые книги Гернсгейма погибли в 1689 г. во время пожара. Поэтому историкам не удалось обнаружить ни точной даты появления на свет Петера, ни каких-либо сведений о его родителях.

Впервые его имя — «Петрус Гинсхейм» — встречается в метрике Эрфуртского университета под 1444 г.[120] Вторично Петер прослушал курс лекций в том же университете четыре года спустя, в 1448 г., а затем решил совершенствовать знания в парижской Сорбонне.

В 1449 г. была создана прекрасная рукопись, которая еще в прошлом веке хранилась в библиотеке в Страсбурге,— известный «Органон», свод трудов по логике древнегреческого философа Аристотеля. Труды штудировали студенты, и рукопись, видимо, связана с учебными занятиями молодого немца. Колофон «Органона» свидетельствует, что переписал его Петер из Гернсгейма «в прославленном Парижском университете».

Петер был искуснейшим каллиграфом. Его парижская рукопись, к сожалению, погибла в 1871 г. во время франко-прусской войны. О мастерстве Петера можно судить лишь по факсимиле колофона, воспроизве-

Петер Шеффер
С портрета XVI в.

денного в 1760 г. методом гравюры на металле в книге И. Д. Шепфлина, который и обнаружил рукопись[121]. Гравюра выполнена посредственно, но дает представление о великолепном мастерстве и профессиональном умении Петера из Гернсгейма.

Неизвестно, когда Петер покинул Париж, перебрался в Майнц и встретился здесь с Иоганном Гутенбергом. Произошло это, скорее всего, в самом начале 1450-х годов. Вспомним, что в 1449 г. Петер еще был в Париже, а в 1455 г. уже присутствовал в качестве свидетеля на подписании Хельмаспергеровского нотариального акта.

Два года спустя, в 1457 г., в Майнце вышла в свет роскошная крупноформатная Псалтырь — первая в мире книга, в которой названы имена типографов. Колофон книги гласит: «Настоящая книга Псалмов, красотой инициалов украшенная и рубрикацией достаточно разделенная, при помощи искусного изобретения печатания и набора литер, без какого-либо применения калама так изображена и ко славе господней совершена умением майнцского гражданина Иоганна Фуста и Петера Шеффера из Гернсгейма в год господен 1457 в канун Успения». Имя действительного изобретателя книгопечатания Иоганна Гутенберга здесь, как видим, не упоминается.

С Псалтырью мы в дальнейшем познакомимся подробно. Пока же отметим, что в ее колофоне впервые указано фамильное прозвище мастера, под которым он вошел в историю книгопечатания,— «Schoffer», в буквальном переводе с немецкого — пастух. Видимо, кто-то из предков будущего типографа занимался пастушеством. В его фамильном гербе, воспроизведенном в одном из позднейших изданий, изображена голова быка.

Так началась деятельность типографии Иоганна

Фуста и Петера Шеффера, у истоков которой стоит творческий гений Иоганна Гутенберга. Типография выпускает около 1458 г. Служебник, в 1459 г.— новое издание Псалтыри и «Правила богослужения» («Rationale divinorum officiorum») Г. Дуранти, для которых был отлит шрифт мелкого кегля. 14 августа 1462 г. увидела свет новая, на этот раз 48-строчная Библия.

Петер Шеффер — ведущий специалист типографии, но, видимо, никак не компаньон Иоганна Фуста. В руках первого — техническая и эстетическая сторона дела, в руках второго — финансовая. В двух колофонах изданий Цицерона 1465 и 1466 гг. Фуст указывает, что книги изготовлены руками его «мальчика» Петера из Гернсгейма — «manu Petri de Gernsheim pueri mei». Историки толковали этот факт как указание на родственные связи: Петер был женат на дочери Фуста Христине. Однако уже А. Руппель в небольшой монографии о Шеффере, увидевшей свет в 1937 г., подчеркивал, что слово «puer» в средневековой латыни никогда не употреблялось в значении «сын» или тем более «зять» [122]. В колофонах книг, изданных Фустом и Шеффером, первый именуется гражданином Майнца, а второй — клириком города и епископства. Если бы Петер женился на Христине до 1462 г., до потери городом самоуправления, он автоматически получил бы майнцское гражданство. Этого, однако, не произошло. А следовательно, нельзя утверждать, как это делают некоторые историки, что Шеффер был женат на Христине уже во время процесса 1455 г. и что именно этим и объяснялось его некорректное поведение по отношению к Гутенбергу. Нет оснований подозревать Шеффера в столь далеко идущей непорядочности.

О Петере как о муже Христины с определенностью говорится лишь в документе от 14 января 1468 г., который находится в Парижской национальной библиотеке. Заметим, впрочем, что подлинность документа не доказана. Американский историк книги Гельмут Леман-Хаупт считает, что Шеффер женился не ранее 1467 г.[123] К этому времени Иоганн Фуст уже умер.

Последней книгой, подписанной совместно Фустом и Шеффером, стало «De officiis» Марка Туллия Цицерона, вышедшее в свет 4 февраля 1466 г. Весной того же года Фуст отправился в Париж. Целью поездки, видимо, были и заботы о распространении во Франции

печатных изданий. В Париже свирепствовала чума; майнцский горожанин заболел и вскоре умер. Случилось это до 30 октября 1466 г., когда Петер Шеффер и Конрад Хенкис, именуемые «печатниками из Майнца», заказали поминальную мессу по Иоганну Фусту в парижском аббатстве Сент-Виктор. Предполагается, что в этом аббатстве и похоронен Фуст. Платой за мессу служил экземпляр «Посланий» св. Иеронима, напечатанных Шеффером на пергамене 7 сентября 1470 г. Более того, аббат Сент-Виктора возвратил майнцскому типографу 12 золотых талеров — разницу между стоимостью книги и мессы [124].

Выше упоминался Конрад Хенкис. Кем он был и какое отношение имел к покойному? Маргарита, вдова Фуста, женщина далеко не молодая, спустя год после кончины супруга вышла замуж. Ее избранником стал Хенкис. Любопытно, что документы называют его «цум Гуденсберг», а значит, он имел какое-то отношение к фамильному дому изобретателя книгопечатания, дому, который к тому времени был уже потерян семьей. Парижский документ от 14 января 1468 г., о котором уже говорилось, называет Петера Шеффера мужем дочери Конрада Хенкиса. Человек этот был, скорее всего, значительно моложе Маргариты, вскоре скончавшейся. В 1473 г. Петер Шеффер заказал поминальную мессу по тестю и теще в майнцской церкви св. Доминика, причем расплачивался за нее опять-таки печатными книгами.

Женитьба Хенкиса на Маргарите и Шеффера на ее дочери были в традициях времени. Вдова мастера обычно выходила замуж за ведущего подмастерья. Хенкис, видимо, имел отношение к финансовым операциям Фуста. На долю же Петера Шеффера, технического руководителя типографии, выпала женитьба на дочери покойного. Тем самым дело оставалось в руках той же семьи.

Брак Шеффера был счастливым и продолжительным. Христина родила ему четырех сыновей — Грациана, Иоганна, Петера и Людвига. По крайней мере три из них стали типографами. Да и вообще счастье улыбалось Петеру. Умер он в глубокой старости в начале 1503 г. Последняя подписанная им книга Псалтырь датирована 20 декабря 1502 г. С 1457 по 1502 г. Шеффер выпустил свыше 250 изданий, которые принесли ему славу и деньги. В 1496 г. Шеффер и его

жена владели тремя домами в Майнце и одним — во Франкфурте.

Дерево, посаженное Иоганном Гутенбергом, стало приносить щедрые плоды, и Шеффер умело воспользовался этим.

Говоря о его вкладе в типографское дело, обычно называют изобретение словолитной формы и создание новых каллиграфически убедительных и точных графических форм шрифта. Шрифты изданий Шеффера действительно превосходны. Что же касается изобретения словолитной формы, то документальных подтверждений этому пет.

Источники, которые намекают на личные достижения Петера Шеффера, восходят к нему самому. Прежде всего это послесловие к кодифицированному своду римского права византийского императора Юстиниана. (Знаменитые «Институции», или «Кодекс юрис цивилис» Петер Шеффер выпустил в свет в 1468 г., уже после смерти и Гутенберга и Фуста.) «Тот, кому это нравится,— писал он в послесловии,— кто, благодаря своему искусству, счастливо мог идти по следам превозносимых людей, был определен этими замечательными людьми к искусству резьбы. Это были два родившихся в Майнце человека, которых звали Иоганнами, и они стали знаменитыми первыми печатниками книг, с которыми Петер дошел до страстно ожидаемой могилы, коснулся, но все же, единственный, избежал ее с тем, чтобы раздавать свет и разум с помощью предложенного им способа резьбы» [125].

В колофоне есть перекличка с новозаветным рассказом о том, как апостолы Иоанн и Петр отправились к могиле Христа с мыслью спуститься в нее. Но Петр, коснувшись гроба спасителя, решил, что его предначертание — распространять христианство. Так и Шеффер, без ложной скромности уподобляя себя апостолам, говорит о своем желании отдать жизнь распространению и совершенствованию искусства книгопечатания.

В послесловии к «Институциям» Шеффер первый и единственный раз говорит о двух Иоганнах; впоследствии он будет прославлять одного лишь Фуста. Видимо, недавняя кончина Иоганна Гутенберга потрясла его бывшего ученика, и он решил воздать должное великому человеку, хотя и поставил его на одну доску с безжалостным кредитором — Фустом.

Второй источник, рассказывающий о заслугах Шеффера, также восходит к нему самому. Это — сообщение аббата Иоганна Тритемия, который в составленных им в 1513 г. «Анналах монастыря Гиршау» писал о событиях, датированных 1450 г.: «В это время в Майнце, а не в Италии, как об этом некоторые ошибочно сообщают, было найдено чудесное и ранее неизвестное искусство набирать отдельные буквы и печатать ими книги. Изобрел это искусство Иоганн Гутенбергер, горожанин Майнца, который, когда он истратил почти все свое состояние на создание этого искусства и столкнулся с серьезными трудностями как в этом, так и в других предприятиях и очень близко стоял к тому, чтобы отчаяться в успехе всего своего дела, наконец при совете и с помощью займа, которые ему предоставил Иоганн Фуст, также горожанин Майнца, исполнил начатое дело. Таким образом, они прежде всего напечатали словарь, известный под именем „Католикон", потом они начертали последовательность букв на деревянных досках и составили вместе формы. Однако этими формами они не могли ничего другого напечатать, так как буквы нельзя было отделить от досок и они не были подвижными, но, как говорилось выше, были выгравированы. После этого изобретения последовали другие, не менее искусные. Они изобрели искусство и способ отливать формы всех букв латинского алфавита, назвав эти формы матрицами, с помощью которых они снова отливали медные или оловянные, пригодные для любой печати буквы, которые раньше гравировали вручную. И, как я слышал примерно 30 лет назад из уст Петера Шеффера из Гернсгейма, майнцского горожанина и зятя первого изобретателя искусства, книгопечатание, в начале его изобретения, столкнулось с тяжелыми трудностями. Так, когда они решили напечатать Библию, они затратили более 4000 гульденов, напечатав всего три тетради книги. Упомянутый Шеффер, тогда ученик, а затем муж дочери первого изобретателя Иоганна Фуста, имевший умную и глубокомысленную голову, предложил более легкий способ отливать литеры и усовершенствовал искусство, сделав его таким, каким оно является сейчас. И эти трое одно время сохраняли искусство и способ печатания тайным — до тех пор, пока другие ученики, без их участия, не освоили этого искусства самостоятельно и не перенесли его первоначально в Страс-

бург, а затем и к другим народам. Сказанного достаточно, чтобы понять, что первыми изобретателями чудесного искусства книгопечатания были горожане Майнца. Первые изобретатели жили в Майнце в доме ,,цум Юнген", который и до сего дня называется ,,Печатным домом"» [126].

«Анналы монастыря Гиршау» были опубликованы впервые в 1690 г. в Сент-Галлене — много лет спустя после смерти аббата Иоганна Тритемия. Сообщение Тритемия об изобретении книгопечатания многократно цитировалось и толковалось, причем комментаторы в первую очередь обращали внимание на различные несообразности. Карл Фаульман, который перевел текст сообщения на немецкий язык, писал о том, что «Католикон» напечатан лишь в 1460 г. и не может быть признан первой книгой [127]. Известны и более ранние датированные издания, например «Псалтырь» 1457 г. Указывал Фаульман и на то, что «Католикон» отпечатан не с цельных деревянных досок, а с наборной формы. Впрочем, последние исследования показали, что какая-то доля истины в утверждении Тритемия есть. «Католикон» напечатан совсем не так, как другие ранние майнцские издания.

Трудно, конечно, ожидать от Тритемия технически правильного описания полиграфического процесса и тех усовершенствований, которые были внесены в него Петером Шеффером. Но сбрасывать это свидетельство со счета не приходится.

Иоганн Ментелин. С Фустом и Шеффером как с претендентами на честь считаться изобретателями книгопечатания дело вроде бы обстоит просто. Истоки претензий в непомерном честолюбии потомков, и прежде всего Иоганна Шеффера — внука Иоганна Фуста и сына Петера Шеффера. Иоганн, как уже говорилось, неоднократно заявлял о первенстве своего деда и отца.

О приоритете своего отца не раз писал и сын другого ученика изобретателя книгопечатания — Иоганн Ментелин. Он происходил из Эльзаса и 17 апреля 1447 г. стал горожанином Страсбурга [128]. Ментелин проходил школу у Гутенберга, скорее всего, в начале 50-х годов. В 1458 г., еще при жизни учителя, он открыл типографию в Страсбурге. Событие это не прошло незамеченным. Итальянский хронист Иоанн Филипп де Лигнамине в «Хронике», увидевшей свет

в Риме в 1474 г., под 1458 г. поместил известие об изобретении книгопечатания, назвав в этой связи три имени: «Якоба (?) по прозвищу Гутенберг, родом из Страсбурга», Фуста и Иоганна Ментелина из Страсбурга [129]. Сообщение содержит интересную количественную характеристику. Изобретатели, по словам Иоганна Филиппа де Лигнамине, «с помощью металлических форм печатали ежедневно по 300 листов».

Иоганн Ментелин проработал в Страсбурге более 20 лет и выпустил много книг, среди которых латинская Библия 1460 г., первая Библия на немецком языке 1466 г., сочинения Вергилия, Теренция, Валерия Максима, «Парцифаль» и «Титурель» поэта-миннезингера XII—XIII вв. Вольфрама фон Эшенбаха. Ни в одном из изданий, снабженных колофонами и выходными сведениями, Ментелин никогда не именовал себя изобретателем книгопечатания. Сделал это впервые его внук Иоганн Шотт, который в издании Птолемея, выпущенном в 1520 г., поместил герб Ментелина, сопроводив его подписью: «первый изобретатель книгопечатания». Аналогичные утверждения можно найти и в других изданиях Шотта.

Иоганн Шотт был сыном Мартина Шотта, женившегося на дочери Ментилина, и вместе с его вторым зятем Адольфом Рушем, унаследовал книжное дело первого страсбургского печатника. Читатель наверно помнит имя сапожника Клауса Шотта, с которым Гутенберг судился в Страсбурге. Н. В. Варбанец недавно высказала предположение, что сапожник был «предком страсбургских типографов Шоттов» и что «грубая клевета на Гутенберга, шедшая от созидателей ментелиновской версии... месть за родовую обиду» [130]. Гипотеза, на наш взгляд, страдает излишней прямолинейностью, хотя созданная Иоганном Шоттом легенда действительно пустила в Страсбурге глубокие корни и постепенно стала обрастать дополнительными подробностями. В страсбургской «Хронике» Даниеля Шпеклина (ум. 1586) имеется рассказ о том, как «неверный рыцарь Иоганн Генсфляйш» выведал у изобретателя книгопечатания Иоганна Ментелина тайну его искусства, бежал в Майнц и здесь с помощью богатого человека по имени Гутенберг начал печатать книги. Ментелин был так опечален этим поступком, что умер с горя. Генсфляйша же в наказание ослепили по приговору суда [131].

Похожую легенду рассказывал и Адриан де Йонге, но в ней роль обкраденного изобретателя играл Лауренс Янсзон Костер. С легендой этой читатель знаком. Но следует назвать и имя второстепенного итальянского писателя Памфилио Кастальди, который в 70-х годах XV в. печатал книги в Милане и Венеции. Францисканский монах Антонио Кабруцци, живший в XVII в., объявил Кастальди изобретателем книгопечатания. Это великое событие он отнес к 1456 г., сообщив попутно, что ученик Кастальди, некий Фауст Комесбурго, выведав тайну изобретения, бежал в Майнц и основал там типографию.

Как видим, сюжет о краже был бродячим. Менялись в нем разве лишь имена.

Познакомимся еще с одним учеником Иоганна Гутенберга, которого также пытались объявить изобретателем книгопечатания.

Никола Жансон. В Парижской национальной библиотеке хранится рукопись под № 5524, которую относят ко временам короля Генриха II, т. е. к 1547—1559 гг. Но в ней можно найти копии и более древних документов. На обороте л. 152 и лицевой стороне л. 153 переписан ордонанс, или, иначе говоря, королевский указ, данный Карлом VII 4 октября 1458 г. Это тот самый французский король, который в 1429 г. 26 лет от роду был коронован в Реймсе; привела его на французский престол бесстрашная, но экзальтированная Жанна д'Арк. Орлеанская дева стала героиней Столетней войны, которую французы вели против захватчиков-англичан. Закончить войну Карлу VII привелось уже после гибели Жанны, сожженной на костре в Руане в 1431 г. Добившись капитуляции англичан в 1453 г., Карл VII получил возможность заниматься внутренними делами страны. Узнав об изобретении, сделанном в Майнце, он сразу же оценил его возможности. Так появился ордонанс, который для историков книгопечатания имеет непреходящее значение,— это первый документ, так сказать, со стороны, в котором названо имя Иоганна Гутенберга. В нем говорится:

«Дан 4 октября 1458 г. Его величество король узнал, что мессир Жан Гутенберг, шевалье, живущий в Майнце в Германии, делая опыты резьбы и изготовления изображений с помощью пуансонов, поведал свету о изобретении печатания с помощью пуансонов и литер.

Тогда его величество король, горя желанием узнать о столь цепном открытии, приказал начальнику своего монетного двора назвать ему людей, которые могли бы освоить упомянутый способ резьбы с помощью пуансонов, чтобы тайно послать в названное место, где бы они могли разузнать о помянутом способе, понять и изучить это искусство. Его величество был удовлетворен решением Никола Жансона предпринять указанное путешествие. [Жансон] был признан пригодным для того, чтобы познать это искусство и перенести в наше королевство; он стал бы тогда первым, кто начал заниматься книгопечатанием в королевстве Франции» [132].

В 1458 г. в Майнце уже работала типография Фуста и Шеффера, которые в колофоне прославленной «Псалтыри», выпущенной за год перед этим, возвестили миру о великом изобретении, связав его со своими именами. Что делал Гутенберг в это время, мы не знаем. Известно лишь, что изобретатель из года в год начиная с 1458 г. не платил проценты по своему долгу братству св. Фомы в Страсбурге. В конце 50-х — начале 60-х годов увидело свет немало изданий, но имени Гутенберга на них нет.

Поэтому-то столь важен для нас ордонанс Карла VII, который прямо называет Иоганна Гутенберга изобретателем книгопечатания. Дальше, однако, опять начинаются загадки, которых в гутенберговедении много. Начать с того, что первую типографию во Франции основал не Никола Жансон, а немецкие печатники Ульрих Геринг, Михаель Фрибургер и Мартин Кранц. Эти мастера, которые, видимо, учились также, у Гутенберга, прибыли в Париж в конце 1469 или в начале 1470 г. по приглашению профессоров Сорбонны Гийома Фише и Жана Хейнлена. Показательно, что и этим профессорам было известно имя Гутенберга. В 1471 г. первая парижская типография выпустила в свет книгу Гаспарино Барцицци «Об орфографии». В начале ее напечатано письмо, которое профессор теологии Гийом Фише направил своему бывшему ученику Роберу Гогену, ставшему профессором риторики. В письме имеются следующие строки: «Рассказывают, что неподалеку от Майнца некий Иоанн по прозвищу Бонемонтано первым среди всех изобрел искусство книгопечатания, благодаря которому можно изготовлять книги не с помощью писчей трубки (как это делали

древние) и не с помощью пера (как это делается сейчас), а посредством изготовленных из меди букв, причем делать это значительно скорее, привлекательнее и прекраснее» [133]. Письмо написано по-латыни. «Бонемонтано» — это буквальный перевод прозвища «Гутенберг», что по-русски звучало бы как «Хорошегорский».

Ну а что же произошло с Жансоном? Да и кто он был, этот человек, которого французский король послал в Майнц изучать новое искусство?

Есть сведения о том, что Никола Жансон происходил из Соммвуара в Шампани. Выучившись искусству гравирования, он работал на монетных дворах в Туре, а затем в Париже. На протяжении 1458—1470 гг. о нем нет решительно никаких упоминаний. Не будет большой натяжкой предположить, что все это время он находился в Майнце и работал в мастерской Иоганна Гутенберга. После смерти изобретателя Жансон отправился не в Париж, а в Венецию. Здесь в то время уже работала типография, основанная в 1469 г. другим учеником Гутенберга, Иоганном из Шпейера. Не исключено, что Жансон приехал в Венецию вместе со Шпейером и первое время работал в его типографии.

После смерти Иоганна в 1470 г. дело продолжил его родной брат Венделин из Шпейера. Другой компаньон — Иоганн из Кельна — вместе с Никола Жансоном основал собственную мастерскую. Жансон работал в Венеции до своей смерти в сентябре 1481 г. и выпустил много превосходных книг. Он издавал произведения классиков античной литературы, гуманистов. В историю книгопечатания Жансон вошел как один из создателей прекрасного латинского шрифта антиква.

В трудах по истории книжного дела Жансона именуют германизированным именем «Иенсон». Однако есть все основания отождествлять венецианского типографа с человеком, о котором шла речь в ордонансе Карла VII. Одну из своих книг, выпущенную в 1471 г.,— «Об итальянской войне» Леонардо Бруни Аретино — он подписал: «Nic Ienson Gallicus», т. е. «Никола Жансон, француз» [134]. В другой напечатанной в том же году книге, а именно в трудах древнеримского оратора Марка Фабия Квинтилиана (ок. 35 — ок. 96), подготовивший их к печати Омнибонус Леоницензий в своем послесловии объявил Жансона «вторым Дедалом и изобретателем чудесного искусства

книгопечатания»[135]. Жансон не возразил против этого. Не очень приличный по отношению к своему учителю поступок интересен тем, что он лишний раз подтверждает пребывание Жансона в Майнце и его причастность к истокам нового искусства. В Венеции, как говорилось, его типография не была первой. Поэтому Жансон не мог связывать изобретение книгопечатания с всемирно известным городом на островах венецианской лагуны.

Утверждения Леоницензия современники не принимали всерьез. Ни в одном другом издании Жансона это утверждение больше не встречается. Правда, один итальянский хронист — Якопо Филиппо Форести из Бергамо — в книге, увидевшей свет в Венеции 23 августа 1483 г., вскоре после смерти Жансона, записал под 1459 г.: «В Германии впервые изобретено книгопечатание, по мнению некоторых, Иоганном Гутенбергом из Страсбурга, по мнению других, неким Фустом или Никола Жапсоном»[136]. Во втором издании хроники, вышедшем в Венеции 15 декабря 1486 г., имя Жансона уже не упоминалось.

Еще один отклик на утверждение Омнибонуса Леоницензия в уже известной читателям «Хронике святого города Кёльна» (1499): «Один человек по имени Омнебонус написал в предисловии к книге, именуемой Квинтилианом, и в других книгах: некий валлонец из Франции, называемый Николай Иенсон, изобрел это мастерское искусство. Но это очевидная ложь, ибо еще живы те, кто печатали в Венеции до Николая Иенсона и начали там резать шрифты и изготовлять их»[137].

Ордонанс Карла VII, дошедший до нас в поздней копии,— важное свидетельство в пользу приоритета Иоганна Гутенберга в изобретении книгопечатания. В нашем распоряжении нет подлинного документа, однако это никто не использовал для того, чтобы отрицать подлинность королевского указа 1458 г. Оно и понятно, ибо французам во второй половине XVI в., когда составлялась копия, было ни к чему подделывать документ, утверждающий приоритет немца Гутенберга.

Последние годы жизни. В литературе бытуют различные, чаще всего исключающие друг друга версии относительно судьбы Иоганна Гутенберга после процесса 1455 г. По мнению одних исследователей, Иоганн Фуст, выиграв процесс, отобрал у изобретателя и ти-

пографию, и весь уже подготовленный к распространению тираж 42-строчной Библии. Гутенберг был морально подавлен, полностью разорен и больше до конца жизни ничего не печатал. Ученики его разбрелись по городам и странам Европы и основали там собственные типографии.

Другие исследователи полагают, что изобретатель, потеряв право на тираж 42-строчной Библии, вышедшей в свет без его имени, а также на устроенное совместно с Фустом крупное предприятие, сохранил сравнительно небольшую собственную мастерскую, в которой печатал то ли издания в старейшем шрифте *DK*, то ли «Католикон» 1460 г. и издания, набранные шрифтом этой книги.

Кое-кто из ученых отправляет Гутенберга в Бамберг, где он будто бы напечатал 36-строчную Библию, или в Эльтвилль, где он должен был выпустить в свет «Католикон».

Нам представляется, что мнения о финансовом крахе и моральной подавленности изобретателя сильно преувеличены. Традиционный облик новатора, вступающего в непримиримые противоречия с обществом, которое видит в нем то ли колдуна, то ли неудачника, должен быть пересмотрен. Ошибочны и мнения о Гутенберге как об оторванном от практической жизни идеалисте, далеком от меркантильной стороны вопроса. К людям XV в., к их делам и поступкам нужно подходить с мерками того времени. То, что нам кажется предосудительным, в XV в. было нормой поведения. Документы свидетельствуют, что Гутенберг умел считать деньги и знал немало способов зарабатывать их.

Из Хельмаспергеровского нотариального акта явствует, что Фуст требовал от Гутенберга уплаты 2020 гульденов. Изобретатель признал, что долг его составлял лишь 800 гульденов. Решение суда в нотариальном акте изложено туманно. Из текста вовсе не следует, что суд удовлетворил требования заимодавца в полном размере. Если же это все же случилось, то Гутенберг, выплатив Фусту долг, оставался собственником и типографии и всего тиража 42-строчной Библии. Выплатив же Фусту лишь часть суммы, он, следуя своим показаниям на процессе, признавал, что типография является совместным предприятием. В этом случае оборудование и тираж 42-строчной Библии следовало поделить пополам.

Как в первом, так и во втором случае Гутенберг оставался собственником имущества, стоимость которого значительно превышала величину долга. Рудольф Тиль и Пауль Швенке еще в 30-х годах XX в., определяя стоимость 150 бумажных и 35 пергаменных экземпляров Библии в 6570 гульденов, утверждали, что большая часть этих денег перешла к Гутенбергу [138]. К этому следует добавить по крайней мере 200 гульденов, полученных изобретателем в 1454—1455 гг. за печатание одной из кипрских индульгенций. Немалый доход он имел от распространения Донатов, календарей и других «рыночных» изданий, большинство из которых до нас не дошли.

Вспомним, что еще в Страсбурге, проводя самые первые опыты книгопечатания, Гутенберг получал большие суммы от учеников, которых он обучал различным прикладным искусствам. Вступая в товарищество, Дритцен и Хейльман заплатили изобретателю каждый по 80 гульденов. В дальнейшем, когда объем соглашения был расширен, каждый из них довел свой пай до 500 гульденов. Если так было в Страсбурге, то что же сказать про Майнц, когда изобретение Гутенберга было завершено и начало приносить обильные плоды? Ведь знание и умение оставались при мастере. Если он столь успешно реализовал их в Страсбурге, почему он не мог делать это и в Майнце?

Нет никакого сомнения, что в мастерской Гутенберга и после процесса 1455 г. было немало учеников. Приезжали они и из-за границы; вспомним Никола Жансона.

Сторонники традиционной версии о финансовом крахе Гутенберга в качестве доказательства приводят тот факт, что изобретатель, исправно выплачивавший долг Братству св. Фомы в Страсбурге, в 1457 г. неожиданно прекращает это делать. Записи о неуплате долга, сохранившиеся в расчетных книгах монастыря, были в 1841 г. обнаружены и частично опубликованы Шарлем Шмидтом [139]. 10 апреля 1461 г. Братство возбудило против Иоганна Гутенберга и его поручителя Мартина Брехтера иск в имперском суде в Роттвайле [140], требуя ареста неплательщиков и конфискации их имущества. Суд, видимо, не согласился с этим, ибо записи о расходах на повторное возбуждение иска встречаются в книгах Братства вплоть до 1474 г.[141]

Каждый год полагалось платить по 4 фунта дина-

ров, или около 80 шиллингов (2 с небольшим гульдена). Долг был грошовым, Гутенберг конечно же мог уплатить его. Почему он не сделал этого и как избежал ареста? Ответить на эти вопросы пока невозможно.

21 июня 1457 г. Иоганн Гутенберг присутствовал в качестве свидетеля на составлении нотариального акта о том, что некий Петер Шлюссель из лежащего неподалеку от Майнца Боденгайма передал Генне Дилю свое имение с лугами и пашнями, поставив условием, чтобы Диль ежегодно передавал майнцскому монастырю св. Виктора 30 мальтеров пшеницы [142]. Мальтер — это мера объема сыпучих тел. В Кёльне в конце XV в. мальтер был равен 16 четвертям, или около 50 л. Составлял акт известный уже нам нотариус Ульрик Хельмаспергер. Тот факт, что Иоганн Гутенберг был привлечен в качестве свидетеля, говорит о его кредитоспособности и благополучии. Банкрота в свидетели не приглашали.

Другой довод сторонников версии о финансовом и моральном крахе Гутенберга: ни на одном из первопечатных изданий нет имени изобретателя. Первая точно датированная печатная книга — роскошная Псалтырь — увидела свет 15 августа 1457 г. В ее колофоне сказано, что она «совершена умением майнцского гражданина Иоганна Фуста и Петера Шеффера из Гернсгейма». Имя действительного изобретателя книгопечатания здесь не указано. Не обнаружим мы его ни в 42-строчной, ни в 36-строчной Библии, ни в многочисленных Донатах и календарях.

Некоторые исследователи считают, что тираж 42-строчной Библии был полностью отобран у Гутенберга Фустом. Так как основную работу над книгой выполнил Гутенберг, Фуст будто бы посовестился указывать на книге свое имя, а изобретателя называть не хотел. Что же касается мелких изданий, то Гутенберг и сам не желал подписывать их. Остается неясным, почему не указано имя типографа на таких объемных и представительных книгах, как 36-строчная Библия и «Католикон» 1460 г.

По мнению Н. В. Варбанец, «после колофона Псалтыри положение Гутенберга стало безвыходным: первое объявление об изобретении сделано, запоздалые притязания, если он не опирался на официальное засвидетельствование, вместо славы принесли бы ему репутацию самозванца» [143].

Рассуждать так — значит переносить в XV в. современные понятия о приоритете и об официальной регистрации изобретений. Между тем патентное право в самом первом приближении появляется лишь в XVI в. Шедевры рукописания большей частью были безымянными. Стремясь к тому, чтобы его издания ничем не отличались — по крайней мере в глазах массового потребителя — от рукописных книг, Гутенберг мог сознательно отказаться от идеи колофона и относиться к этой идее отрицательно. Важность атрибуции того или иного издания определенному типографу, очевидная для инкунабуловедов, для Гутенберга не имела никакой цены. Да и не только для Гутенберга! Вспомним, сколь большое количество изданий XV—XVI вв. является анонимным. Авторский приоритет в ту пору был не более чем фикцией. Альбрехт Дюрер, да и другие граверы свободно копировали сюжеты других мастеров, не опасаясь обвинения в плагиате. Издательские дома Шефферов и Ментелина—Шотта не думали о «репутации самозванца», объявляя своих родоначальников изобретателями книгопечатания.

Вопрос о приоритете и о праве собственности можно перенести и на шрифты. Историки книгопечатания делают далеко идущие выводы из факта принадлежности первопечатных шрифтов тому или иному типографу в последние годы жизни или сразу же после смерти изобретателя. Но ведь Гутенберг мог продать, подарить, уступить те или иные шрифты своим ученикам, оставаясь в то же самое время собственником комплекта пуансонов или матриц. Используя их, можно было в любой момент при сравнительно незначительных затратах изготовить новый комплект шрифта — точно такого же, какой был передан в другие руки.

Все это заставляет нас предположить, что и после процесса 1455 г. Гутенберг продолжал активную типографскую и издательскую деятельность. Если все же говорить о снижении активности, то это можно отнести разве на счет возраста изобретателя, по тем временам вполне солидного: ему было за шестьдесят. О финансовой недееспособности или моральной подавленности, на наш взгляд, говорить не приходится.

После процесса 1455 г. в свет выходят многочисленные издания, набранные старейшим типографским шрифтом *DK*: так называемый «Турецкий календарь»

на 1455 г., «Кровопускательный и слабительный календарь» на 1457 г., календарь «Цизианус» на 1457 г., «Турецкая булла» папы Каликста III 1456 г., список епархий католической церкви «Провинциале Романум» около 1456 г., Донаты... Этим же, но модифицированным шрифтом набрана знаменитая и очень редкая сейчас 36-строчная Библия.

Шрифт 42-строчной Библии Петер Шеффер стал широко употреблять лишь после смерти Иоганна Гутенберга. Это косвенно доказывает, что шрифт оставался в руках изобретателя. Известно большое количество Донатов, напечатанных этим шрифтом: 13 изданий 33-строчного Доната, 5 изданий 35-строчного, 9 изданий 26-строчного. Лишь в одном из них имеется подпись: «Петрус фон Гернсгейм в городе Майнце». О принадлежности Шефферу некоторых других свидетельствует использование в них инициалов из Псалтыри 1457 г. Большинство других могли быть напечатаны и Иоганном Гутенбергом.

Особую группу изданий составляют «Католикон» 1460 г. и отпечатанные тем же шрифтом (или строками, отлитыми с тех же матриц) «Трактат» Матвея Краковского около 1460 г., «Трактат» Фомы Аквинского около 1460 г., индульгенции для монастыря Нойхаузен 1461—1462 гг. Мы склонны приписывать и эти издания Иоганну Гутенбергу.

В начале 60-х годов XV в. новое искусство — книгопечатание впервые было использовано в качестве оружия политической борьбы. Сила печатного слова в его оперативности и массовости. Проникающая всюду листовка делала свое дело лучше многочисленных агентов, агитировавших в пользу того или иного принципала на многолюдных площадях средневекового города.

18 июня 1459 г. архиепископом, а следовательно, и курфюрстом Майнца был избран Дитер фон Изенбург — человек, о котором шла молва защитника интересов немецкого духовенства против корыстолюбивых интересов римского папы. Влияние папской курии в ту пору в немецких государствах было сильным. Майнцский капитул избрал Дитера большинством всего лишь в один голос. За утверждение в должности следовало платить папе определенную мзду, причем немалую (20 650 гульденов). Дитер отказался сделать это. 21 августа 1461 г. папа Пий II выпускает буллу, которой объявляет избрание фон Изенбурга недействитель-

Дитер фон Изенбург
С гравюры 1696 г.

ным. Отстранение курфюрста было подтверждено и указом императора Фридриха III.

Новым курфюрстом провозгласили Адольфа фон Нассау, изворотливого и хитрого политика, убежденного сторонника римской курии. Дитер фон Изенбург отказался подчиниться. Дело дошло до вооруженной борьбы между низложенным курфюрстом и его удачливым соперником, получившей название «архиепископской войны». Серьезным козырем в политической игре был вольный город Майнц, который с 1244 г. пользовался самоуправлением и подчинялся непосредственно императору.

Большинство горожан симпатизировало Дитеру фон Изенбургу. Между тем верхушка патрициата, и прежде всего три городских бургомистра (в том числе и Якоб Фуст, брат Иоганна), поддерживала Адольфа фон Нассау. Среди 26 членов магистрата лишь пять были безусловными сторонниками Дитера. Активно агитировал в пользу фон Изенбурга доктор канонического права, воспитанник Кёльнского и Болонского университетов Конрад Хумери, близкий друг Иоганна Гутенберга. Под давлением цехов магистрат Майнца вынужден был заключить с Дитером соглашение о совместной обороне города. Адольф принял это как открытый вызов.

В ночь с 28 на 29 октября 1462 г. войска Адольфа фон Нассау ворвались в Майнц и после 10 часов кровопролитных уличных боев подавили сопротивление защитников города. Это была тяжелая ночь. Около 400 горожан пали на поле брани. Солдаты врывались в дома, убивали женщин и детей. Около 150 домов были подожжены и сгорели дотла. Солдаты ограбили лавки патрициев на городском рынке. Награбленные драгоценности, серебряную посуду на сумму 46 000 кельнских марок, деньги (в количестве 11 595 гульде-

нов) свезли на соборную площадь и разделили между солдатней. Пострадали и монастыри: из них выгнали монахов и устроили там конюшни. 30 октября Адольф фон Нассау собрал оставшихся в живых 800 мужчин и объявил им свою волю — они должны немедленно покинуть город [144]. Исключение было сделано лишь для пекарей и некоторых других ремесленников.

Адольф фон Нассау
С гравюры 1696 г.

В эти страшные октябрьские дни были разрушены и обе майнцские типографии. Подмастерья из них разбрелись по свету, основывая типографии в разных городах Европы.

Среди источников, рассказывающих об «архиепископской войне» 1461—1463 гг., привлекает внимание «Майнцская хроника», известная в списке XVII в. В ней имеется следующее сообщение: «Тогда приказал Дитер фон Изенбург выпустить открытое письмо, в котором он объявлял свое отстранение незаконным. И много экземпляров письма было напечатано первым типографом Майнца Иоганном Гутенбергом, и их развешивали здесь и там в городах» [145].

Сохранились две листовки Дитера фон Изенбурга. Одна из них — манифест против Адольфа фон Нассау, датированный 30 марта 1462 г., вторая — послание Дитера к папе Пию II. Известны и листовки, которые распространял Адольф — четыре папских послания и императорский указ об отстранении Дитера от власти.

Сложность состоит в том, что листовки обоих противников напечатаны одним и тем же шрифтом, который принадлежал типографии Фуста и Шеффера и впервые был использован в 1459 г. для печатания трактата Гильельмо Дуранти (ум. 1296) «Rationale divinorum officiorum». Шрифт обычно называют дурандусом. Лишь текст одной из листовок набран другим шрифтом — тем, которым воспроизведена Библия

1462 г., также вышедшая из типографии Фуста и Шеффера.

Получается так, что Шеффер, движимый одними лишь коммерческими интересами, чуть ли не одновременно печатал листовки для обоих противников.

Пытаясь согласовать эти факты с сообщением «Майнцской хроники», некоторые исследователи предполагают, что шрифты для листовок были приобретены сторонником Дитера фон Изенбурга в типографии Фуста и Шеффера и что этими шрифтами впоследствии печатал Иоганн Гутенберг. Таким сторонником считают уже известного нам Конрада Хумери — сына майнцского патриция, убежденного противника патрициата и одного из руководителей движения цехов. Он получил прекрасное образование, штудировал богословие в Кельнском университете, а 20 ноября 1432 г. был удостоен Болонским университетом ученой степени доктора канонического права. Хумери был предан Дитеру фон Изенбургу душой и телом. Он выступал в его пользу перед майнцским капитулом, ездил во Франкфурт для переговоров с папским легатом, публично агитировал в пользу низложенного курфюрста с церковной кафедры.

Сохранилась расписка доктора Конрада Хумери от 26 февраля 1468 г., свидетельствующая о возвращении ему после смерти Гутенберга некоторого количества шрифта и типографского оборудования, принадлежавшего ему лично. Расписку обнаружил и опубликовал еще в 1727 г. Георг Христиан Иоаннис [146]. Быть может, это тот шрифт, которым набраны листовки. Остается неясным, почему Гутенберг не мог или не хотел использовать шрифты, находившиеся в его распоряжении. Быть может, из осторожности, а может, и специально, как сказали бы сейчас, для дезинформации. В этом была особая пикантность — напечатать листовки Дитера тем же шрифтом, что и листовки его противника. Для последнего, если учитывать политические симпатии Якоба Фуста, работал по всей вероятности Петер Шеффер.

Так или иначе, но можно признать закономерным предположение о том, что Хумери, близко знавший Гутенберга, побудил его напечатать листовки в защиту Дитера фон Изенбурга.

После кровавой ночи 29 октября 1462 г. Конрад Хумери, нотариус Ульрик Хельмаспергер и многие дру-

гие горожане, поддерживавшие Дитера, были изгнаны из Майнца. Имени Иоганна Гутенберга в списке изгнанных нет. Но известно, что дом «Цум Гутенберг» был конфискован и передан одному из сторонников Адольфа фон Нассау. Пострадали и многие родственники изобретателя. Семья Клауса Витцтума, женившегося на сестре Гутенберга Эльзе, лишилась дома «Цум Витцтум», мельницы и виноградников, и Иоганн Хумбрехт, муж племянницы изобретателя Эльзы Витцтум, дочери Клауса, потерял все свое имущество.

Нет никакого сомнения в том, что Иоганн Гутенберг, если он был в ту пору в Майнце, после захвата города войсками Адольфа фон Нассау покинул родину. Не исключено, что изобретатель оставил Майнц еще в 1458—1459 гг.

Некоторые исследователи, и прежде всего Фердинанд Гельднер, считают, что 36-строчная Библия была напечатана в Бамберге, городе в Верхней Франконии, недалеко от Нюрнберга, стародавней столице епископов [147]. Многие сохранившиеся экземпляры 36-строчной Библии связаны с Бамбергом. Некоторые указания на этот город дает филиграннологическое исследование бумаги второй (после 42-строчной) первопечатной Библии. Инициатором издания Гельднер считает бамбергского епископа Георга I. Оценивая доводы «за» и «против» этой гипотезы, следует припомнить и тот факт, что шрифт 36-строчной Библии остался в Бамберге и начиная с 1461 г. использовался работавшим здесь типографом Альбрехтом Пфистером.

Возвращение Гутенберга в Майнц стало возможным после того, как Дитер фон Изенбург и Адольф фон Нассау заключили перемирие; произошло это 18 октября 1463 г. Адольф, стремившийся вновь превратить Майнц в цветущий город, разрешает горожанам вернуться домой. Кроме того, он предпринимает шаги, чтобы привлечь на свою сторону наиболее влиятельных бюргеров. Решением курфюрста Конраду Хумери были возвращены дом и все конфискованное ранее имущество. Несколько позднее, в феврале 1471 г., Адольф фон Нассау приказал даже оплатить долги в сумме 800 гульденов, сделанные Хумери в бытность его на службе у Дитера фон Изенбурга.

Был отмечен и Иоганн Гутенберг.

Еще Георг Христиан Иоаннис в начале XVIII в. обнаружил в городском архиве Вюрцбурга «Книгу ука-

зов канцелярии майнцских курфюрстов», на 172-м листе которой была запись от 17 января 1465 г., начинавшаяся так: «Мы, Адольф и т. д., извещаем всех публично этим письмом, что, принимая во внимание преданную службу, оказанную нам и нашему двору нашим любимым и верным Иоганном Гутенбергом, заботясь о его будущем и желая оказать ему особую милость, мы решили сделать его членом нашей свиты и придворным... С тем, чтобы он мог исполнять эту службу, мы приказываем каждый год, когда мы даем нашим дворянам придворную одежду, давать такую одежду и ему, и ежегодно предоставлять ему двадцать мальтеров зерна и два фудера вина для его собственных нужд, с условием, чтобы он не продавал и не дарил это...» [148].

Из указа Адольфа фон Нассау явствует, что в феврале 1471 г. Гутенберг жил в Майнце. Курфюрст освободил изобретателя от всех городских повинностей. Все привилегии были даны ему пожизненно. 20 мальтеров, или 320 четвертей, зерна вполне хватало, чтобы прокормиться самому типографу и насытить домашнюю челядь. Ему полагалось два фудера вина — это около 2000 литров. В молодые годы в Страсбурге Гутенберг (конечно не один, а вместе со своими домочадцами) потреблял вина меньше.

Резиденция Адольфа фон Нассау находилась в Эльтвилле. Но так как курфюрст освободил Гутенберга от несения придворной службы, изобретатель мог оставаться в Майнце. Некоторые исследователи, однако, считают, что последние годы жизни Гутенберг провел в Эльтвилле. В этом городе оказались матрицы шрифта «Католикона» 1460 г. Используя их, братья Генрих и Николай Бехтермюнце отлили шрифт на другой кегель и в 1467—1469 гг. напечатали латино-немецкий словарь. У Бехтермюнце имелся и шрифт одной из кипрских индульгенций [149]. Братья Бехтермюнце были в родстве с Гутенбергом. Передать им шрифты или матрицы он мог и не переезжая в Эльтвилль.

Есть источник, который прямо указывает, что в 1467—1468 гг. Иоганн Гутенберг жил в Майнце. Это «Книга братства св. Виктора», на страницах которой Гутенберг упомянут в числе членов братства [150]. Книга находится в Государственном архиве в Дармштадте. Но запись о Гутенберге вырезана; с ней мож-

но познакомиться в Гутенберговском музее в Майнце. Некоторые исследователи утверждали, что запись фальсифицирована Ф. Бодманом, который вырезал подлинный текст и подменил его [151].

Когда умер и где похоронен Иоганн Гутенберг? Гуманист Якоб Вимпфелипг (1450—1528), интересовавшийся ранней историей книгопечатания и оставивший нам интересные свидетельства о первых шагах типографского станка, утверждал, что Иоганн Гутенберг в старости ослеп [152]. Алоиз Руппель находил это утверждение правдоподобным. По его словам, Вимпфелинг неоднократно бывал в Майнце и встречался с людьми, хорошо знавшими изобретателя.

Труднее поверить гуманисту Иоганну Бутцбаху (1478—1516), который впервые посетил Майнц в 1494 г., 26 лет спустя после смерти Гутенберга. В свои последние годы Бутцбах жил в бенедиктинском монастыре Мариа Лаах и здесь написал поэтическое произведение, список которого сохранился в городском архиве Кёльна. Есть в нем и строчки, посвященные изобретателю книгопечатания, имя которого не названо. Бутцбах говорит, что изобретатель получил за свои заслуги плохую плату. Недоброжелатели выволокли старика из дома и на тачке вывезли за пределы города. Впоследствии его труп был найден в бочке с водой.

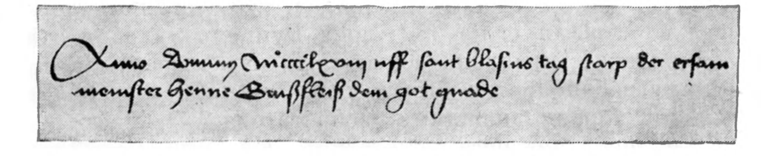
Алоиз Руппель предположил, что Бутцбах считал изобретателем книгопечатания не Гутенберга, а Иоганна Фуста; последнего же он спутал с его братом Якобом, который в 1462 г. погиб насильственной смертью [153].

Когда же в действительности умер Иоганн Гутенберг?

17 января 1465 г. курфюрст Адольф фон Нассау причислил престарелого изобретателя к штату своих придворных, а 26 февраля 1468 г. Иоганна Гутенберга уже не было в живых. Об этом говорит уже упоминавшаяся нами расписка доктора Хумери, которая в копии XV в. сохранилась в Государственном архиве в Вюрцбурге в «Книге указов канцелярии курфюрста Адольфа II». Документ начинается следующими словами: «Я, Конрад Хумери, доктор, извещаю этим письмом: Высокочтимый князь, мой уважаемый и любимый господин Адольф, архиепископ Майнца, передал мне некоторые формы, буквы, инструмент, приспособления

и все другое, принадлежащее к типографскому делу (Trucken), что оставил после своей смерти Иоганн Гутемберг (Iohann Gutemberg) и что принадлежит мне...»[154]. При этом Хумери обещает использовать доставшиеся ему типографские приспособления только в Майнце и нигде в другом месте.

Расписка доктора Хумери датирована совершенно точно: «Написано от Рождества Христова, господа на-

Anno Domini M°cccc°lxviii uff sant blasius tag starp der ersam
meinster Henne Ginssfleiss dem got gnade

Запись о смерти Иоганна Гутенберга

шего, в 1468 году в пятницу после дня святого Матфея». Нетрудно подсчитать, что день этот приходился на 26 февраля.

Итак, 26 февраля 1468 г. изобретателя книгопечатания уже не было в живых.

Случай помог установить дату кончины Иоганна Гутенберга совершенно точно. В 1913 г. архивариус Фердинанд Вильгельм Эмиль Рот нашел на страницах «Конфессионала», напечатанного Петером Шеффером около 1475 г., следующую запись:

«M°CCCC°LXVIII uff sant blasius tag starp der ersam meinster Henne Ginssfleiss dem got gnade», что означает: «В 1468 г. в день святого Власия (т. е. 3 февраля.— *Е. Н.*) умер почтенный мастер Хенне Гинсфляйс милостью божией»[155].

Местонахождение книги, в которой сделана запись, с 1916 г. неизвестно. Но Ф. Рот успел опубликовать факсимиле записи. Историки по сей день не выражали сомнений в ее подлинности.

В «Конфессионале», найденном Ф. Ротом, была, по его словам, еще одна запись — дарственная капитулу города Эльтвилля. Сделана она той самой рукой, что и запись о смерти «почтенного мастера Хенне Гинсфляйса». А. Руппель предположил, что книга принадлежала Леонгарду Менгоссу, который в 60-х и начале 70-х годов XV в. был деканом, главой эльтвилльского капитула. Ранее он жил в Майнце и состоял канони-

ком Братства св. Виктора. Членом Братства был и Иоганн Гутенберг. Следовательно, Менгосс мог лично знать изобретателя книгопечатания.

Сложность состоит в том, что Леонгард Менгосс умер в январе 1473 г., как свидетельствует по сей день сохранившееся надгробие в одной из эльтвилльских церквей. «Конфессионал» же Петера Шеффера, в котором дата выхода в свет не указана, историки книги датируют временем «около 1475 г.». А. Руппель, правда, считает, что издание могло выйти в свет и ранее [156].

Остается, однако, вопрос: почему Менгосс, если это был все-таки он, сделал запись не сразу же после кончины Гутенберга, а лишь несколько лет спустя?

Вообще же надо сказать, что А. Руппель и другие гутенберговеды, столь строгие в своих требованиях к подлинности документов, в случае с Ф. Ротом проявляют удивительную снисходительность. Их, впрочем, можно понять: очень хочется иметь точную дату кончины великого изобретателя книгопечатания.

Недатированная запись о смерти майнцского горожанина «Хенгин Гуденберга», возможно, была и в списках умерших членов Братства св. Виктора. Она вырезана из книги Братства и в настоящее время находится в Гутенберговском музее. О подлинности и этой записи нужно говорить с осторожностью.

Изобретатель книгопечатания был похоронен в церкви святого Франциска в Майнце. Его родственник, гуманист Адам Гельтгус, в конце XV в. соорудил над могилой надгробие. Сам камень не сохранился, но надпись на нем дошла до нас, ибо была воспроизведена на страницах книги, напечатанной в 1499 г. в Майнце типографом Петером Фридбергом. В переводе с латинского текст гласит:

«Счастливому изобретателю книгопечатания.
В Боге, лучшему и величайшему, посвящено.
Иоганн Гензфляйш,
изобретатель книгопечатания,
который заслужил величайшие похвалы со стороны всех наций и каждого языка. Поставил этот памятник для
Вечного поминовения
Адам Гельтгус.
Его останки покоятся в блаженном мире
в церкви святого Франциска в Майнце» [157].

После того как францисканцы передали в 1577 г. свою церковь иезуитам, надгробные плиты в ней были

уничтожены. Надгробие Гутенберга тщетно искали уже в XVII в.

В 1742 г. и сама церковь за древностью лет и ветхостью была снесена. На ее месте воздвигли великолепный храм в стиле барокко. Но и этот храм до нас не дошел, он был уничтожен жесточайшим пожаром 1793 г.

Алоиз Руппель обнаружил в городском архиве Вюрцбурга план церкви св. Франциска. В 1931 г. он предпринял раскопки, которые позволили уточнить местонахождение храма [158].

Другой памятник изобретателю книгопечатания был воздвигнут в 1504 г. профессором Майнцского университета Иво Виттигом. Он поставил перед домом «Цум Гутенберг», где в ту пору находился юридический факультет, камень с памятной надписью: «Жителю Майнца Иоганну Гутенбергу, который первым изобрел искусство книгопечатания и этим искусством сослужил службу всему миру, поставил в 1504 году Иво Виттиг этот камень в качестве памятника» [159].

Когда дом «Цум Гутенберг» в 1632—1635 гг. был разрушен шведскими войсками, камень перенесли в новое здание университета. Он находился там еще в конце XVIII в., а затем пропал.

Портрет Иоганна Гутенберга. Традиционный облик Иоганна Гутенберга хорошо знаком каждому из нас с детства по портретам в школьных учебниках. Умное лицо с ухоженной окладистой бородой. Проницательные глаза. Тяжелая «русская» шапка с меховым отворотом. В руке — набор литер или лист бумаги.

Читатель должен знать, что документальной основы портреты Гутенберга не имеют. Впервые мы встречаемся с изображением изобретателя книгопечатания на страницах биографического словаря Генриха Панталеона «Истинные герои немецкой нации», увидевшего свет в Базеле в 1565—1578 гг. Биографические сведения здесь минимальны и точностью не отличаются: «Иоганн Фауст, или Гутенберг и Иво Шеффер — две заслуженных немецких персоны, которые первые изобрели памятное и необходимое искусство книгопечатания, позволяющее двум человекам отпечатать за день больше, чем ранее много людей могли написать за год. Произошло это в 1440 г. Тогда, когда эти люди находились в Майнце, и там посвящали свою мудрость

этому искусству, были отлиты многие первоначально плохие литеры. Это искусство вначале было тайным и открытым лишь немногим людям» [160].

Иоганн Гутенберг
Гравюра из книги Г. Панталеона 1565 г.

Далее шла речь об усовершенствовании и распространении книгопечатания. Названы имена известных типографов и среди них Петера Шеффера. Таким образом, получается, что сын Иоганн, или Иво, Шеффер как бы опередил своего отца. Биографическая справка написана под явным влиянием колофонов Иоганна Шеффера, который всячески пропагандировал приоритет своего деда Иоганна Фуста (Панталеон считал его и Гутенберга одним человеком) и отца Петера Шеффера.

Портрет, открывающий справку, выполнен в профиль. Мы видим окладистую бороду, свисающие усы, горбатый крючковатый нос. Н. В. Варбанец, поместившая этот портрет на переплете своей монографии, считает, что он «восходит к подлинным портретам изобретателя» [161]. Вряд ли это так, ибо та же самая доска в той же книге Панталеона фигурирует в качестве портретов совсем других людей — легендарного художника Этинуса, жизнеописание которого отнесено к 2970 г. от сотворения мира (к 2538 г. до н. э.), не менее легендарного Германрейха, проповедовавшего в VII в. христианство среди болгар, св. Соломануса (XI в.), некоего Петруса фон Винайса (XIII в.) и даже хорошо известного парижского типографа и книготорговца начала XVI в. Йодокуса Бадиуса Асцензия [162]. В XVI в. такой подход к проблеме иллюстрирования читателей не смущал: представление о документальности иллюстраций тогда было самым поверхностным.

Большое распространение получил портрет Иоганна Гутенберга, который помещен в книге Андре Теве, увидевшей свет в 1584 г. в Париже и посвященной

Иоганн Гутенберг
Гравюра из книги А. Теве.
1584 г.

жизни и деятельности великих людей разных времен и стран [163]. Новый исследователь Джордж Д. Пэйнтер считает, что этот портрет содержит элементы подлинного облика изобретателя [164]. Неизменная борода, умное энергичное лицо и впервые появившаяся здесь шапка с меховым отворотом. Однако нет никаких оснований считать этот портрет, исполненный 116 лет спустя после смерти изобретателя, сколько-нибудь достоверным.

К гравюре 1584 г. восходят изображение Гутенберга в книге 1677—1678 гг. Джозефа Моксона (1627—1700) [165] — одном из первых руководств по типографскому делу, а также написанный маслом портрет, который издавна находился в Страсбурге и погиб там во время франко-прусской войны 1870 г. Сохранилась, однако, достоверная копия портрета, которая в настоя-

Иоганн Гутенберг
С миниатюры XIX в.

щее время хранится в Гутенберговском музее в Майнце. Что же касается оригинала, то ученые считают, что он был создан в XVII в.

Гравюра 1584 г. породила устойчивую изобразительную традицию, которой следуют известный памятник Гутенбергу в Майнце, изваянный шведским скульптором Бертелем Торвальдсеном (1770—1844) и установленный в 1837 г., памятник работы Давида д'Анжера в Страсбурге, и совместный памятник Гутенбергу, Фусту и Шефферу работы Эдуарда Шмидта в Франкфурте-на-Майне [166].

В послевоенные годы перед Гутенберговским музеем в Майнце был установлен бронзовый бюст изобретателя книгопечатания работы скульптора Вайно Аалтонена. Гутенберг изображен здесь с небольшой бородкой. Нарушение традиции объясняется тем, что, по мнению новейших ученых, в XV в. мужчины из патрицианских родов не носили бород, по крайней мере длинных. Окладистые бороды были отличительной особенностью пилигримов и евреев. Отсюда следует, что все дошедшие до нас портреты искажают внешний облик человека, подарившего миру книгопечатание.

В 1967 г. на обложке и одной из страниц научно-популярной книги Гельмута Прессера «Иоганн Гутенберг в источниках и иллюстрационных документах» была опубликована миниатюра, на которой изобретатель (с бородой!) изображен во весь рост рядом со своим печатным станком [167]. Миниатюру возводили к XVI в. и считали старейшим портретом изобретателя. В дальнейшем, однако, она была квалифицирована как фальсификация, исполненная в XIX в.[168]

Издания

Известно более 50 изданий, напечатанных при жизни Иоганна Гутенберга, которые в то или иное время приписывали его типографскому станку [1]. Большая часть из них, вне всякого сомнения, дело рук и ума изобретателя. Некоторые издания, возможно, выпущены его учениками. Напомним, что ни на одной из первопечатных книг имени Гутенберга мы не найдем.

В прошлом исследователи исходили из простой, убедительной в своей логичности мысли о том, что шедевру — 42-строчной Библии — должны предшествовать менее совершенные и менее объемные издания. Создать сразу шедевр невозможно. Нужно долго и упорно оттачивать мастерство, чтобы напечатать книгу, высокому совершенству которой мы поражаемся и сегодня.

Вопреки логике некоторые современные гутенберговеды отказались от этого очевидного положения. Ниже мы последовательно познакомимся с первопечатными изданиями. Рассказывая о них, будем одновременно решать вопрос, кем они напечатаны. Решать не однозначно, ибо не имея перед глазами книг, сделать это нельзя.

Издания, о которых говорилось выше, отпечатаны семью готическими шрифтами. Это большой шрифт, называемый *DK*, высотой 8 мм, что примерно соответствует современному кеглю 22 пункта *; средний по величине шрифт высотой 7,2 мм (менее 20 пунктов), называемый B^{42}; мелкие шрифты AB^{30} и AB^{31} высотой 4,4 и 4,9 мм (соответственно 12 и 13 типографских пунктов); два очень больших шрифта высотой 14,6 и 12,0 мм, использованные в Псалтыри 1457 г., и, наконец, очень мелкий (4,1 мм) шрифт Католикона 1460 г. Но прежде нужно сказать о том, что Алоиз Руппель достаточно точно именовал «Гутенберговской шрифтовой системой» [2].

---

* Пункт – типографская мера длины, равная 0,376 мм.

Характерные знаки шрифтовой системы Иоганна Гутенберга
По А. Руппелю

В латинском алфавите 25 строчных и 25 прописных букв. Добавив к этому ограниченное число знаков препинания, получим 60, ну 70 разноименных литер. Между тем в изданиях Гутенберга можно встретить 150—300 различных знаков. Дело в том, что изобретатель, как многие первопечатники различных стран и народов, в том числе и русские, старался во всем следовать рукописной практике. Чтобы печатная книга была похожа на рукописную, необходимо было в рисунках шрифта воспроизвести хотя бы простейшие каллиграфические ухищрения писцов, стремившихся нарушить однообразие текстовой полосы.

Характерной особенностью готических почерков были ромбовидные окончания вертикальных штрихов литер. При написании литер в строке для более цельного восприятия письма каллиграфы сглаживали остроконечные выступы с той стороны литеры, которая примыкала к соседней, такие выступы имеющей. Чтобы передать эту особенность средневекового письма, Гутенбергу пришлось каждую литеру отливать в достаточно большом количестве вариантов.

К рукописной практике восходили и литеры с надстрочными знаками сокращения, соответствующие славянским буквам «под титлами». Сокращения обозначались горизонтальной прямой чертой, одним или двумя ромбами и «ноликом», размещенными над литерой.

Назовем, наконец, многочисленные у Гутенберга лигатуры — слитные изображения двух знаков, размещенные на одной ножке.

Гутенберг умело использовал в наборе одноименные литеры различного начертания. Эстетическое воздействие полос его книг незабываемо.

Шрифт *DK*. Первый шрифт, с которым нам предстоит познакомиться, известен в гутенберговедении под наименованием *DK*[3]. Как уже говорилось, индекс

составлен из начальных букв слов «Донаты» и «Календари». Мночисленные учебники латинской грамматики — Донаты и всевозможные первопечатные календари печатались именно этим шрифтом. Собственно говоря, это был не один шрифт, а несколько: графика его, а также технические приемы отливки непрерывно совершенствовались. Исследователи установили, что было по крайней мере три варианта. Первый, наиболее примитивный, использован для набора «Сивиллиной книги» и некоторых Донатов, второй — для набора календарей, Донатов и других изданий, наконец, третий, самый совершенный — его именуют B^{36} — для набора 36-строчной Библии.

Ученые подсчитали, что шрифт *DK* содержит 147 знаков. Многие буквы, как это обычно бывает у Гутенберга и других первых типографов, неоднократно повторяются в различных, иногда лишь незначительно отличающихся друг от друга начертаниях. Высота очка букв без верхних и нижних выносных элементов составляет 5 мм. Кегль литеры равен 8 мм, или в типографской системе измерений 21,3 пункта. Это примерно соответствует кеглю, который старые русские наборщики именовали «двойной корпус-текст».

DK — крупный готический шрифт, который хорошо читается. В рукописных немецких Библиях XV в. столь крупных почерков не встречается. Это подтверждает гипотезу, о которой шла речь раньше: шрифт первоначально предполагалось использовать для набора основных текстов так и не осуществленного Большого Миссала.

В прошлом шрифт *DK* считали древнейшим типографским шрифтом и, естественно, приписывали изобретателю книгопечатания Иоганну Гутенбергу. Нашлись, однако, исследователи, которые эту точку зрения отвергали. Пауль Швенке полагал, что шрифт использовал неизвестный нам по имени типограф, которого он именовал «печатником Турецкого календаря». В последние годы широкое распространение получила гипотеза о том, что шрифт *DK* не является древнейшим, что он возник уже после шрифта B^{42}, которым отпечатана 42-строчная Библия, и подражает его графическим формам. В соответствии с этой гипотезой все многочисленные издания, напечатанные шрифтом *DK* (их презрительно именуют «ярмарочными» или «рыночными»),— дело рук какого-то неиз-

вестного типографа, работавшего одновременно с Гутенбергом. Тот факт, что жизнь и труды этого типографа ни словом не отражены в архивной документации эпохи, исследователей почему-то не смущает. О гипотезе, которую мы не поддерживаем, речь пойдет ниже при описании отдельных изданий.

«Сивиллина книга». В 1892 г. в Майнце в переплете одной из старых актовых книг был обнаружен небольшой фрагмент текста, напечатанного шрифтом *DK*. Почему в переплете? Дело в том, что издания массового спроса, та самая пресловутая «рыночная» продукция, которая приносила немалый доход первым печатникам, моментально распродавались, но столь же быстро изнашивались, выходили из строя. Нам повезло, что истрепанные, превратившиеся в макулатуру страницы ветхих книг не уничтожались. Писчий материал — бумага и особенно пергамен — был дорог. Листы отслуживших книг переплетчики использовали для изготовления и подклейки переплетов. Много лет спустя их стали извлекать оттуда историки раннего книгопечатания.

Кто и как нашел фрагмент, о котором идет речь, к сожалению, неизвестно. Известно лишь, что листок размером 90×125 мм, на котором поместилось 11 строк с одной стороны и 11 — с другой, попал в коллекцию майнцского банкира Эдуарда Бека. В 1903 г. коллекционер подарил драгоценный фрагмент Гутенберговскому музею в Майнце, где он находится по сей день [4]. Филологическое исследование текста провел Эдвард Шредер, который определил, что отрывок взят из средневековой «Сивиллиной книги», написанной около 1360 г. в Тюрингии [5]. Текст повествовал о предстоящем приходе мессии. Отсюда и название, которое дали находке,— «Фрагмент о страшном суде».

С книговедческой и полиграфическо-технической точки зрения фрагмент исследовали Готтфрид Цедлер и Генрих Валлау. При первом же взгляде на оттиск видно, что типограф еще неопытен, он только-только осваивает искусство. Выключкой строк, т. е. умением приводить строки к одной длине, он не владеет. Шрифт, как говорят современные полиграфисты, не держит строки, литеры «гуляют» то вверх, то вниз. Очертания литер огрублены и размыты, одноименные

Фрагмент о страшном суде

буквы зачастую имеют различные размеры. Это свидетельствует о том, что и словолитным мастерством типограф «Фрагмента о страшном суде» владеет плохо. При изготовлении шрифта, которым отпечатана «Сивиллина книга», использовался очень мягкий металл. Об этом говорят нечеткие, как бы размытые края оттисков букв.

Реконструировать первопечатное издание помогли рукописные и позднейшие печатные воспроизведения «Сивиллиной книги». Памятник содержит 750 стихотворных строк. В найденном же фрагменте их оказалось 28, и они уместились в 22 типографские строки. Простейшие арифметические подсчеты позволили определить общее количество строк первопечатного издания, а именно 570. Сделав допущение, что на каждой полосе издания помещалась 21 строка, опять же с помощью несложных подсчетов определили количество полос — 27. Предполагаемый формат издания 160×220 мм.

Ниже пойдет речь о другом издании, отпечатанном тем же самым шрифтом,— «Астрономическом календаре», который ранее датировали 1448 г. Исходя из того что календарь отпечатан лучше, чем «Сивиллина книга», да и сам шрифт определенно изменился к лучшему, «Сивиллину книгу» датировали 1444—1447 гг. В недавнее время датировка была оспорена, о чем речь пойдет ниже.

Первые Донаты. Среди самых первый произведений типографского станка Иоганна Гутенберга, а мы верим, что именно он печатал «Сивиллину книгу», немало Донатов. Так называют учебники латинской этимологии, автором которых считают римского грамматика Элия Доната, составителя комментариев к Теренцию и Виргилию, жившего в середине IV в. О его жизни и деятельности известно лишь то, что сообщает раннехристианский писатель Иероним Стридонский (330—419): «В Риме почитаются знаменитыми ритор Викторин и грамматик Донат»[6]. Иероним считал Доната своим учителем.

Сочинение Доната «Ars grammaticae» состоит из двух частей: учебника «Ars minor» для начинающих и пособия «Ars maior» для более подготовленных читателей. Первая часть представляет собой рассказ о восьми частях речи, составленный в форме вопросов и ответов. В средние века к первоначальным 20 главам «Ars minor» было прибавлено еще 17. В таком виде учебник Доната получил широкое распространение. Само это слово «Донат» стало нарицательным.

При большом спросе на Донаты Гутенберг и другие типографы охотно печатали их. Все первопечатные учебники редки, ибо их зачитывали до дыр. О различных изданиях Донатов можно судить лишь по небольшим фрагментам, которые неутомимые инкунабуловеды разыскали в подклейках переплетов старых книг.

Гутенберг один и совместно с учениками неоднократно печатал Донаты. Издания различают по числу строк на полосе. В шрифте *DK* известны 26-, 27-, 28- и 30-строчные Донаты. Каждое из этих изданий существует в сравнительно большом количестве вариантов. К 1938 г. в «Сводном каталоге инкунабулов» было зарегистрировано 24 издания Доната в шрифте *DK*[7]. За прошедшие с того времени 40 лет это число значительно увеличилось.

Чаще других встречается 27-строчный Донат, который считают древнейшим. Он известен ученым по крайней мере в 14 изданиях. Самое старое из них было найдено в Дармштадтской библиотеке Адольфом Шмидтом[8]. Исследователь извлек фрагменты листов 6 и 9 из переплета книги, напечатанной в 1489 г. в Базеле. Отметим попутно, что в 27-строчном Донате по подсчетам ученых должно быть чаще всего 14 лис-

тов, или 28 страниц. Есть, правда, и исключение — 13-листные Донаты, представленные фрагментами берлинской и московской библиотек.

По состоянию шрифта дармштадтский Донат близок к «Сивиллиной книге». Ранее его датировали 1445—1446 гг. и считали, что он, возможно, напечатан еще в Страсбурге (а может быть, и в Базеле, куда некоторые исследователи отправляли Гутенберга). Сторонники гипотезы о неведомом мастере, работавшем независимо от Гутенберга шрифтом *DK*, в недавнее время передвинули датировку на время после 1457 г. Мы в данном случае согласны с мнением Н. П. Киселева: «Несмотря па выдвигавшиеся сомнения, наиболее вероятным кажется то, что древнейшие Донаты напечатаны первым в истории типографской техники шрифтом самим Гутенбергом» [9].

Вторым по древности 27-строчным Донатом историки называют тот, фрагменты которого (л. 4, 8, 9 и небольшие обрывки л. 5) были обнаружены в переплетах страсбургских изданий 1485 и 1488 гг., принадлежавших библиотеке гимназии в Хайлигенштадте, а впоследствии переданных в Королевскую библиотеку в Берлине [10]. Размеры фрагментов 135×282 и 226×278 мм, ширина строк от 160 до 167 мм, что значительно больше, чем во всех других Донатах. Хайлигенштадтский Донат датировали 1446 г.

Видимо в том же году был отпечатан еще один Донат, фрагменты (л. 5 и 10) которого обнаружил Франц Иозеф Бодман еще в 1800 г. в переплете старинной счетной книги Майнца. В дальнейшем фрагменты попали к книговеду и естествоиспытателю Готтхельфу Фишеру фон Вальдгейму (о нем будет рассказано ниже), который в 1803 г. подарил их Парижской национальной библиотеке [11], где они хранятся по сей день. На одном из листков имеется запись: «Heydensheim 1451», а на другом — запись, датированная 1492 г. Надписи выполнены почерком XV в., но уже Г. Цедлер считал, что они фальсифицированы Бодманом [12]. (О проделках майнцского профессора по этой части уже говорилось.)

К парижскому фрагменту очень близок московский, описанный в 1961 г. Николаем Петровичем Киселевым. И все же это, видимо, другое издание, ибо, как утверждал Киселев, «количество строк текста между последней строкой московского фрагмента и

первой строкой парижского делает неправдоподобной их принадлежность к одному изданию»[13].

Попал фрагмент в Москву не совсем обычным путем. Готтхельф Фишер фон Вальдгейм (1771—1853), о котором уже упоминалось в связи с парижским Донатом, в 1798—1804 гг. жил в Майнце, где активно занимался проблемами ранней истории книгопечатания. Он издал несколько книг и среди них «Описание некоторых типографских редкостей совокупно с сообщениями об изобретении искусства книгопечатания» (Вып. 1—6. Майнц, 1800 — Нюрнберг, 1804) и «Эссе о типографских памятниках Иоганна Гутенберга из Майнца, изобретателя книгопечатания» (Майнц, 1802)[14]. В первой из них описан парижский Донат.

Фишер был библиофилом. Пребывание в Майнце позволило ему составить неплохую коллекцию ранних памятников печатного дела. Часть собрания он подарил Парижской национальной библиотеке. В 1804 г. профессор из Майнца получил приглашение Московского университета и вскоре принял его. В Москве он прожил почти 50 лет, преподавал, стал основателем Московского общества испытателей природы, существующего по сей день. Григорий Иванович (так звали его в России) привез в Москву многие старопечатные уникумы. Некоторые из них он подарил Алексею Кирилловичу Разумовскому (1748—1822) — первому президенту Общества испытателей природы и страстному книголюбу. Другие поступили в научную библиотеку Московского университета, долгое время лежали здесь никому не известные и лишь в 30-х годах XX в. были описаны Н. П. Киселевым. Вынужденный не по своей воле покинуть Москву, Н. П. Киселев поведал миру о своих находках лишь в 1961 г.

Среди них и 27-строчный Донат в шрифте *DK*. Это — листок пергамена размером 230×160 мм, содержащий второй лист издания. Ряд признаков свидетельствует о том, что этот Донат напечатан ранее «Астрономического календаря». В нем, например, отсутствуют знаки препинания, которые в календаре уже есть. Н. П. Киселев датировал московский Донат 1447 г. и утверждал, что это «древнейшее произведение печати, из числа имеющихся в библиотеках Союза Советских Социалистических Республик»[15].

Но прервем рассмотрение изданий в шрифте *DK* и

Московский фрагмент 27-строчного Доната

познакомимся с книгой, которая также претендовала на то, чтобы считаться первым произведением станка Иоганна Гутенберга.

«Миссал специальный». «Спор о Миссале специальном» — так называлась статья Фридриха Адольфа Шмидта-Кюнземюллера, одного из крупнейших

гутенберговедов нового времени [16]. Пожалуй, ни об одном издании инкунабульного периода не дискутировали столь ожесточенно и непримиримо, как об этом «Миссале». В списке авторов статей, ему посвященных,— широко известные имена Конрада Хеблера и Готтфрида Цедлера, Исака Колийна и Пауля Швенке, Фердинанда Гельднера и Северина Корстена [17].

Книга была найдена художником-шрифтовиком Отто Хуппом (1859—1949) в одном из мюнхенских антиквариатов в 1880 г.[18] Она была напечатана крупным готическим шрифтом, примененным в 1457 г. заимодавцем Гутенберга Иоганном Фустом и учеником изобретателя Петером Шеффером для набора знаменитой Псалтыри 1457 г. В соответствии с гипотезой Г. Цедлера, шрифт был изготовлен Гутенбергом и предназначался для набора канонов неосуществленного Большого Миссала. В экземпляре, найденном Хуппом, было 176 листов. Не хватало, как установили впоследствии, 16 листов.

Особенность «Миссала специального» по сравнению с большинством первопечатных изданий состоит в том, что он отпечатан в две краски — черную и красную. Качество печати плохое. Шрифт, который в Псалтыри 1457 г. стал образцовым в своей законченности и высокохудожественности, отлит неряшливо.

Таковы исходные предпосылки, позволившие О. Хуппу объявить «Миссал специальный» старейшей печатной книгой и приписать ее Иоганну Гутенбергу.

Экземпляр, обнаруженный О. Хуппом, недолго оставался единственным (в настоящее время он находится в Государственной библиотеке Баварии в Мюнхене). Вскоре в Швейцарии нашлись и другие. Один из Миссалов был найден в 1915 г. в библиотеке капуцинского монастыря Ромонт неподалеку от Фрайбурга. Другой посчастливилось отыскать шведскому книговеду Исаку Колийну в 1925 г. в Центральной библиотеке Цюриха [19]. Последний экземпляр оказался полным — в нем сохранились все 192 листа. Четвертый экземпляр «Миссала специального» обнаружили сравнительно недавно в Городской библиотеке Аугсбурга; его ввел в научный оборот в 1962 г. Пауль Гайсслер [20].

Были обнаружены и фрагменты «Миссала специального». Некоторые из них нашли в переплете базельского издания 1487 г.

Размеры полосы набора «Миссала специального» 212×132 мм. На каждой странице размещено по 18 строк. В рукописных и печатных Миссалах перед так называемым Canon missae, текст которого един для всех епархий, обычно изображают распятие с предстоящими — богоматерью и апостолом Иоанном. Соответствующее изображение нашлось в экземпляре из Ромонта. Опо воспроизведено в технике гравюры на дереве. Гравюра размером 187×98 мм наклеена на пустую страницу перед канонами. Исследователи датировали эту гравюру временем между 1430 и 1450 гг.

Выводы Хуппа о раннем происхождении «Миссала специального» вроде бы подтвердили изыскания ученых-теологов. Французский аббат Эжен Миссе, ознакомившись с текстом, установил, что книга предназначалась для использования в констанцской диоцезии и в близлежащих приходах[21]. Мессы для праздников «Transfiguratio Christi» и «Praesentatio Beatae Mariae Virginis», установленных в 1457 и в 1468 гг., в «Миссале» отсутствовали. Отсюда Э. Миссе сделал вывод, что издание вышло в свет до 1457 г.

Любопытно, что в экземпляре из Ромонта текст мессы для праздника «Praesentatio...», установленного майнцским архиепископом Адольфом фон Нассау 30 августа 1468 г. для всего архиепископства, в которое входила и констанцская диоцезия, вписан от руки. За книгой даже утвердилось название «Миссал Констанцский», хотя критики Миссе, а таких было немало, указывали, что ни один из святых, почитаемых в Констанце, городе на берегу Боденского озера, в «Миссале специальном» не упомянут.

Уже в начале XX в. были предприняты попытки датировать издание с помощью водяных знаков. Работу эту предпринял не кто иной, как Шарль Брике — составитель прославленного каталога филиграней[22]. В экземпляре, обнаруженном Хуппом, была найдена бумага четырех сортов, которую Брике датировал 1440—1450 гг. Среди филиграней — «голова быка с крестом между рогами» в трех различных вариантах; такая бумага изготовлялась и в Базеле.

В 1954 г. экземпляр «Миссала», найденный в Ромонте, был куплен (за 100 тыс. долларов) для библиотеки Пирпонта Моргана в Нью-Йорке. Человек, который был связан с этой покупкой,— Курт Фердинанд Бюлер — всячески рекламировал древность из-

дания. Он опубликовал на страницах американских и английских журналов серию статей, в которых поддерживал версию О. Хуппа о «первой печатной книге» [23].

Дискуссия вокруг «Миссала специального», которая было утихла, разгорелась с новой силой. Дело приобрело неожиданный оборот, когда швейцарский ученый Арнольд Пфистер, опираясь опять-таки на литургические тонкости, заявил, что «Миссал» связан с базельской обрядностью, да и напечатан не в Майнце, а в Базеле в период между 1444 и 1448 гг. самим Иоганном Гутенбергом [24]. Эту версию одно время был готов принять сам патриарх гутенберговедения Алоиз Руппель, давний патриот Майнца, хотя утверждения Пфистера отнимали у этого прирейнского города приоритет в основании первой типографии [25]. Пребывание Гутенберга в Базеле связывали со знаменитым Базельским церковным собором, который проходил с 1431 по 1449 г. Как уже отмечалось, о поездке Гутенберга в Базель и о связях с находившимся там Николаем Кузанским недавно писал Альберт Капр. Поддерживал версию и Ф. А. Шмидт-Кюнземюллер, который, однако, утверждал, что первая книга была отпечатана в Базеле столь небольшим тиражом, что ее выход в свет остался незамеченным [26]. Массовое же книгопечатание началось в Майнце.

Когда позиции сторонников раннего происхождения «Миссала специального», который теперь именовали «Миссалом Базельским», были, казалось, особенно сильны, появилась серия новых работ, буквально поставивших вопрос с головы на ноги.

Американский исследователь Алан Стивенсон провел комплексное исследование бумаги сначала ромонтского, а затем и всех других сохранившихся экземпляров. При этом он разработал новую методику изучения филиграней, в основу которой положены наблюдения над местом прикрепления филиграней к сетке для отлива листа. Стивенсон установил, что совершенно аналогичные водяные знаки встречаются в «Миссале специальном» и в издании, напечатанном типографом Георгом Рейсером в 1473—1474 гг. Статья, рассказывающая об этом, была опубликована в 1962 г. в «Гутенберговском ежегоднике» [27].

В том же самом томе читатель мог познакомиться со статьей Пауля Гайсслера, рассказывающей о на-

[illegible]

In festo natiuitatis domi· In
primo gallicantu· Officium
In summo mane offitium·
Ad publicã missam. Officiũ·
De sancto stephano·offitium
De sancto. Johãne euãgelista
De innocẽtibus officium.
In octaua uatitatis dñi offi
In festo epiphanie domini
In festo puificacõnis marie
De sancto mathia officium·
In festo ãnũciacõis btẽ marie
De sãcto marco offitium.
De sco philippo et iacobo offi·
Cõmune sãctorum tempe pascali
De pluribus martiribus offitiũ·

Миссал специальный

ходке в Аугсбурге четвертого экземпляра «Миссала». Гайсслер обратил внимание, что переплет аугсбургского экземпляра (сохранилась лишь верхняя крышка его) близок по технике исполнения и штампам, использованным для его украшения, к переплетам изданий, выходивших с 1470 по 1489 г. Хотя книга могла быть переплетена значительно позднее своего выхода в свет, как оно обычно и бывает, вывод Гайсслера однозначен: «Миссал специальный» напечатан скорее в 1470—1475 гг., чем в 1465—1468 гг., а тем более в 1445—1450 гг., а следовательно, не Гутенбергом [28].

Между тем А. Стивенсон, продолжая поиски, нашел ряд других изданий с теми же водяными знаками, что и в «Миссале». Большинство из них было напечатано в 1473 г. В монографии, посвященной «Миссалу специальному» и опубликованной в Лондоне в 1967 г., Стивенсон не ограничился анализом фи-

лиграней, но рассмотрел проблему во всем обилии связей и аспектов [29]. Вывод его таков: «Миссал» напечатан уже после смерти Иоганна Гутенберга — в 1473 г., скорее всего, в Базеле и, возможно, Иоганном Кохом из Фельдкирха.

С выводом этим согласились многие гутенберговеды [30]. Спор о «Миссале», однако, продолжается. К. Ф. Бюлер пытается отстаивать раннее происхождение издания, опровергая доводы Стивенсона главным образом на материале анализа литургических особенностей текста. «Несмотря на внешнюю стройность, выводы (о позднем происхождении «Миссала».— *Е. Н.*) преждевременны,— утверждает Н. В. Варбанец.— В таких случаях любая датированная находка может опрокинуть все выводы, с чем и археографам и книговедам нередко приходится сталкиваться» [31].

«Миссал сокращенный». В 1900 г. в библиотеке бенедиктинского аббатства в Каринтии был найден сокращенный вариант «Миссала специального», получивший в литературе название «Миссал аббревиатум» [32]. Книга напечатана на бумаге и содержит 72 листа. Рукописная запись свидетельствует, что в 1777 г. она принадлежала священнику из Инцлингена, что неподалеку от Базеля. Таким образом, и это издание связано с городом в северо-западной Швейцарии. 97 страниц книги отпечатано с того же набора, что и «Миссал специальный»; 21-я страница имеет тот же текст, но отпечатана с нового набора, а три страницы заняты совершенно новым текстом. На обороте 20-го листа наклеена ксилография, изображающая Распятие. Гравюру эту специалисты датируют временем около 1450 г.

По мнению А. Стивенсона, «Миссал сокращенный» печатался в первой половине 1473 г., одновременно с «Миссалом специальным». Это, утверждает он, вытекает из анализа водяных знаков. Правильность этого утверждения покажет будущее. Мы же вернемся к изданиям, напечатанным шрифтом *DK*.

«Астрономический календарь». Одним из древнейших произведений печатного станка издавна считался так называемый «Астрономический календарь», набранный усовершенствованной отливкой шрифта *DK*. Фрагмент календаря — два запечатанных с одной стороны листка пергамена размером 290×220 мм — был

найден Готфридом Цедлером в 1901 г. в Висбаденской библиотеке в переплете рукописи, происходящей из монастыря Шёнау [33]. Фрагмент содержал тексты, приуроченные к январю, февралю, марту и апрелю. Ученые пришли к выводу, что весь календарь должен был состоять из шести отдельных листков, склеивая которые получали лист размером 670×720 мм.

Цедлер передал найденный им фрагмент директору Астрономического института в Берлине профессору Юлиусу Баушингеру, который тщательно изучил астрономические реалии старонемецкого текста календаря, содержащего, например, такие пассажи:

«В день трех святых королей за два часа до полудня ожидается новолуние. Солнце и Луна находятся в 25-м градусе созвездия Козерога, Сатурн — в 26-м градусе созвездия Льва и возвращается обратно. Юпитер стоит в 27-м градусе созвездия Весы, а Марс—в первом градусе Скорпиона...»

Профессор Баушингер установил, что новолуние в XV в. приходилось на день трех королей, т. е. на 6 января в 1429, 1448 и 1467 гг. Первая дата была слишком ранней, вторая — поздней. Г. Цедлер, естественно, сделал вывод, что «Астрономический календарь» был предназначен для 1448 г. и был издан не позднее, чем во второй половине 1447 г.[34]

Напомним, что первые сведения о пребывании Гутенберга в Майнце относятся к октябрю 1448 г. Значит, не исключено, что «Астрономический календарь» печатался еще до возвращения изобретателя в этот прирейнский город. «Фрагмент о страшном суде», если судить по технике печати и по состоянию шрифта, вышел в свет раньше «Астрономического календаря». Его, как известно, датировали 1444—1447 гг., а некоторые ученые считали его и более ранним — около 1440—1444 гг.

Говорили, что «Астрономический календарь» напечатан еще в Страсбурге. Против этого, правда, свидетельствуют исследования языка памятника. Формы «konige», «sonne», «off», по мнению Г. Цедлера, указывают на Майнц. В Страсбурге говорили и писали бы «künige», «sunne», «uff».

В стройную схему датировки первопечатных изданий внесла диссонанс находка, сделанная в Кракове. Под инвентарным № 2267 в Ягеллонской библиотеке издавна хранилось 10 фрагментов, которые еще в

XIX в. были извлечены из переплетов[35]. К великому сожалению, в свое время не зафиксировали, в переплетах каких книг они находились. Между тем для инкунабуловедов это представляет немалый интерес, ибо в ряде случаев позволяет сделать далеко идущие выводы. Так, фрагмент «Астрономического календаря», хранившийся в Висбадене (в годы второй мировой войны он пропал), был, как уже говорилось, найден в переплете рукописной книги, принадлежавшей ранее бенедиктинскому монастырю Шёнау близ Майнца. Благодаря этому делались выводы, что «Календарь» напечатан не в Страсбурге и не в Бамберге, как считали некоторые исследователи, а в Майнце.

Вернемся, однако, к краковским листкам за № 2267. В старых каталогах Ягеллонской библиотеки они были описаны как собрание фрагментов учебника латинской этимологии Элия Доната[36]. Карл Вемер, изучивший листки уже в послевоенные годы, установил, что это не совсем так[37]. Восемь из десяти листков, собранных под общим номером — 2267, действительно представляли собой фрагменты Донатов — одного рукописного, одного ксилографического и двух печатных (с наборной формы). Среди последних — корректурные оттиски листов (2 об., 12 об. и 13) 27-строчного Доната, набранного шрифтом *DK*. Два других фрагмента представляли собой корректурные оттиски «Астрономического календаря» и Библии. Известно, что усовершенствованным вариантом шрифта *DK* отпечатана 36-строчная Библия, разговор о которой впереди. Фрагмент Ягеллонской библиотеки, однако, имел 40 строк. К. Вемер предположил, что это — один из ранних вариантов будущей 36-строчной Библии, которую первоначально собирались набирать в 40 строк. Фрагмент «Астрономического календаря», описанный К. Вемером, содержал 15 строк с текстами для января и февраля.

Корректурные оттиски Ягеллонской библиотеки оказались напечатанными па листах из расходной книги майнцского купца, торговавшего тканями в конце XIV в. В связи с этим вспомнили, что ткани продавал прадед Гутенберга Петерман цум Гензфляйш; источники упоминают его имя в 1332—1370 гг.

К. Вемер, как ранее Г. Цедлер, обратился к помощи астронома. На этот раз астрономическими аспектами находки занимался Виктор Штегеман. Выводы

его существенно отличались от мнения Ю. Баушингера. Штегеман утверждал, что «Астрономический календарь», называемый так во всех монографиях о Гутенберге, на самом деле календарем не является. Это — астрологическая таблица, предназначенная для гадалок и предсказателей, оперирующих данными о положении планет. Таблица действительно рассчитана на 1448 г., но могла использоваться и позднее.

К. Вемер, принимая этот тезис, дополнительно аргументировал его тем обстоятельством, что фрагмент «Астрономического календаря», в свое время найденный в Висбадене, напечатан на пергамене. Издание, следовательно, было рассчитано на долгий срок; в противном случае его печатали бы не на дорогом пергамене, а на сравнительно дешевой бумаге.

В корректурных оттисках соседствовали фрагменты «Астрономического календаря» и Библии. К. Вемер сделал вывод о том, что издание календаря непосредственно предшествовало выходу в свет 36-строчной Библии, которая вышла уже после 42-строчной Библии. В одном из сохранившихся экземпляров 36-строчного издания есть помета рубрикатора, сделанная в 1461 г.

Таковы посылки, позволившие К. Вемеру предложить новую датировку «Астрономического календаря», а вслед за ним и всех других изданий, воспроизведенных шрифтом *DK*. Календарь, по его мнению, напечатан около 1458 г. Что же касается более примитивных изданий, то они вышли в свет не ранее 1454 г.

Иоганн Гутенберг в эту пору активно работал над 42-строчной Библией. По мнению Вемера, отвлекаться на печатание «рыночной» продукции он не мог. Следовал вывод о том, что все издания в шрифте *DK* печатал не Гутенберг, а какой-то неизвестный майнцский типограф, работавший одновременно с изобретателем и несколько ранее учившийся у него. Версия Вемера пользуется популярностью по сей день, хотя в специальной печати не раз высказывались критические замечания по ее адресу.

В выпущенной в 1967 г. научно-популярной книге о Гутенберге, написанной директором Гутенберговского музея в Майнце Гельмутом Прессером, изобретатель книгопечатания предстает перед нами как типограф чуть ли не единственного шедевра —

42-строчной Библии [38]. Кроме нее, Гутенбергу приписывается лишь литургическая Псалтырь, само существование которой проблематично. От этого издания сохранился лишь небольшой листок пергамена, находящийся в Парижской национальной библиотеке.

42-строчная Библия в списке первопечатных майнцских книг, который публикует в приложении к своей книге Г. Прессер, стоит первой. Получается так, что изобретатель выполнил этот шедевр без какой-либо предварительной подготовки. Между тем оттачивать умение, экспериментировать он должен был на сравнительно небольших изданиях. Если такие издания сохранились во множестве фрагментов от «неизвестного майнцского типографа», то почему до нас не дошел ни один фрагмент от таких же изданий, вышедших из типографии Гутенберга? Ответ может быть один: сохранившиеся фрагменты относятся к изданиям изобретателя книгопечатания, имя которого хорошо известно нам.

Надо сказать, что гутенберговеды ГДР (А. Капр) и СССР (Н. В. Варбанец, Э. В. Зилинг-Венгерова) гипотезу Вемера не приняли. Н. В. Варбанец, например, не без остроумия заметила: «Представление нынешних историков астрономии, что «Астрономический календарь» на 1448 г. «годился» для неученых астрологов в течение 11 лет, говорит лишь о том, что историкам астрономии астрология не нужна. Для людей XV в., практическая жизнь которых сообразовывалась с нею, продавать в 1458—59 гг. календарь на 1448 г. означало грубый обман, который в те времена сразу бы обнаружился» [39].

Добавим, что гутенберговский «Астрономический календарь» не был чем-то исключительным. Такие календари в ту пору расходились в сотнях копий, правда рукописных. Популярным составителем астрономических календарей был, например, профессор Венского университета Иоганн Крафт из Гмундена (между 1380 и 1385—1442). Большой популярностью пользовались календари прославленного математика Иоганна Мюллера-Региомонтана (1436—1476). Свой первый календарь он составил еще учась в Лейпцигском университете, в который Иоганн поступил 15 октября 1447 г. 11 лет от роду. Календарь, как и гутенберговский, рассчитан на 1448 г. Но он точнее последнего и более детален. Среднее отклонение предварительно

вычисленных положений планет у Гутенберга составляло 2,2°, а у Региомонтана — всего 1,5°[40]. В гутенберговском календаре положения планет вычислены для каждых 15 дней, а у Региомонтана — для каждого дня.

Становится очевидным, что издавать столь несовершенный календарь с опозданием на 10 лет, когда широкое распространение получили календари Региомонтана и других математиков, изобретатель книгопечатания не стал бы.

Донаты в улучшенном варианте шрифта *DK*. Выше были рассмотрены четыре издания 27-строчного Доната, напечатанного шрифтом *DK*. Кроме них, известны по крайней мере еще девять изданий, отдельные фрагменты которых находятся в библиотеках Берлина, Бамберга, Карлсруэ, Лондона, Мюнхена, Оксфорда... Еще раз подчеркнем, что все эти фрагменты принадлежат к различным изданиям, а не к одному. Сохранились фрагменты различных страниц, но ученые доказали, что в рамках одного издания они не стыкуются.

Некоторые современные гутенберговеды презрительно именуют первопечатные Донаты «рыночной» продукцией, противопоставляя их 42-строчной Библии. Наш долг отметить, что малообъемные, не отличающиеся блеском полиграфического исполнения издания несли немалую просветительную нагрузку. Их роль в становлении европейской культуры переоценить трудно.

Большинство 27-строчных Донатов по состоянию шрифта примыкают к «Астрономическому календарю» и напечатаны после него улучшенным вариантом шрифта *DK*. Познакомимся с некоторыми из них.

В 1900 г. в Мюнхенской королевской библиотеке в переплете латинской рукописи был найден листок пергамена размером 214×158 мм[41]. Происхождение рукописи установить не удалось, а это могло бы способствовать определению места печатания находки и в конечном счете уточнению его датировки. Пауль Швенке, изучивший находку, определил, что это фрагмент третьего листа 27-строчного Доната. Сохранившиеся первые 26 строк имели длину в пределах 150—155 мм. Выключать строки типограф не умел, поэтому все они разной длины.

По графике и формам шрифта к мюнхенскому фрагменту примыкает 27-строчный Донат, который в

1835 г. был продан во Франкфурте-на-Майне при распродаже коллекции Георга Клосса и попал в Лондон в библиотеку Британского музея [42]. Это — наиболее полно сохранившийся Донат в шрифте *DK* (л. 4, 10, 11 уцелели полностью, а л. 2, 6—9, 13 — в фрагментах). О том, где и при каких обстоятельствах был найден экземпляр, к сожалению, ничего не известно. Выключка в этом издании несколько лучше, чем в предыдущем. Длина строк — в пределах 147—149 мм. Шрифт явно усовершенствован. Оттиск достаточно четок, литеры хорошо держат линию строки.

Явно после «Астрономического календаря» вышло издание, от которого уцелели узкие полоски пергамена (22×350 мм), обнаруженные в гимназической библиотеке Хайлигенштадта в переплете страсбургского инкунабула вместе с фрагментами того 27-строчного Доната, о котором шла речь выше [43]. Полоски в 1907 г. поступили в Королевскую библиотеку в Берлине. Ученые установили, что это фрагменты листов 1 и 14 27-строчного Доната, возможно, того же самого издания, что и лондонский фрагмент. То, о чем здесь говорится в нескольких строках, результат скрупулезных исследований, с великой тщательностью выполненных Паулем Швенке. Можно лишь поражаться тому пристальному вниманию, с которым он изучил буквально каждую буковку фрагментов.

Фрагмент (л. 6 и 9) другого 27-строчного Доната был еще в 1840 г. найден в переплете одной из актовых книг городского архива в Бамберге. Любопытно, что второй экземпляр этих же самых листов того же издания попал в Бодлеянскую библиотеку в Оксфорде; фрагмент был приобретен при распродаже коллекции Георга Клосса [44].

В 1906 г. пергаменный фрагмент другого 27-строчного Доната (л. 6—9) был приобретен Королевской библиотекой в Берлине при распродаже собрания Густава фон Эмиха [45]. В том же собрании имелся и другой фрагмент (л. 6), поступивший в 1909 г., а ранее принадлежавший Королевской библиотеке в Эрфурте [46].

Несколько небольших фрагментов 27-строчного Доната (обрывки л. 5 со строками 2—7, 13—18 и 25—27) были обнаружены в начале XX в. в переплете нюрнбергского издания 1481 г. в библиотеке в Карлсруэ [47].

Нужно, наконец, назвать большой фрагмент (л. 4—6, 9—11, 14) 27-строчного Доната, который в свое время хранился в коллекции Жака Розенталя в Мюнхене, а впоследствии поступил в Государственную библиотеку в Берлине [48].

В меньшем количестве изданий известны Донаты с другим количеством строк.

30-строчный вариант, по мнению А. Руппеля, близок к «Астрономическому календарю» [49]. Считалось, что печатался он сразу же за календарем — в 1448—1449 гг. Последователи К. Вемера датируют его 1456—1458 гг. Первый из этих Донатов известен с 1830 г., когда во Франкфурте-на-Майне распродавалась на аукционе коллекция Георга Клосса [50]. Фрагменты (л. 1—2, 11—12) попали в Бодлеянскую библиотеку в Оксфорде и в Библиотеку Британского музея в Лондоне. Возможно, что восьмой лист из этого же издания находится в Гутенберговском музее в Майнце, а второй — был в коллекции Людвига Розенталя в Мюнхене [51]. Небольшим фрагментом владел и собиратель Генрих Клемм в Дрездене [52]. По мнению П. Швенке, 30-строчный Донат содержал 12 листов с длиной строк в пределах 163—168 мм. В «Сводном каталоге инкунабулов» выделено семь изданий 30-строчного Доната, фрагменты (л. 1, 2, 4, 5, 8, 9, 11, 12) которых имеются в Государственной библиотеке в Берлине, Британской библиотеке в Лондоне, Бодлеянской библиотеке в Оксфорде, Городской библиотеке в Карлсруэ, в книгохранилищах Праги, Лейпцига и Нью-Йорка [53].

Примерно к 1447—1450 гг. относили гутенберговеды и 26-строчный Донат, единственный сохранившийся фрагмент (л. 1, 2, 9, 10) которого был найден в 1910 г. в городской библиотеке Трира, а впоследствии поступил в Королевскую библиотеку в Берлине [54]. Сложность здесь состояла в том, что текстуально он близок не к Донатам в шрифте *DK*, а к изданиям этого учебника, которые впоследствии в шрифте B^{42} выпускали И. Фуст и П. Шеффер. Для некоторых исследователей это свидетельствовало о том, что шрифт *DK* со временем перешел к Шефферу. На наш взгляд, закреплять тот или иной шрифт за одним типографом не следует. Различные отливки одного и того же шрифта могли одновременно находиться у нескольких печатников, правда, в более позднее время, когда такие печатники появились. Ранее считалось, что корректурные

оттиски, хранящиеся в Ягеллонской библиотеке в Кракове, также относятся к 26-строчному Донату. После исследований К. Вемера их относят к 27-строчному Донату.

Самым поздним считается 28-строчный Донат, известный в трех изданиях [55]. Он содержал 14 листов, но оборот последнего из них был пустым. Издание датировали 50-ми годами XV в. Небольшой фрагмент (строки 12 и 13 л. 4 и 9) хранился в Мюнхенской королевской библиотеке [56]. Другой 28-строчный Донат, отпечатанный тем же шрифтом, известен по фрагментам, находящимся в библиотеках Майнца и Нью-Йорка [57]. Инкунабуловеды относят это издание к 60-м годам XV в. и считают, что напечатал его бамбергский типограф Альбрехт Пфистер.

Подведем итоги. Нам известно 23 издания Доната в шрифте *DK*. Конечно же, их было больше, ибо издания, напечатанные на бумаге, до нас не дошли. Далеко не все они вышли из типографии Иоганна Гутенберга; некоторые из них печатали его ученики. Однако о принадлежности их пока говорить рано, хотя новые электронные методы исследования намечают пути к их индентификации. Инкунабуловеды пытались установить последовательность изданий, но все эти построения представляются нам субъективными.

Логика как будто бы свидетельствует о том, что в одной типографии не могли печататься разные по количеству строк или по редакции текста издания. Но логика в приложении к старопечатным изданиям бессильна. Об этом говорят и три вышедших из московской анонимной типографии Четвероевангелия, различные по редакции и напечатанные разными шрифтами.

Так или иначе, но Гутенберг имеет прямое отношение ко всем рассмотренным выше Донатам хотя бы потому, что он был создателем шрифта *DK* — первого типографского шрифта в мире (если не считать дальневосточных опытов, с которыми читатель познакомится ниже).

«Турецкий календарь». Кроме Донатов, которые использовались в учебных целях, первые типографы охотно печатали всевозможные календари. Потребителями этой издательской продукции были ремесленники и купцы в городах, крестьяне в деревнях. Календа-

Турецкий календарь
Ок. 1454 г.

ри содержали всевозможный познавательный материал, а иногда служили своеобразными пособиями для доморощенных астрологов, пытавшихся предсказывать будущее. Не чуждались они и актуальной политической тематики.

Злобой дня в середине XV в. была опасность турецкого нашествия. В мае 1453 г. султан Мехмед II (1432—1481) после почти двухмесячной осады взял штурмом Константинополь. Гибель когда-то всемогущей Византийской империи произвела огромное впечатление на современников. В конце 1454 г. Иоганн Гутенберг напечатал шрифтом *DK* так называемый «Турецкий календарь» на 1455 г., содержавший непо-

средственный отклик на события, столь волновавшие Европу. Календарная форма была использована для того, чтобы призвать к борьбе с турками все реальные политические и военные силы Европы.

В курс дела читателя вводило название, проставленное в верхней части первой страницы: «Призыв к христианскому миру против турок». Далее в немецких виршах шла речь о турецком нашествии, представлявшем смертельную опасность для европейских народов. 12 месяцам соответствовали 12 частей календаря, в каждой из которых на борьбу с турками призывалась какая-либо определенная сила. Напечатанный под январем призыв был обращен к римскому папе, под февралем — к императору, под мартом — к правителям балканских стран, под апрелем — к королям европейских стран... Сентябрь дал повод для стихотворного обращения к немецкой нации, которое в прозаическом переводе звучит так:

Германия, ты – благородная немецкая нация.
Твои императоры, наследники римской короны,
Выбираются семью курфюрстами.
Твоя превосходная сила
Позволит тебе поспорить с любым воинством.
Тебе помогут все твои графы и все рыцарство
На всеобщее благо и исполнение христианских надежд...

В конце текста, приуроченного к каждому месяцу, сообщаются краткие астрономические и календарные сведения — это, собственно говоря, и позволяет считать издание календарем.

Под декабрем помещено сообщение о турецкой опасности, написанное в Риме 24 октября 1454 г. и поступившее во Франкфурт 6 декабря 1454 г. Это позволяет приблизительно датировать издание — вторая половина декабря 1454 г.

Заканчивается календарь первым новогодним пожеланием, воспроизведенным типографским способом: «Хорошего и радостного Нового года!»

«Турецкий календарь» — первое, полностью сохранившееся печатное издание, которое датируется с большей или меньшей точностью [58]. В книжечке всего шесть листков размером 220×170 мм. Оборот пятого и весь шестой лист — пустые, остальные — запечатаны с двух сторон. Размер полосы набора 175×115 мм. На всех страницах помещено по 21 строке; исключение

составляют страницы 1, 3 об. и 5, каждая из которых содержит 20 строк. Отпечатана книжечка в одну краску. Но над ней потрудился рубрикатор, который перечеркнул заголовок киноварной чертой, выделил красным названия месяцев, отдельные слова и буквы. Типографская техника сравнительно примитивна. Выключки строк печатник еще не знает или сознательно не применяет. Гутенберговеды подсчитали, что шрифт издания содержит 15 прописных и 90 строчных знаков, а также семь знаков препинания.

Сохранился «Турецкий календарь» в единственном экземпляре. Его первый владелец переплел издание Гутенберга вместе с рукописью «Как император Фридрих III въехал в Рим», написанной в середине XV в. На полях рукописи — пометы аугсбургского историка и городского писца Конрада Пойтингера (1465—1547). Книжное собрание этого известного в свое время гуманиста попало в библиотеку аугсбургской Иезуитской коллегии, а эта последняя, в свою очередь, в начале XIX в. влилась в Баварскую королевскую библиотеку в Мюнхене.

«Турецкий календарь» обнаружил Андреас Феликс фон Ёфеле, который в 1746—1778 гг. был библиотекарем в Мюнхене. Во время одной из ученых поездок в Аугсбург он нашел небольшой томик, познакомился с ним, а затем начертал на его первой страница: «Книга эта — первоклассная редкость, которую надо хранить среди цимелий библиотеки». Надпись сделана на латыни. Слово «цимелия» происходит от греческого «киймелион», что означает «драгоценность». Так библиотекари издавна называют первоклассные редкости.

Когда конволют попал в Баварскую королевскую библиотеку, его расплели, выделив печатный текст, который одели в красный марокен. Первым исследовал календарь Иоганн Кристоф фон Аретин, который в ту пору стоял во главе библиотеки. В 1806 г. он опубликовал в издаваемом им в Мюнхене журнале «Нойер Литераришер Анцайгер» статьи «Предварительное известие о вновь открытом немецком печатном календаре на 1455 год» и «Детальное известие о древнейшем, до сего времени неизвестном типографском памятнике: Воззвание к христианству против турок в немецких стихах» [59].

Два года спустя фон Аретин выпустил и факсимильное издание «Турецкого календаря», использовав

для этого только что изобретенный репродукционный процесс — литографию. Печатал книгу сам изобретатель литографии Алоиз Зенефельдер. В дальнейшем достаточно точные факсимильные издания «Турецкого календаря» выходили в 1900, 1913 и, наконец, в 1975 г.

Знаменитое издание Иоганна Гутенберга тщательно изучено Артуром Выссом (1900 г.), Паулем Швенке (1901 г.), Густавом Мори (1928 г.), а в самое последнее время Фердинандом Гельднером, сопроводившим своим исследованием факсимильное воспроизведение 1975 г.[60]

С турецкой опасностью, кроме описанного выше календаря, связано и другое раннее произведение типографского станка — «Турецкая булла» папы Каликста III. Папа вступил на престол 8 апреля 1455 г., а уже 29 июня 1455 г. зачитал в торжественной обстановке буллу, в которой призывал христианский мир выступить с крестовым походом против турок. Объявлена была и дата начала похода — 1 мая 1456 г. Епископ Генрих Кальтайзен перевел буллу на немецкий язык, и она и была напечатана шрифтом *DK* в конце 1455 или в начале 1456 г.

Немецкий заголовок издания гласит: «Эта Булла и Отпущение немцам, которые преданы нам, нашему святейшему отцу и господину папе Каликсту III, данная против злых и проклятых тиранов — турок в год 1456».

Издание представляет собой 14-листную брошюру размером 208×142 мм[61]. Оборот листа 13 и весь 14 лист оставлены пустыми. Наборная полоса содержит 19 строк, длина которых колеблется в пределах от 95 до 106 мм. Выключка очень плохая, да и шрифт употреблен старый, износившийся. По мнению А. Руппеля, «Турецкая булла» в типографском отношении — шаг назад по сравнению с «Астрономическим календарем».

Известен всего лишь один экземпляр «Турецкой буллы». Надпись, сделанная на нем, рассказывает, что издание было в 1489 г. подарено профессором теологии Иоганном Мильбахом эрфуртскому монастырю св. Петра. Имеется также надпись рубрикатора, сделанная в 1456 г.; она важна для датирования издания. Брошюра переплетена вместе с базельским инкунабулом 1474—1475 гг. В дальнейшем она попала в Берлинскую королевскую библиотеку[62].

«Кровопускательный и слабительный календарь» и «Цизианус». В 1804 г. Готхельф Фишер фон Вальдгейм обратил внимание, что рукописная счетная книга 1457 г. Братства св. Гангольфа в Майнце заключена в обложку, для которой использован лист пергамена с каким-то печатным текстом, воспроизведенным шрифтом *DK* [63]. Сняв обложку, Фишер понял, что имеет дело с фрагментом своеобразного календаря. Латинский текст указывал дни, благоприятные для кровопускания и приема слабительных средств. По этой причине издание назвали «Кровопускательным и слабительным календарем». Фишер в 1804 г. описал его, а затем подарил Парижской национальной библиотеке, где листовка хранится по сей день. Отрывок содержал название и текст для января—первой половины июля. Исследователи подсчитали, что в полном виде листовка должна была содержать 39 строк и имела формат 376×298 мм.

Календарь рассчитан на 1457 г. и, значит, напечатан был в конце 1456 г.

Другой календарь, который в 1870 г. был приобретен в парижском антиквариате для Кембриджской университетской библиотеки, связать с определенной датой нельзя. Напечатан он на листе бумаги, формат которого в настоящее время равен 342×255 мм [64]. Текст представляет собой своеобразное пособие для заучивания наизусть календарных дат. В рифмованных немецких строфах каждое слово соответствует вполне определенной дате. В отысканном позднее латинском оригинале, более компактном, каждому церковному празднику соответствовал один слог. Начинался латинский оригинал словами «Cisio Janus». Немецкая листовка имеет заголовок «Das ist Cisianus zu duzsche». Это и дало название календарю, который в специальной литературе именуется «Цизианус». По мнению исследователей, в полном виде календарь имел размер порядка 450×310 мм. Использованный в издании шрифт содержит семь прописных и 80 строчных литер, а также семь других знаков. По близости шрифта и техники печати к «Кровопускательному и слабительному календарю» «Цизианус» датируют временем около 1457 г.

О происхождении единственного экземпляра никаких сведений, к сожалению, нет. Как он попал в Париж, тоже неизвестно.

«Провинциале Романум». История гутенберговедения изобилует сенсационными находками. И все же наиболее примечательной из них была та, которую в середине 30-х годов XX в. сделал в Киеве хранитель отдела редких книг Центральной библиотеки Академии наук УССР Борис Иванович Зданевич (1886—1966).

В годы гражданской войны в библиотеку поступила (скорее всего, из какого-либо национализированного частного собрания) двухтомная латинская Библия, напечатанная в 1557 г. в Женеве знаменитым французским типографом Робером Этьенном (1503—1559). Со временем переплет растрепался. Б. И. Зданевич заметил, что он подклеен бумажными листками с текстом. Исследователь осторожно извлек 140 листков. Ему удалось установить, что это фрагменты девяти инкунабулов, изданных в Кёльне, Страсбурге, Шпейере, Мариентале. Особую радость доставили Зданевичу листки, напечатанные шрифтом *DK*. Он собрал из них 10-листную брошюру, в которой, судя по всему, отсутствовал первый лист с названием и последний, скорее всего чистый. На странице умещалось 18 строк. Некоторые из них, как и в «Турецком календаре» и «Турецкой булле», были перечеркнуты киноварными линиями, сделанными от руки. Рубрикатором выполнен и киноварный инициал «А» на листе 4.

Зданевич датировал издание 1455—1456 гг. и посчитал, что оно напечатано Иоганном Гутенбергом. В специальной литературе брошюра была названа «Provinciale Romanum». Содержала она список епархий католической церкви во всем мире. Текст по-деловому сух и лаконичен: «Германия имеет 7 митрополий: Майнц, Кёльн, Трир, Бремен, Магдебург, Зальцбург и Прагу».

Уникальный экземпляр «Провинциале Романум» хранился в сейфе директора Центральной библиотеки АН УССР. Время было трудное; в условиях культа личности директора арестовали. Все материалы, находившиеся в сейфе, были реквизированы. Вскоре началась война. Архивы центральных учреждений удалось вывезти лишь частично. Многое погибло, и в том числе, видимо, и уникальное издание Иоганна Гутенберга.

К счастью, перед самой войной Б. И. Зданевич подготовил факсимильное воспроизведение «Провинциале Романум» [65]. Большая часть тиража этого факсимиле погибла в годы войны. Уцелели лишь немногие

«Провинциале Романум»

экземпляры. По ним текст уникума в 1974 г. был вновь воспроизведен па страницах «Каталога инкунабулов» Б. И. Зданевича, подготовленного к печати Г. И. Ломонос-Ровной [66].

Чтобы наше описание изданий в шрифте *DK* было полным, назовем листовку размером 295×205 мм с латинским текстом молитвы св. Ансельма. Ее оттиск, содержащий 21 строку, был найден в 1911 г. Вильгельмом Риднером в Мюнхенской университетской библиотеке в переплете страсбургского инкунабула [67]. Листовка была подробно описана Фердинандом Гельднером в 1940 г.[68]

Кипрские индульгенции. Едва ли не самыми загадочными среди всех первопечатных изданий являются так называемые кипрские индульгенции 1454—1455 гг. История их появления связана опять-таки с турецкой опасностью. Король Кипра Иоанн II был озабочен

укреплением обороноспособности острова и обратился за помощью к папе Николаю V, который дал ему право распространять в течение трех лет — с 1 мая 1452 г. по 1 мая 1455 г. — индульгенции (свидетельства об отпущении грехов) во всех странах христианского мира. Доход от продажи индульгенций должен был пополнить кипрскую казну. Распространять их король уполномочил кипрского дворянина Паулина Цаппе с двумя помощниками — Иоанном де Кастро Коропато и Альберто де Альбо Лапидо[69]. Приехав в Германию, Цаппе обратился к майнцскому курфюрсту Дитеру фон Изенбургу, первому и самому авторитетному среди семи немецких архиепископов.

На первых порах, как и в старые времена, бланки для индульгенций размножали вручную. До наших дней дошло 20 воспроизведенных от руки и заполненных бланков. Старейшая известная нам дата заполнения — 4 января 1454 г.[70] Индульгенции пользовались успехом, бланков не хватало. Чтобы написать лишь один из них, искусный каллиграф-писец тратил целый рабочий день. Суммы, которые приходилось платить писцам, были велики; это существенно снижало доход от распространения индульгенций.

Тогда-то, видимо, и было решено изготовлять индульгенции с помощью только что изобретенного искусства. Книгопечатание впервые получило официальный и, что самое главное, массовый заказ, с которым типографы справились блестяще. Страна была буквально наводнена индульгенциями. Нет нужды говорить, что коррупция стара как мир — вскоре выяснилось, что половина выручки попала в карман архиепископа.

Один из помощников Цаппе — Иоанн де Кастро присвоил 1400 гульденов и попал в эрфуртскую тюрьму. 1400 гульденов составляли выручку от продажи 3000 индульгенций.

Тираж индульгенций, возможно, доходил до 20 тыс. экземпляров. Печатали их на пергамене. Неудивительно, что некоторые из них дошли до нас. Это — исключительно важные источники для исследователей раннего книгопечатания. Дело в том, что в бланках были оставлены пустые места, куда вписывали имя человека, купившего индульгенцию, место и время продажи. Это позволяет нам с большей или меньшей точностью датировать оттиски.

Выше говорилось о загадочности кипрских индульгенций. Известны два издания индульгенций, напечатанные с разным количеством строк и разными шрифтами. На протяжении многих лет инкунабуловеды спорят о том, из каких типографий они вышли.

Первое из них набрано шрифтом, кегль которого равен 4,9 мм, что в переводе на современные типографские меры составляет, по подсчетам А. Капра, 13,034 пункта [71]. Этот мелкий шрифт — его называют *AB*[31] (от немецкого «Ablaßbrief», что значит «индульгенция») — был отлит специально для изготовления индульгенций. Он содержит 12 прописных, 42 строчных (среди них одна лигатура) и 6 других знаков. Две неполные строки и еще несколько слов, которые надо было выделить (среди них имя распространителя индульгенций — Паулинус), набраны более крупным шрифтом, в котором можно узнать шрифт *DK*. Выключка плохая, правый край неровен. Количество строк — 31, поэтому индульгенцию и называют 31-строчной. По мере печатания тиража в набор вносились отдельные исправления и изменения. Ученые выявили семь таких вариантов — «заводов». Первый, третий и седьмой «заводы» известны ныне каждый в одном экземпляре, пятый — в двух, второй — в трех, четвертый — в 14 и, наконец, шестой — в 19. Общее количество сохранившихся экземпляров — 41 [72].

Наиболее ранней датой продажи 31-строчной индульгенции является 22 октября 1454 г. В этот день индульгенцию приобрели некая Маргарета Кремер и ее сын Иоганн. Фрагмент с датой, содержащий строки 12—21, в начале XX в. находился в коллекции Эрнста Фишера в Вайнгейме [73].

Другое издание кипрской индульгенции напечатано более мелким шрифтом с кеглем 4,4 мм, что в переводе на современные типографские меры составляет 11,704 пункта. И этот шрифт был отлит специально для печатания индульгенций. Количество знаков здесь больше, чем в *AB*[31]: 10 прописных, 51 строчная (в том числе большое количество лигатур), 6 знаков препинания и прочих. Выделены те же слова, что и в 31-строчном издании, но уже другим шрифтом — *B*[42], с которым нам еще предстоит познакомиться,— им набрана 42-строчная Библия. Иное и количество строк — 30. Выключка их сравнительно хорошая.

Напечатана 30-строчная индульгенция шестью «за-

Uniuersis Cristifidelib; p̄ntes lr̄as inspecturis Paulinus Chappe Cōsiliarius Ambasiator ꝛ pcurator generalis Serenissimi
Regis Cypri in hac parte Salutē ī dn̄o Cū Sāctissimus ī xp̄o pr̄ ꝛ dn̄s nr̄ dn̄s Nicolaus diuīa puidētia pp̄ quītus afflictioni Regni Cypri
misericorditer cōpatiens cōtra pfidissimos crucis xp̄i hostes Theucros ꝛ Saracenos gratis cōcessit omib; xp̄ifidelib; vbilibet cōstitutis
ipos p aspsionē sanguinis dn̄i nr̄i ihū xp̄i pie exhortādo qui infra triēniū a prima die Maij Anni dn̄i Mcccclij incipiēdū p defēsione catho-
lice fidei ꝛ regni pdicti de facultatib; suis magis uel minus put ipoꝝ videbitur cōsciētijs pcuratorib; uel nūcijs substitutis pie erogaue-
rint ut cōfessores ydonei seculares uel regulares p ipos eligendi cōfessionib; eoꝝ auditis p cōmissis etiā sedi aplice reseruatis excessib;
criminib; atq; delictis quātūcūq; grauib; p vna vice tātū debitā absolutionē impēdere ꝛ penitētiā salutarem iniūgere Necnō si id
hūiliter petierint ipos a quibuscūq; excōicationum suspensionū ꝛ interdicti alijsq; sentētijs cēsuris ꝛ penis ecclesiasticis a iure uel ab
hoīe pmulgatis quib; forsan innodati existūt absoluere. Iniūcta p modo culpe penitētia salutari uel alijs q̄ de iure fuerit iniūgēda
ac eis vere penitētib; ꝛ cōfessis uel si forsan propter amissionē loq̄le cōfiteri nō poterint signa cōtritionis ostēdēdo plenissimā oīm pctōꝝ
suoꝝ de quib; ore cōfessi ꝛ corde cōtriti fuerint Indulgentiā ac plenariā remissionē semel in vita ꝛ semel in mortis articulo ipis aūcte
aplica cōcedere valeāt. Satisfactione p eos facta si supuixerint aut p eoꝝ heredes si tūc trāsierint Sic tamē q' post indultū cōcessum
p vnū annū singulis sextis ferijs uel quadā alia die ieiunēt legittimo impedimēto ecclesie pcepto regulari obseruātia pnia iniūcta
voto uel alias nō obstan. Et ipis impeditis in dicto āno uel eius parte anno sequēti uel alias quam primū poterint ieiunabūt Et si
in aliquo annoꝝ uel eoꝝ parte dictū ieiuniū cōmode adimplere nequiuerint Confessor ad id electus in alia cōmutare poterit caritatis
opa q̄ ipi facere etiā teneātur Dūmodo tū ex cōfidentia remissionis hmōi quod absit pccare nō psumāt Alioquī dicta cōcessio quo ad
plenariā remissionē in mortis articulo et remissio quo ad pcta ex cōfidentia ut pmittitur cōmissa nullius sint roboris uel momenti
Et quia deuoti … iuxta dictum indultū
de facultatibus suis pie erogauerunt merito huiusmodi indulgentijs gaudere debent. In veritatis testimoniū sigillū ad hoc ordinatū
pn̄tib; lr̄is testimonialib; est appensum Datū … Anno dn̄i Mcccclquito die vero … mensis …

Forma plenissime absolucionis et remissionis in vita

Misereatur tui ꝛc Dn̄s noster ihesus xp̄s p suā sanctissimā et piissimā miāz te absoluat Et aūcte ipius beatoꝝq; petri ꝛ pauli
aploꝝ eius ac aūcte aplica michi cōmissa ꝛ tibi cōcessa Ego te absoluo ab omib; pctis tuis cōtritis cōfessis ꝛ oblitis Etiā ab omib; casib;
excessib; criminib; atq; delictis quātūcūq; grauib; sedi aplice reseruatis Necnō a quibuscūq; excōicationū suspensionū ꝛ interdicti
alijsq; sentencijs censuris ꝛ penis ecclesiasticis a iure uel ab hoīe pmulgatis si quas incurristi dando tibi plenissimā oīm pctōꝝ tuoꝝ
indulgentiā ꝛ remissionē Inquātū claues sancte matris ecclie in hac parte se extendūt. In noīe patris ꝛ filij ꝛ spiritus sancti Amen.

30-строчная индульгенция
(фрагмент)

↓ 31-строчная индульгенция
(фрагмент)

Universis Cristifidelib; p̄ntes litteras inspecturis Paulinus Chappe Consiliari⁹ Ambasiator ꝛ procurator generalis Serenissimi Regis Cypri ĩ hac pte Salutē in dn̄o Cū Sācti̇ssim⁹ ĩ xp̄o pr̄ ꝛ dn̄s nr̄ dn̄s Nicola⁹ diuīa prouidētia papa v⁹. Afflictioi Regni Cypri misericorditer ꝯpatiēs contra pfidissimos crucis xp̄i hostes. Theucros ꝛ Saracenos gratis ꝯcessit om̄ib; xp̄ifidelib; vbilibet ꝯstitutis ipōs p aspsionem sanguis dn̄i nr̄i ihū xp̄i pie exhortādo qui infra trienniū a prima die Maii Anni dn̄i Mcccclii incipiendum p defensiōe catholice fidei ꝛ regni p̄dicti de facultatib; suis magis vel min⁹ prout ipōꝝ videbit̄ ꝯscientiis procuratorib; vel nunciis Substitutis pie erogauerint vt Confessores ydonei seculares vel regulares p ipsos eligendi ꝯfessionib; eoꝝ auditis p ꝯmissis etiā Sedi Aplice reseruatis excessib; criminib; atq; delictis quātūcūq; grauib; p vna vice tātū debitā absolutionē impendere ꝛ penitētiā salutarē iniūgere Necnō si id humiliter petierīt ipōs a quibuscūq; excōicationū suspensionū ꝛ Interdicti Aliisq; sententiis censuris ꝛ penis ecclesiasticis a Jure vel ab hoīe pmulgatis quib⁹ forsan innodati existūt absoluere. Iniūcta p modo culpe penitētia salutari vel aliis que de Jure fuerint iniūgenda Ac eis vere penitētib; ꝛ confessis vel si forsan propter amissionem loquele ꝯfiteri non poterint signa ꝯtritionis ostendendo plenissimā om̄i pctōꝝ suoꝝ de quib; ore ꝯfessi ꝛ corde ꝯtriti fuerīt Indulgētiā ac plenariā remissionē semel in vita et semel in mortis articulo ipīs auctē aplica ꝯcedere valeāt. Satisfactiōe p eos facta si supuixerint aut p eoꝝ heredes si tunc trāsierint Sic tamen q post indultū ꝯcessum p vnū ānū singulis sextis feriis vel quadā alia die ieiunēt legitīo impedimēto ecclesie pcepto Regulari obseruātia. pnīa iniūcta voto vel alias non obstañ. Et ipīs impeditis in dicto āno vel eius parte Anno sequenti vel alias quam primū poterint ieiunabunt. Et si ĩ aliquo ānoꝝ vel eoꝝ parte dictū ieiuniū cōmode adimplere nequiuerint Confessor ad id electus in alia ꝯmutare poterit caritatis opera que ipī facere etiā teneāt Dūmodo tñ ex ꝯfidentia remissionis hmōi quod absit peccare non presumant Alioquī dicta concessio quo ad plenariā remissionē in mortis articulo et remissio quo ad pcta ex ꝯfidentia vt pmittit̄ ꝯmissa nulli⁹ sint roboris vel momēti Et quia deuoti Sanctus Fredericus Schulem altarista i ecclia s. Sebaldi Juxta dictū indultum de facultatibus suis pie erogauit merito huiusmodi indulgentiis gaudere debet In veritatis testimonium Sigillum ad hoc ordinatum presentib; litteris testimonialib; est appensum Datum Nuremberge Anno dn̄i Mcccclv die uero Vicesimaprima Mensis Marcii

Forma plenissime absolutionis et remissionis in vita

Misereatur tui ꝛc. Dn̄s nr̄ ihesus xp̄s p suā sctissimā et piissimā mīa; te absoluat Et auctē ip̄i⁹ beatoꝝq; petri et pauli aploꝝ ei⁹ ac auctē aplica michi ꝯmissa et tibi ꝯcessa Ego te absoluo ab om̄ib; pctis tuis ꝯtritis ꝯfessis ꝛ oblitis Etiā ab om̄ib; casib⁹ excessib; criminib; atq; delictis quātūcūq; grauib; Sedi aplice reseruatis Necnon a quibuscūq; excōicationū suspensionū et interdicti Aliisq; sniīs cēsuris ꝛ penis ecclasticis a Jure vel ab hoīe pmulgatis si quas incurristi dando tibi plenissimā om̄i pctoꝝ tuoꝝ indulgentiā ꝛ remissionē Inquātū claues sancte matris ecclie in hac pte se extendūt. In nomine patris ꝛ filii et spiritus sancti Amen.

водами». В единственном сохранившемся экземпляре первого «завода» отпечатана дата «MCCCCLIIII», т. е. 1454. Экземпляр был продан 27 февраля 1455 г. (печатная дата — 1454 переделана от руки в 1455). Второй «завод» представлен единственным экземпляром с рукописной датой 5 марта 1455 г.; печатное обозначение года здесь выглядит так: «Mccccl quinto». Третий и пятый «заводы» сохранились в двух экземплярах каждый, остальные — по одному экземпляру. Общее же число известных ныне экземпляров 30-строчной индульгенции — восемь.

Алоиз Руппель, считавший, что в 1454—1455 гг. в мире существовала лишь единственная типография, принадлежавшая Гутенбергу и Фусту, утверждал, что оба варианта кипрской индульгенции были напечатаны именно здесь [74]. Аналогичного мнения придерживался Карл Вемер. Отказывая Гутенбергу в праве считаться типографом изданий в шрифте *DK*, он тем не менее приписывал ему как 30-строчное, так и 31-строчное издания индульгенций.

В том, что это действительно так, сомневался еще Карл Дзяцко [75]. Действительно, трудно объяснить тот факт, что одна и та же типография для столь небольшого по объему издания применила два различных, специально отлитых для этого издания шрифта.

В недавнее время Альберт Капр высказал предположение, что одна из индульгенций — 31-строчная — печаталась в небольшой по размеру личной типографии Иоганна Гутенберга, а вторая — в совместной типографии Гутенберга—Фуста [76]. Капр дает оценку и эстетическим аспектам шрифтов обеих индульгенций; мы бесспорно должны согласиться с мнением этого всемирно известного художника книги. Шрифт 31-строчного издания, считает Капр, рационален и экономичен, он более удобочитаем. Шрифт 30-строчного издания пытается имитировать рукописные почерки, его удобочитаемость несравненно ниже.

К этому выводу присоединился Фердинанд Гельднер, который заявил, что «типограф 31-строчной индульгенции» идентичен «типографу Донатов и календарей» и что в силу древности шрифта *DK* этим типографом мог быть лишь изобретатель книгопечатания.

Несколько слов нужно сказать о судьбе шрифтов AB^{30} и AB^{31}. Первый из них никогда более не использовался. Матрицы второго попали в руки

Шрифт B^{42}

печатника Николая Бехтермюнце, работавшего в Эльтвилле. Дочь его брата Генриха была замужем за родственником Гутенберга Якобом Зоргенлохом, называемым Гензфляйшем (ум. 22 июня 1478 г.). Это до некоторой степени объясняет судьбу шрифта. Николай Бехтермюнце отлил в матрицы AB^{31} новый шрифт, несколько меньшего кегля, чем предыдущий. Им он отпечатал в 1472 г. латинский словарь Vocabularius Exquo — извлечение из «Католикона», о котором речь пойдет ниже.

Шрифт B^{42}. Это самый известный и один из самых красивых первопечатных шрифтов. Происхождение индекса, которым он обычно обозначается, станет ясным, если сказать, что им набрана прославленная 42-строчная Библия. Шрифт содержит 290 знаков: 47 прописных и 243 строчных и знаков препинания. Все, что было сказано о шрифте *DK*, относится и

к B^{42}. Здесь встречается все то же великое обилие одноименных знаков, много лигатур. Налицо все признаки гутенберговской системы, принципы построения которой вытекают из стремления имитировать рукописные почерки. Вариантов литер значительно больше, чем в *DK*. Так, литера «*a*» представлена в восьми вариантах, если верить подсчетам, произведенным Г. Цедлером [77]. Литера «*b*» отлита в трех вариантах; кроме того, мы находим ее в составе 11 лигатур.

Графика шрифта восходит к готической текстуре с характерными для нее ромбовидными утолщениями по краям. Высота очка литеры составляет 4,2 мм, кегль — 7,2 мм, или около 19 современных типографских пунктов. Это меньше, чем кегль *DK*. Если верить гипотезе Г. Цедлера о Большом Миссале, который будто бы собирался напечатать Иоганн Гутенберг, следует признать, что B^{42} предназначался для набора хоралов этого издания.

Когда печатался тираж 42-строчной Библии, одна из литер случайно попала поверх набора. Ее тут же убрали, но один из оттисков успели отпечатать. Корректоры не отбраковали его и он счастливо дошел до нас — в экземпляре, который находится в Пелплине (ПНР). На оттиске отчетливо видны очертания литеры. Благодаря этому мы можем судить о росте шрифта, который составлял около 25 мм.

42-строчная Библия. Наиболее известное и поистине замечательное дело ума и рук Иоганна Гутенберга — Библия. Имя великого немца на страницах книги, впрочем, как и на других изданиях, вышедших из его типографии, не указано. Но исследователи, столь разноречивые в своем отношении к деталям и аспектам гутенберговского вопроса, в этом случае поразительно единодушны. Все они приписывают 42-строчную Библию именно Гутенбергу и никому другому, а это в конечном счете определяет отношение человечества к изобретателю.

«Несмотря на то, что в наших сведениях о жизни Иоганна Гутенберга много неясного и недостоверного,— утверждал французский писатель Анатоль Франс,— он останется для нас изобретателем книгопечатания до тех пор, пока не удастся оспорить издание им Мазариниевой Библии, ибо эта Библия является первым памятником сложившегося и сильного искусства,

между тем как Донаты и другие печатные произведения, которые ей предшествовали, представляют собою не более чем опыты еще грубых и неумелых рук»[78].

Почему А. Франс называет 42-строчную Библию именем кардинала, хорошо известного нам по произведениям А. Дюма, читателю станет ясно из рассказа о том, как последовательно находили и вводили в научный оборот экземпляры этого прославленного издания. Это одновременно и повествование о крупнейших библиофилах всех времен и народов, о сенсационных аукционах, о самых крупных ценах, которые когда-либо давали за произведения типографского станка.

За 500 с лишним лет, прошедших со времени выхода в свет первой печатной Библии, экземпляры ее разошлись по всему свету. Они не раз пересекали границы между государствами, переплывали Атлантический океан как из Европы в Америку, так и (в последнее время) в обратном направлении.

Древнейшие сведения о 42-строчной Библии сохранились в описях частных и монастырских библиотек. Первое из известных нам упоминаний появилось при следующих обстоятельствах. 10 октября 1459 г. в Вюрцбурге скончался Иоанн Бертонелли, известный деятель ордена антонитов, советник королей Франции и Сицилии, патрон госпиталя антонитов в Страсбурге. В описи его имущества, составленной после кончины, упоминаются и книги. Среди них названа «Библия на бумаге, которая изготовлена в Майнце на винтовом прессе, не написана от руки и не переплетена»[79]. Возможно, что Бертонелли был знаком с изобретателем книгопечатания еще в бытность его в Страсбурге. Не исключено, что и Библию он получил из рук самого изобретателя. Экземпляр этот, к сожалению, не сохранился.

Но мы имеем возможность познакомиться с другим экземпляром, который молва также связывает с именем изобретателя. Книга издавна находилась в картезианском монастыре в Майнце. Христиан Готлиб Шварц, познакомившийся в 1728 г. с описью монастыря, свидетельствует, что в ней утверждалось: Библия была подарена обители «Гутенбергом Фаустом». Нет нужды, что два человека, враждовавшие между собой, здесь превратились в одного. Сообщение Шварца, опубликованное в Альтдорфе в 1740 г., стало первым

известным нам печатным упоминанием о сохранившемся до наших дней экземпляре знаменитого издания [80]. Картезианцы расстались с Библией в 1768 г., продав ее французскому собирателю Луи Жану Женьяту, который перепродал книгу библиофилу Жирардо де Префону. Последний около 1769 г. переплел Библию в два тома, одев их в нарядный красный марокен. В 1775 г. книга попала на Британские острова в собрание графа Маккарти. При распродаже этой коллекции в 1817 г. Библию приобрел Британский музей. В Британской библиотеке книга находится по сей день [81].

Второй введенный в научный оборот экземпляр 42-строчной Библии был описан в 1752 г. Иоганном Карлом Эльрихом в его «Опыте истории Королевской библиотеки в Берлине» [82]. Экземпляр издавна находился во владении семьи курфюрста. В XVII в. он был переплетен в телячью кожу. В годы второй мировой войны книгу вывезли в аббатство Бойрон, а затем в Тюбинген. В настоящее время она находится в Западном Берлине в составе библиотеки так называемого Прусского культурного имущества [83]. Существует превосходное факсимильное воспроизведение берлинского экземпляра, осуществленное в 1913 г. лейпцигским издательством «Инзель Ферлаг» под наблюдением Пауля Швенке [84]. Это издание повторено в 1956 г. нью-йоркской фирмой «Купер Сквер Паблишез», которая, однако, воспроизвела не оригинал, а факсимиле 1913 г., изготовив, таким образом, копию с копии.

Третий ставший известным общественности экземпляр 42-строчной Библии издавна принадлежал бенедиктинскому монастырю св. Блазия в Шварцвальде. В печати о нем упомянул в 1767 г. аббат этого монастыря Мартин Герберт [85]. В 1809 г. под угрозой наполеоновского нашествия монахи, взяв с собой все имущество, сбежали в аббатство Сент-Поль в Каринтии. О знаменитой книге ничего не было известно до 1926 г., когда ее приобрел берлинский собиратель Отто Ф. Х. Фольбер за 305 000 долларов. В 1930 г. все собрание Фольбера, насчитывавшее до 3000 инкунабулов, было приобретено библиотекой Конгресса в Вашингтоне [86].

Экземпляры, о которых шла речь, были упомянуты в XVIII в. на страницах трудов, знакомых лишь огра-

ниченному кругу исследователей. Иная доля выпала четвертому из введенных в научный оборот экземпляров 42-строчной Библии. Происхождение книги неизвестно. Она хранилась в Париже в знаменитой библиотеке кардинала Джулио Мазарини (1602—1661), первого министра Франции, тайного супруга королевы Анны Австрийской, вдовы Людовика XIII. Библиотеку комплектовал фанатик своего дела Габриель Ноде (1600—1653), автор прославленного «Совета по устройству библиотек», переведенного на многие языки мира. Но ни в этом сочинении, ни во многих других работах Ноде упоминания о гутенберговской Библии нет. Рассказал о ней уже в XVIII в., в 1763 г., Гийом Франсуа Дебюр младший (1731—1782) в книге «Поучительная библиография, или Трактат о познании редких и исключительных книг» [87]. Он и назвал Библию «Мазариниевой». Название закрепилось и встречалось в литературе на протяжении почти всего XIX в. Сам же экземпляр (в отличие от предыдущих, напечатанных на пергамене, он выполнен на бумаге) так и находится в библиотеке Мазарини, ставшей частью Национальной библиотеки в Париже [88].

В этом прославленном книгохранилище есть еще две 42-строчные Библии. Пергаменный экземпляр издавна хранился в бенедиктинском монастыре св. Якоба в Майнце. Здесь его еще в 1745 г. видел голландский посол Пестель, о чем сообщает защитник костеровской версии голландский юрист Герхард Меерман (1722—1771) в книге «Происхождение типографии», увидевшей свет в Гааге в 1765 г.[89] Сменив нескольких владельцев, экземпляр в 1788 г. был приобретен для короля Людовика XVI. Первоначально книга была переплетена в двух томах. В Париже ее переплели в четыре тома, одетые в красный марокен. На переплетных крышках золотом был вытиснен королевский герб [90].

В конце XVIII в. с парижскими экземплярами познакомился Готтхельф Фишер фон Вальдгейм. Он уже со всей определенностью связывал 42-строчную и 36-строчную Библии с именем изобретателя книгопечатания, именуя эти издания «гутенберговскими». В 1801 г. в своей известной серии «Описание типографских редкостей и примечательных рукописей» Фишер публикует статью «Сообщения о майнцской Гутенберговской Библии» [91]. Повод для недвусмыслен-

ной постановки вопроса дало ему свидетельство «Кёльнской хроники» 1499 г., уже известное читателю: «В 1450 году, который был золотым годом, начали печатать, и первая книга, которую напечатали, была латинская Библия. Она напечатана крупным шрифтом, каким и сейчас печатают Миссалы». Таким шрифтом набраны лишь две ранние Библии — 42-строчная и 36-строчная. У Фишера были все основания для того, чтобы утверждать, что их напечатал изобретатель типографского станка.

Шестой по счету введенный в научный оборот экземпляр 42-строчного издания с 1461 г. принадлежал францисканскому монастырю Лангензальца в Саксонии. Об этом свидетельствует запись на страницах книги, напечатанной на пергамене. В XVIII в. Библия уже находилась в Университетской библиотеке в Лейпциге, где хранится по сей день [92]. В научный оборот ее ввел в 1786 г. Карл Генрих Хейнекен [93]. Экземпляр переплетен в четырех томах. Переплеты из свиной кожи, возможно, сделаны в мастерской известного эрфуртского переплетчика XV в. Иоганна Фогеля.

Одним из крупнейших библиофилов Франции накануне Великой французской революции был генеральный контролер финансов при Людовике XVI кардинал Ломени де Бриенн. Именно он и подарил королю тот экземпляр 42-строчной Библии, о котором шла речь выше. Щедрость кардинала станет более понятной, если сказать, что в его собрании уже были две гутенберговские Библии, напечатанные, правда, не на пергамене, а на бумаге. В годы революции кардинал разорился и принужден был пустить свою библиотеку, в которой было 1332 инкунабула, с молотка. Каталог для аукциона он поручил составить библиографу Франсуа Ксавье Лэру. Так появился «Указатель книг от изобретения книгопечатания до 1500 г., расположенный в хронологическом порядке, с примечаниями, изъясняющими историю книгопечатания и письменности». Труд, увидевший свет в 1790 г., значительно вышел за рамки книготоргового каталога. Описал Лэр (и очень подробно) и два экземпляра 42-строчной Библии [94]. Предвосхищая последующие исследования, он текстуально сравнил экземпляры и опубликовал список разночтений. В одном из экземпляров нашлась запись XV в. магистра Эрхарда Ненингера, который

подарил Библию монастырю кармелитов в Хейлброне. При распродаже библиотеки Ломени де Бриенна Библия была продана за 100 фунтов стерлингов Бодлеянской библиотеке в Оксфорде, где она находится по сей день [95].

Второй экземпляр Библии, принадлежавший кардиналу Ломени де Бриенну, был приобретен французским книготорговцем за 2499 франков. Книжные цены, как видим, в ту пору были достаточно умеренными. В XIX в. они возросли в несколько десятков раз. В 1805 г. этот экземпляр был продан королю Португалии. В 1860 г. Библию переплели в красный марокен, на котором вытиснили королевский герб. Сейчас этот экземпляр можно видеть в Национальной библиотеке Португалии [96].

Девятый по счету экземпляр 42-строчной Библии ввел в научный оборот в 1790 г. историк книгопечатания Георг Вильгельм Цапф [97]. С 1457 г. книга принадлежала церкви в Остгейме, а затем была приобретена для библиотеки майнцского курфюрста. Цапфу об этой Библии сообщил субрегент семинарии в Майнце Гюнтер, прислав ему и копии записей, сделанных в книге. Одну из записей Цапф опубликовал. Она особо примечательна, ибо позволяет назвать самую раннюю дату, связанную с 42-строчной Библией. Сделал запись (а точнее, записи, ибо их две, одна в первом, а другая во втором томе) рубрикатор Генрих Кремер, снабдивший книгу декоративными инициалами. Одна из записей датирована 15, а вторая — 24 августа 1456 г. Значит, к этому времени тираж Библии был уже готов. В 1792 г. экземпляр был продан Национальной библиотеке в Париже, где хранится и в наши дни [98].

Таким образом, к началу XIX в. было известно девять экземпляров 42-строчной Библии. В дальнейшем их количество значительно увеличилось.

Гутенберговская Библия издавна принадлежала бенедиктинскому монастырю близ Трира, древнего города в долине Мозеля, зажатого между горами. После секуляризации монастыря в 1803 г. первый том попал в городскую библиотеку Трира. В 1807 г. книгу описал основатель и директор этого книжного собрания Иоганн Гуго Виттенбах [99]. Он же приказал переплести в телячью кожу этот бумажный экземпляр, содержащий 324 листа. Книга находится в Трире и сегодня,

42-строчная Библия

В 1818 г. Виттенбах нашел в крестьянской хижине деревушки Олевиг близ Трира второй том, судьба которого оказалась более трудной.

Новый экземпляр Библии в 1805 г. поступил в Баварскую королевскую библиотеку, где его можно уви-

деть и сегодня[100]. Экземпляр переплетен в XVIII в. в телячью кожу и напечатан на бумаге. В конце первого тома есть помета рубрикатора, датированная 1461 г. Экземпляр примечателен тем, что в нем сохранилась печатная «Tabula rubricarum» — указания для рубрикатора на четырех листах.

В 1814 г. была сделана первая попытка подсчитать количество известных к тому времени экземпляров 42-строчной Библии. Предпринял ее Томас Фрогнал Дибдин (1776—1847), автор прославленного среди библиофилов «Библиографического Декамерона». Приходский священник поместья Олтхорп, он одновременно исполнял обязанности хранителя находившейся там библиотеки графа Джорджа Джона Спенсера (1758—1834), первого лорда Адмиралтейства. Это было крупнейшее личное книжное собрание в Европе, насчитывающее 41 500 томов.

На страницах первого тома роскошно изданного каталога «Библиотека Спенсериана» Дибдин описал 42-строчную Библию, купленную лордом в 1814 г. всего за 80 фунтов стерлингов[101]. 78 лет спустя, в 1892 г., библиотеку Спенсера приобрела миссис Э. А. Райландс, положив начало мемориальной библиотеке Джона Райландса в Манчестере[102].

В описании Библии, принадлежавшей Спенсеру, Дибдин отметил и другие известные экземпляры. При этом из 15 перечисленных он правильно назвал лишь 10, среди которых — уже известные нам три парижских, берлинский, лейпцигский и оксфордский. Дибдин впервые ввел в научный оборот четыре экземпляра Библии. Один из них — спенсеровский. Второй принадлежал церкви университета св. Леонгарда во Франкфурте, а после его секуляризации в 1803 г. был передан городской библиотеке, где находится и сегодня[103]. Напечатан он на бумаге и переплетен в пергамен с золотым тиснением. Третий экземпляр был приобретен для английского короля Георга III, но где и кем — неизвестно. С 1829 г. эта напечатанная на бумаге и переплетенная в голубой марокен Библия хранится в Британском музее[104]. Наконец последний из названных Дибдином экземпляров в 1814 г. принадлежал библиофилу Марку Мастерману Сайксу.

О происхождении этого бумажного экземпляра ничего не известно. В 1824 г. его купил Генри Пер-

кинс. При распродаже библиотеки Перкинса в 1873 г. Библия перешла к книготорговцу Бернарду Куоричу (1819—1899), который отдал за нее 2690 фунтов стерлингов, а год спустя перепродал Генри Хутту за 3150 фунтов. Название фирмы «Куорич» нам нужно запомнить. Через нее прошла не одна гутенберговская Библия. В 1911 г., когда шла с молотка библиотека Хутта, Библию купил за 5800 фунтов Бернард Альфред Куорич (1871—1913), сын вышеупомянутого Бернарда. Покупка была сделана по поручению американского миллионера Джона Пирпонта Моргана (1837—1913), который, как говорят, потратил на книги 10 млн долларов. К концу жизни Моргана его коллекцию, для которой он соорудил мраморный дворец в Нью-Йорке, оценивали в 100 млн долларов. В 1923 г. сын Моргана сделал библиотеку публичной. Здесь гутенберговская Библия находится по сей день [105].

Вернемся, однако, к Томасу Фрогналу Дибдину. Среди его работ, как уже говорилось, наиболее популярен трехтомный «Библиографический Декамерон» — превосходно иллюстрированное издание, вышедшее в свет в Лондоне в 1817 г. На его страницах в виде беседы встречающихся на протяжении 10 дней библиофилов дано последовательное изложение истории рукописной и печатной книги. Здесь мы находим упоминание о новом экземпляре 42-строчной Библии, который в ту пору находился у лондонских книготорговцев Джорджа и Уильяма Николей [106]. Экземпляр этот часто менял владельцев. Первый, известный нам по имени,— граф Отто фон Ностиц. В книге сохранился его экслибрис и запись, датированная 1774 г. Возможно, именно он и переплел этот пергаменный экземпляр в доски, обволоченные свиной кожей. Лет десять спустя Библия находилась в Университетской библиотеке Майнца, откуда ее в 1792 г. изъял комиссар Французской республики Мерлин де Тионвилль. В 1801 г. Мерлин продал книгу. Около 1805 г. она хранилась в собрании Александра Хорна в Регенсбурге, а затем попала к Николям. В 1825 г. разбогатевший пивовар Генри Перкинс купил Библию у книготорговцев, заплатив 504 фунта стерлинга. Аристократов-библиофилов в ту пору теснили нувориши-буржуа. У Перкинса уже был один экземпляр 42-строчной Библии, но он не пожалел денег на второй. В 1873 г. при распродаже библиотеки Перкинса книгу купил

лорд Ашбернхэм за 3400 фунтов. От него экземпляр перешел к уже известному нам Бернарду Куоричу. Он приобрел книгу в 1897 г. за 4000 фунтов и вскоре перепродал ее — уже за 5000 фунтов — американцу Роберту Хоэ (ум. 1909 г.), одному из изобретателей ротационной печатной машины. В 1911 г. Библию приобрел миллионер Генри Эдвардс Хантингтон (1850—1927). Наживший колоссальные средства на эксплуатации железных дорог, он выложил за нее 50 тыс. долларов — самую высокую цену, заплаченную к тому времени за книгу. В дальнейшем рекорд был многократно превзойден, но «чемпионом» по-прежнему продолжала оставаться 42-строчная Библия. Библиотека Хантингтона, размещенная в американском городе Сан-Марино, одно время считалась вторым в мире собранием английских книг после Британского музея; в ней было и 5400 инкунабулов. В 1922 г. библиотека стала публичной. Здесь этот экземпляр Библии можно увидеть и в наши дни [107].

Т. Ф. Дибдин ввел в научный оборот еще два экземпляра прославленного издания Гутенберга. В «Библиографическом, антиквариатском и изобразительном путешествии по Франции и Германии», вышедшем в свет в трех томах в 1821 г., он упомянул об экземпляре, хранившемся в Императорской библиотеке в Вене [108]. Книга находилась здесь со времен императора Иозефа II (1741—1790). Экземпляр примечателен тем, что в конце его, как и в мюнхенской Библии, вплетены четырехлистные печатные указания для рубрикаторов. В других экземплярах их нет. Этот бумажный экземпляр, переплетенный в красный марокен, ныне находится в Национальной библиотеке Австрии [109].

В 1824 г. в примечаниях к одному из своих трудов Т. Ф. Дибдин упомянул о 42-строчной Библии, приобретенной в последней четверти XVIII в. одним из английских аристократов сэром Джорджем Шакбарафом. Затем экземпляр надолго пропал. Он всплыл лишь 5 февраля 1951 г., когда представитель нью-йоркской издательской фирмы «Чарлз Скрайбнер» объявил о приобретении «путем секретного соглашения» гутенберговской Библии. Где, что и как произошло — не сообщалось. Книгу привез в Америку Джон Картер, директор лондонского отделения фирмы. Это был первый экземпляр, который преодолел Атлантику

не на корабле, а на самолете. Картер описал свои переживания и впечатления в главе «Операция Шакбараф» очерков «Книги и их собиратели» (Лондон, 1956). Напечатанные на бумаге два тома, переплетенные в красный марокен еще в 1789 г., недолго оставались у Скрайбнера. Си перепродал Библию фабриканту стекла, куратору отдела редких книг Библиотеки Конгресса Артуру А. Хутону. От него книга перешла к Гансу Краусу, нью-йоркскому книготорговцу и издателю. 14 марта 1978 г. Краус продал Библию Гутенберговскому музею в Майнце [110]. Возвращение книги на родину было отмечено в ФРГ чуть ли не как национальный праздник.

Вторую после Дибдина попытку подсчитать количество сохранившихся 42-строчных Библий предпринял французский библиограф Жозеф Базиль Бернар ван Прат (1755—1837), составивший «Каталог книг Королевской библиотеки, отпечатанных на пергамене» (Париж, 1822—1828. Т. 1—6) [111]. В первом томе названы семь экземпляров, во втором — еще два, а в шестом — 27. Пять книг были указаны ошибочно, например экземпляры библиотеки Барберини в Риме, герцога Девонширского, графа фон Шёпборна (на самом деле Библия 1462 г. И. Шеффера), Вольфенбюттельской библиотеки (на самом деле 36-строчное издание) и т. д. Правильно ван Прат указал 22 экземпляра — 6 пергаменных и 16 бумажных. Новых среди них, однако, не было. В первых двух томах своего каталога французский библиограф шел за Т. Ф. Дибдином, в последнем — за Томасом Джозефом Петтигрю, который в 1827 г. подготовил каталог «Библиотека Сассексиана»; собрание принадлежало герцогу Сассекскому, седьмому сыну английского короля Георга III.

Петтигрю зарегистрировал 22 экземпляра 42-строчной Библии (два из них ошибочно), причем шесть указал впервые. Это прежде всего экземпляр, который сам Петтигрю приобрел в 1822 г. для герцога Сассекского при распродаже библиотеки некоего Джеймса Перри, заплатив 160 гиней [112]. Напечатан он на пергамене, переплетен в XV в. в доски в коже. Всю библиотеку герцога в 1844 г. купил епископ Роберт Дели; Библия пошла за 190 фунтов стерлингов. В 1858 г. книга попала к антиквару Бернарду Куоричу; он отдал за нее 596 фунтов и перепродал графу Кроуфорду. В 1887 г. библиотека последнего пошла с молотка.

Библию купил опять-таки Куорич, на этот раз за 2650 фунтов. За 30 лет цена книги возросла почти в пять раз. От Куорича Библия перешла к графу Керисфорту, а затем в июле 1923 г. к А. С. В. Розенбаху (за 9500 фунтов). Последний перепродал издание Гутенберга американскому миллионеру Карлу Х. Пфорцхаймеру, в библиотеке которого оно и хранится [113].

Познакомимся теперь с другими экземплярами 42-строчной Библии, упомянутыми Т. Д. Петтигрю. К их числу относится и второй экземпляр Университетской библиотеки в Лейпциге [114]. В отличие от первого он напечатан не на пергамене, а на бумаге. Время поступления в библиотеку этих двух томов, переплетенных в красный марокен, неизвестно.

Страшная участь постигла экземпляр из Мангейма, который также назван Томасом Джозефом Петтигрю. Он поступил в Королевскую библиотеку в Мюнхене, но затем в 1832 г. был продан как дублет всего за 350 гульденов. Переходя из рук в руки, Библия попала к Габриелю Уэллсу, книготорговцу из Нью-Йорка [115], чье безудержное стремление к наживе привело к ужасным последствиям. Уэллс совершил варварский поступок: в 1921 г. он расплел экземпляр, разрезал его на небольшие фрагменты и продал их с выгодой для себя.

В «Библиотеке Сассексиана» Петтигрю назвал также бумажный экземпляр гутенберговской Библии, подаренный в 1781 г. Даниелем Стюартом Адвокатской библиотеке в Эдинбурге (ныне Национальная библиотека Шотландии) [116]. Знал он и об экземпляре, который в ту пору принадлежал собирателю Джону Фуллеру. Это единственная 42-строчная Библия в переплете XV в., на котором оттиснуто имя эрфуртского мастера Иоганна Фогеля. Гутенберг, вне всякого сомнения, был близко знаком с ним. В 1841 г. Фуллер подарил книгу Итонскому колледжу, где она хранится и в наши дни [117].

Еще один бумажный экземпляр, известный Петтигрю, был куплен в 1793 г. в Марселе за 60 франков. В 1803 г. книгу приобрел за 400 франков на аукционе в Париже известный французский издатель и типограф Фирмен Дидо (1764—1836), директор Императорской типографии при Наполеоне I. Впоследствии книга попала в Англию и в то время, когда ее упомянул Петтигрю, принадлежала Джорджу Гибберту.

В 1847 г. экземпляр продавался в Лондоне на известном аукционе фирмы «Сотби». Его купил американец Джеймс Ленокс за «сумасшедшую», как тогда говорили, цену — 500 фунтов стерлингов. Книга стала первой 42-строчной Библией, которая пересекла Атлантический океан. Ленокс был одним из основателей Нью-Йоркской публичной библиотеки, где Библию можно увидеть и сегодня [118]. В первом томе, переплетенном в синий марокен, не хватало четырех начальных листов. В 1923 г. Г. Уэллс подарил библиотеке листы 2—4, взяв их из мангеймского экземпляра.

Последний из введенных Петтигрю в научный оборот экземпляров 42-строчной Библии сохранил запись 1471 г., свидетельствующую о том, что Йохан Влиегет, священник из Утрехта, подарил эту книгу монастырю Суст, расположенному неподалеку от Амерсфорта. В наполеоновские времена эта Библия принадлежала Пьеру Анри Ларше. При распродаже его библиотеки в 1814 г. издание Гутенберга купил Джон Лойд за 2120 франков. В дальнейшем книгой владел лорд Ашбернхэм, который впоследствии приобрел и второй экземпляр, нам уже известный. В 1896 г. Бернард Куорич купил Библию у сына Ашбернхэма, заплатив 3000 фунтов стерлингов. Куорич перепродал Библию американцу Роберту Хоэ, в коллекции которого также было два экземпляра издания Гутенберга. В 1912 г. книга снова попала в Англию — ее приобрел Бернард Куорич-младший за 27 500 долларов. В дальнейшем Библия вновь переплыла Атлантический океан, чтобы осесть, на этот раз уже навсегда, в Кембридже, в Гарвардской университетской библиотеке [119].

Следующий шаг в регистрации сохранившихся экземпляров 42-строчной Библии сделал немецкий историк книжного дела Карл Антон Шааб (1761—1855). В 1830 г. он зарегистрировал на страницах «Истории изобретения книгопечатания» 18 экземпляров этого издания — 8 пергаменных и 10 бумажных [120]. Большинство из них было описано раньше. Шааб впервые сам же ввел в научный оборот бумажный экземпляр городской библиотеки Ашафенбурга, который в XVIII в. принадлежал последнему курфюрсту Майнца Карлу Иозефу фон Эрталю. Книга находится в Ашафенбурге и в наши дни [121]. Она переплетена в доски, обтянутые уже в XIX в. телячьей кожей.

Второй из экземпляров, описанных Шаабом, учтен им дважды: один раз — как экземпляр монастыря Роттенбах, а другой — как принадлежащий Королевской библиотеке в Мюнхене, куда Библия поступила в 1803 г. при секуляризации монастырских собраний. Роттенбахский бумажный экземпляр переплели в два тома и, посчитав дублетным (здесь уже была 42-строчная Библия), решили продать.

Аукцион состоялся в мае 1858 г. в Аугсбурге. Хранитель Отделения рукописей и старопечатных книг Петербургской публичной библиотеки Афанасий Федорович Бычков (1818—1899), познакомившись с каталогом аукциона, нашел, по его словам, в нем «много таких библиографических драгоценностей, подобных которым уже давно не являлось на публичных продажах в Европе» [122]. Немалых усилий стоило Бычкову добиться того, чтобы царь Александр II выделил средства для покупки 42-строчной Библии, ксилографических изданий «Апокалипсиса» и «Песни песней», 233 изданий венецианского типографа Альда Мануция и других редкостей. В очередном «Отчете» библиотеки за 1858 г. гутенберговская Библия, купленная за 2336 гульденов, описана так: «Экземпляр знаменитой Мазариновской Библии, в двух томах... превосходно сохраненный и в котором недостает только одного листа во втором томе. Это редчайшее издание есть первое по времени (между 1450 и 1455 годами) произведение изобретателя книгопечатания Гутенберга, следственно первая вообще в мире книга, напечатанная нынешним способом, т. е. подвижными металлическими буквами. До настоящей покупки наша библиотека имела только один лист этой Библии».

Библия хранилась в Ленинграде до 1931 г. В те годы Советское государство, перестраивавшее отсталую экономику, особенно нуждалось в валюте, и Библию решили продать. Сейчас об этом можно только сожалеть. В настоящее время этот хорошо сохранившийся бумажный экземпляр находится в частном собрании Мартина Бодмера в Женеве [123].

Назвал Шааб и экземпляр, который, по его словам, хранился в Саксонской библиотеке в Дрездене. Однако в Дрездене находился лишь небольшой фрагмент — три пергаменных листка, извлеченных в 1819 г. из старого переплета библиографом Фридрихом Адольфом Эбертом (1791—1834), автором известного

«Всеобщего библиографического лексикона» (1821—1830 гг.) [124].

Новый экземпляр 42-строчной Библии был описан в 1870 г. Бруно Штюбелем [125]. Ранее он принадлежал церкви в Эрфурте и в 1870 г. был продан в Америку книготорговцем Альбертом Кохеном из Берлина. Сменив несколько владельцев, книга поступила в библиотеку Джона Х. Шайде в Титусвилле (Пенсильвания) [126]. Два тома, в которых не хватает пяти листов, заключены в переплет XV в.— доски, обтянутые телячьей кожей.

В 1874 г. па страницах газеты «Нойер Анцайгер» появилась заметка о новом экземпляре 42-строчной Библии, напечатанном на бумаге [127]. В двух томах этого экземпляра, переплетенных в темно-коричневый марокен, не хватает 130 листов. В книге — старые записи, частично обрезанные при переплетении. Они свидетельствуют о том, что в 1565 г. Библию продал не названный по имени человек из Бишофсверда в Саксонии пастору в Лангеи Вольмсдорф Мельхиору Гаубишу. В XVII в. книга принадлежала Генриху фон Ностицу. 7 апреля 1677 г. его сын Карл Генрих подарил Библию церкви в Клайн-Баутцене. Где находилась Библия в течение двух веков, неизвестно. Ее нашли лишь в 1874 г. в одной из деревенских церквей. В 1881 г. экземпляр приобрел Бернард Куорич за 760 фунтов стерлингов и вскоре продал его Теодору Ирвину из Освего, штат Нью-Йорк. Всю библиотеку Ирвина купил в 1899 г. Джон Пирпонт Морган. Это была его вторая 42-строчная Библия, к которой вскоре прибавилась и третья. Библиотека Д. П. Моргана в Нью-Йорке — единственная библиотека в мире, владеющая тремя гутенберговскими Библиями [128].

В 1878 г. пергаменную Библию нашли в Испании — в коллекции библиофила М. Миро [129]. Ее привезли во Францию, экспонировали в Париже, где книгу за 50 тыс. франков приобрел библиофил Лека. В дальнейшем через посредство берлинского букиниста Альберта Кохена Библия перешла к Генриху Клемму (1818—1886), разбогатевшему портному, основавшему в Дрездене Европейскую академию моды. Превосходное собрание Клемма было положено в основу Германского музея книги и шрифта, открытого в Лейпциге в 1885 г.[130]

В 1879 г. был описан пергаменный экземпляр

42-строчной Библии (один лишь второй том, содержащий 317 л.), находившийся в Фульде [131]. Книга была подарена городу еще в 1723 г. Долгое время она считалась рукописной, и лишь в 1834 г. ее идентифицировал Леон де Ляборд [132].

Новый экземпляр 42-строчной Библии, напечатанной на бумаге, был описан в 1884 г. в каталоге очередной распродажи, организованной Бернардом Куоричем [133]. Два тома, переплетенные в XIX в. в голубой марокен, были проданы за 3900 франков Уильяму Маккелару из Эдинбурга. На аукционе его библиотеки, проходившем в 1898 г., книгу опять приобрел Куорич, на этот раз за 2950 фунтов. Это, пожалуй, единственный случай, когда 42-строчная Библия продавалась повторно за меньшую цену, чем раньше. У Куорича прославленное издание купила Теологическая семинария в Нью-Йорке [134]. Много лет спустя в 1979 г. семинария, испытывая нужду в средствах, решила расстаться с гутенберговской Библией. Цена, проставленная в каталоге, была значительной — 500 тыс. долларов. На аукционе за несколько минут она подскочила больше чем в четыре раза. Книгу приобрел за рекордную для всех времен и стран цену — 2,2 млн долларов — английский книготорговец Мартин Бреслауер, действовавший, как выяснилось впоследствии, по поручению Вюртембергской библиотеки в Штутгарте [135]. Библия вернулась на родину.

В 1880 г. в Лондоне на аукционе библиотеки графа Госфорда продавался еще один бумажный экземпляр 42-строчной Библии, описанный в каталоге этой распродажи [136]. Купил книгу лондонский антиквар Тувей. Библия побывала в нескольких руках, а в 1908 г. была приобретена Бернардом Куоричем-младшим для К. В. Дайсона Перринса. Экземпляр (только первый том, содержащий 324 л.) в конце концов попал в США, в мемориальную библиотеку Эдварда Лоуренса Дохени в г. Камарилло (Калифорния) [137].

Выше говорилось о первом томе 42-строчной Библии из Трира. Парой к нему, возможно, служит второй том, найденный в 1828 г. в крестьянском доме деревушки Олевиг неподалеку от Трира. В научный оборот этот экземпляр ввел в 1886 г. Антоний ван дер Линде на страницах своей известной «Истории изобретения книгопечатания». Здесь приведен перечень 30 экземпляров 42-строчных Библий [138]. Где находил-

ся этот экземпляр в конце XIX — начале XX в., неизвестно. 21 июня 1937 г. он был продан за 8000 фунтов стерлингов на аукционе фирмы «Сотби». В каталоге аукциона вместо фамилии владельца стояло загадочное: «Собственность джентльмена». Книга была куплена для американского миллионера Артура А. Хутона [139]. В 1970 г. он решил расстаться с покупкой и продал Библию нью-йоркскому издателю и книготорговцу Гансу Краусу. В марте 1979 г. он, в свою очередь, «уступил» книгу за 1,9 млн долларов Гутенберговскому музею в Майнце.

В 1889 г. был введен в научный оборот второй том 42-строчной Библии, приобретенный еще в 1749 г. Королевской библиотекой в Копенгагене [140]. Экземпляр напечатан на бумаге и переплетен в XVII в. На переплетной крышке — суперэкслибрис Кристиана Альбрехта, принца Готторпского. Библия находится в Копенгагене и сегодня [141].

В том же 1889 г. новый бумажный экземпляр 42-строчной Библии был объявлен в каталоге распродажи библиотеки лорда Хоуптона [142]. Два тома, переплетенные в телячью кожу в XVII—XVIII вв., купил Бернард Куорич. В дальнейшем этот экземпляр находился в собрании А. У. Юнга, а в 1934 г. поступил в Университетскую библиотеку в Кембридже [143].

Два новых экземпляра зарегистрировал в 1892 г. Уолтер Артур Копинджер (1847—1910), английский библиограф, составивший трехтомные дополнения к знаменитому каталогу инкунабулов Людвига Хайна [144]. Оба экземпляра напечатаны на пергамене. Первый из них издавна находился во владении герцогского дома Каленберг в Геттингене. В 1587 г. герцог Юлиус фон Брунсвик поместил книгу в Вольфенбюттельскую библиотеку, а с 1810 г. Библия находилась в Университетской библиотеке Геттингена [145]. В XVI в. она была переплетена в доски, обволоченные белым пергаменом.

Второй из экземпляров, описанных Копинджером,— два тома в старом коричневом марокене — был продан неким Эдвином Троссом. В 1897 г. Библию купили для Джона Пирпонта Моргана и увезли за океан [146]. В дальнейшем к этой первой в коллекции американского миллионера гутенберговской Библии добавились, как уже говорилось, еще две.

В 1900 г. новую «перепись» сохранившихся экземп-

ляров 42-строчной Библии предпринял Пауль Швенке, опубликовавший статью, посвященную этому изданию Иоганна Гутенберга, на страницах юбилейного сборника Королевской библиотеки в Берлине [147]. Четыре из указанных им экземпляров упоминались впервые. Был зарегистрирован пергаменный экземпляр Библии из библиотеки Барберини в Риме. Правда, о нем писали И. Б. Б. ван Прат и К. А. Шааб еще тогда, когда этой книги в библиотеке не было: она поступила в собрание лишь в 1867 г. В 1901—1902 гг. библиотеку Барберини купил римский папа и переместил ее в Ватикан. Здесь этот экземпляр (в нем отсутствуют шесть листов) в современном кожаном переплете со слепым тиснением хранится до сих пор [148].

Второй из описанных Швенке экземпляров 42-строчной Библии напечатан на бумаге. Два тома заключены в переплет XV в. работы мастера Генриха Костера — доски в тисненой коже. Библия издавна находилась в бенедиктинском монастыре Лёбау в Восточной Пруссии, библиотека которого в 1833 г. была перевезена в Пелплин (ныне на территории ПНР) [149].

Третий учтенный Швенке экземпляр — напечатанный на бумаге первый том, в котором отсутствует первый лист,— можно увидеть в коммунальной библиотеке города Сент-Омер во Франции [150].

Наконец четвертый экземпляр — один лишь Новый Завет (190 л.) — в свое время принадлежал библиотеке архиепископа Бэнкрофта, откуда в 1610 г. поступил в архиепископскую библиотеку дворца Ламбет в Лондоне [151].

Подведем некоторые итоги. К началу XX в. в литературе был описан 41 экземпляр 42-строчной Библии Иоганна Гутенберга. Однако возможности новых находок исчерпаны не были.

Путешествуя в 1909—1910 гг. по Пиренейскому полуострову, Конрад Эрнст обнаружил два экземпляра гутенберговской Библии: один — в Провинциальной библиотеке в Бургосе [152], второй — в Университетской библиотеке в Севилье [153]. В Бургосе исследователь нашел два тома, переплетенные еще в XVI в. в доски в коже. Севильский экземпляр — это один лишь Новый Завет (190 л.). Ранее книга принадлежала иезуитской коллегии, а в Университетскую библиотеку попала в 1845 г.

В 1911 г. Сеймур де Риччи составил подробный каталог майнцских изданий 1445—1467 гг. с указанием всех известных к тому времени экземпляров. В этой превосходной работе, научное значение которой в полной мере сохраняется и сегодня, описан 41 экземпляр 42-строчной Библии [154]. Исследователь ввел в научный оборот два экземпляра. Один из них — второй том Библии, переплетенный в тисненую кожу в начале XVI в.,— принадлежал графу Зольм-Лаубаху. Впоследствии, в 1926 г., он был подарен Гутенберговскому музею в Майнце [155].

Риччи описал и бумажный экземпляр (два тома в переплете XVIII в.), хранившийся в бенедиктинском монастыре в Мельке. После первой мировой войны монахи продали драгоценное издание лондонскому книготорговцу Эдварду Голдстоуну за 11 500 фунтов стерлингов. В феврале 1926 г. книгу купил американец А. С. В. Розенбах, не пожалевший заплатить за нее 106 тыс. долларов. В дальнейшем Библия была подарена Иельскому университету в Нью-Хевене (штат Коннектикут) [156].

В 20-х годах XX в. отыскался еще один экземпляр. Ранее он принадлежал библиофилу Джиованни де Росси. После его смерти в 1854 г. библиотека «Россиана» была подарена иезуитам и с 1877 г. находилась в иезуитской коллегии в Лайнце, около Вены. В 1921 г. все собрание поступило в Ватиканскую библиотеку [157].

В XX в. появились новые «переписи» 42-строчной Библии, тщательно составленные Паулем Швенке, Х. Райхнером, Генри Льюисом Джонсоном, Эдвардом Лэзером [158]. В 1958 г. Рудольф Штёвезанд подвел итоги этим статистическо-библиографическим штудиям и предложил вниманию исследователей новый «ценз», в котором перечислено 36 бумажных и 12 пергаменных 42-строчных Библий [159]. Штёвезанд впервые рассказал о двух экземплярах. Первый из них принадлежал бельгийскому канонику Эдварду Феликсу Пюиссану (1860—1934). Его богатые коллекции были завещаны государству, и на их основе создан музей в г. Монс. О Библии стало известно после того, как она в 1955 г. демонстрировалась на выставке в Брюсселе. Это один лишь первый том, напечатанный на бумаге [160].

Штёвезанд описал также фрагмент из 63 листов, который происходил из Трира. В декабре 1931 г. он

был продан в Лейпциге австрийскому коллекционеру графу Освальду фон Зейлер [161].

Последнее слово гутенберговедения — «переписи», которые провели в 1961 г. Дон Кливленд Норман и в 1971 г. Иозеф Штумфолль [162]. В иллюстрированном «цензе» Нормана, издание которого посвящено 500-летию гутенберговской Библии, учтено 47 экземпляров 42-строчных Библий, из них 4 комплектных и 8 неполных на пергамене, 17 комплектных и 18 неполных на бумаге. Норман перечисляет также 167 фрагментов знаменитой книги.

Уже после всех итоговых подсчетов выплыл еще один экземпляр. Это была, пожалуй, самая сенсационная книжная находка XX в. Книгу нашли в 1958 г. на чердаке старого дома священника, который собирались сносить, в небольшом городке Имменхаузен, лежащем в 15 км севернее Касселя. Груду старых книг с чердака переслали в библиотеку в Кассель, где они пролежали до 1975 г., пока кто-то не догадался отправить ксерокопии для идентификации в Гутенберговский музей в Майнце. Здесь они попали к Курту Гансу Штаубу, который с изумлением обнаружил, что имеет дело с неизвестным экземпляром 42-строчной Библии [163]. Сохранился один лишь первый том, в котором не хватает 1, 2, 97—100 и 323-го листов. Напечатана книга на бумаге и заключена в переплет XV в.— доски в тисненой коже.

Такова краткая история сохранившихся экземпляров 42-строчной Библии. Дадим теперь общее описание этого издания. Прославленная книга отпечатана «в лист». Обычно ее переплетали в два тома. Первый содержит 324 листа, или 648 страниц, второй — 317 листов, или 634 страницы. Отпечатанные листы фальцевали в один сгиб и собирали преимущественно в 10-листные тетради. Ни фолиации (нумерации листов), ни сигнатуры (нумерации тетрадей) в Библии нет.

Текст отпечатан в две колонки (столбцы). В каждой колонке — по 42 строки; отсюда и название книги. Впрочем, есть и исключения. На первых девяти страницах некоторых экземпляров и па листах 129—132 — по 40 строк, а на десятой странице — 41 строка. Книга, видимо, была задумана как 40-строчная, о чем говорят и корректурные оттиски, найденные в Кракове (они, впрочем, выполнены шрифтом 36-строчной Библии).

По мнению А. Руппеля, Гутенберг перешел от 40 строк к 42, ибо таким образом экономил примерно 5% пергамена и бумаги [164]. При дороговизне писчего материала это имело немаловажное значение. Правда, сразу возникает вопрос: почему следующее издание выполнено 36-строчным? Впрочем, как уже отмечалось, старопечатную практику трудно подчас согласовать с элементарной логикой.

О тираже 42-строчной Библии высказывали разные мнения. Г. Цедлер первоначально полагал, что было напечатано 240 экземпляров на бумаге и 30 — на пергамене. В дальнейшем он говорил о 54 бумажных и 16 пергаменных экземплярах, а в последние годы жизни увеличил эти числа соответственно до 120 и 20. Другие исследователи называли иные данные: О. Хупп — 80 и 20, К. Дзяцко — 115 и 35, П. Швенке, а за ним А. Руппель — 150 и 35 [165]. Последние числа приняты в настоящее время большинством исследователей, хотя приблизительность этих чисел сомнений никаких не вызывает.

Исходя из примерного тиража 42-строчной Библии, историки подсчитали, какое количество бумаги и пергамена необходимо было приобрести Гутенбергу, сколько времени он затратил на работу, какова была себестоимость издания. Подсчитано, казалось бы, все — вплоть до количества типографских знаков во всем издании (более 3 млн). Кропотливость подсчетов, время, затраченное на них, подчас поражают. Фактографическая основа историко-книговедческих и историко-технических изысканий всегда создается с колоссальным трудом. Об этом не следует забывать исследователям, склонным к обобщениям и гипотетическим построениям и считающим фактографию чем-то второстепенным.

Для печатания части тиража использовали листы пергамена размером 420×620 мм. На каждом листе помещалось примерно по четыре полосы текста (две — с лицевой стороны и две — с оборотной). На изготовление одного листа шла примерно половина телячьей шкуры.

Для каждого экземпляра Библии требовалось не менее 340 листов (включая 20 листов на корректурные и дефектные оттиски). Таким образом, для одного экземпляра необходимо было переработать шкуры 170 телят, а для 35 пергаменных экземпля-

ров — 5950 телят. Стоил этот пергамен, по подсчетам П. Швенке, 450 гульденов.

Чтобы напечатать 150 бумажных экземпляров Библии, Гутенберг должен был приобрести не менее 51 тыс. листов форматом 412×300 мм. Исследования показали, что первоначально была приобретена большая партия бумаги с водяным знаком, изображающим голову быка, между рогов которого возвышается увенчанный звездой шест. Бумаги, однако, не хватило. Ее докупали примерно три раза, о чем свидетельствует появление в последних листах издания трех других водяных знаков. П. Швенке считает, что бумага для 150 экземпляров стоила 900 гульденов.

Ну а каковы были остальные производственные расходы? По мнению того же П. Швенке, зарплата, квартира и содержание рабочих стоили 300 гульденов, наем помещения для типографии — 40 гульденов, типографская краска — 20 гульденов, изготовление шрифта, печатных станов и другого оборудования — 800 гульденов. Общая сумма расходов на печатание 42-строчной Библии — 2510 гульденов. О. Хупп и Г. Цедлер, исходя из того, что из одной шкуры теленка можно было сделать не два, а четыре листа пергамена, а также считая, что оборудование и шрифты стоили дешевле, указывают значительно более низкую стоимость производственных расходов — 750 гульденов.

Если исходить из оценки П. Швенке, получается, что Гутенберг, кроме 1600 гульденов, одолженных у Фуста, должен был вложить в предприятие не менее 910 гульденов собственных средств.

Сколько времени продолжалась работа над Библией?

Подсчитывая объем работы наборщика, А. Руппель исходит из того, что в каждой колонке набора 1310 знаков[166]. Пробельные литеры между словами он не учитывает, а их сбрасывать со счета нельзя, ибо на установку этих литер в верстатку также уходит время. В нашем подсчете мы исходили из того, что в каждой строке колонки — 35—38 литер. Беря по максимуму, получаем для каждой колонки 1595, а для каждой страницы — 3192 литеры.

В эпоху позднего средневековья ремесленники работали от зари и до зари: зимой около 8, а летом до 16 часов в сутки. Полагая, что средняя продолжи-

тельность дня составляла 12 часов, А. Руппель утверждает, что за это время можно набрать лишь 2600 знаков, что составляет, по его подсчетам, не более одной страницы. По нашему мнению, Руппель значительно преуменьшает производительность труда наборщиков. Привлечем в качестве консультанта старого русского наборщика И. Д. Галактионова, который пишет: «А сама скорость набора в 6—7 тысяч букв за рабочий день (т. е. за восемь часов.— *Е. Н.*). Ведь, право, совестно говорить о такой медленной работе, так как нельзя допустить мысли, что руки русского рабочего не в состоянии набрать количества в 10 500 букв, как по тарифу набирает немец» [167]. Со своей стороны мы должны прибавить, что наборщику XV в. работать было легче, чем его коллеге в XIX в., ибо он имел дело с литерами значительно большего кегля.

Принимая объем работы в течение 12-часового рабочего дня в 10 000 литер, получим, что наборщик гутенберговской типографии за день набирал не менее трех страниц. Текст всего издания, насчитывавшего 1282 страницы, один наборщик мог набрать за 427 дней.

Исследователи считают, что набор Библии производили по крайней мере шесть наборщиков. Это устанавливается по характерным приемам работы, по особенностям орфографии и т. п. По мнению А. Руппеля, набор издания был одновременно начат с листов 1 и 129 первого тома и 1 и 162 — второго [168].

Мы, однако, не будем делить полученное нами число рабочих дней — 427 ни на шесть, ни на четыре, исходя из того, что наборщики трудились не одновременно, что их отвлекали на всевозможные подсобные работы, а также учитывая, что вместе с Библией в типографии набирались и другие издания. При явно завышенных оценках нельзя сказать, что Библию набирали более полутора лет.

Подсчитаем теперь, сколько времени ушло на печатание книги. А. Руппель полагает, что при наличии шести наборщиков в типографии должно было стоять не менее шести печатных станов. На наш взгляд, это совсем необязательно. На Московском печатном дворе в XVII в. один стан обслуживали 2 наборщика и 9 печатников [169]. При печатании Библии нужно было сделать 237 170 краско-прогонов (1232 страницы × × 185 экземпляров = 237 170). По мнению А. Руппе-

ля, производительность печатного стана составляла 120 оттисков в день. Отсюда, заключает он, шесть станов могли напечатать весь тираж за 333 дня[170]. Мы считаем, что его подсчет нуждается в корректировке. Руппель сильно преуменьшил производительность стана. По свидетельству многих источников, она составляла 2000—3000 оттисков в день[171]. Принимая производительность, равной 2000 оттисков, получим, что на одном стане тираж мог быть отпечатан за 118 дней.

Разделения труда в типографии Гутенберга, по-видимому, еще не существовало. Одни и те же подмастерья набирали и печатали книгу. Набор и печать, скорее всего, велись одновременно. На все это, по нашему мнению, не могло уйти более двух лет. Если работу завершили осенью 1455 г., к моменту составления Хелмаспергеровского нотариального акта, начать ее должны были осенью 1453 г. Более трудоемким и продолжительным был подготовительный период, во время которого следовало озаботиться отливкой шрифтов и сооружением оборудования.

Коротко — о технике печати. Сохранившиеся экземпляры Библии поражают разноцветьем страниц. Украшения на полях играют всеми цветами радуги. Малые инициалы исполнены красной и синей красками. Текст прорезают вертикальные красные черточки рубрикации. Все это сделано вручную. Для инициалов Гутенберг оставлял пустые места. Правда на первых порах он собирался печатать рубрики. Красная печать есть на листах 1, 4, 5, 129 и 130, что, кстати, доказывает одновременность напечатания листов 1 и 129. Но при двухкрасочной печати каждый лист нужно было дважды пропускать через печатный станок. Это значительно отодвигало срок выпуска, а значит, и реализации тиража. Необходимо было выплачивать долг Фусту, и Гутенберг принужден был отказаться от двухкрасочной печати. Для нас важно, однако, что он технически освоил ее.

Исследователи полагают, что стан, стоявший в типографии Гутенберга, был рассчитан на печатание лишь одной полосы текста. На листе же помещалось четыре полосы (две с лицевой стороны и две с оборотной). Поэтому каждый лист четырежды подводился под нажимную снасть. О реконструкции печатного стана будет рассказано в следующей главе.

Какую сумму получил Гутенберг при реализации тиража Библии? Ответ на этот вопрос очень важен, ибо он позволяет судить, был ли изобретатель разорен, как полагают некоторые исследователи, или мог успешно продолжать работу.

В 1450 г. в Страсбурге рукописная Библия на пергамене стоила 60 гульденов [172]. Богато орнаментированные и украшенные Библии продавали по 100 гульденов. Чтобы успешно конкурировать с рукописными мастерскими, Гутенберг должен был продавать Библии дешевле. П. Швенке считал, что пергаменный экземпляр стоил 42 гульдена, а бумажный — 34. Если исходить из этих чисел, получается, что 150 бумажных экземпляров были реализованы за 5100 гульденов, а 35 пергаменных — за 1470 гульденов. Общая сумма — 6570 гульденов. Деньги эти были получены в короткий срок. Спрос на Библии был большой. Года через три после выпуска в свет 42-строчной Библии Гутенберг напечатал 36-строчное издание. А еще через четыре года, в 1462 г., вышла 48-строчная Библия П. Шеффера. Всего же во второй половине XV в. было напечатано не менее 100 латинских и 14 немецких Библий.

Вычтем из 6570 гульденов производственные расходы — 2510 гульденов и долг Фусту — 2020 гульденов (будем считать, что Гутенберг согласился уплатить эту сумму, что сомнительно). В этом случае чистая прибыль изобретателя составила 2040 гульденов. Это был несомненный коммерческий успех, который позволил Гутенбергу развивать дело дальше.

Донаты в шрифте B^{42}. Известно большое количество Донатов, напечатанных шрифтом B^{42}. Большинство из них, однако, приписывают Петеру Шефферу и относят ко времени, когда Иоганн Гутенберг уже умер. Основания для этого таковы. На двух изданиях — одном 33-строчном и одном 35-строчном — указано, что печатал их Петер из Гернсгейма в городе Майнце. Иоганн Фуст в колофоне не упоминается. Инкунабуловеды делают вывод, что напечатаны эти учебники, во всяком случае, после 1466 г., когда Фуст умер. В других Донатах — всего же известно 13 изданий 33-строчных, 5 — 35-строчных и 9 — 26-строчных — используются инициалы из Псалтыри 1457 г., напечатанной Шеффером.

Вообще говоря, шрифт B^{42} — видимо, уже после смерти Гутенберга — попал к его наиболее способному ученику. В 1480—1493 гг. Шеффер неоднократно использовал этот шрифт в своих изданиях.

Известны, правда, и Донаты, напечатанные шрифтом B^{42}, но имеющие более раннее происхождение. Фрагмент одного из них — 33-строчного — был приобретен в 1932 г. в Лондоне антиквариатом братьев Мэггс. Изучивший его Г. Цедлер пришел к выводу, что учебник печатался одновременно с первыми 40 страницами 42-строчной Библии, т. е. около 1453 г.[173] Печатал его, следовательно, сам изобретатель Иоганн Гутенберг.

Другой ранний 33-срочный Донат в шрифте B^{42} описала в 1966 г. польская исследовательница Анна Левицка-Каминьска [174]. Он был обнаружен в переплете кодекса, содержавшего восемь трактатов, написанных в период в 1467 по 1473 г. и служивших учебными пособиями по курсам, которые читались в Краковском университете. Рукопись была переплетена в 70-х годах XV в. несомненно в самом Кракове, причем переплетчик в качестве фальцев для крепления книжного блока к переплетным крышкам использовал два макулатурных листка печатного пергаменного Доната.

А. Левицка-Каминьска установила ряд любопытных особенностей этих оттисков, позволивших утверждать, что печатал их Иоганн Гутенберг примерно в 1454—1455 гг. Так, в этом Донате используется сокращение «ho» (вместо «hoc»). Такая аббревиатура никогда не встречалась в изданиях Петера Шеффера. Но ее можно найти в лондонском Донате в шрифте *DK*, в 36-строчной Библии и в «Католиконе» 1460 г. Орфография фрагмента соответствует правописанию первых листов 42-строчной Библии.

Наблюдения эти говорят о многом. Во-первых, можно сделать вывод о том, что одновременно с Библией в совместной типографии Гутенберга и Фуста печаталась и текущая малообъемная продукция, которая, несомненно, давала дополнительный доход, и немалый. Второй вывод заключается в том, что шрифт *B* создавался совсем не для единственого шедевра — Библии, а достаточно широко использовался и для других изданий.

Совершенствовался и первый шрифт Гутенберга —

DK. В конце 50-х годов XV в. он был отлит наново и использован для набора 36-строчной Библии.

36-строчная Библия. Этим первопечатным изданием гутенберговеды занимались значительно меньше, чем 42-строчной Библией, о чем хочется пожалеть. Думается, что подробное изучение текста книги, особенностей всех сохранившихся экземпляров и фрагментов таит в себе возможности новых находок.

Едва ли не впервые 36-строчная Библия была упомянута в описании коллекции, собранной известными английскими библиофилами Робертом (1661—1724) и Эдвардом (1689—1741) Харлеями. Библиотека насчитывала свыше 400 тыс. рукописей и книг, среди которых была и Острожская Библия великого русского просветителя Ивана Федорова. Первый том каталога, в котором упоминается 36-строчное издание, вышел в свет в 1743 г.[175] Экземпляр, о котором идет речь, в 1754 г. был куплен за 600 рейхсталеров герцогиней Брауншвейгской Елизаветой Софией Марией (ум. 1764). Герцогиня собрала поражающую своими масштабами коллекцию Библий; в описании коллекции есть сведения и о 36-строчном издании[176]. С 1807 г. экземпляр находится в Национальной библиотеке в Париже[177].

Первые упоминания 36-строчной Библии в ученом мире прошли незамеченными. О книге заговорили после того, как в 1760 г. в Ульме вышла небольшая брошюра богослова и библиотекаря Иоганна Георга Шельхорна (1694—1773) «О древней латинской Библии, впервые напечатанной типографским способом»[178]. Шельхорн страстно пропагандировал мысль о том, что 36-строчное издание — вообще самая первая книга в мире. В XVIII—начале XIX в. это издание так и именовали Шельхорновской Библией. Экземпляр, который видел Шельхорн, в дальнейшем попал в Штутгартскую библиотеку[179].

Второй том 36-строчного издания с давних времен находился в коллекции итальянского библиофила, знатока латыни, греческого и древнееврейского языков Джан Винченцо Пинелли (1535—1601)[180]. В дальнейшем книга переходила из рук в руки и наконец в 1789 г. была куплена на аукционе в Лондоне лордом Дж. Дж. Спенсером. Позднее у Спенсера появился еще один, тоже некомплектный экземпляр. Доставил его

Шрифт B^{36}

лорду бенедиктинский монах Доминик (Жан Батист Можерар). Это была колоритная личность, склонная к спекулятивным авантюрам. В 60—80-х годах XVIII в. Можерар наезжал в Майнц и другие немецкие города, где скупал и выменивал старые книги, которые затем перепродавал с немалой для себя выгодой. Через его руки прошло немало и гутенберговских изданий. Среди них знаменитый экземпляр 42-строчной Библии с записью Кремера, который сейчас хранится в Национальной библиотеке в Париже. Из трех некомплектных томов Спенсер составил полный экземпляр, переплел его в два тома. Книга описана на страницах «Библиотеки Спенсерианы» Томаса Фрогнала Дибдина[181]. Собрание Спенсера, как уже известно, в дальнейшем попало в Манчестер, в мемориальную библиотеку Джона Райландса[182].

Ж. Б. Можерар добыл 36-строчную Библию и для

Университетской библиотеки в Иене. Экземпляр, поступивший в библиотеку в 1795 г., переплетен в два тома; в нем не хватает 18 листов [183].

В 1799 г. был описан полный экземпляр 36-строчного издания, который с 1780 г. находился в Университетской библиотеке Лейпцига [184].

В начале XIX в. отношение к 36-строчной Библии изменилось. Точка зрения Шельхорна оспаривалась. Г. В. Цапф, Ж. Б. Б. ван Прат, К. А. Шааб считали, что книгу напечатал не Гутенберг, а его ученик Альбрехт Пфистер, работавший в Бамберге в начале 60-х годов XV в. Об этой гипотезе речь пойдет ниже. Пока же отметим, что она более чем на полстолетия определила пониженное внимание исследователей к этому изданию.

В 1804 г. в научный оборот был введен новый экземпляр 36-строчной Библии, который был продан за 1200 франков Целестеном Штёклем, аббатом монастыря Меттен [185]. Шел слух, что книгу приобрел лорд Спенсер. На самом деле она поступила в Вольфенбюттельскую библиотеку [186].

В 1805 г. неполный экземпляр 36-строчного издания поступил из монастыря Хайльсброн в Университетскую библиотеку Эрлангена [187].

Томас Фрогнал Дибдин, рассказывая на страницах «Библиотеки Спенсерианы» о 36-строчной Библии, указал семь известных ему экземпляров [188]. Впервые здесь был упомянут экземпляр, который в 1814 г. был приобретен для английского короля Георга III. С 1829 г. книга находится в Британском музее [189]. Знал Дибдин и о 36-строчной Библии, хранившейся в императорской библиотеке в Вене. Он упомянул о ней в своем «Библиографическом, антикварном и изобразительном путешествии по Франции и Германии», увидившем свет в 1821 г. [190]

Новый список 36-строчных Библий, насчитывающий семь экземпляров, среди которых, однако, не было новых, опубликовал в 1824 г. Ж. Б. Б. ван Прат [191].

В 1830 г. Университетская библиотека в Грейфсвальде получила 937 старых книги из секуляризованной церковной библиотеки в Вольгасте. Среди них был и полный экземпляр 36-строчного издания [192].

Сведения об еще одном экземпляре, переплетенном в три тома, появились в 1875 г. [193] Дарственная запись на книге свидетельствовала о том, что эта Биб-

лия была в 1514 г. подарена монахами-августинцами из Нюрнберга своим собратьям в Антверпене. В XVI в. книга принадлежала знаменитому издателю и типографу Кристофу Плантену (ок. 1520—1589). Семья Плантенов—Моретюсов владела Библией около трех столетий. В настоящее время экземпляр экспонируется в Музее Плантена в Антверпене [194].

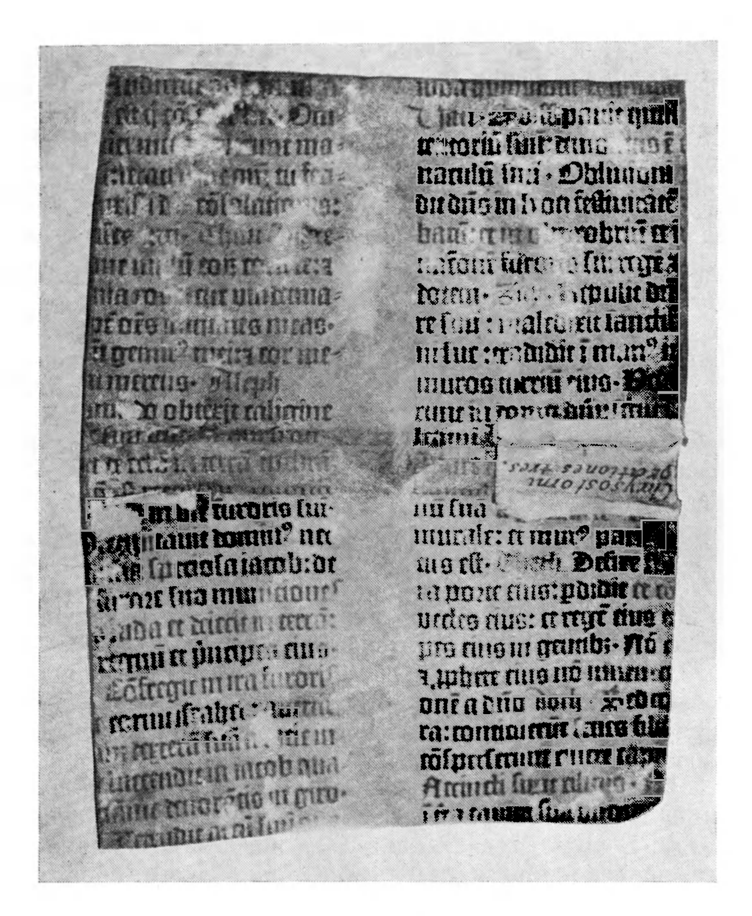
Первый том 36-строчной Библии находится в Университетской библиотеке в Вюрцбурге. В XVII в. он принадлежал некоему Иоахиму Шмидту, затем хранился в монастыре св. Маврикия в Гейденфельде [195]. Описан наконец экземпляр из библиотеки в Мюнхене.

За последние сто с лишним лет ни одного нового экземпляра 36-строчной Библии найдено не было. Хочется верить, что сенсационные находки еще впереди. Всего же на сегодняшний день известно 13 экземпляров. Все они напечатаны на бумаге. Когда-то были экземпляры и на пергамене, о чем свидетельствуют пергаменные фрагменты. По последним подсчетам их известно 102, причем один был недавно найден в Ленинграде и находится в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Учет фрагментов осуществил в 40-х годах нынешнего столетия Эрнст Фрейз. Статья его тогда опубликована не была. Она увидела свет лишь в 1975 г. в обработке и с дополнениями Хольгера Никеля [196].

В настоящее время в библиотеках 22 городов различных стран мира имеются 102 пергаменных фрагмента. В трех случаях одни и те же листы обнаружены одновременно в двух собраниях. Таким образом, можно с уверенностью говорить по крайней мере о двух пергаменных экземплярах 36-строчной Библии, которые со временем попали в макулатуру и были использованы переплетчиками.

Более определенные сведения о количестве экземпляров можно было бы получить, если точно знать, из каких переплетов извлечены все эти фрагменты и каково происхождение переплетов. Иначе говоря, если бы было известно, к какому количеству переплетных мастерских восходят переплеты, для подклейки которых использованы листы 36-строчного издания. Приведем характерный пример. В 1947 г. советский книговед Владимир Сергеевич Люблинский (1903—1968) обнаружил в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина небольшой фрагмент

Ленинградский фрагмент 36-строчной Библии

36-строчной Библии — пергаменный листок размером 260×187 мм, содержащий отрывок из Плача Иеремии[197]. Листок был использован в качестве обложки для брошюры, изданной в Мюнхене в 1612 г. На брошюре имелась запись 1615 г. о принадлежности ее мюнхенской иезуитской коллегии. В. С. Люблинский припомнил, что еще в каталоге Сеймура де Риччи указан фрагмент Библии, извлеченный из переплета книги, принадлежавшей в 1623 г. той же иезуитской коллегии[198]. Появилась, следовательно, возможность говорить об экземпляре, который в начале XVII в. был использован мюнхенским переплетчиком.

Список Фрейза-Никеля в ту пору еще не был опубликован. Ныне можно сказать, что в Мюнхене находятся 38 из 102 известных пергаменных фрагментов 36-строчной Библии, т. е. больше трети от общего числа. Не исключено, что все они восходят к одному экземпляру. Пример говорит об исключительной важности тщательного изучения всех сохранившихся фрагментов первопечатных изданий, что пока еще не делается.

Приведем теперь общее описание 36-строчной Библии. Книга напечатана «в лист» — на сфальцованных пополам листах. Комплектный экземпляр содержит 884 листа (из них 2 — пустые), или 1768 страниц, что почти на 500 страниц превышает 42-строчную Библию. Дело в том, что текст воспроизведен более крупным шрифтом, и на полосе набора вследствие этого поместилось 36 строк, а не 42, как ранее. Это привело к тому, что при подготовке 36-строчного издания бумаги и пергамена расходовалось на 36% больше, чем при наборе такого же количества экземпляров 42-строчной Библии.

Почему Гутенберг, имея уже экономичный шрифт B^{42}, набрал издание старым шрифтом *DK*? Об этом можно только догадываться. Если шрифт B^{42} перешел к Шефферу, как обычно утверждается, то почему Шеффер не использовал его для Библии 1462 г., а изготовил для нее новый шрифт? Как уже говорилось, логика в таких случаях бессильна. Московские первотипографы для трех изданий Четвероевангелия, вышедших одно за другим из одной и той же типографии, отлили три разных шрифта.

Отметим, что количество начертаний одноименных литер в 36-строчном издании меньше, чем в 42-строчном. Здесь всего 196 различных типографских знаков (в том числе 22 прописных и 164 строчных), а в 42-строчной Библии — 290. Это — определенный шаг вперед в стремлении преодолеть традиции рукописания.

Отпечатана книга в одну краску; инициалы и рубрики проставлялись от руки.

Г. Цедлер первоначально считал, что 36-строчная Библия была напечатана в 125 экземплярах на бумаге и 25 — на пергамене, а впоследствии снизил оценку соответственно до 36 и 4 экземпляров [199]. Последние числа кажутся нам заниженными. Трудно предположить, чтобы типограф осуществил трудоемкий и колос-

сальный по объему набор, чтобы отпечатать с него всего 40 экземпляров. Новейший исследователь Ф. Гельднер определяет тираж 36-строчной Библии в 80—90 бумажных и 10—20 пергаменных экземпляров [200]. Если принимать, что условия, повлиявшие на сохранность двух первопечатных Библий, одинаковы, а так, очевидно, и было, тираж изданий должен быть пропорционален числу сохранившихся экземпляров. Присоединяясь к оценке А. Руппелем тиража 42-строчной Библии — 185 экземпляров, путем несложных расчетов получим для 36-строчного издания 48 экземпляров. Возможно, тираж 42-строчной Библии был больше.

Когда, кем и где была напечатана 36-строчная Библия? На этот счет можно лишь строить гипотезы, ибо в самой книге выходных сведений нет. Исследователи, как всегда, используют косвенные данные. Ж. Б. Можерар в свое время подарил Национальной библиотеке в Париже последний лист второго тома интересующего нас издания, на котором рубрикатор красными чернилами проставил дату «1461» [201]. Книга, следовательно, была напечатана раньше. Ученые полагают, что этот фрагмент — последний лист из вольфенбюттельского экземпляра.

Другой фрагмент 36-строчной Библии был использован для переплета актовой книги аббатства св. Михеля в Бамберге; первая запись в книге сделана 21 марта 1460 г. [202]

Древнейший шрифт, применявшийся в Донатах и календарях, худшее качество набора — все это как будто говорит о том, что 36-строчная Библия напечатана раньше, чем 42-строчная. Так считали многие, пока Карл Дзяцко не сверил страницу за страницей и строку за строкой тексты обоих изданий [203]. Оказалось, что ошибки и особенности набора 42-строчной Библии почти дословно повторены в 36-строчной. Набирая 36-строчное издание, типограф использовал в качестве оригинала 42-строчную Библию. В одном случае он по ошибке перелистнул два листа, в результате чего две страницы текста оказались пропущенными. Впоследствии их пришлось допечатывать.

42-строчная Библия окончена в 1455 г. Значит, 36-строчное издание отпечатано в период между 1455 и 1460 гг., а скорее всего, в 1458—1459 гг. Шрифт *DK* в улучшенном варианте попал в руки Альбрехта Пфи-

стера, который в 1460—1463 гг. напечатал в Бамберге около 10 изданий. Пфистера и считали, а некоторые исследователи считают до сих пор типографом 36-строчной Библии. В этом случае приходится признать, что Библия — его первое издание. Но более поздние его книги напечатаны значительно хуже Библии. Кроме того, типограф 36-строчного издания использовал так называемую гутенберговскую систему набора, о которой речь пойдет ниже. Пфистер же ее не знал.

Печатниками Библии называли и других мастеров — странствующего типографа Иоганна Нумейстера и ученика Гутенберга Генриха Кеффера, упомянутого в Хельмаспергеровском нотариальном акте. Серьезных оснований для этого, по нашему мнению, нет.

И все же 36-строчная Библия связана с Бамбергом. В Ягеллонской библиотеке в Кракове хранится латинская рукопись XV в.— «Двадцать книг об искусстве» Павла Паулиринуса (Жидека) из Праги. На одной из страниц есть следующее известие, отнесенное к 1459 г.: «В это время один человек в Бамберге напечатал в течение четырех недель с помощью деревянных досок на прекрасном пергамене полную Библию» [204]. Сведения о продолжительности печати и использовании при этом ксилографического способа откровенно анекдотичны. Тем не менее историки связывают это известие с 36-строчным изданием.

С 18 мая 1459 г. епископом Бамберга был Георг I фон Шаумберг, проявлявший большой интерес к различным искусствам. В 1463 г. он подарил францисканскому монастырю в Кобурге пергаменную Библию. В 1941 г. три листка 36-строчной Библии, видимо из этого экземпляра, нашел Эмиль Герольд в переплете актовой книги архива в Кобурге [205]. О бамбергском происхождении издания свидетельствуют и другие экземпляры. Так, 36-строчная Библия, которая в настоящее время находится в Штутгарте, переплетена в XV в. бамбергским мастером, а на первой странице парижского экземпляра в инициал «*F*» вписан герб бамбергского каноника Петера Кнорра [206]. С Бамбергом связаны и некоторые фрагменты издания, между тем как в Майнце ни одного из них не нашли.

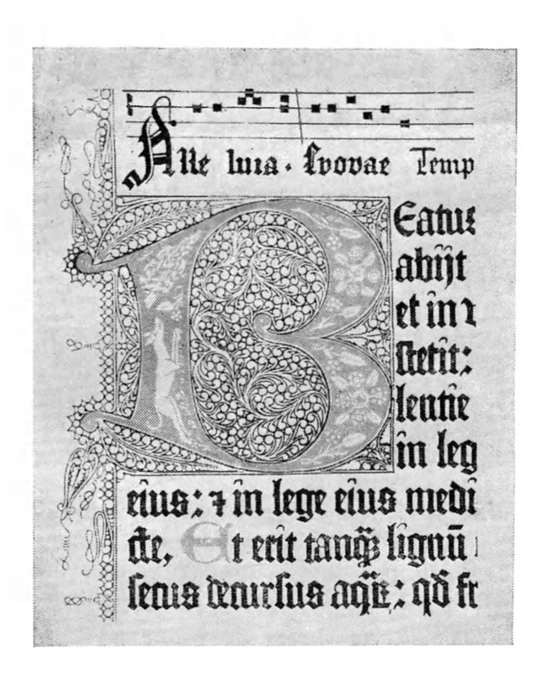
Все это заставило исследователей выдвинуть гипотезу о том, что Иоганн Гутенберг находился в Бамберге со второй половины 1457 г. по 1461 г. и напеча-

тал здесь 36-строчную Библию. В этот период источники не регистрируют его пребывания в Майнце. Финансировал издание Георг I фон Шаумбург, у которого как раз в ту пору служил секретарем Альбрехт Пфистер. Сближению Гутенберга с Георгом I, возможно, способствовал майнцский нотариус Ульрих Хельмаспергер, который был и бамбергским клириком. Пфистер же выучился типографскому делу у Гутенберга в пору печатания Библии. К нему впоследствии перешли оборудование и шрифты.

Псалтырь 1457 г. Как известно, 15 августа 1457 г. в Майнце вышла в свет роскошная крупноформатная Псалтырь, в колофоне которой указаны имена Иоганна Фуста и Петера Шеффера. Напечатана Псалтырь двумя крупными шрифтами. Исследователи почти единодушно считают, что эти шрифты изготовлены еще Гутенбергом в их совместной с Фустом типографии. Изобретатель предназначал шрифты для Большого Миссала, который так и не был напечатан. По мнению новейшего исследователя Отто Мазаля, сопроводившего подробным комментарием превосходное факсимильное издание Псалтыри, работа над книгой начиналась еще в совместной типографии Гутенберга и Фуста. Анализ типографского исполнения свидетельствует, что по крайней мере четыре тетради Псалтыри набраны под руководством самого изобретателя [207].

Псалтырь 1457 г. была введена в научный оборот задолго до гутенберговской Библии. Этому, видимо, способствовал тот факт, что издание датировано. В нем впервые в истории книгопечатания указано, кто, где и когда выпустил его в свет. Еще в 1643 г. экземпляр Псалтыри был найден в кафедральном соборе Фрайберга в Саксонии и десятилетие спустя описан [208]. Экземпляр сохранился. Вплоть до второй мировой войны он был гордостью Саксонской библиотеки в Дрездене [209]. В настоящее время книга находится в ФРГ, в Висбадене. Полный, хорошо сохранившийся экземпляр Псалтыри издавна хранился в Императорской библиотеке в Вене. Он был описан впервые в 1665 г.[210]

Всего в настоящее время известно 10 экземпляров Псалтыри 1457 г. Два экземпляра находятся в Париже, по одному — в Берлине, Вене, Висбадене, Анжере, Лондоне, Виндзоре, Манчестере, Дармштадте. Издание известно в двух вариантах — полном (175 л.) и сокра-

Alle luia. Evovae. Temp
Eatus
abijt
et in
stetit:
lentie
in leg
eius: et in lege eius medi
die. Et erit tanq lignu
secus decursus aqu: qd fr

Инициал из Псалтыри 1457 г.

щенном (143 л.). Каждый вариант сохранился в пяти экземплярах.

Формат издания 408×300 мм (такие размеры имеет хорошо сохранившийся венский экземпляр). Отпечатана книга «в лист» и составлена преимущественно из 10-листных тетрадей (хотя есть и тетради из 6, 8, 9 и 11 листов). В отличие от первопечатных Библий печать Псалтыри одноколоночная. В два столбца набран текст лишь на листах 137 об., 138, 138 об., 139. На полосе размещено по 20 строк крупного шрифта или по 24 строки мелкого. Кегль крупного шрифта 14,6 мм, или 38,8 типографских пунктов, что примерно соответствует современному «большому канону». Кегль мелкого (на самом деле он тоже крупный) шрифта 12,0 мм, или 31,9 пунктов (примерно «малый канон»). Как в первом, так и во втором шрифте много одноименных литер: в крупном — 200 строчных (включая 61 лигатуру) и 31 прописная, в мелком — 176 строчных (57 лигатур) и 34 прописных.

Псалтырь во многих отношениях была пионерским

изданием. Как уже говорилось, в ней впервые появились выходные сведения. Впервые же была воспроизведена типографским способом орнаментика — прекрасные декоративные инициалы. Они отпечатаны в две краски — синим воспроизведен сам инициал, а красным — окружающий его орнамент. Вместе с черной краской основного текста это дает трехкрасочную печать. Псалтырь — первый опыт использования многокрасочной полиграфической техники.

Инициалы выполнены в трех размерах — высотой в 6, 5 и 3 строки. На первой полосе книги — большой инициал «*B*» (88×88 мм), на вертикальном штамбе которого изображена собака, преследующая птицу. Кроме двухкрасочных инициалов, в книге есть напечатанные красным инициалы-ломбарды, которыми начинается каждая новая фраза.

О технике многокрасочной печати, использованной в Псалтыри, речь пойдет в следующей главе. Пока же отметим, что это издание — значительный шаг вперед в становлении и развитии полиграфических способов репродуцирования.

На последней странице книги вслед за колофоном, содержащим выходные сведения, отпечатана типографская марка Фуста и Шеффера. И это делалось впервые в истории книгопечатания. Правда, марка есть лишь в одном из десяти сохранившихся экземпляров Псалтыри. Это позволило некоторым ученым утверждать, что она была допечатана позднее, не ранее 1462 г., когда такая же марка появилась в Библии Петера Шеффера и Иоганна Фуста.

«Католикон» 1460 г. Среди ранних майнцских изданий встречается и «Католикон» — сочинение монаха-доминиканца Иоанна Бальбуса (ум. 1298 г.) из Генуи. Труд, представлявший собой латинскую грамматику и толковый словарь, в основу которого положена библейская фразеология, был весьма популярен в средневековой книжности, его многократно переписывали. Древнейшие списки «Католикона» относятся к XIII в.; они находятся в Ватикане и в Эскориале (Испания). Сохранилось 188 рукописей «Католикона», созданных в XIV—XV вв.

Издание, о котором идет речь, замечательно своим колофоном, который гласит: «Всевышнего помощью, волею которого язык младенцев становится красноре-

Altissimi presidio cuius nutu infantium lingue fi
unt diserte. Qui q; nio sepe puulis revelat quod
sapientibus celat. Hic liber egregius. catholicon.
dnice incarnacionis annis M cccc lx Alma in ur
be maguntina nacionis inclite germanice. Quam
dei clemencia tam alto ingenii lumine. dono q; g
tuito. ceteris terrarum nacionibus preferre. illustrare
q; dignatus est Non calami. stili. aut penne suffra
gio. s; mira patronarum formarum q; concordia ppor
cione et modulo. impressus atq; confectus est.
hinc tibi sancte pater nato cu flamine sacro. Laus
et honor dno trino tribuatur et uno Ecclesie lau
de libro hoc catholice plaude Qui laudare piam
semper non linque mariam DEO. GRACIAS

Колофон Католикона 1460 г.

чивым и который часто малым открывает, что от умудренных скрывает, эта превосходная книга Католикон в год воплощения господня 1460 в благодатном городе Майнце прославленной германской нации, которая божьей милостью перед остальными нациями земли удостоена даром столь высокого ума ради предпочтения и прославления, не посредством калама, стиля или пера, а через чудесное пунсонов и матриц соответствие, пропорцию и соразмерность напечатана и завершена» [211].

Имени Гутенберга в колофоне, как видим, нет. Разные историки приписывали это издание разным типографам. Кроме Гутенберга, называли имена Фуста и Шеффера, неизвестного типографа, будто бы работавшего в Майнце в 1450—1460 гг., и, наконец, эльтвилльских типографов братьев Бехтермюнце, в руки которых в дальнейшем попали матрицы «Католикона».

Версию «Фуст—Шеффер» наиболее подробно обосновал А. Руппель. Он мотивировал свои доводы тем, что в период между 1459 г., когда вышло в свет издание «Rationale divinorum Officiorum» Г. Дуранти, и 1462 г., когда увидела свет 48-строчная Библия, мы не знаем ни одного сколько-нибудь объемного издания, напечатанного в этой хорошо поставленной и весьма продуктивной мастерской. Руппель указал также, что «Католикон» внесен в издательский каталог Шеффера, выпущенный в 1469—1470 гг. [212] В пользу версии

как будто бы говорила и находка Г. Цедлера, обнаружившего корректурные оттиски «Католикона» в переплете одного из изданий Петера Шеффера.

В 60—70-х годах XX в. в гутенберговедении господствовало мнение, что типографом «Католикона» был сам изобретатель книгопечатания. Тезису о необъяснимой паузе в издательской деятельности Шеффера новые историки противопоставили утверждение о том, что пауза была оправданной, ибо вызвана финансовыми затруднениями после выпуска в свет громоздких, требовавших колоссальных затрат изданий, и прежде всего Псалтырей 1457 и 1459 гг. (По нашему мнению, как тезис, так и антитезис достаточно субъективны.)

Указывалось, наконец, что каталог Шеффера был скорее книготорговым, чем издательским: в нем можно встретить издания и других типографов. Что же касается корректурных листов «Католикона», то их появление в переплете одного из изданий Шеффера могло быть чисто случайным [213].

Прежде чем рассказать о последних, по-своему сенсационных исследованиях «Католикона», познакомимся с этим изданием. «Католикон» напечатан «в лист», в две колонки. В книге 373 листа, или 746 страниц. Отпечатана она убористым шрифтом, кегль которого равен 4,1 мм, или 10,9 типографских пунктов, что близко к современному шрифту «корпус». Столь мелких шрифтов история книгопечатания еще не знала. На полосе размещено 66 строк, в каждой из которой (в одной колонке) в среднем 46 литер. Ученые подсчитали, что если бы книга набиралась шрифтом B^{42}, она имела бы 2083 страницы [214].

Сохранилось 75 экземпляров «Католикона», 11 из них — на пергамене. Леонгард Хоффман считал, что первоначально было издано 240 бумажных и 30 пергаменных экземпляров. По его мнению, расходы на издание составляли не более 2000 гульденов, а стоимость реализации 11 250 гульденов [215]. Издание, таким образом, принесло большую прибыль.

Наиболее подробно и тщательно «Католикон» изучил Готфрид Цедлер, посвятивший этому изданию хорошо документированный труд, увидевший свет в 1905 г.[216] Цедлер обратил внимание на то, что сохранившиеся экземпляры «Католикона» отпечатаны на бумаге трех сортов с тремя различными филигранями. В пределах одного экземпляра бумага не смешана, она

всегда одна и та же. Обнаружено 18 экземпляров на бумаге с водяным знаком «Голова быка с андреевским крестом между рогами», 26 — с водяным знаком «Литера С», 22 — с водяным знаком «Корона».

Цедлер установил, что отверстия на листах от игл, на которые листы накалываются при подаче их на декельную рамку типографского станка, размещены по-разному. В специальной литературе такие отверстия называют пунктурами. В пергаменных экземплярах «Католикона» пять пунктур, в экземплярах на бумаге «Голова быка» и «Литера С» — четыре, в экземплярах на бумаге «Корона» — только две. Расстояние между пунктурами различно; это свидетельствует, что издание печаталось по крайней мере на четырех типографских станках.

В последнее время Теодор Герарди с помощью новейших методов изучил филиграни бумаги «Католикона»; его работы продолжили в 1980 г. Ева Цише и Дирк Шнитгер, применившие для этой цели электронно-рентгенографический анализ [217]. Результаты исследования поставили Герарди в тупик. Он установил, что бумага со знаком «Голова быка» использовалась в период с 1454 по 1466 г., со знаком «Литера С» впервые появилась лишь в 1468 г., а со знаком «Корона» — еще позднее. Свое недоумение Герарди выразил в названии статьи, опубликованной в 1973 г.: «Когда в действительности был напечатан „Католикон" с колофоном 1460 г.?» [218].

В свою очередь, Е. Цише и Д. Шнитгер установили, что экземпляры «Католикона» с филигранью «Голова быка» напечатаны в 1460 г., со знаком «Литера С» — в 1468—1469 гг., с филигранью «Корона» — в 1472 г. Таким образом, Гутенбергу можно приписать лишь первое из этих изданий. По мнению этих исследователей, второе и третье издания выпустил Петер Шеффер, который в точности, буква за буквой, повторил издание Гутенберга тем же самым шрифтом.

При любой перепечатке с новым набором неизбежны корректурные исправления, варианты, наконец, просто опечатки. Но набор во всех трех изданиях был одним и тем же. Предположить, что первоначальный набор сохранялся в течение 12 лет, никто из исследователей не решился. 746 полос «Католикона» содержали около 100 тысяч литер. Отлить такую массу шрифтовых знаков и «заморозить» их на 12 лет — этого не

мог позволить себе и самый богатый типограф! Современному исследователю сразу бы пришла в голову мысль о стереотипии, но этого процесса в ту пору не существовало.

Сенсационное решение проблемы предложил в 1982 г. американский исследователь Пол Нидхем[219]. По его мнению, «Католикон» напечатан не с помощью подвижного шрифта. Его полосы составлены из цельных двойных строк, собранных в колонки и в страницы. После печатания строки были сохранены и впоследствии использованы для допечатки тиража.

Надо сказать, что еще Цедлер, а до него Адольф Шмидт заметили, что двойные строки играют в «Католиконе» совершенно особую роль[220]. В старопечатных, да и в новых, изданиях, нередко можно встретить перевернутые, поставленные «вверх ногами» литеры. В «Католиконе» таких нет. Но зато Цедлер обнаружил в первой колонке листа 131 целых две строки, поставленные «вверх ногами». При этом строки поменялись местами — сверху оказалась строка 36, а снизу — 35. В других экземплярах эти строки стоят правильно, причем оттиск, вне всякого сомнения, произведен с того же самого набора.

В конце листа 189 оставлено 12 пустых строк. Типограф заполнил их не пробельным материалом, а набором, который при печати не был набит краской. Так называемый слепой оттиск дали строки 13, 14, 11, 12, 9, 10 набора колофона с листа 372, т. е. знакомые нам пары «нечетная—четная строка». Интересно, что при печатании 189 листа книги уже существовал набор ее последнего листа. В случае набора подвижным шрифтом так обычно не бывает: набор и печатание осуществляют параллельно, с тем чтобы использовать минимальное количество шрифта. Этот слепой оттиск Цедлер нашел в экземпляре с филигранью «Литера С», а в экземпляре с водяным знаком «Корона» на том же месте были поставлены совсем другие строки, к тому же перевернутые: 5, 6 и 3, 4 (л. 170 об.). Прокомментировать странности набора «Католикона» Цедлер не сумел. Но они легко объясняются с помощью гипотезы Пола Нидхема. Американский исследователь, изучив многие экземпляры «Католикона», обнаружил и новые примеры той особой роли, которую играют в этом издании комбинации четных и нечетных строк. Во второй колонке л. 38 экземпляра из собрания Д. П. Моргана

он заметил сдвиг строк по сравнению с остальными. Надо сказать, что выключки строк типограф «Католикона» не делал. Все строки здесь разной длины. Но зато левая сторона колонок образует прямую линию. Так вот на л. 38 две строки (опять-таки две!) — 7 и 8 сдвинуты влево, а на л. 5 об. (во второй колонке) строки 51 и 52 сдвинуты вправо. Нидхем обнаружил также несколько случаев нового набора, и в каждом из них переливались сразу две строки.

Гипотеза Нидхема, а нам представляется, что сейчас ее уже можно считать доказанной, поставила перед исследователями серьезные вопросы, ответы на которые по сей день не даны. Прежде всего следует решить, каким способом изготовлялись двойные строки. В этой связи надо вспомнить аббата Тритемия, утверждавшего, что Гутенберг и Фуст «прежде всего напечатали словарь, известный под именем „Католикон", потом они начертали последовательность букв на деревянных досках и составили вместе формы. Однако этими формами они не могли ничего другого напечатать, так как буквы нельзя было отделить от досок и они не были подвижными, но как говорилось выше, были выгравированы»[221]. Из заключения аббата как будто бы вытекает, что «Католикон» печатали ксилографическим способом — с цельных, гравированных на дереве форм. Но согласиться с этим нельзя. В том, что оттиск сделан с набора, убеждают совершенно идентичные одноименные знаки (при наличии, впрочем, нескольких графических форм каждого знака). Строки несомненно отливались в матрицы. Но как? Мы постараемся разобраться в этом в следующей главе.

Зачем было в 1460 г. при наличии хорошо отработанной и проверенной в 42-строчной Библии техники набора подвижными литерами применять трудоемкую технику изготовления двойных строк? Кто был человек, использовавший эту технику? Можно ли продолжать связывать печатание «Католикона» с именем Иоганна Гутенберга? На все эти вопросы исследователям еще предстоит ответить. Пока же отметим, что с помощью тех же матриц и, возможно, в той же технике отпечатаны и другие издания.

Это прежде всего «Трактат» Матвея Краковского, который в 1405—1410 гг. был епископом в Вормсе. Книга эта, как считают исследователи, вышла в свет еще до «Католикона» 1460 г. Сохранилось 42 экземп-

ляра, один из них находится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина [222]. Строки «Трактата» отлиты на больший кегль, чем строки «Католикона», а именно на 4,8 мм. Отпечатана книга в четвертую долю листа.

В таком же формате отпечатаны 34-строчное и 36-строчное издания «Трактата» Фомы Аквинского. Это небольшие брошюры в 12 и 14 листов. 34-строчное издание известно в 35 экземплярах, а 36-строчное — в шести. Печатались они, скорее всего, одновременно с «Католиконом».

С помощью тех же матриц напечатаны индульгенция в пользу монастыря Нойхаузен, сгоревшего в июле 1460 г. во время «архиепископской войны», а также недавно найденная индульгенция 1464 г. генерала ордена Тринитариев Радульфуса [223].

Изобретение

Историки книгопечатания до сих пор не ответили на вопрос, который должен бы стать основным в гутенберговедении: что изобрел Иоганн Гутенберг? Простейший ответ — книгопечатание. Но тогда напрашивается другой вопрос: а что такое книгопечатание? Прежде всего думаешь о том, что до Гутенберга книги переписывали от руки, а он предложил их печатать, или, как говорят сейчас, воспроизводить полиграфическим способом. Разберемся же, в чем суть полиграфического процесса, составляющего материально-техническую основу книгопечатания.

Исходные материалы для такого процесса — типографская краска и листы пергамена или бумаги. Краску нужно перенести на бумагу так, чтобы она попала лишь на строго определенные участки листа, образовав на нем некоторый текст или изображение. Чтобы осуществить это, необходимо подумать о создании так называемой формы — поверхности, на которой формируется необходимое нам изображение.

Какой должна быть эта поверхность? Попробуем нанести краску на гладкую и ровную металлическую пластину, а затем прижать к этой пластине лист бумаги. Краска перейдет на лист и создаст на нем сплошную закрашенную плашку. Чтобы краска не переходила на какие-то участки, нужно соответствующим образом обработать отдельные места пластины. Участки пластины, которые передают краску на лист, называют печатающими, а которые не передают — пробельными. Самое простое — разделить эти участки в пространстве, сделать одни возвышенными, а другие углубленными. Для этого надо взять острый инструмент и углубить на нашей пластине те места, которые не должны передавать краску на бумагу. В этом случае, как сейчас говорят полиграфисты, получается форма высокой, или типографской, печати. Когда мы будем наносить на такую поверхность краску, она, естественно, ляжет на возвышенные участки, и именно они впоследствии

войдут в соприкосновение с листом бумаги. С таким простейшим случаем мы и встречаемся у Гутенберга. Впоследствии будут созданы другие способы изготовления печатной формы, но о них позже.

Итак, начальная стадия полиграфического процесса — изготовление печатной формы. Гутенберг, как уже говорилось, размножал лишь тексты, иллюстраций в его книгах не было, хотя он и задумывался над тем, как их воспроизводить. Можно делать текстовую форму, гравируя на металлической пластине зеркальные изображения букв, слов, фраз. Но процесс этот трудоемок, и Гутенберг пошел по другому пути. Он не гравировал форму, а составлял ее из заранее изготовленных отдельных элементов — литер. Каждая литера представляла собой металлический брусок с рельефным зеркальным изображением той или иной буквы или какого-либо знака.

Преимуществ у наборной формы несколько. Первое — простота изготовления: форма составляется из уже готовых элементов. Второе преимущество — возможность повторного и неоднократного использования отдельных элементов для воспроизведения различных текстов в разных книгах. В описанном выше случае для каждого текста нужно было гравировать свою форму, которую после отпечатывания тиража приходилось выбрасывать. Третье преимущество — легкость процесса исправления, корректуры формы. Отдельную литеру, поставленную не на свое место, заменить проще, чем исправлять ошибку в цельной гравированной форме.

Для изготовления наборной формы необходимо большое количество одноименных литер. Гравировать каждую из них — процесс трудоемкий и длительный. Иоганн Гутенберг разработал рациональный способ размножения самих литер. Он гравировал рельефное зеркальное изображение буквы лишь единожды на стальном бруске — пуансоне, а затем вдавливал брусок в пластину из мягкого металла, получая матрицу — углубленное прямое изображение буквы. С помощью матриц, вставляемых в специальный, сконструированный Гутенбергом инструмент, можно было отлить из особого сплава сколь угодно большое количество литер.

Теперь можно наметить составные части полиграфического процесса, созданного Иоганном Гутенбергом:

1. Словолитный процесс — изготовление одних и тех же литер в достаточно большом количестве экземпляров.

2. Наборный процесс — изготовление печатной формы, составленной из отдельных, заранее отлитых литер.

3. Печатный процесс — множественное изготовление красочных оттисков, получаемых с помощью наборной формы.

Чтобы все эти процессы стали реальностью, необходимо было предварительно решить ряд инженерных и технологических проблем. Словолитный процесс можно было осуществить, создав надежный словолитный инструмент и подобрав составляющие для легкоплавкого сплава. Наборный процесс также нуждался в сравнительно несложном инструментарии — в кассах для хранения литер и верстаках для их набора. Наконец, печатный процесс требовал механизации. С этой целью Гутенберг сконструировал типографский станок.

Изобретение, как видим, было многоаспектным, оно как бы складывалось из многих новаторских предложений. Отдельные части полиграфического процесса были известны и до Гутенберга. Это ни в коей мере не умаляет заслуг великого немца. Но историку техники надлежит разобраться в том, когда возникли материально-технические основы книгопечатания и какой путь они прошли.

Штампы. Истоками полиграфического процесса можно считать бескрасочное формование рельефных изображений. Суть способа состояла в изготовлении рельефной печатки-штампа и в оттискивании с ее помощью рисунков, а впоследствии и текстов на мягком материале — глине, коже... Способ возник на заре человеческой цивилизации одновременно в самых различных уголках земного шара и был связан преимущественно с воспроизведением знаков собственности, удостоверяющих личность владельца. Очень рано появились синтетические шрифтовые и изобразительные печатки-штампы. Немало таких штампов породила во многом загадочная цивилизация Мохенджо-Даро, существовавшая в III—II тысячелетиях до н. э. в долине р. Инд на северо-западе п-ова Индостан[1]. Кроме шрифтовых знаков, на печатках изображены слоны, буйволы, ящеры. Некоторые исследователи утверждают, что все эти плакетки были амулетами и не пред-

назначались для оттискивания. В таком случае нельзя объяснить, почему они сделаны выпукло-рельефными.

Никаких сомнений не вызывает функциональная предназначенность печаток народов Месопотамии. Они выполнены в виде цилиндриков — специально, чтобы облегчить оттискивание [2]. Делали их из камня, гравируя на его поверхности углубленные изображения. Когда печатку прокатывали по мягкому материалу, на его поверхности оттискивалось выпуклое изображение. Такие печатки бытовали в Двуречье еще в дописьменный период — в IV—III тысячелетиях до н. э. Широкое распространение они получили в Вавилоне и Ассирии.

Принцип тиснения издавна использовался и при изготовлении монеты. С монетным производством Иоганн Гутенберг был знаком с детства, ибо отец его был рехенмайстером Майнца и отвечал за чеканку монеты.

Более близкий к пашей теме пример — тиснение на кожаных книжных переплетах. Заметим, кстати, что печатная книга полностью и без каких-либо изменений заимствовала переплетную технику рукописания. В этой области ни Гутенберг, ни его последователи не сказали ничего нового. В то же время в переплетном деле было много такого, что могло натолкнуть па мысль о полиграфическом процессе.

Книжный переплет возникает с появлением кодекса в I—II вв. н. э. (если не считать переплетами футляры древнейших свитков). Тогда же переплеты начали украшать. На коже, которой обивали деревянные доски, служившие переплетными крышками, вырезали различные орнаментальные узоры, а затем и фигурные изображения. Переплеты уже в VIII в. украшали с помощью так называемого слепого (бескрасочного) тиснения. Один из старейших примеров — кодекс Бонифация I в Фульде с переплетом ирландской работы [3]. В готическом переплете такая техника становится широко распространенной. Используют ее и в славянских странах. Кроме обычных плоских штампов, которые разогревали и прижимали к коже, в инструментарии переплетчика появляются различные их модификации, позволяющие увеличить, а точнее, удлинить размеры изображения. Среди них всевозможные качалки и так называемые дорожечники — закрепленные на ручке подвижные цилиндрики, покрытые орнаментальной резьбой. Здесь использован тот же прин-

цип воспроизведения рельефных изображений, что и в цилиндрических печатках Двуречья.

По крайней мере в XIV в. на переплетах появляются надписи, оттиснутые штампами. Многочисленные примеры приведены в работах Ганса Лубье, Павлины Хамановой и других историков [4].

Повторяемость штампов орнаментальных изображений не могла не навести на мысль об аналогичном оттискивании надписей. Отсюда прямая дорога к наборному принципу.

Диск из Феста. Печатка-штамп гравируется один раз и навсегда. Все рельефные оттиски, полученные с ее помощью, одинаковы. Это хорошо для репродуцирования изображения. Иное дело — текст. Любая надпись складывается из отдельных, периодически повторяющихся знаков. Человеку, который гравировал штампы, не могла не прийти в голову мысль о том, что, многократно вырезая один и тот же штамп, оп повторяет одну и ту же операцию. Мысль эта, правда, возникала лишь в том случае, если работа была систематической. Гравер, воспроизводящий надписи эпизодически, о повторяемости знаков не задумывался.

Человек склонен к рационализации, к стремлению упростить и облегчить свой труд. В нашем случае рационализировать его можно следующим образом. Вместо того чтобы многократно гравировать различные надписи, следовало изготовить рельефные зеркальные изображения отдельных знаков. Из них можно составлять штампы для воспроизведения самых различных надписей. Допустимо и повторное использование каждого штампика-литеры. Если же тиснение производилось на мягком материале, например на глине, то вообще можно оттискивать один штампик за другим, не собирая их предварительно в общую печатку.

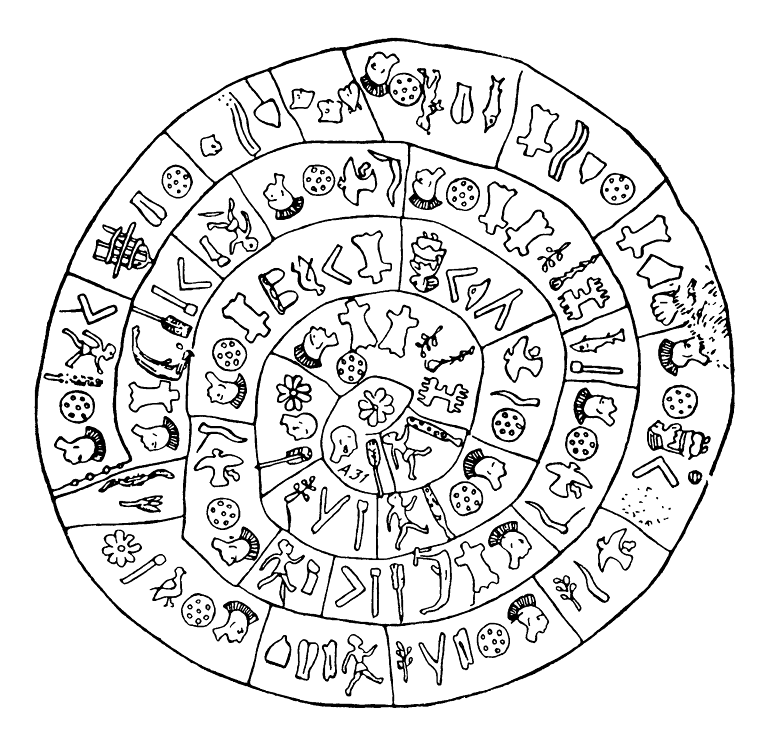
Такая идея была постигнута на заре европейской цивилизации — в Крито-Минойскую эпоху. На острове Крит еще на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. возникла развитая система письменности, которая была сначала пиктографической, затем идеографической и, наконец, лого-силлабической, или словесно-слоговой. Уже в III тысячелетии до н. э. здесь применялись печатки-штампы с пиктографическими изображениями [5]. Как и большинство печатей, они использовались в качестве личных знаков собственности.

В 1908 г. итальянский археолог Луиджи Пернье, раскапывая царский дворец в г. Фест, отыскал небольшой — диаметром около 16 см — диск, изготовленный из обожженной глины. С обеих сторон он был покрыт множеством размещенных по спирали рисуночков, сгруппированных и помещенных в прямоугольные ячейки. Всего таких ячеек 30 с одной стороны и 31 — с другой. В каждой ячейке по 2—7 знаков, общее количество их 241. Ученые сразу заметили, что рисуночки повторялись. Неповторяющихся знаков было всего 45 [6]. Не будем рассказывать о дешифровке надписи диска из Феста — это была трудная задача. Однако отметим, что уже первые исследователи установили: одни и те же рисуночки-знаки оттиснуты одним штампом. В распоряжении человека, изготовившего диск, было 45 предварительно выгравированных штампиков, которые оп последовательно оттискивал на сырой глине.

То, что эта техника не была уникальной, доказала находка, о которой стало известно в 1970 г. На Крите нашли оттиск на глиняной пластиночке знака, изображающего как бы двустороннюю гребенку с ручкой посередине [7]. Точно такой же знак и с того же самого штампика оттиснут на диске из Феста.

Так, едва ли не впервые был использован принцип, впоследствии положенный в основу изготовления текстовой печатной формы. Техника эта называется наборной. Однако до изобретения книгопечатания, ядро которого она составляет, было еще далеко. Общественной потребности в наборных печатках-штампах не существовало. Огонек идеи, зажженной на Кипре, веками тлел, а порою и затухал.

Какую-то наборную технику использовали древние римляне. Об этом свидетельствует загадочная фраза в одном сочинении Марка Туллия Цицерона (106—43 до н. э.). Опровергая доводы адептов случайного происхождения мира и видя во всем волю бессмертных богов, прославленный древнеримский оратор писал: «Кто верит в возможность этого, почему ему не вообразить, что если бы бросили на землю известное количество знаков, сделанных из золота или из другого материала и представляющих двадцать одну букву,— они могли бы упасть, приняв такой порядок, что образовали бы при чтении „Анналы“ Энния? Сомневаюсь, чтобы случай дал возможность прочесть хотя бы один

Диск из Феста

стих»[8]. Напомним, что Квинт Энний — римский поэт и драматург, живший в III—II вв. до н. э., а «Анналы» — его знаменитая эпическая поэма, в которой рассказывалось об истории древнего Рима.

Для какой цели могли быть использованы буквы, изготовленные из металла? Сейчас трудно ответить на этот вопрос. Быть может, это все те же печатки-штампы, что и на Крите, а может, кубики для обучения детей чтению. Некоторые авторы шли дальше и утверждали, что древним римлянам было известно книгопечатание. В Майнцском музее древней истории можно видеть отдельно отлитые металлические буквы древнеримской латиницы. По краям — небольшие дырочки для гвоздей, которыми буквы прикрепляли к отструганной доске, составляя надписи[9]. Это был принцип набора, так сказать, в чистом виде.

Древние римляне объединили набор с тиснением, конечно же не зная об аналогичных опытах на Крите.

Во множестве сохранились римские золотые, серебряные или бронзовые кольца, на внутренней или внешней поверхности которых выгравированы имена или девизы. Иногда надписи штамповали с помощью отдельных пуансонов. В музее Дармштадта хранится кольцо с тисненной штампами надписью: «Memini tui memini et amo» («Помню тебя, помню и люблю») [10]. Стальными пуансонами римляне маркировали оружие, металлическую посуду. «Римлянам оставалось сделать один шаг, одно простое соображение для того, чтобы открыть книгопечатание...,— полагал академик В. И. Вернадский.— Но этого шага не было сделано» [11].

Наборные штампы европейского средневековья. Огонек продолжал тлеть, и варвары, разрушившие Рим, порой старались раздуть его. По-прежнему бытовали детские кубики с буквами, а значит, жив был принцип набора.

В IV в. один из ранних христианских писателей, блаженный Иероним (ок. 347—420), который перевел Библию на латинский язык (этот перевод использован и в изданиях Гутенберга), написал книгу «О воспитании отроковицы». На одной из страниц находим совет, как обучать девочку грамоте: «Нужно сделать ей буквы либо буковые, либо из слоновой кости и назвать их ей. Пусть играет с ними и, играючи, обучается, и пусть она запоминает не только порядок букв и не только по памяти напевает их названия, но пусть ей неоднократно путают и самый порядок, перемешивая средние буквы с последними, начальные со средними, дабы она знала их не только по звуку, но и по виду» [12].

Не было забыто в средние века и тиснение отдельными штампами. Один из исследователей раннего книгопечатания Отто Хупп опубликовал в 1906 г. сведения о глиняной плите размером 400×260 мм, обнаруженной в бенедиктинском монастыре Прюфенинг близ Регенсбурга [13]. На плите была латинская надпись, сделанная 12 мая 1119 г. по случаю освящения монастырской церкви и содержащая перечисление святынь, которые хранились в алтаре. Хупп установил, что буквы оттиснуты с помощью отдельных штампиков, изготовленных из дерева, а может быть, и из металла. Надпись содержит 17 строк, в каждой из них по 20—22 буквы. Вдавлены они на глубину около 2 мм. Высо-

та каждой буквы 16—17 мм. Общее число штампов — 30. По краям надписи — орнаментальная рамка, также оттиснутая отдельными штампиками.

В 1885 г. в Англии в аббатстве Чертси была раскопана кирпичная мостовая, сооруженная, как установили ученые, между 1253 и 1258 гг. На кирпичах были надписи, оттиснутые отдельными штампиками [14].

Выше уже говорилось о тиснении орнаментальных украшений и надписей на книжных переплетах. В XV в. еще до изобретения книгопечатания такие надписи начинают воспроизводить с помощью отдельных штампов. Монах-доминиканец Конрад Форстер из Ансбаха, работавший в 1435—1457 гг., изготовил несколько комплектов штампов для тиснения строчных и прописных литер. Древнейший из этих комплектов имеет кегль 10 мм, более поздний — 11,5 мм. Форстер переплетал книги для монастырей в Нюрнберге и Вюрцбурге, многие из них сохранились [15]. На оттисках букв превосходно видны границы отдельных штампов.

Форстер не был одинок. Аналогичную технику использовали Иоганн Вирсинг из Айхштетта, Иоганн Рихенбах из Гейстлингена — переплетчики цистерцианского монастыря Мариенфельд неподалеку от Мюнстера [16]. Все они работали в то время, когда Иоганн Гутенберг задумывался над своим изобретением. И конечно же, приемы воспроизведения надписей на переплетах могли стать одной из технических предпосылок типографского искусства.

Печать по ткани. Человечество было издавно знакомо и с печатным процессом. Первым материалом, на котором люди научились оттискивать красочные изображения, была ткань. Процесс именуют набойкой или набивкой. Смысл его состоит в следующем. Прежде всего изготовляют так называемую модель — гравированную на дереве форму с рельефным зеркальным изображением узора, который хотят воспроизвести на ткани. Поверхность модели покрывают краской и плотно прижимают к натянутому полотну. Модели делают из цельного куска твердого дерева — груши, ореха, клена... Гравированный узор может иметь как выпуклую, так и углубленную форму. В последнем случае окрашивается фон, а сам узор остается в цвете ткани.

Какие-то примитивные методы печати по ткани су-

ществовали уже в доисторическую эпоху. Широко распространены они были в античности. История набойки с достаточной полнотой и тщательностью изучена швейцарским исследователем Робертом (Эдуардом) Форрером (1866—1947) [17].

Древнейшим сохранившимся изделием из набивной ткани считают тунику IV в. н. э., найденную в 1894 г. в детской гробнице Панаполиса в Верхнем Египте [18]. На европейском континенте набойка бытовала по крайней мере уже в VI в. Об этом свидетельствуют узорные ткани, обнаруженные в гробнице св. Цезария (502—543), епископа Арля.

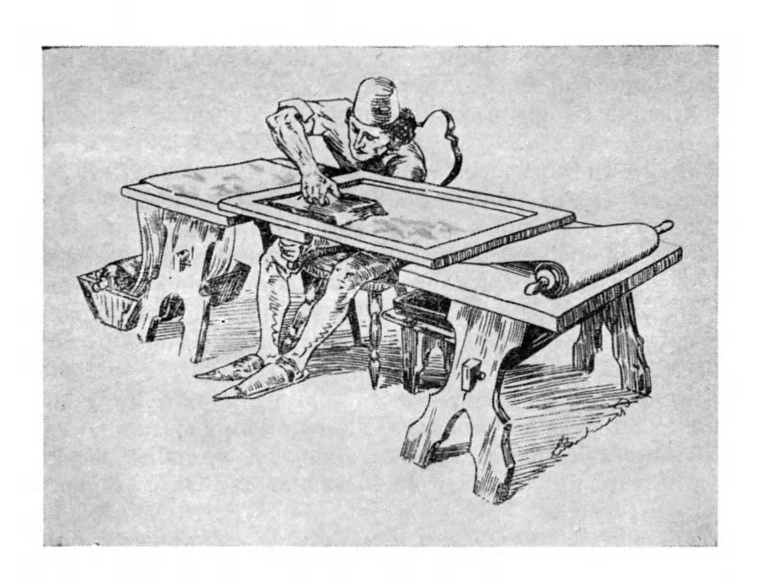
Старейшие отечественные примеры относят к X—XI вв. Так датируют шерстяную ткань с правильным геометрическим узором, выполненным черной краской, найденную в курганах на берегу Бабиничи у села Левинки на Черниговщине [19].

Широко распространена набойка в европейском средневековье. Постепенно меняется ее характер. Наряду с орнаментальными узорами на ткань начинают наносить фигурные изображения. По Р. Форреру, они появляются в середине XIV в.

Древнейшая сохранившаяся модель — ее датируют 1379 г.— это фрагмент распятия, обнаруженный при разборке старого дома в деревушке Ферте-сюр-Гронь (департамент Соны и Луары во Франции) [20]. В течение нескольких столетий доска с фрагментом служила ступенькой лестницы. Размеры гравюры (600×230 мм, толщина 25 мм) свидетельствуют, что она была предназначена для печати по ткани, ибо максимальный формат бумажных листов того времени 600×400 мм. Особый интерес для нас представляет тот факт, что на гравюре изображена ленточка с надписью. Значит, в ту пору уже умели репродуцировать с помощью печатного процесса и текстовые материалы.

В конце XIV—начале XV в. в Германии одним из центров набойки становится монастырь св. Екатерины в Нюрнберге. Сохранился фрагмент изготовленной здесь ткани, на которой белым штрихом по зеленому фону изображена богоматерь с младенцем [21]. В монастыре было составлено и руководство по печати на ткани, дошедшее до наших дней.

Подробное описание техники набойки, бытовавшей в средневековой Европе, оставил итальянский мастер Ченнино Ченнини (род. ок. 1370). 31 июля 1437 г.,

Набойка по ткани
По Ченнино Ченнини

находясь в флорентийской долговой тюрьме, он закончил «Книгу об искусстве, или Трактат о живописи», в котором есть глава «О способе украшать ткани набойкой».

«Возьми подрамок вроде затянутой оконной рамы в два локтя длины и один локоть ширины,— писал Ченнини,— на который по всем правилам прибито полотно... Если же тебе нужно раскрасить ткань в количестве шести или двадцати локтей, то сверни ее, а конец помести на названный подрамок. Возьми доску из орехового, грушевого или другого очень твердого дерева величиною с кирпич или с обожженный камень; рисунки иа этой дощечке должны быть нарисованы и вырезаны углубленно... На дощечках должны быть изображены все виды узора, который тебе требуется, листья или животные... У доски должна быть ручка, чтобы ее можно было поднимать... Когда захочешь работать, надень на левую руку перчатку, а раньше приготовь тонко стертой с водой черной краски из виноградных лоз».

Поясним, что лучшей черной краской в средние века считали сажу, полученную при сжигании виноградной лозы и растертую с растительным маслом. Не

исключено, что такая краска использовалась и первыми типографами.

«Затем хорошо высуши эту краску на солнце или на огне,— продолжал Ченнини,— и снова сотри ее; смешай ее с жидким лаком столько, чтобы хватило для работы; часть этой черной краски возьми ложечкой, размажь на ладони (по перчатке) и пройди ею, хорошо смазывая доску там, где она вырезана, так, чтобы не заполнить выемок. Клади доску ровно и последовательно на натянутую на подрамке ткань... Когда... краска хорошо впиталась в ткань или полотно, сними свою модель, намажь ее снова краской и вновь, с большой тщательностью, клади ее столько раз, пока не заполнишь всего куска (ткани)». Глава оканчивается такими словами: «Всякое искусство по своей природе изящно и приятно, но достигает его только тот, кто упорно к нему стремится...» [22]

Описанный Ченнини процесс в основных чертах сохранился вплоть до XIX в., когда были изобретены тканепечатные машины. Набойка — это в полной мере полиграфический процесс с использованием форм высокой печати. Такой формой служит гравированная деревянная пластина. Способ получения оттисков с деревянных пластин был назван ксилографией (от греческого «ксилон», что значит «срубленное дерево», и «графо» — «пишу», «рисую»).

Ксилографические книги Дальнего Востока. Ксилография возникла и нашла широкое применение в странах Дальнего Востока. Питательной средой для нее служил буддизм, всячески поощрявший размножение и распространение изображений Будды и религиозных текстов. Сейчас трудно сказать, в какой именно стране впервые начали печатать с деревянных досок. Находки, а в последние десятилетия их было сделано немало, заставляли ученых говорить о приоритете сначала Китая, затем Японии и, наконец, Кореи. Окончательное слово в этой области далеко еще не сказано.

Древнейшие оттиски с ксилографической формы, известные в настоящее время, были сделаны в Корее. В октябре 1966 г. в Кванджу, где с 668 по 935 г. находилась столица раннефеодального государства Силла, археологи исследовали в храме Пулгук са ступу Сокка тьяп — мемориально-символическое сооружение, которое у буддистов служило для хранения реликвий.

В полости каменной ступы обнаружили бронзовое зеркало, ритуальные сосуды, кусочки шелковой ткани и, наконец, отпечатанную ксилографическим способом сутру. (Так именуются древнеиндийские сочинения различного содержания.) В данном случае найдена так называемая Дарани сутра, которую впервые перевел с санскритского языка на китайский монах Ми Токсень, происходивший из Центральной Азии и в 680—704 гг. живший в Чанане — столице Китая в эпоху Тан.

Строительство храма Пулгук са было закончено в 751 г. Тогда же, видимо, была заполнена и ступа. Это позволило археологам датировать сутру временем до 751 г. Речь шла о свитке, составленном из 12 оттисков, склеенных между собой и намотанных на бамбуковую палочку. Общая длина свитка составляла 630 см, высота — 6 см. Оттиски были сделаны на традиционной корейской бумаге, которая изготовлялась из тутового дерева [23].

Можно, следовательно, утверждать, что уже в середине VIII в. ксилографический печатный процесс использовался в Корее для размножения текстов и иллюстраций.

Следующая находка, о которой необходимо рассказать, была сделана в годы второй мировой войны в Китае. В 1944 г. археологи раскопали в провинции Сычуань неподалеку от Чэнду могилу молодой женщины, похороненной в эпоху династии Тан (618—907). Запястье покойницы украшал серебряный браслет, в котором был спрятан оттиск амулета с изображением шестирукого божества. Под изображением отпечатано несколько слов санскритского текста. Находку эту, о которой стало известно лишь в 1961 г., датировали 757 г.[24] Комментируя ее, американский востоковед Лютер Керриигтон Гудрич писал, что в годы правления династии Тан город Чэнду стал центром книгопечатания для всего Китая. В связи с этим он упомянул о некоторых документах, и в частности о декрете Фэи Со, наместника императора в восточной части провинции Сычуань, данном в 855 г.[25] Декрет напоминал об императорском запрещении печатать календари. Известно также свидетельство придворного Лю Пи, который в 883 г. видел много печатных книг, продававшихся на рынке в Чэнду. Это были словари и учебники, а также гадательные книги и сонники [26].

Старейшие ксилографические оттиски, обнаружен-

ные в Японии, датируют 7
заклинания-дхарани, отпеча
ператрицы Шётоку. Их д
до 5 см [27].

Древнейшая, точно дати
книга в виде свитка — сутр
реводе Кумараджива — был
стоковедом Аверелом Стай
тысячи Будд» неподалеку о
рода в провинции Ганьсу.
именуют буддийский мона
ший в IV в. Отпечатал сут
836 г. «для дарового всеобщ
в глубоком почтении увеко
телей» [28]. Свиток склеен из
ного листа с превосходным
жением Будды. В настояще
Британской библиотеке в Ло

Технику дальневосточно
ровали американский исс
Картер и советский восто
тинович Флуг (1893—1941)

Доску из грушевого или

распространение в странах Дальнего Востока. Было здесь известно и полиграфическое репродуцирование текстов с наборной формы.

Изобретение Би Шэна. Печатать с наборной формы впервые стали в Китае. Об этом можно узнать из сочинения «Мэн ци би тань», написанного Шэнь Ко в 80-х годах XI в. Это своеобразная энциклопедия со статьями на самые различные темы. В одной из них, в частности, говорится: «В годы правления Цин Ли (1041—1048) некий простолюдин Би Шэн сделал подвижной шрифт по следующему способу: взяв вязкую глину, он вырезал в ней знаки высотой с ободок монеты, причем каждый иероглиф составлял отдельную печать. Для придания литерам крепости он обжигал их па огне. Потом он брал приготовленную заранее железную доску и покрывал ее смесью из сосновой смолы, воска и бумажного пепла. Прежде чем печатать, Би Шэн помещал на доску железную рамку для разделения строк. Эта рамка заполнялась поставленными в ряд печатями, составляя сплошную доску для печатания. Затем Би Шэн подносил ее к огню и нагревал. Когда паста от тепла размягчалась, он накладывал поверх литер гладкую доску, после чего поверхность их делалась ровной, как точильный камень. Этот способ невыгоден для печатания 2—3 экземпляров, при печатании же нескольких сот или тысяч достигается необыкновенная быстрота» [30].

«Для каждого знака,— продолжал Шэнь Ко,— имелось несколько литер, а для часто употребляющихся знаков... двадцать и более, на случай возможного повторения этих знаков на одной и той же странице... Если встречался редкий знак, не приготовленный заранее, его тут же вырезали и обжигали на огне от соломы, так что он сразу был готов».

Почему Би Шэн делал литеры из глины, а не из дерева и не использовал широко распространенную в Китае ксилографическую технику? Шэнь Ко отвечал на этот вопрос так: «Он не пользовался деревом, потому что древесная ткань бывает то грубой, то тонкой, т. е. неоднородной, а кроме того, дерево впитывает влагу, вследствие чего составленная (из литер) форма делается неровной».

Окончив печатание, Би Шэн, по словам Шэнь Ко, подносил форму к огню. Паста расплавлялась, и лите-

ры выпадали «сами собой, не оставляя никаких следов глины».

«Когда Би Шэн умер,— рассказывал Шэнь Ко,— его комплект литер перешел во владение к его (так сказано в издании сочинения Шэнь Ко, выпущенном в 1696 г., в более раннем издании 1631 г.— «к моим».— *Е. Н.*) близким и сохраняется до сих пор как большая ценность». Шэнь Ко писал свой труд лет через 40 после изобретения Би Шэна; вполне возможно, что он лично был знаком с этим «простолюдином».

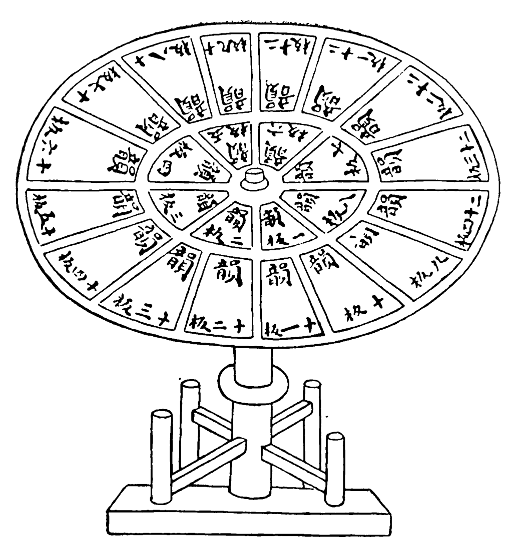
Би Шэн был первым, объединившим в единое целое наборный и печатный принципы. Ему, вне всякого сомнения, принадлежит честь создания наборной формы для воспроизведения текстового материала. Глиняный шрифт Би Шэна сколько-нибудь широкого применения не получил. Но сам принцип печатания с наборной формы оказался плодотворным, хотя его использование и сдерживалось иероглифическим характером китайского письма.

В XIII в. в Китае печатали с формы, составленной из отдельных деревянных литер. Об этом известно из сочинения «Нун шу» Ван Чжэна. Сочинение преимущественно посвящено вопросам сельского хозяйства, но в нем есть раздел, именуемый «Книгопечатание подвижным шрифтом». Первое издание «Нун шу» увидело свет в 1314 г., впоследствии оно выпускалось неоднократно.

Ван Чжэн рассказывает о ксилографическом печатании, широко распространенном в Китае, справедливо отмечая и его недостатки: «Материал для досок и работа мастеров требовали больших издержек. Случалось, что печатание некоторых книг требовало больших усилий и заканчивалось с трудом лишь через несколько лет. Некоторые сочинения, достойные издания, оставались ненапечатанными из опасения расходов на работу» [31].

Как средство для преодоления недостатков он указывает наборную форму. При этом Ван Чжэн сообщает об изобретении Би Шэна, не называя, впрочем, его имени.

«В последнее время,— сообщает Ван Чжэн,— стали также делать литеры, отлитые из олова. Литеры насаживались на железную проволоку, образуя строки. Потом их вкладывали в имеющиеся в форме отделения для строк и производили печатание».

Китайская наборная касса
По Ван Чжэну

Это очень важное, но, к сожалению, слишком краткое сообщение. Ничего не сказано о том, каким образом отливали литеры. Вспомним, что множественное репродуцирование литер путем отливки — важный элемент изобретения Иоганна Гутенберга.

Оловянные литеры, впрочем, в Китае успеха не имели. «На литерах такого рода плохо держится тушь,— утверждает Ваи Чжэн,— и при частом печатании они портятся, вследствии чего они не годились для продолжительного употребления». Поэтому китайцы стали изготовлять литеры из дерева. Иероглифы писали на тонкой бумаге, получали их зеркальные изображения на доске тем способом, который был описан выше, а затем гравировали. «По окончании гравирования знаков на доске,— пишет Ван Чжэн,— каждый из них выпиливается при помощи пилки с мелкими зубцами и складывается в корзину. Каждая литера тщательно подравнивается при помощи ножа. Ширина и высота литер измеряются по заранее установленному образцу, после чего шрифт складывается в особые ящички». Ящичков было очень много — по числу иероглифов. Их устанавливали на поверхности круглого вращающегося стола; получалась своеобразная на-

борная касса. Ван Чжэн сообщает размеры стола: диаметр его составлял около 7 чи (примерно 245 см), высота — 3 чи (105 см). При наборе один из наборщиков брал рукопись и громко выкрикивал названия иероглифов. Другой наборщик подбирал литеры и составлял печатную форму.

Ван Чжэн, который служил правителем уезда Цзиндэ в округе Сюаньчжоу, рассказывает, что он дал распоряжение изготовить подвижной шрифт. На это ушло два года. Ван Чжэн напечатал шрифтом описание уезда Цзиндэ. Для набора форм потребовалось около 60 тыс. знаков. Примерно через месяц было отпечатано 100 экземпляров, «ничем не отличавшихся от книг, напечатанных при помощи досок». Однако свою «Книгу о сельском хозяйстве» — «Нун шу» — Ван Чжэн все же печатал ксилографическим способом.

Широкому распространению наборного принципа в Китае мешал, как уже говорилось, иероглифический характер китайской письменности, сводивший на нет все преимущества набора. Поэтому печатание с наборной формы значительно успешнее использовалось соседями Китая, у которых бытовала алфавитная система письма. Особенно успешно в этой области трудились корейцы.

Книгопечатание в Корее. Начинали коррейцы с ксилографии. Печатание с цельных досок, возникшее здесь в VIII в., к XI в. применялось уже очень широко. К этому времени все государства полуострова объединила династия Корё. Книгопечатание приобретает общенациональный характер. В период правления императора Мунйонга (1047—1083) были выгравированы тысячи досок для воспроизведения канонического собрания буддийских текстов «Трипитака» («Три корзины закона»)[32]. Доски использовались для повторных изданий вплоть до монгольского нашествия в XIII в. Попытки возобновить погибшие формы предпринимались и при монголах. Так, в 1236—1251 гг. было выгравировано 81 238 досок, часть из них сохранилась до наших дней.

Появление подвижного шрифта также восходит ко времени династии Корё. Его использование в Корее облегчалось тем, что здесь бытовало письмо, первоначально состоявшее всего из 28 знаков. На первых порах литеры делали керамическими. Древнейшее сооб-

щение о металлическом шрифте мы находим в книге «Собрание сочинений сановника Ри из страны Востока». Ее автор Ри Кью Во (1186—1241), рассказывая о Своде законов императора Чжо Ю, писал: «К счастью, этот Свод законов не пропал. Его напечатали металлическими буквами в количестве 28 экземпляров, которые отослали для хранения в различные ведомства»[33]. Ученые полагают, что это издание вышло в свет около 1234 г.

Сохранилась ксилографическая копия книги «Песня монаха Хуана о правильности вероучения» с колофоном, который гласит: «Напечатано на вечные времена только что законченными литерами по изданию, напечатанному тиснеными литерами. Год Рихё (1239), первая декада сентября»[34].

В последние годы появились сообщения о находках еще более древних корейских книг, отпечатанных металлическими литерами, но эти сообщения нуждаются в проверке. Так, в октябре 1973 г. был обнаружен сборник произведений классической литературы, который датировали временем около 1160 г.[35]

Более определенные сведения о наборном книгопечатании относятся к периоду династии Жи. С именем одного из императоров этой династии Се Джонга (1419—1450) связывают изобретение практичного алфавита, значительно облегчившего наборное печатание. В 1420 г. по его приказанию были отлиты новые шрифты для печатания конфуцианских текстов[36].

Один из писателей того времени — Сонг Хьен (1436—1509) оставил нам описание процесса изготовления шрифта. «Прежде всего,— писал он,— вырезают буквы из твердого дерева. Плоское корыто заполняют мелким песком, взятым с заросшего тростником берега моря. Деревянные буквы вдавливают в песок, чтобы получить негативную матрицу. Таким образом, помещая одно корытце над другим, заливают в отверстие расплавленную бронзу. Металл проникает внутрь, заполняя негативные матрицы и образуя литеры»[37].

Из этого описания явствует, что металлические литеры изготовлялись методом литья в опоки. Способ был широко распространен в Корее; он использовался для изготовления украшений из бронзы и латуни.

Корейские металлические шрифты сохранились до наших дней. Анализ, проведенный в Калифорнийском университете в Беркли, показал, что сплав, из которо-

Корейский шрифт

го они отлиты, содержит 84,0% меди, 7,0% свинца, 7% олова, 1% цинка, 0,1% железа, а также примеси висмута, кремния, никеля и серебра [38].

По мнению некоторых исследователей, с литья в опоки начинал и Иоганн Гутенберг. Напрашивается вопрос: знали ли в Европе о дальневосточном книгопечатании? Для гутенберговедов этот вопрос больной, о чем говорят названия работ А. Руппеля «Изобрели ли китайцы и корейцы книгопечатание?» и А. Капра «Знал ли Гутенберг, изобретая книгопечатание, о печати отдельными металлическими литерами в Корее?» [39]

Многие исследователи пытались проследить пути проникновения дальневосточного изобретения в Европу. Назовем прежде всего ставший уже классическим труд Т. Ф. Картера «Изобретение книгопечатания в Китае и его продвижение на Запад» [40]. Западные соседи китайцев очень рано познакомились с изобретением. Они, однако, определенно предпочитали ксилографию наборному печатанию. Одно из древних монголо-тунгусских племен кидани, основавшее государство Ляо (926—1122) уже в XI в., печатало книги [41]. Есть сведения о том, что между 1031 и 1064 гг. кидани отпечатали на тонкой бумаге «Трипитаку». Все издание составляло не менее тысячи томов, из которых до нас не дошел ни один [42].

При раскопках в Турфане были найдены уйгурские печатные книги, а также подвижной шрифт. Умели печатать и чжурчжэни, основавшие в 1126 г. империю Цзинь. Л. Н. Терентьев-Катанский недавно изучил книжное дело в государстве тангутов, расцвет которого приходится на X—XIII вв. Оказалось, что и здесь использовали ксилографию, хотя одна из книг Тангутского фонда Института востоковедения АН СССР, по словам ученого, «кажется набранной» [43].

Ксилографическим способом начиная со второй половины XIII в. печатали свои книги и монголы [44].

Никаких сведений о книгопечатании у арабских народов в нашем распоряжении нет. Правда, в свое время в египетском селении Эль-Фаюме был найден архив коптских и арабских документов, частично напечатанных ксилографическим способом. Древнейший из них относится к X в.[45] Видимо, в этом случае следует говорить о самостоятельном изобретении, не связанном с дальневосточными источниками. Какую-то полиграфическую технику в коптской среде освоил полулегендарный русский лекарь Иван Смерд Половец, посланный киевским князем Владимиром для испытания вер и попавший в Египет. Отсюда он написал князю письмо, заканчивавшееся следующими словами: «Писал я это железными буквами на двенадцати медных досках»[46]. Некоторые историки считают письмо подделкой, сфабрикованной в XVI в.[47], другие же объявляли Ивана Смерда изобретателем книгопечатания[48].

Резюмируя, надо сказать, что если путь изобретения Би Шэна на восток ясно виден, то продвижение его на запад пока не прослеживается.

Справедливости ради надо отметить, что факт заимствования книгопечатания европейскими народами был очевиден для многих старых писателей. Николай Гаврилович Спафарий-Милеску (1636—1708), побывавший с русским посольством в Китае в 1676 г., писал: «...пушки лити, и ходити по морю матицами навыкли, такожде и книги печатати от китайцов во Европе научились. Понеже когда калмыки и татары взяли Китай, и с ними пришли в Китай патер Одерик, и Антон армянин, и Марко Павел венецыанин, и подлинно они во Европу из Китая те художества принесли»[49].

Так оно было или нет, бесспорно одно: дальневосточные опыты ни в коей мере не умаляют заслуг Иоганна Гутенберга. Очень точно об этом сказал Альберт Капр: «...если сведения о печатании подвижными литерами доходили до Гутенберга и даже если он видел отпечатанный там оттиск, мы не можем отказать ему в поисках и работе изобретателя. И о другом не следует забывать: книгопечатание начало свой победный путь по миру не из Кореи, а из Майнца»[50].

Ксилография в Европе. Об изобретении ксилографии в Европе говорить не приходится. И дело здесь совсем не в том, что она ранее была известна на Дальнем Востоке. Воспроизведение красочных оттисков на

ткани с гравированной на дереве формы бытовало повсюду. С технической точки зрения то, что сейчас именуется ксилографией, полностью идентично печати по ткани. Различие здесь скорее функциональное. И вместе с тем это различие сыграло значительную роль в истории человеческого общества. Печатание по ткани преследовало эстетические цели. Когда печатать стали на бумаге, ксилография приобрела новый, сугубо информационный аспект. Она стала орудием фиксирования и распространения информации. Гравюра на дереве, по сути дела, стоит у истоков массовых способов коммуникации. Степень воздействия последних на политическую ориентацию народных масс, их умонастроения переоценить трудно. Именно массовость в этом случае была решающим фактором. Поэтому распространение гравюры стало возможным лишь с появлением в Европе дешевого писчего материала. Рубежным был 1390 г., когда Ульман Штромер основал в Нюрнберге бумажную мельницу.

Простейшим, впрочем уже полиграфическим, средством размножения изобразительной информации была раскраска по трафарету. Ремесленники, осуществлявшие эту несложную операцию, именовались немецким словом «Briefmaler», что дословно переводится как «художник писем». С переходом к ксилографии «Briefmaler» постепенно уступает место мастеру, именовавшемуся «Briefdrucker», т. е. «печатник писем». Появляется и новая профессия — «Formschneider» — «резчик форм», или, попросту говоря, гравер. Уже в 1398 г. в актовых книгах Ульма упоминается Ульрих Формшнайдер. В 1417 г. в Нордлингене жил и трудился Вильгельм Кеглер Брифдрукер, в 1423 г.— Ганс Пёмер Формшнайдер[51].

Древнейшие дошедшие до нас оттиски ученые относят к первым десятилетиям XV в. Среди них «Св. Доротея и «Св. Себастиан», извлеченные из рукописи 1418 г., хранившейся в монастыре св. Зенона в Рейхенхалле[52]. Автору этих гравюр уже нельзя отказать в образности мышления, своеобразном изяществе. Правда, в них переданы лишь контуры рисунка, моделировать объемы штриховкой мастер еще не умеет. Предназначались гравюры для ручной раскраски.

Старейшая дата, которую можно встретить на гравированных листах,— «1418». Это число имеется на изображении Мадонны, которое ныне хранится в Ко-

Св. Христофор
Гравюра на дереве.
1423 г.

ролевской библиотеке в Брюсселе. Датировка оспаривается. Некоторые ученые считают, что на гравюру, исполненную около 1440 г., перенесена дата с произведения живописи, которая послужила оригиналом для ксилографии[53].

Большинство исследователей признают подлинность даты «1423», проставленной на гравюре «Св. Христофор». Этот лист, который ныне репродуцируется во всех трудах по истории гравюры, еще в 60-х годах XVIII в. отыскал в монастыре Буксгейм неподалеку от Меммингена страстный коллекционер Карл Генрих фон Хейнекен[54]. Гравюра была вплетена в рукопись вместе с другим недатированным, но не менее древним оттиском, изображавшим Благовещение. В дальнейшем эти два листа попали в собрание лорда Спенсера, а впоследствии — в библиотеку Джона Райландса в Манчестере[55]. Св. Христофор, переносящий через реку младенца Иисуса, изображен на фоне средневекового немецкого пейзажа с водяной мельницей, с кре-

стьянкой, которая привезла зерно на осле, с крестьянином, взбирающимся в гору с мешком на плечах, с кроликом, выглядывающим из норы. Под изображением — две строки текста. Текстовой материал отныне будет сопровождать иллюстрацию. Пока еще он играет второстепенную роль. В печатной книге он станет ядром и основой заложенной в ней информации.

Раскрашенные гравюры на дереве в первой половине XV в. продавались на ярмарках по всей Германии. Гутенберг, конечно, и сам покупал эти листы, служившие скромным украшением строгого средневекового интерьера. Был он знаком и с техникой ксилографии, ставшей одной из материальных предпосылок типографского искусства.

Техника оттискивания была простейшей. Гравированную доску покрывали слоем краски и осторожно, чтобы не смазать, накладывали сверху лист бумаги. К доске его притирали ребром ладони или плоским рейбером. Можно было пристукивать бумагу щеткой. Никаких механических приспособлений, даже простейших, для получения оттиска не существовало.

Со временем возникла идея серийности гравюр. Несколько листов, несущих изображения и надписи, позволяли развертывать сюжет во времени и пространстве. Когда такие гравюры собирали вместе и скрепляли между собой, возникала книга. Но прежде чем продолжить рассказ о книгопечатании, познакомимся с одной из наиболее популярных областей применения ксилографии.

Игральные карты. Известный китайский писатель Лу Синь (1881—1936), большой любитель гравюры, писал: «По мнению многих исследователей, европейцы учились гравюре на дереве у китайцев. Это произошло в начале XIV века, точнее, в 1320 году. Первыми такими образцами гравюры на дереве, вероятно, были грубо сделанные игральные карты... Эти предметы азартной игры, появившись на европейском континенте, положили начало печатному искусству — этому острому оружию современной цивилизации»[56]. Указанная здесь дата, конечно, гипотетична. Но суть вопроса изложена правильно. Игральные карты, действительно, пришли в Европу из Азии примерно тем же путем, что и бумага. В Индии они были известны еще во II тысячелетии до н. э.

Старейшее в Европе упоминание об игральных картах можно найти в решении городского совета Флоренции от 23 марта 1377 г.[57] В этом же году о них с осуждением писал в Базеле доминиканец Иоганн фон Райнфельден. Игральные колоды, которые священнослужители именовали «молитвенниками дьявола», распространяются в европейских странах подобно эпидемии. В 1377 г. зарегистрировано их бытование в Париже, в 1378 г.— в Констанце и Регенсбурге, в 1379 г.— в Санкт-Галлене и Брабанте, в 1380 г.— в Нюрнберге и Барселоне, в 1381 г.— в Марселе, в 1391 г.— в Аугсбурге, в 1392 г.— во Франкфурте-на-Майне.

Не будем касаться моральной стороны вопроса и займемся лишь техническими аспектами. Первоначально карты изготовляли вручную, а затем способом раскраски по трафарету. Делали их те самые «брифмалеры», о которых говорилось выше. Яркими красками расписаны карты из древнейшей, сохранившейся до наших дней немецкой колоды, которую датируют 1427—1431 гг. Такие карты — подлинное произведение искусства — были очень дороги. Поэтому уже тогда их начинали изготовлять с помощью ксилографии. Несколько позднее при создании карт используют и новую технику — углубленную гравюру на металле.

Исследователи указывают на тесные связи игральных карт с иллюстрациями инкунабульного периода истории книгопечатания.

Задача массового репродуцирования в производстве игральных карт стояла, пожалуй, более остро, чем в листовой ксилографии. Технические пути решения задачи приближают ее к книгопечатанию. Здесь уже нельзя было обойтись притиранием оттисков вручную. Быть может, именно в картоделании впервые появились несложные печатающие устройства. Впрочем, для такого утверждения у нас нет никаких документально подтвержденных оснований. Однако осмелимся предположить, что Иоганн Гутенберг был знаком с карточной игрой не понаслышке. Об этом свидетельствуют его связи с одним из мастеров игральных карт, о чем речь пойдет ниже.

Ксилографические книги в Европе. В свое время на страницах книговедческой печати разгорелась дискуссия, смысл которой можно передать названием статьи историка гравюры Вильгельма Людвига Шрайбе-

ра — «Следует ли считать гравюру на дереве предшественницей книгопечатания?»[58] Шрайбер решал вопрос отрицательно. Он указывал, что ксилография никогда не ставила перед собой задачи воспроизведения текстового материала. Надписи на гравюрах немногочисленны и случайны. Что же касается ксилографических книг, где удельный вес текста достаточно высок, то они, по мнению Шрайбера, появились после 1460 г., когда книгопечатание было уже изобретено.

Новейшими исследованиями эта точка зрения опровергнута. Установлено, что первые ксилографические книги появились около 1430 г. и, следовательно, предшествовали книгопечатанию[59]. Местом их возникновения, скорее всего, нужно признать Голландию. Отсюда неизбежные параллели с костеровской версией изобретения книгопечатания.

Историки гравюры выявили ксилографические книги 33 наименований[60]. Их было, конечно, значительно больше, около 100, но многие до нас не дошли. В тематике преобладают библейские сюжеты — «Библия бедных», «Апокалипсис», «Зерцало человеческого спасения», «Жизнь и страсти Иисуса Христа», «Песнь песней». Широко были распространены книжки религиозно-нравоучительного содержания: «Искусство умирать», «Танец смерти», «История святого креста», «Семь смертных грехов». Вместе с тем бытовали издания, которые можно назвать информационными — «Памятные места города Рима», «Книга планет», «Искусство хиромантии», всевозможные календари. Выпускались в виде ксилографических книг и Донаты. Объем таких книг находится в пределах 60 листов. «Библия бедных», например, известна в вариантах с 34, 40 и 50 листами.

Чуть ли не до конца XV в. ксилографические книги бытовали параллельно с напечатанными с наборной формы, да и рукописание продолжало процветать. У каждого способа книгоизготовления была своя аудитория и свои излюбленные сюжеты.

Печатали ксилографические книги первоначально как и гравюры на дереве — притирали ребром ладони к форме, набитой краской. При этом бумага вдавливалась в углубленные пробельные участки доски. Печатать на оборотной стороне оттиска было нельзя, ибо при втором прогоне неизбежно был бы испорчен оттиск на лицевой стороне. Отпечатанные с одной сторо-

Библия бедных
Ксилографическая книга XV в.

ны листа оттиски склеивали. Составленные из двойных листов книги получили название анопистографических. После изобретения книгопечатания ксилографические книги стали печатать на типографском станке уже с двух сторон листа. Такие книги именуют опистографическими.

Старые историки непосредственно выводили книгопечатание из способа изготовления ксилографических книг. «Задача Гутенберга,— писал А. А. Бахтиаров в первой русской биографии изобретателя книгопечатания,— состояла лишь в том, чтобы разрезать голланд-

ские доски на отдельные буквы. Из этой идеи возникло и самое книгопечатание» [61]. Согласиться с таким утверждением нельзя. Возникновение принципиально нового способа изготовления книг предполагало революционный скачок в области техники. Одна лишь декларация наборного принципа мало что давала. Необходимо было разработать практичный, технологически обусловленный способ множественного воспроизведения самих литер. Именно это и сделал Иоганн Гутенберг.

Ранние способы репродуцирования. Первоначальные этапы развития любой технической идеи характеризуются обилием практически осуществимых вариантов. В различных обличиях выступала и ксилография, а точнее, форма высокой печати, ибо последняя может быть и металлической. Гутенберг, вне всякого сомнения, был знаком с этими вариантами, прикидывал их сравнительную целесообразность, выбирал наилучшие. Некоторые пришлось сразу же отбросить, другие наводили на размышления.

Один из методов старой гравюры назвали Teigdruck, что в буквальном переводе означает «печать по тесту». Форма в этом случае оставалась прежней, гравированной на дереве. Но лист бумаги или пергамена перед печатанием покрывали тестообразной массой. Оттиски получались рельефными. Иногда между формой и листом прокладывали золотую фольгу, что создавало при оттискивании особые декоративные эффекты. Печать по тесту — достаточно редкий способ; таких оттисков сохранилось не более ста [62].

Своеобразную параллель ксилографии составляет возвышенная гравюра на металле. Техника здесь остается прежней, меняется лишь материал. Гравировать по металлу значительно труднее, чем по дереву. Но качество несколько выигрывает, особенно когда речь идет о сравнительно небольших изображениях. В этой технике, как полагают исследователи, воспроизведены инициалы Псалтыри 1457 г., которые использовались на протяжении 50 с лишним лет.

В ксилографии обычно вынимают дерево по обе стороны контурной линии, формирующей рисунок. Выбирать металл не так-то легко. Поэтому в возвышенной гравюре на металле получила распространение другая техника. Контурные линии гравировали углуб-

ленно. Оттиск с такой формы получался как бы негативным: белые линии на черном или цветном фоне (в зависимости от цвета краски). Чтобы «оживить» большие черные плоскости, их прорабатывали пунсонами. Оттиск в этом случае был покрыт множеством мелких белых точек, с помощью которых можно моделировать объемы. Это так называемая пунсонная гравюра (Schrotdruck).

Металлическая пластина с углубленными контурными линиями может служить и для изготовления такой формы, в которой линии возвышены. В этом случае пластину используют как форму для отливки из легкоплавкого мягкого металла клише. В таких клише контурные линии изображения возвышены. Способ, о котором идет речь, издавна использовался ювелирами. Был знаком с ним и Иоганн Гутенберг. В немецкой специальной литературе этот способ имеет название «Abklatschverfahren»; русского синонима для этого термина пока еще нет. Способ мог натолкнуть Гутенберга на мысль отливать литеры по заранее изготовленным матрицам.

Печатать можно и непосредственно с пластины, на которой выгравированны углубленные контурные линии изображения. Когда человек додумался до этого, родился новый способ, получивший название глубокой печати. В этом случае углубленные линии тщательно забивают краской, а с пробельных возвышенных участков ее тщательно снимают. Печатают с такой формы при очень большом давлении. Вручную это сделать трудно. Поэтому для получения углубленных гравюр на металле (обычно на меди) сконструировали специальный стан.

Гравирование по металлу с давних времен использовалось в технике ниелло. Так назывался способ украшения серебряных пластин, покрытых орнаментальной резьбой. Углубленные линии при этом заполняли чернью из расплавленного сернистого серебра. После этого пластину тщательно полировали, и на светлом металлическом фоне четко выступал черный рисунок. Джорджо Вазари (1511—1574), автор «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих», утверждает, что углубленную гравюру изобрел около 1460 г. флорентинский ниеллист Мазо Финигуэрра [63]. Изобретение было сделано случайно. Соседка Финигуэрра положила поверх свежих, недавно закатанных

чернью ниелло только что выстиранное белье, и рисунок перешел на влажную ткань.

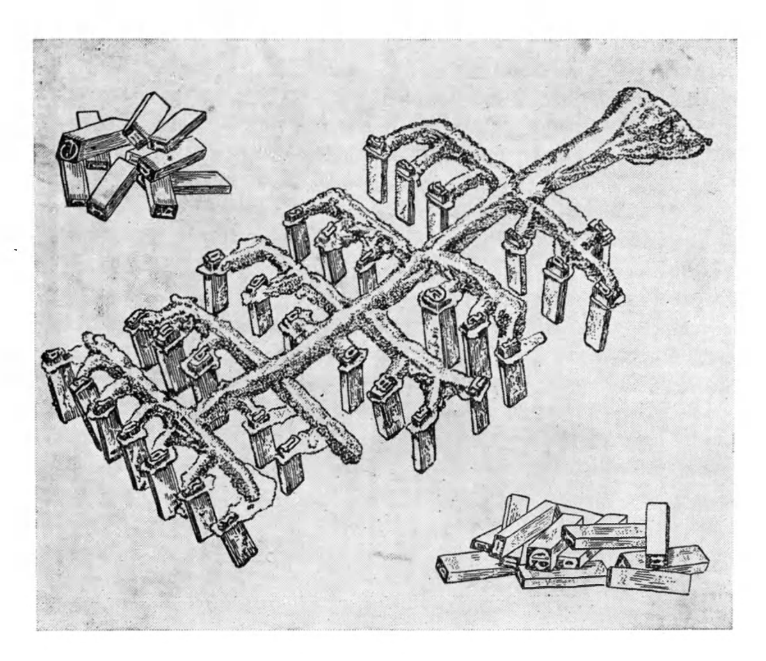
Рассказ этот не более чем легенда. Гравюра на меди была известна в Германии еще в 40-х годах XV в. Первым гравером считают неизвестного нам по имени художника, которого искусствоведы именуют «мастером игральных карт». Жизнь и дела этого человека тесно связаны с изобретением и первыми шагами книгопечатания.

С чего начинал Гутенберг? Первые опыты книгопечатания были предприняты Иоганном Гутенбергом, судя по всему, еще в Страсбурге незадолго перед процессом с братьями Дритценами. Читатель помнит, что в документации процесса упоминались «пресс», который изготовил столяр Конрад Заспах, и какие-то четыре «предмета», судьба которых волновала Гутенберга. Ювелир Ганс Дюнне показал, что он заработал у Гутенберга сто гульденов на том, что «относится к печатанию».

Все эти реалии толковали по-разному, о чем уже шла речь на страницах нашей книги.

Г. Цедлер, реконструируя технику изготовления первых голландских изданий, которые, как он считал, вышли из типографии Л. Костера, предположил, что эти издания напечатаны шрифтом, полученным методом литья в опоки. Костер будто бы делал литеры из дерева, которые впоследствии использовались в качестве моделей при формовке [64].

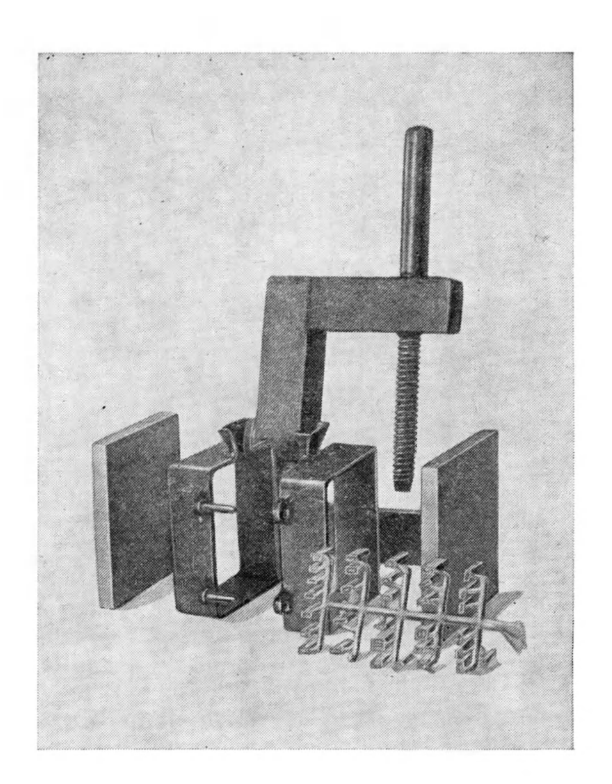
Густав Мори, который в 1921 г. выпустил книгу «Что изобрел Гутенберг?», считал, что в Страсбурге использовалась аналогичная техника. «Четыре предмета», упоминаемые в страсбургской документации, по его мнению, представляли собой опоку, состоявшую из двух рам с винтами для их крепления и литником, а также из двух металлических пластин, которыми сверху и снизу прикрывались рамы. Опоку набивали формовочной смесью из тонкоизмельченного песка и золы, предварительно поместив в них деревянные модели литер. Затем рамы раскрывали и удаляли модели. Опоку фиксировали с помощью несложного винтового приспособления (это и был «пресс» Заспаха) и заливали через литник расплавленный металл. Г. Мори полагал, что способом литья в опоку изготовлялись также металлические инициалы для Псалтыри 1457 г. и формы для пуансонной гравюры [65].

Шрифт, отлитый в опоки
По Г. Цедлеру

Современные исследователи, и прежде всего Ф. А. Шмидт-Кюнземюллер, отвергают возможность литья шрифта в опоки. Названный ученый считает, что страсбургские «опыты» не были связаны с книгопечатанием и что Гутенберг начинал в Майнце сразу же с литья литер в словолитную форму. Истоки изобретения, говорит Шмидт-Кюнземюллер, нужно искать не в ксилографии, а в литейном производстве, с основами которого Гутенберг был хорошо знаком [66]. Мнение это представляется нам излишне категоричным. Без каких-либо первичных и промежуточных форм изобретения обойтись нельзя. Техническая идея очень редко высказывается в той форме, в которой она в дальнейшем получает признание.

В этой связи целесообразно вспомнить о гипотезе Мориса Одена и Отто Хуппа, которые предположили, что первоначально Гутенберг изготовлял с помощью пуансонов цельную матричную строку и заливал в нее металл [67]. Эта гипотеза, сформировавшаяся еще в 30-е годы XX в., в последнее время получила под-

«Четыре предмета»
По Г. Мори

тверждение в ходе новейших исследований «Католикона». Гипотеза, однако, нуждается в корректировке. При последовательном оттискивании пуансонов в мягком металле столь высокого качества печати, какое наблюдается в «Католиконе», получить не удалось бы. Литеры в этом случае не держали бы линии шрифта.

По нашему мнению, Гутенберг предварительно гравировал стальные пуансоны, изготавливал с их помощью отдельные матрицы, затем формировал из матриц двойные строки и уж впоследствии заливал в них металл. Словолитная форма в этом случае была предельно простой. Высота ее полости равнялась двойному кеглю, а ширина — среднему размеру строки. Параметры формы не регулировались, она предназначалась для отливки всех строк данного издания. Снизу форма имела паз для вдвижения матриц. Место, остающееся до

конца строки, заполнялось специальными пробельными матрицами. Выключка матричной строки за счет заполнения межсловных пробелов не производилась. Шрифтовые строки, таким образом, в печати получались разной длины.

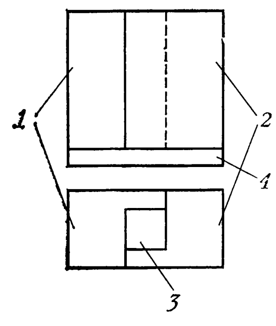
Набор матриц и отливка цельных двойных строк применены Гутенбергом при печатании изданий группы «Католикона». Техника эта в отличие от набора отдельными литерами более примитивная. «Католикон», видимо, готовился к печати еще до Библий. Быть может, именно эта техника, требующая огромного количества металла, и вынудила Гутенберга сделать заем у Фуста. Да и поспеть в срок с изданием книги он не смог.

Если «Католикон» должен был стать первой печатной книгой, становится понятным назначение его колофона, объявлявшего об изобретении книгопечатания. Нашу версию подкрепляет и свидетельство аббата Тритемия, утверждавшего, что Гутенберг и Фуст «прежде всего напечатали словарь, известный под именем „Католикон"». Встает, однако, вопрос, каким образом набраны первые издания в шрифте *DK*. Быть может, и в этом случае надо говорить о печати с цельных строк? Проверить эту версию трудно, ибо указанные издания сохранились в сравнительно небольших фрагментах. В них, правда, наблюдаются оттиски перевернутых литер. Но это возможно при матричном наборе в том случае, если положение матрицы не фиксировалось в словолитной форме.

Любопытно, что матричный набор был использован на новом витке истории полиграфической техники в конце XIX в., когда появилась наборная строкоотливная машина «Линотип».

Словолитная форма. «Словолитная форма — ядро изобретения» [68]. В этих словах Ф. А. Шмидта-Кюнземюллера есть значительная доля истины. Действительно, книгопечатание не стало бы мощным средством распространения знаний без несложного приспособления для множественного воспроизведения литер. Размножение текстов могло стать относительно дешевым и практичным лишь в том случае, если предварительно найден способ размножения типографских литер.

Какой была словолитная форма, применявшаяся Иоганном Гутенбергом, сказать трудно. Никаких све-

Принцип построения словолитной формы

дений об этом не сохранилось. Можно лишь реконструировать принцип действия такой формы. В самом простом случае это были две Г-образные детали *1* и *2* (см. рисунок), составленные таким образом, что между ними возникала полость *3*. Снизу полость закрывали матрицей *4* с прямым углубленным изображением шрифтового знака. Чтобы получить литеру, сверху в отверстие полости нужно было залить расплавленный металл.

Для осуществления принципиальной схемы необходимо было найти практичные инженерные решения ряда задач. Г-образные детали должны плотно прилегать друг к другу, а кроме того, иметь возможность смещения относительно друг друга для получения литер разной ширины. Необходимо было также разработать способ точного фиксирования матрицы, с тем чтобы очко будущей литеры не сдвигалось относительно линии строки.

Древнейшее изображение словолитной формы находим на гравюре Иоста Аммана (1539—1591) «Словолитец» из книги «Подлинное описание всех состояний на земле» (Франкфурт-на-Майне, 1568) [69]. Это альбом, талантливые гравюры которого сопровождены неприхотливыми стихами Ганса Сакса (1494—1576). Под гравюрой, изображающей словолитца, читаем:

Я отливаю шрифт для типографии
Из висмута, олова и свинца,
Который я могу точно юстировать.
Приводить буквы в порядок —
Латинского и немецкого начертания,
А также те, что встречаются в греческом языке
С версалиями, точками и штрихами,
Чтобы употреблять их в печатании.

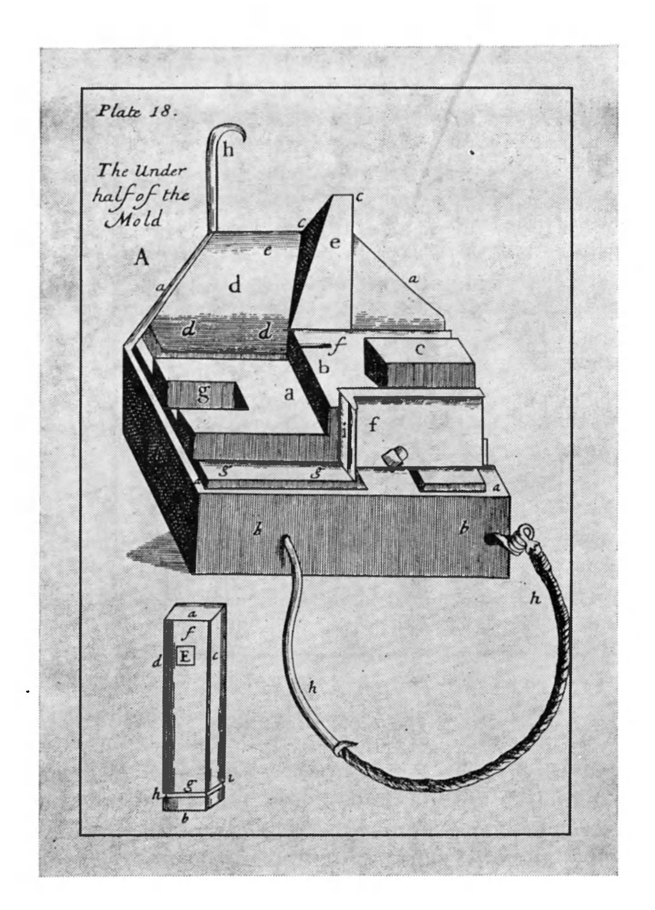
В оригинале стихи составлены из попарно рифмованных строк.

Словолитец изображен в тот момент, когда он зачерпнул ложкой расплавленный металл из котла и заливает его в форму, представленную в виде небольшой усеченной пирамиды, стоящей на ладони левой руки мастера.

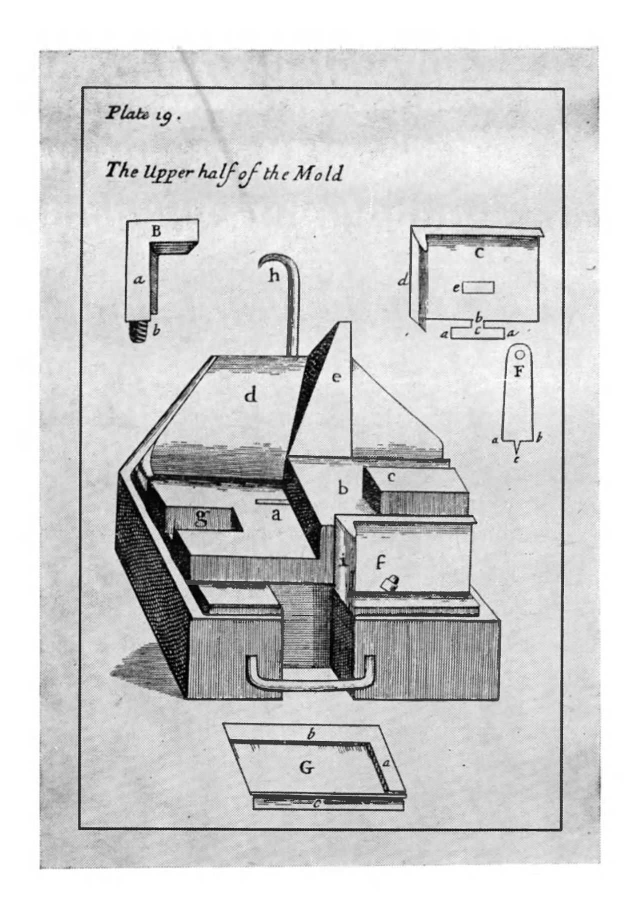
Словолитец
С гравюры И. Аммана
1568 г.

Гравюра И. Аммана конечно же не претендует на техническую достоверность. Первое достоверное описание словолитной формы, сопровожденное чертежами, встречается в книге Джозефа Моксона (1627—1691) «Механические упражнения, или Учение о ремеслах» (Лондон, 1683) [70]. Второй том этого интересного труда, обильно иллюстрированного чертежами и схемами, посвящен типографскому делу. Книга увидела свет почти через четверть тысячелетия после изобретения Гутенберга. Но известно, что ремесленная техника феодального способа производства в течение столетий оставалась неизменной. «...Раз соответственная форма инструмента эмпирически найдена,— утверждает Карл Маркс,— он перестает изменяться, как это и показывает переход его в течение иногда тысячелетия из рук одного поколения в руки другого» [71]. Поэтому можно предположить, что со времен Гутенберга до конца XVII в. словолитная форма изменилась мало.

Нижняя часть словолитной формы
По Дж. Моксону.
1683 г.

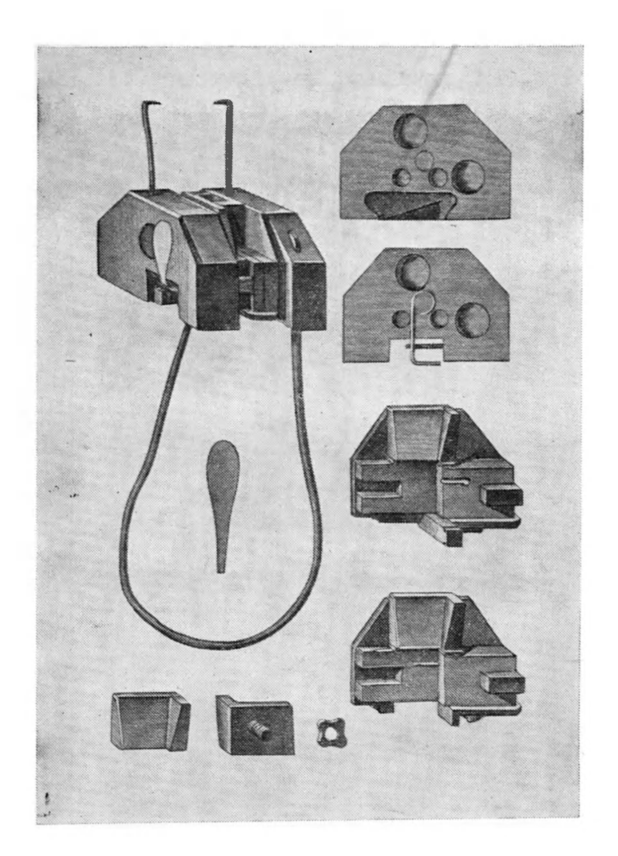
Словолитная форма, по Моксону, составлена из двух металлических деталей сложной формы — нижней и верхней. Деревянная рубашка *b*, прикрепленная к деталям, позволяла словолитцу брать форму в руки в момент заливки в нее расплавленного металла. Нижнюю и верхнюю части формы складывали таким образом, чтобы выступы *c* входили в пазы *g*. Пирамидообразный литник при этом образовывали скошенные плоскости *d* и *e*, а рабочая полость возникала между плоскостями *a*. К отверстию в нижней части полости

Верхняя часть словолитной формы
По Дж. Моксону.
1683 г.

прижимали матрицу *fg* с углубленным рельефным изображением *E* шрифтового знака. Матрица фиксировалась плоскостями *i*, *i* формы. Точное положение очка обеспечивала юстировочная игла *h*, крепившаяся на поводке. Иглу вставляли в отверстие в задней плоскости матрицы.

По мнению А. Руппеля, для отливки литер И. Гутенберг использовал сплав, состоящий из 70% свинца, 25% олова и 5% сурьмы [72]. Таков же состав и современного типографского сплава — гарта. Свинец обладает относительной легкоплавкостью, он расплавля-

Словолитная форма

ется при 327° С. Олово более легкоплавко — оно становится жидким при 232° С. Свинец — металл мягкий, и большие тиражи он выдержать не может. Для повышения плотности к нему прибавляют олово, которое, однако, стоит дороже. Свинец, составляющий основу типографского сплава, значительно удешевляет гарт.

Несмотря на дороговизну, Гутенберг, однако, скорее всего, отливал шрифт из чистого олова. В наши дни литеры именуются свинцовыми, а в одной из книг ульмского типографа Иоганна Цайнера, датированной 1474 г., сказано, что она отпечатана при помощи «stagnis characteribus», т. е. оловянных литер [73]. В описи 1499 г. севильской типографии Мейнарда Унгута

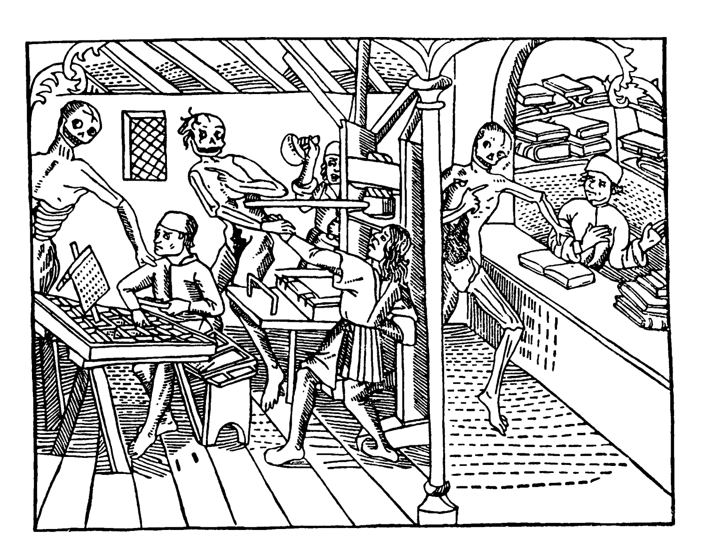
упомянуто «150 фунтов олова для литья литер». Об оловянных литерах источники сообщают примерно до 1540 г. В приведенном выше стихотворении Ганса Сакса речь идет уже о сплаве, включающем олово, свинец и висмут. Но на Московском печатном дворе шрифт отливали из чистого олова еще в XVII в.[74]

Вывод однозначен: Иоганн Гутенберг отливал шрифты из олова.

Наборный инструментарий. Старейшее известное нам изображение типографии помещено на гравюре, иллюстрирующей французское стихотворение на популярную в средневековой словесности и изобразительном искусстве тему «Танец смерти». Стихотворение издал в Лионе в 1500 г. (по другим сведениям — в 1499 г.) типограф Маттиас Гусс[75]. На гравюре изображена книжная лавка и отделенная от нее перегородкой типография. Стоит печатный станок (более старые его изображения неизвестны), а рядом на скамеечке сидит наборщик. Перед ним — установленная с наклоном наборная касса. Это ящик, разделенный перегородками на множество отделений — по числу шрифтовых знаков. К одной из стенок кассы прикреплен тенакль — державка для листа рукописи, которая служит оригиналом для набора. Наборщик держит в руке верстатку — плоский ящичек с двумя стенками. Третья стенка выполнена подвижной — ее устанавливали по формату строки. Наборщик брал литеры из кассы правой рукой и ставил их в верстатку. Одновременно осуществлялась выключка строки с помощью пробельного материала, размещаемого в межсловных промежутках.

Примерно такой инструментарий был и в типографии И. Гутенберга. Быть может, он использовал верстатку, рассчитанную на набор сразу двух колонок текста. Такая верстатка изображена на одной из гравюр в книге Дж. Моксона (позиция *E* рисунка на с. 245). На той же гравюре видна плоская доска *A* с бортиками, на которую последовательно выставлялись шрифтовые строки. Корректуру осуществляли с помощью шила *F*, которым накалывали и извлекали ошибочно вставленные в набор литеры. Для формирования полос и их заключки служила рама *G*, которая расположена на столе с наклонной верхней крышкой.

Процесс установки литер в верстатку и строк на

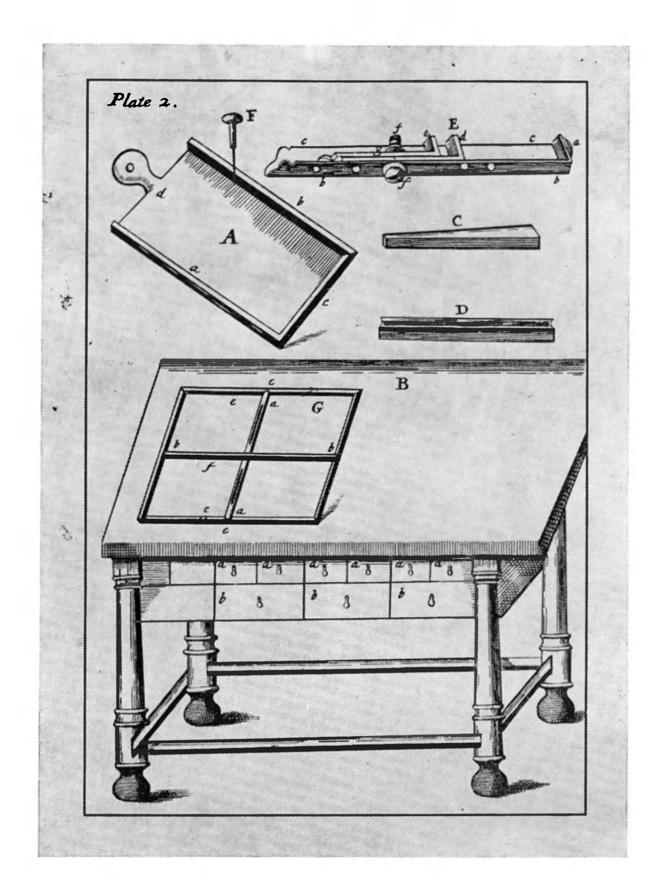

Танец смерти
Гравюра 1500 г.

верстальную доску иллюстрирует другая гравюра из книги Дж. Моксона (рисунок на с. 246).

Печатный стан. Оттиски с печатной формы, набитой краской, как уже говорилось, умели получать и до Гутенберга. Для этого на форму накладывали лист бумаги и притирали его ребром ладони или планкой — рейбером. Гутенберг впервые механизировал этот процесс, построив типографский (или печатный) стан. Как он выглядел, сейчас сказать трудно. Правда, в предвоенные годы в Немецком музее книги и шрифта в Лейпциге экспонировался стан Гутенберга, частично реконструированный, а частично, как утверждали, подлинный. История стана такова.

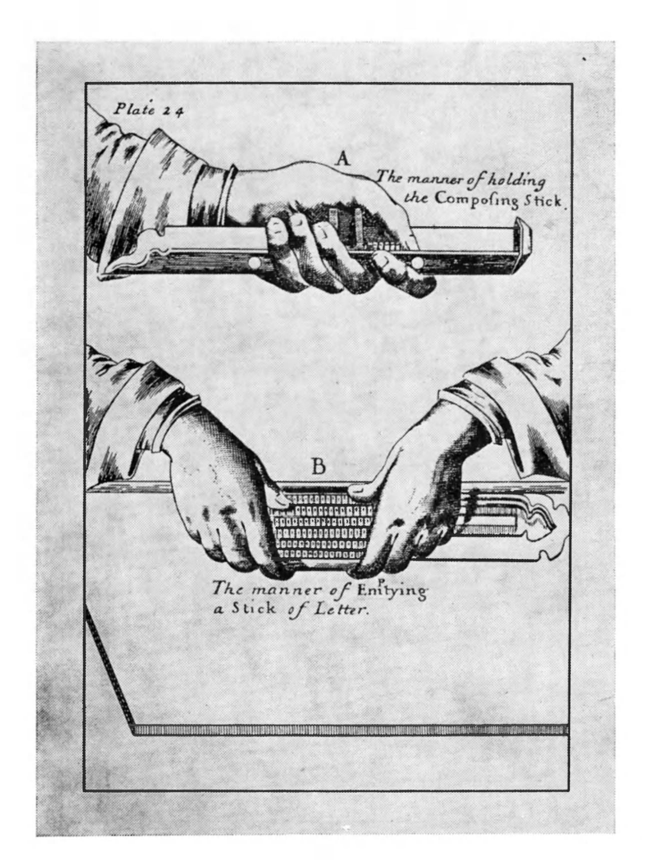
В свое время аббат Тритемий утверждал, что Иоганн Гутенберг жил в доме «цум Юнген». Потомки своеобразно почтили память великого изобретателя: в XIX в. в доме открыли пивную, которая называлась «У Гутенберга». 22 мая 1856 г. в 4 часа пополудни владелец пивной Борзнер, раскапывая земляной пол в подвале, примерно в 5 м от уровня мостовой обнаружил древнеримские монеты, осколки керамики, печные изразцы и несколько дубовых балок. На одной из них сохранилась резная надпись: J MCDXLI G. Ее рас-

Наборный инструментарий
По Дж. Моксону.
1683 г.

шифровали как инициалы Иоганна Гутенберга и указание на год 1441. Сами же балки посчитали частями типографского стана. Известный уже нам дрезденский коллекционер Генрих Клемм в скором времени приобрел находку за немалую сумму. По его заказу отсутствующие детали стана были восполнены.

Впоследствии, когда коллекция Клемма легла в основу Немецкого музея книги и шрифта, открытого в июле 1885 г., в экспозицию вошел и станок[76]. Это было сравнительно небольшое сооружение в виде стола, по сторонам которого вертикально установлены

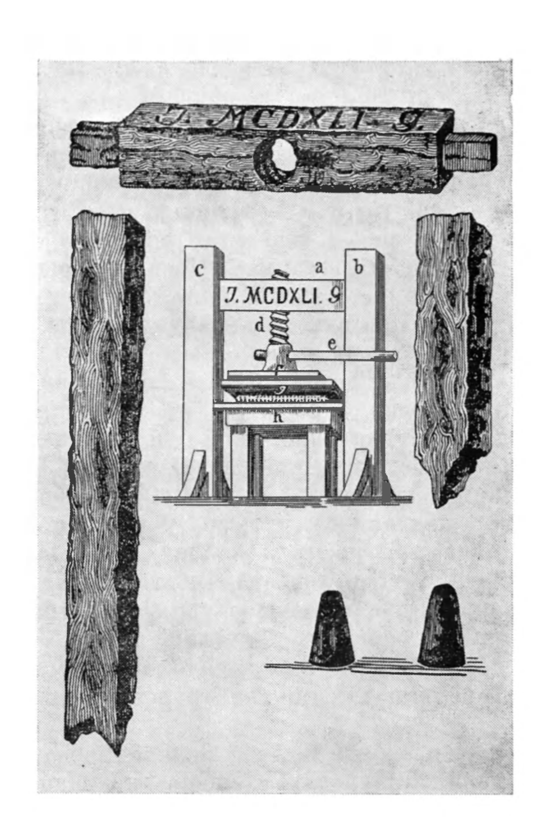

Установка литер в верстатку
По Дж. Моксону

массивные дубовые балки. Между ними — горизонтальная перекладина с помянутой выше надписью. В перекладине — отверстие для винта, на котором укреплена колоколообразная деталь с рычагом для поворачивания винта. Непосредственно на этой детали — доска для прижимания листа к наборной форме, установленной на столе.

Стан в таком виде работать не может, ибо доска должна быть подсоединена к винту подвижно. В противном случае при вращении винта она также должна вращаться, а этому мешают вертикальные балки.

Реконструировали стан, не задумываясь над смыслом его работы. Но дело даже не в этом. В XV в. число

**Реконструкция печатного стана
из коллекции Г. Клемма**

400 писали римскими цифрами не так, как это делается теперь — CD, а таким образом: CCCC. Да и имя Иоганн начиналось не с буквы *J*, а с *I*. В 1441 г. Гутенберг был не в Майнце, а в Страсбурге. Это сразу насторожило майнцских патриотов. Получалось, что книгопечатание вообще и типографский стан в частности изобретены не в Майнце. Предполагать, что Гутенберг привез с собой станок из Страсбурга, наивно. Столь несложную конструкцию он мог соорудить и вторично.

Поэтому всю историю с находкой частей стана сочли фальсификацией, столь часто вторгавшейся в гутенберговедение.

Подумаем о том, какая задача стояла перед Гутенбергом, когда он собирался механизировать печатный

процесс. Чтобы получить оттиск с набора, его прежде всего необходимо покрыть краской. Далее нужно аккуратно наложить чистый лист бумаги на форму. Лист необходимо плотно и, что очень важно, равномерно прижать к форме — такова третья операция. И, наконец, следует снять готовый оттиск с набора. Судя по всему, первая, вторая и четвертая операции осуществлялись Гутенбергом вручную. Механизировано было лишь само получение оттиска, происходившее под большим давлением. По подсчетам специалистов удельное давление в этом случае должно быть равно 8,2 кгс/см^2. Суммарное же давление при печати, например 42-строчной Библии, можно определить по формуле $Q=p \cdot F$, где p — удельное давление, а F — площадь формы [77]. Подставляя соответствующие значения для 42-строчной Библии, например, имеем $Q=8{,}2 \cdot 19 \cdot 29=4518{,}2$ кгс.

Получить давление в четыре с половиной тонны, вручную прижимая доску к набору, невозможно. Печатный стан Гутенберга позволял это делать, прикладывая сравнительно небольшое усилие к рычагу, приводившему во вращение нажимной винт. Это было большим достижением, ибо давало значительный выигрыш во времени и снижало трудоемкость рабочего процесса.

Задумываясь над тем, как механизировать операцию получения оттиска, Гутенберг мог использовать уже существовавшие к тому времени механизмы, призванные создавать давление между двумя горизонтальными плоскостями. Первый из таких механизмов — это пресс, который применялся в виноделии. Виноград укладывали на столе со стоком, под который ставили бочку. По бокам стола находились две массивные вертикальные балки, в пазах которых была подвижно установлена горизонтальная доска. Давление создавалось с помощью бруска, прижимаемого к доске с помощью винтового шпинделя, ходившего в гайке. Последняя была закреплена в горизонтальной перекладине между двумя вертикальными балками. Вращали шпиндель с помощью прикрепленного к нему колеса.

Аналогичную конструкцию имел пресс для обжимки стоп бумаги в бумагоделательном производстве.

Ни в первом, ни во втором случаях конструкторы не ставили перед собой задачи обеспечить механический подъем нажимной доски после прессования. Более того, строгая параллельность доски и поверхности

стола в этих случаях не требовалась. Решить эти задачи предстояло Гутенбергу при сооружении типографского стана.

Гутенберг вряд ли мог обеспечить с имеющимися у него средствами для обработки дерева строгую параллельность горизонтальных поверхностей. Он решил пойти по другому пути. Равномерность натиска по всей плоскости формы может быть достигнута с помощью какого-либо мягкого материала — ткани или пергамена, который помещали между нажимной плитой и листом бумаги, лежащим на форме. Материал как бы скрадывал непараллельность плоскостей и их неровности. Такой материал впоследствии получил название декеля.

Накладывать лист и декель на форму, находящуюся под нажимной плитой, да и наносить в этом положении краску на форму неудобно. Значит, следовало озаботиться созданием устройства, которое периодически перемещало форму под плиту и обратно. Для этого форму устанавливали не прямо на стол, а на подвижную каретку. И, наконец, нужно было придумать механизм, который бы облегчал точное наложение листа на наборную форму.

Познакомиться со всеми этими устройствами можно по старейшим изображениям типографского стана. Первое из них встречается на уже знакомой нам гравюре, помещенной в 1500 г. в издании Маттиаса Гусса. Со времени изобретения книгопечатания прошло всего 50 лет. Нет никакого сомнения в том, что такой же стан стоял в типографии Гутенберга. На гравюре видно массивное сооружение, вертикальные стойки которого укреплены распорками, упирающимися в потолок. Винт пресса не охватишь ладонями, он, видимо, сделап из дерева. Наборная форма заключена в каретке, которая закрыта и подведена под нажимную плиту. На столе хорошо просматривается П-образпая стойка для поддержки деталей каретки в открытом состоянии.

В начале XVI в. изображения печатного стана встречаются на издательских марках типографов Иоста Бадия Асцензия (1509 г.), Петруса Цезаря (1510 г.), Якоба де Бреда (1515 г.), Дирка ван ден Барне (1512 г.), Олдржиха Веленского (1519 г.)[78]. На всех этих гравюрах изображена рукоятка для перемещения каретки под нажимную плиту и обратно.

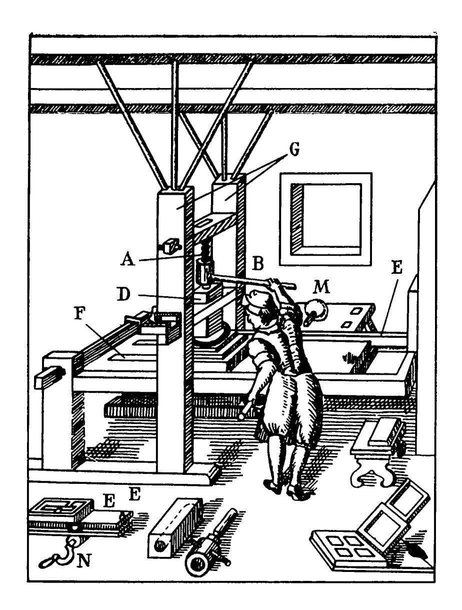

Печатный стан на издательской марке Иоста Бадия Асцензия

Типографские станы рисуют Лукас Кранах (1520 г.) и Альбрехт Дюрер (1525 г.).

На гравюре Иоста Аммана (1568 г.) каретка стана показана в открытом положении. Один из рабочих-типографов кожаными подушечками — мацами набивает краску на печатную форму, второй — снимает отпечатанный лист с иголок-пунктур, закрепленных на декельной рамке.

Первое технически грамотное описание типографского стана, сопровожденное гравюрой, встречается в книге городского архитектора Падуи Витторио Цонка (1568—1602), посвященной различным механическим устройствам и приспособлениям. Книга увидела свет в 1507 г.[79] Стан к этому времени усовершенствовали, некоторые части его стали делать из металла, но прин-

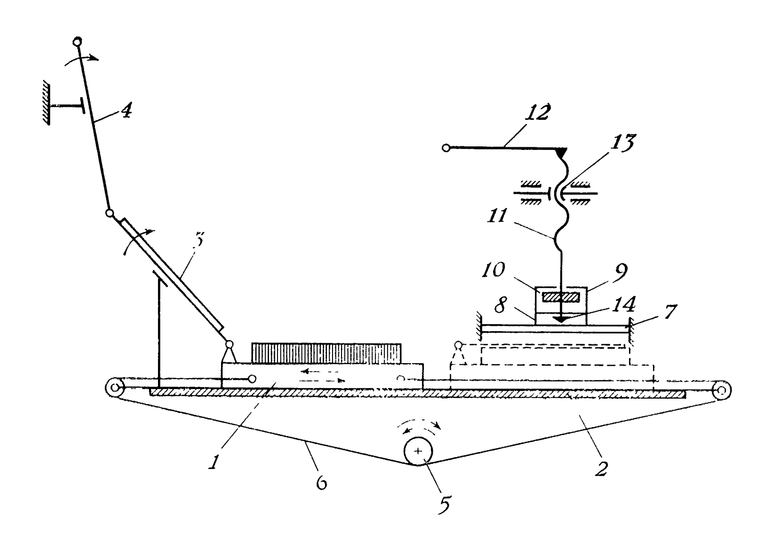
Печатный стан по гравюре из книги В. Цонка
1507 г.

цип работы и общая конструкция остались прежними. Вот как представляет Цонка устройство этого стана:

«Винт *A* должен быть отлит из металла (меди.— *Е. Н.*), ибо тогда он лучше и чище. Его можно сделать и из железа, по это не так хорошо; он должен иметь четырехгранную нарезку... Винт входит в гайку (на гравюре она не видна.— *Е. Н.*), также сделанную из металла, и она не выпускает винт за поперечину. Нажимная плита также отливается из металла, чтобы быть гладкой, ибо она должна ровно нажимать на шрифт. Из железа она будет хуже, ибо молотом ее трудно сделать такой ровной... Если же хотят сделать нажимную плиту из дерева, то надо взять оливковое дерево. Внизу на винте висит четырехгранная железная букса *D*, которая с помощью шнуров поднимает нажимную плиту вверх. Эта букса имеет четырехугольную форму для того, чтобы винт лучше нажимал своей конической (лишенной нарезки.— *Е. Н.*) частью на нажимную плиту... Букса прикреплена к (лишенной нарезки.— *Е. Н.*) части винта штифтом... таким образом, что при вращении винта букса перемещается (возврат-

но-поступательно вниз и вверх.— *Е. Н.*). На высоте в 2,5 фута (75 см.— *Е. Н.*), на которой человеку удобно работать, установлен стол *Е*... занимающий пространство между стойками *G*, заключающими всю конструкцию. На столе движется каретка *ЕЕ*, в которой заключен шрифт. Рабочий передвигает каретку взад и вперед ручкой с помощью шнура, намотанного на барабан *N*. Внизу под кареткой прикреплено несколько железных полос и несколько таких же *F* — на столе, по которым каретка, смазанная мылом, легко скользит. После того как рабочий сделает нажимным рычагом *В* движения к себе и обратно, он, с помощью рукоятки, перемещает тележку вправо, открывает раму наподобие окна (см. изображение открытой и закрытой каретки внизу справа.— *Е. Н.*), вынимает оттуда отпечатанный лист, берет обеими руками наполненные шерстью мацы *М*, опускает их в типографскую краску из ламповой сажи, льняного масла и смолы, один или два раза ударяет их друг о друга (точнее, растирает краску вращательным движением мац.— *Е. Н.*), затем набивает краской шрифт, накладывает чистый лист, закрывает каретку, смещает ее налево, прижимает рычагом винт вниз и так повторяет печатание» [80].

Поясним принцип действия типографского стана кинематической схемой. Наборная форма заключена в раме, установленной на каретке *1*, которая имеет возможность возвратно-поступательного движения вдоль поверхности стола *2*. К каретке шарнирно прикреплена декельная рамка (тимпан) *3*, а к последней — рамка (фрашкет) *4*, предохраняющая поля оттиска от попадания краски. Декельная рамка затянута листом пергамена, выравнивающим натиск. На рамке закреплены иголки-пунктуры, на которые накалывают лист бумаги. После этого на декельную рамку опускают фрашкет, а затем декельную рамку с фрашкетом накладывают на наборную форму и с помощью рукоятки приводят во вращение цилиндр *5*. Последний при помощи шнуров *6* перемещает каретку под нажимную плиту (тигель) *7*. Тигель подвешен на шнурах *8* к буксе *9* (на Руси ее называли «орех»), которая подвижно установлена на цилиндрическом выступе *10*, жестко скрепленном с винтом 11. При перемещении нажимного рычага *12* винт, смещаясь в гайке *13*, своей нижней, лишенной нарезки частью *14* прижимает тигель к листу, лежащему поверх набитой краской формы. При

Печатный стан

Кинематическая схема

обратном движении рычага (на Руси его называли «кука») букса смещается вверх и поднимает тигель, подвешенный на шнурах. Затем каретку выводят из-под тигля, раскрывают ее и снимают готовый оттиск с пунктур.

Сконструированный Иоганном Гутенбергом типографский стан служил человечеству на протяжении более 350 лет, пока не появилась печатная машина, созданная в начале XIX в. Фридрихом Кенигом (1774—1833).

Типографская краска. Состав краски стал одним из компонентов изобретения Иоганна Гутенберга. Краску делали из сажи, которую смешивали с льняным маслом — олифой. Важную роль играли и всевозможные добавки, о которых мы узнали совсем недавно, когда лаборатория ядерных исследований Калифорнийского университета применила для исследования первопечатных изданий метод так называемых протонных миллипроб [81]. Анализу подверглись 324 листа первого тома 42-строчной Библии, принадлежащей мемориальной библиотеке Эдварда Лоуренса Дехени в г. Камарилло (штат Калифорния). Анализировался состав краски одной из литер оборотной стороны каждого листа. Затем

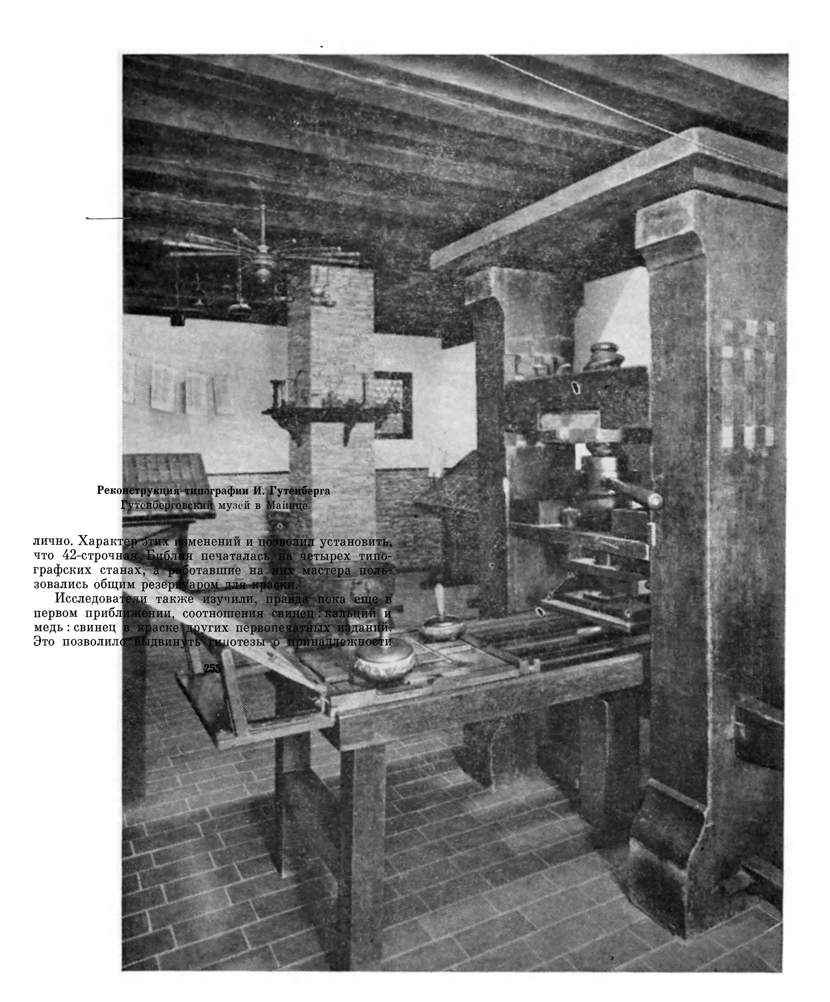
аналогичным образом исследовался незапечатанный участок. Всего было проведено свыше 800 проб, что в общей сложности заняло не более 41 часа. В дальнейшем такому же анализу были подвергнуты 36-строчная Библия, 31-строчная индульгенция, «Католикон» в допечатке 1468—1469 гг., Псалтыри 1457 и 1459 гг. и некоторые другие первопечатные издания.

Изучение краски, которой напечатана 42-строчная Библия, показало, что она содержит очень высокую концентрацию меди и свинца. Объясняли это различно. Утверждалось, например, что высокое содержание свинца является следствием эрозии металла с поверхности литер. Но известно, что литеры у Гутенберга были не свинцовыми, а оловянными. Кроме того, было установлено, что краска 138-го листа калифорнийского экземпляра содержит очень мало свинца, да и техника набора листа отличается от приемов, обычных для Гутенберга. Высказывалось предположение, что лист был перепечатан позднее Петером Шеффером. И еще одно любопытное обстоятельство. На первых листах экземпляра, который был изучен, есть литеры, воспроизведенные красной краской. Как известно, Гутенберг в дальнейшем отказался от двухкрасочной печати из-за трудностей с приводкой оттисков (совмещение красного и черного оттисков). Так вот, оказалось, что красная краска содержит очень небольшие следы меди и совершенно не имеет свинца. Пришлось отклонить гипотезу об эрозии свинца с поверхности литер, ибо красные буквы печатали с тех же литер, что и черные.

Исследование велось одномиллиметровым пучком протонов, фокусируемым с помощью лазерного устройства. Эксперимент был «чистым»: воздействие на результаты черной краски соседних литер и литер на оборотной стороне листа полностью исключалось.

В итоге была высказана гипотеза, что Гутенберг специально прибавлял к типографской краске окислы меди и свинца, чтобы повысить степень черноты краски, увеличить ее вязкость и ускорить высыхание оттиска.

Оптимальные результаты исследования были достигнуты не путем определения абсолютного количества меди и свинца (оно зависит от площади печатающей поверхности литеры и от количества нанесенной на нее краски), а методом нахождения отношения меди и свинца. На разных листах их соотношение было раз-

Реконструкция типографии И. Гутенберга
Гутенберговский музей в Майнце

лично. Характер этих изменений и позволил установить, что 42-строчная Библия печаталась на четырех типографских станах, а работавшие на них мастера пользовались общим резервуаром для краски.

Исследователи также изучили, правда пока еще в первом приближении, соотношения свинец : кальций и медь : свинец в краске других первопечатных изданий. Это позволило выдвинуть гипотезы о принадлежности

тех или иных изданий Иоганну Гутенбергу или другим типографам. Так, характеристики химического состава краски 36-строчной Библии, которую приписывали Альбрехту Пфистеру или Генриху Кефферу, близки к характеристикам краски 42-строчной Библии. То же самое можно сказать о 31-строчной кипрской индульгенции. Вместе с тем Псалтыри 1457 и 1459 гг. и «Католикон» в перепечатке 1468—1469 гг. имеют совершенно иные характеристики краски. Значит, 42- и 36-строчные Библии и 31-строчная индульгенция напечатаны одним типографом, а именно Иоганном Гутенбергом, а Псалтыри и перепечатка «Католикона» — другим.

Гутенберг и «мастер игральных карт». В изданиях Иоганна Гутенберга иллюстраций и орнаментики нет. Точнее, они есть, но во всех экземплярах разные, ибо не напечатаны, а сделаны от руки.

Узорные инициалы впервые воспроизведены полиграфическим способом в Псалтыри 1457 г. Иоганна Фуста и Петера Шеффера. Напечатаны они, как уже говорилось, в две краски. Некоторые исследователи предполагают, что печать осуществлялась в один прогон с составных печатных форм. Внутреннюю часть, воспроизводившую сам инициал, вынимали из формы и закрашивали синей краской, а внешнюю, с которой печаталось орнаментальное обрамление буквицы, набивали киноварью. Затем обе части составляли и осуществляли оттиск на листе, на котором предварительно черной краской был отпечатан текст [82].

Надо сказать, что многие современные ученые сомневаются в правильности такой реконструкции техники двухкрасочной печати. Иногда утверждается, что формы для печатания инициалов изготовлялись методом отливки в земляные опоки по гравированным деревянным моделям. Технология отливки разработана еще Иоганном Гутенбергом. Подготовка к созданию Псалтыри 1457 г. велась в ту пору, когда изобретатель книгопечатания был техническим руководителем совместной мастерской Фуста—Гутенберга.

Недавно была высказана гипотеза, что Иоганн Гутенберг предполагал снабдить 42-строчную Библию орнаментально-иллюстрационными украшениями на полях. Американский исследователь Гельмут Леман-Хаупт тщательно изучил семь рукописных Библий, на-

писанных в Майнце в первой половине — середине XV в. Все они превосходно украшены. В соответствии с традицией готического рукописания поля книг заполнены причудливо переплетающимися ветвями и травами, среди которых раскиданы фигурки обросших шерстью людей и различных животных. Леман-Хаупт обнаружил, что фигурки восходят к одному и тому же оригиналу — их позы, размеры, ракурс наблюдения совпадают. Видимо, в Майнце существовал какой-то единый образец для художников, украшавших рукописи. Такие образцы существовали и на Руси, где их называли подлинниками.

Изображения, аналогичные тем, что встречались в рукописях, Леман-Хаупт обнаружил на полях экземпляра 42-строчной Библии, который хранится в библиотеке Джона Х. Шайде в Титусвилле (штат Пенсильвания, США) [83]. Но особенно интересно то, что такие же фигурки имеются на старейшей колоде игральных карт, воспроизведенных в технике углубленной гравюры на металле. Гравюры созданы в 40-х годах XV в., скорее всего в Майнце. Имя мастера, изготовившего их, нам неизвестно, в специальной литературе его именуют «мастером игральных карт». Его «работы,— утверждает историк гравюры Пауль Кристеллер,— мы до сих пор принуждены считать первыми из известных нам немецких гравюр на меди» [84].

Вместо специфических карточных «мастей» на поле раскиданы фигурки людей и животных. Обычно игральные карты печатали с больших медных досок, на которых умещались изображения 12 карт одного цвета. У «мастера игральных карт» техника другая. Он составляет каждую карту из многих небольших досок, на каждой из которых выгравирована одна фигурка.

Это дало повод Леману-Хаупту высказать гипотезу о том, что гравюры делались для украшения полей 42-строчной Библии. Углубленные на металле изображения могли стать формой для отливки по ним высокой (типа цинкографской) печатной формы, с которой можно было печатать одновременно с текстовой наборной формой. Гельмут Розенфельд впоследствии предположил, что аналогичным образом изготовлялись и формы для печатания инициалов в Псалтыри 1457 г., которые первоначально предназначались Гутенбергом для Большого Миссала [85].

Если признать справедливость гипотезы Лемана-Хаупта, а у нас нет оснований не делать этого, получается, что Иоганн Гутенберг стоял у истоков не только типографской, но и глубокой печати. С Библией пришлось спешить. Поэтому изобретатель оставил мысль об иллюстрировании и орнаментировании издания. Приготовленные для этой цели гравюры были использованы для печатания колоды игральных карт, исполненных с большим мастерством. «Многие движения переданы необычайно выразительно,— пишет о них П. Кристеллер.— Особенно бросается в глаза на игральных картах любовное и тщательное изучение животных и растений. Резец является совершенно послушным орудием в руке художника и до конца осуществляет его намерения... В нежных переходах от тени к свету сказывается стремление к красочным эффектам, напоминающим живопись миниатюр» [86].

Иоганн Гутенберг, вне всякого сомнения, был художественной натурой. Об этом свидетельствуют строго продуманные пропорции его изданий, изящные в своей законченности формы шрифта. Быть может, сам Гутенберг и был «мастером игральных карт»?

Судьба изобретения

Есть изобретения преждевременные. Они появляются на свет задолго до того, как возникает общественная потребность в них. Судьба таких открытий и их творцов печальна. Изобретение Иоганна Гутенберга было удивительно своевременным. Еще при жизни первооткрывателя оно начало победное шествие по странам Европы.

В 1465 г. типографский станок перевалил через Альпы и обосновался на итальянской земле. В 1468 г. открылась первая типография в Швейцарии, в 1470 г.— во Франции, в 1473 г.— в Бельгии и Венгрии, примерно тогда же — в Польше. В 1474 г. заработали печатные станы в Испании, в 1476 г.— в Чехословакии и Англии, в 1482 г.— в Австрии и Дании, год спустя — в Швеции. В 1483 г. южные славяне начали печатать книги глаголическим шрифтом. В 1491 г. возникла первая типография кирилловского шрифта в древнем польском городе Кракове. По стопам Гутенберга шли и великие восточнославянские просветители Франциск Скорина и Иван Федоров, уже в XVI в. начавшие книгопечатание в нашей стране.

Пожалуй, ни одно изобретение не внедрялось столь быстро и оперативно. Всего за 40 лет в 260 городах Европы было основано не менее 1100 типографий, которые до начала XVI в. выпустили в свет около 40 тыс. изданий общим тиражом в 10—12 млн экземпляров.

Изобретение Гутенберга сделало книгу дешевой, легкой в изготовлении, а следовательно, доступной. До этого ученые, по словам академика В. И. Вернадского, вынуждены были предпринимать «необычайные усилия... для того чтобы получить нужные сведения: далекие, нередко годами длящиеся путешествия, трудные отыскивания людей, имеющих рукописи или рецепты... Человеческая личность не имела никакой возможности предохранить, хотя бы несколько, свою мысль от исчезновения, распространить ее широко — urbi et orbi (городу и миру.— *Е. Н.*) — пережидать не-

благоприятное время и сохранить ее до лучших времен. Вечно и постоянно все создавалось и вновь разрушалось тлетворным влиянием всеразрушающего времени» [1].

С изобретением книгопечатания все изменилось. Доступ к знаниям был облегчен, да и сами они — знания — стали демократичнее. Типографский стан создал условия для массового распространения произведений науки, литературы, искусства. Книга начала играть активную роль в истории общества, превратилась в мощное политическое и идеологическое оружие. Ее плодотворное воздействие отныне можно проследить в различных сферах человеческой деятельности.

«Книгопечатание явилось тем могучим орудием,— утверждает В. И. Вернадский,— которое охранило мысль личности, увеличило ее силу в сотни раз и позволило в конце концов сломить чуждое (феодальное.— *Е. Н.*) мировоззрение. Мы можем и должны начинать историю нашего научного мировоззрения с открытия книгопечатания» [2].

За пять с лишним столетий, прошедших со времени изобретения книгопечатания, оно неузнаваемо изменилось. Десятки и сотни новаторов совершенствовали дело рук и ума Иоганна Гутенберга. Мы считаем необходимым коротко рассказать об этих свершениях.

Техника воспроизведения иллюстраций. Гравированные на дереве иллюстрации в книге, отпечатанной с наборной формы, впервые появляются в 1461 г. Книга вышла из типографии Альбрехта Пфистера, бамбергского клирика, секретаря епископа Георга фон Шаумбурга. О Пфистере известно очень мало. Первое упоминание о нем относится к 1448 г. 3 сентября 1460 г. он назван в источниках секретарем епископа, а 13 апреля 1466 г. его уже не было в живых [3]. Учился он, вне всякого сомнения, у Иоганна Гутенберга в пору печатания 36-строчной Библии. Примерно за шесть лет самостоятельной работы он выпустил в свет девять книг, назвав свое имя лишь в двух из них.

Первая книга с иллюстрациями — «Богемский земледелец» чешского писателя Яна из Тепла (ум. 1414). В 24-листной брошюре — пять цельностраничных гравюр размером 140×220 мм. Технического новшества здесь на первый взгляд нет: гравюры имелись и в ксилографических книгах. Сложность, однако, состояла в

том, чтобы сочетать текст, воспроизведенный с наборной формы, и иллюстрацию, оттиснутую с гравированной доски. В «Богемском землепашце» иллюстрации еще не связаны с текстом, да и печатались они с отдельной формы. Но уже в следующей своей книге — «Драгоценном камне» Ульриха Бонера, вышедшей в свет 14 февраля 1461 г., Пфистер вводит иллюстрации в текст. Небольшие (80×110 мм) и достаточно примитивные картинки впечатаны на страницы, на которых ранее уже был оттиснут текст [4]. Лишь в следующей своей книге, изданной в мае 1462 г., Пфистер додумался печатать текст и иллюстрации одновременно. Для этого нуждно было делать иллюстрационную и наборную форму одинаковой высоты или, как говорят полиграфисты, роста. В книге — она называется «Четыре истории» — 61 иллюстрация.

Отныне иллюстрация, воспроизведенная полиграфическим способом, прочно и навсегда входит в книгу. Если говорить о техническом совершенствовании книгопечатания, то в течение первых 300 лет существования типографского стана оно проявляет себя прежде всего в области иллюстрационных печатных форм.

Пфистер, а за ним и другие мастера гравировали на досках продольного распила с волокнами, идущими параллельно поверхности. Материал сопротивлялся режущему инструменту по-разному, в зависимости от направления штрихов вдоль или поперек волокон. Это с неизбежностью отражалось на качестве изображения. Техника оставалась прежней, но изобразительные возможности непрерывно совершенствовались. Предела совершенствованию, говорят, нет. И все же к такому пределу близки великолепные мастера, работавшие в конце XV — первой половине XVI в.: Альбрехт Дюрер (1471—1528), Ганс Гольбейн (1497—1543), Лукас Кранах (1472—1553).

Параллельно с ксилографией на протяжении XV в. развивается углубленная гравюра на металле. Напомним, что, как и в высокой печати, в этом случае разделение печатающих и пробельных элементов осуществляется механически. Разница заключается в том, что в высокой печати печатающие элементы возвышены, а в глубокой — углублены. Краску забивают в углубленные участки, тщательно удаляют ее с возвышенных пробельных участков, после чего получают оттиск.

В своем первом варианте, называемом резцовой

гравюрой, углубленная гравюра бытовала в виде станкового метода графики, использовалась в изготовлении игральных карт. В книгу она проникает лишь в последней четверти XV в. Первый опыт был сделан англичанином Уильямом Кэкстоном (1422—1491) в бельгийском городе Брюгге. Напечатанное им здесь в 1475 г. «Собрание рассказов из „Истории Трои“» снабжено гравированным на металле титульным листом, наклеенным на одну из страниц книги. В конце 1476 г. Кэкстон вернулся па родину и стал английским первопечатником. В Брюгге его опыты продолжал Колар Мансион, выпустивший в 1476 г. новеллы Дж. Боккаччо с десятью гравюрами на меди, также наклеенными на страницы книги.

Гравированные па металле иллюстрации и текст, оттиснутый с типографской наборной формы, впервые попробовал отпечатать на одном листе флорентийский типограф Никколо ди Лоренцо. В 1477 г. он выпустил книгу сиенского епископа Антонио Беттини «Святая божья гора», иллюстрированную тремя гравюрами — две из них цельностраничные. Спустя три года ди Лоренцо использовал тот же способ для воспроизведения географических карт. Наиболее известное его издание — «Божественная комедия» Данте Алигьери с комментарием Кристофора Ландино [5]. Эта нарядная книга, вышедшая 30 августа 1481 г., украшена гравюрами Баккио (Бартоломео) Бальдини (ок. 1436 — после 1480) по рисункам Сандро Боттичелли (1445—1510). Текст и иллюстрации печатались на различных станках. Типограф предполагал дать гравюру к каждой песни бессмертного произведения Данте, но полиграфические трудности заставили его отказаться от этого. Гравер изготовил лишь 19 досок. Однако в большинстве из сохранившихся экземпляров, в том числе и в московском, воспроизведено лишь по 2—3 гравюры.

Со временем появилось большое количество вариантов изготовления формы глубокой печати, причем каждый из них вносил что-то новое и особенное в характер оттиска. Видоизменением резцовой гравюры стал способ, именуемый «сухая игла», при котором гравируют не штихелем, а твердой и острой иглой или кусочком алмаза. Появился способ в начале XVI в., известны три гравюры в технике «сухая игла», исполненные Альбрехтом Дюрером.

Метод резцовой гравюры требует больших физиче-

ских усилий. Значительно менее трудоемок способ, известный под названием «офорт» и состоявший в следующем. На поверхность металлической доски наносили кислотоупорный лак, на который осаждали слой копоти. Рисунок процарапывали в грунте иглой, обнажая металл. Затем доску обрабатывали смесью азотной и соляной кислот — «царской водкой», или, по-французски, «eau-forte», откуда и название способа. Кислоты протравливали и углубляли лишь те участки поверхности, на которых нарушен лаковый слой.

Первые опыты офорта были предприняты, по-видимому, в самом начале XVI в. в мастерской аугсбургского гравера Даниэля Хопфера (ок. 1470—1536). Первый датированный офорт относится к 1513 г., он выполнен швейцарским мастером Урсом Графом (ок. 1470—1527) [6].

Резцовая гравюра и офорт широко проникают в книгоиздание с середины XVI в. и господствуют здесь не менее 250 лет. И в эту пору появляются их различные видоизменения. Прежде всего это так называемый мягкий лак, изобретателем которого считают швейцарского живописца и офортиста Дитриха Мейера (1572—1658). Сущность способа остается прежней, изменяется лишь метод переноса изображения на доску. Грунт в этом случае смешивают с салом, благодаря чему он становится мягким и легко отстает от доски. Рисунок наносят твердым карандашом на бумажный лист, наложенный поверх грунта. В местах, по которым прошел карандаш, лак прилипает к обратной стороне листа и, когда лист снимают, удаляется с доски.

В резцовой гравюре и офорте мастер идет как бы от белого к черному, постепенно нанося на формную пластину элементы, впоследствии дающие оттиск. Возможен и другой случай — гравер начинает от сплошной черной плашки, постепенно воссоздавая пробельные непечатающие элементы. При этом поверхность доски обрабатывают специальным инструментом — качалкой, дугообразный край которой покрыт острыми зубцами. На пластине остаются мелкие углубления, равномерно распределенные по всей поверхности. Чтобы превратить доску в печатную форму, гравер сглаживает углубления шабером и гладилкой в тех участках, которые должны стать пробельными. Такой способ, получивший название «меццо-тинто», или черная манера, изобрел в 1643 г. уроженец Нидерландов Люд-

виг фон Зиген (1609—1676) Впоследствии черная манера была широко распространена в Англии.

В резцовой гравюре и офорте изображение моделируется линией, штрихом, в меццо-тинто — постепенным изменением интенсивности тоиа. Химический вариант черной манеры, именуемый «акватинта», был введен в практику в 1765 г. французом Жаном Батистом Лепренсом (1734—1781), долго жившим и работавшим в России.

Древнейшим способом многокрасочной иллюстрационной печати была цветная гравюра на дереве. Этот метод возник в Германии; его пионером применительно к воспроизведению орнаментики был Петер Шеффер. Широко использовал способ аугсбургский и венецианский типограф Эрхард Ратдольт (1487—1516). В 1506 г. Лукас Кранах предпринимает первые опыты в области цветной фигурной гравюры. Для каждой краски или тона гравировалась своя доска; на первых порах таких досок было от двух до четырех. Немецкие граверы изготовляли одну из досок для воспроизведения контура рисунка, и несколько других — для его расцвечивания.

Иной метод применялся в Италии, он стал известен под названием «кьяроскуро», что в переводе означает «светотень» [7]. Итальянские граверы моделировали изображение не штрихом, а тоном. Пионером кьяроскуро был венецианец Уго да Карпи (ок. 1450—1532). 24 июля 1516 г. Венецианский сепат выдал ему привилегию на «новый способ печатать кьяроскуро, вещь новую и никогда до тех пор не исполнявшуюся».

Многокрасочные способы углубленной гравюры в силу чисто технических затруднений появились значительно позже — лишь в XVIII в. Первые опыты были предприняты в области цветного меццо-тинто, изобретателем которого считается француз Жак Кристоф Леблон (1667—1741). Он получал многокрасочное изображение путем последовательного воспроизведения на одном листе трех цветоделенных оттисков, для каждого из которых готовилась специальная доска. В технике цветной акватинты стал впервые работать уже известный нам Жан Батист Лепрепс.

Цветная углубленная гравюра использовалась во французском книгоиздании в последней четверти XVIII в.

Совершенствование печатного стана. По подсчетам чешского историка техники Рудольфа К. Нешверы

(1920—1959), в музеях мира сохранился 61 деревянный печатный стан [8]. Изучая конструкцию этих станов, рассматривая их схемы и изображения в книгах XVI—XVIII вв., исследователи проследили основные этапы совершенствования типографского стана [9]. Реконструкция сводилась к механизации отдельных процессов, которые первоначально выполнялись вручную, а также к последовательной замене деревянных частей металлическими, что было вызвано стремлением увеличить производительность.

Выполненное из дерева нажимное устройство не могло обеспечить давления, необходимого для одновременного получения оттисков двух полос книги достаточно большого формата. Первый шаг в новом направлении сделал нюрнбергский типограф и механик Леонард Даннер, который в 1550 г. изготовил печатный стан с латунным винтом — шпинделем [10]. Вскоре металлической стали делать и нажимную доску.

Амстердамский механик и типограф Виллем Янсзоон Блау (1571—1638), прославившийся превосходным изданием географических и навигационных атласов, усовершенствовал нажимную снасть печатного стана [11]. Он заменил буксу металлической рамкой, подвижно установленной на винте и прикрепленной шнурами к нажимной плите. Рамка смягчала удар плиты о форму, что позволило улучшить качество печати. Для своей типографии Блау построил девять станов, назвав их именами девяти муз. С того времени станы с рамками стали именовать «голландскими», а станы с буксами — «английскими». Обе конструкции подробно описал Джозеф Моксон.

Решающих успехов добился словолитчик из Базеля Фридрих Вильгельм Гааз (1741—1800), который в 1772 г. построил типографский стан с основными узлами, выполненными из железа [12]. Это позволило устранить массивные балки, служившие основой конструкции. Габариты стана существенно уменьшились, он стал компактным. Каменное основание, на котором устанавливался стан, устранило вибрацию, сделало печатный процесс более стабильным. Размеры нажимной доски несколько увеличились. Стан печатал две полосы достаточно большого формата за один прогон.

По пути Гааза во второй половине XVIII в. пошли многие типографы. Металлический стан, который, впрочем, почти ничем не отличался от старого деревян-

ного, соорудил в 1778 г. парижский книгопечатник Франсуа Амбруаз Дидо (1730—1804). Стан был установлен в Королевской типографии в Париже; он сохранился до наших дней.

Широкой известностью в начале XIX в. пользовался цельнометаллический стан, сконструированный знаменитым английским ученым Чарльзом Стэнхоупом (1753—1816). Использованный им противовес позволил снизить усилие, затрачиваемое на подъем нажимной плиты [13]. В 1800 г. стан был построен механиком Робертом Уолкером и установлен в одной из английских типографий.

Своеобразным качественным скачком стало предложение американца Джорджа Клаймера (1754—1834), который коренным образом реконструировал нажимную снасть, неизменную с гутенберговских времен. Он отказался от винта, заменив его хитроумной системой рычагов. Построенный Клаймером в 1817 г. печатный стан «Колумбия» получил широкое распространение; один такой стан был в 1818 г. подарен русскому императору, за что последний наградил изобретателя 6000 руб.[14] Там, где требовались сравнительно невысокие тиражи и хорошее качество печати, «Колумбия» успешно конкурировала с появившейся вскоре печатной машиной. Производили этот стан еще в начале XX в.

Для воспроизведения углубленных гравюр с самых первых шагов использовался стан совершенно иной конструкции. Чтобы перенести красочный слой с формы глубокой печати на бумагу, требуется значительно большее удельное давление, чем для изготовления оттиска с формы высокой печати. С помощью деревянной доски получить такое давление не удавалось. Тогда-то неизвестный нам по имени изобретатель пришел к мысли о передаче давления по линии, а не по плоскости, как в обычном типографском стане. Конструктивно эта мысль была оформлена в виде двух вальцов из букового или грушевого дерева, между которыми пропускалась доска, несущая гравированную пластину с наложенным поверх нее бумажным листом (поверх последнего накладывали кусок войлока). Первое описание стана глубокой печати и первое его изображение появилось в книге Витторио Цонка в 1607 г. Более подробно стан и технология печатного процесса описаны в «Руководстве по гравированию» французского

художника Абраама Босса (1605—1678); книга эта увидела свет в Париже в 1645 г.[15]

Деревянный стан глубокой печати, построенный в 1714 г., сохранился в Музее Плантена в Антверпене[16]. В XVIII в. деревянные вальцы были заменены железными цилиндрами. В дальнейшем начали строить цельнометаллические станы. Сам же принцип передачи давления по линии был положен в основу конструкции плоскопечатной машины, речь о которой пойдет ниже.

Совершенствование наборного и словолитного процессов. В первое столетие после изобретения Иоганна Гутенберга принцип печати с наборной, составленной из отдельных литер формы был распространен на различные языковые системы и алфавиты. Трудной проблемой оказалось воспроизведение нотных текстов. Ноты есть уже в Псалтыри 1457 г. Фуста и Шеффера. Но полиграфически здесь воспроизведены лишь линейки, сами нотные знаки вписаны от руки. В дальнейшем ноты стали печатать ксилографическим способом. Важным усовершенствованием явилось создание нотного набора, первооткрывателем которого был венецианский типограф Оттавиано деи Петруччи (1466—1539), получивший в 1498 г. привилегию на исключительное право использования способа[17]. Первая книга с набранным нотным текстом вышла в свет в 1501 г. Метод Петруччи был двухпрогонным: сначала печатались линии, а по ним, уже во второй прогон, нотные знаки. Однопрогонный способ воспроизведения нотного текста был разработан в 1754 г. лейпцигским издателем Иоганном Готлобом Имануилом Брайткопфом (1719—1794)[18].

Вплоть до середины XVIII в. какой-либо стандартизации в области типографских шрифтов не существовало — каждый словолитчик и типограф изготовлял шрифты в своих, присущих лишь этой мастерской размерах. Смешивать шрифты, полученные от разных словолитчиков, в рамках одного издания было нельзя.

Еще Ванучче Бирингуччо, автор изданной в 1540 г. в Венеции «Пиротехники» — одного из первых в истории техники трудов по литейному и пушечному делу, писал, что все литеры шрифта следует отливать на одну высоту — рост. Но словолитчики не следовали этой рекомендации. Проблема была решена с появлением так называемой типометрии — типографской системы мер.

Первые шаги были сделаны парижским словолитчиком Пьером Симоном Фурнье (1712—1768), положившим в основу системы так называемый типографский пункт, равный $^{1}/_{864}$ королевского фута, или 0,375 мм. Систему свою Фурнье изложил в двухтомном «Руководстве по типографике», содержащем и всевозможные образцы шрифтов [19]. «Руководство» увидело свет в Париже в 1764—1766 гг., по сама система была разработана Фуриье раньше, еще в 1737 г., о чем свидетельствует короткое описание, вплетенное в книгу «Образцы типографских шрифтов» (Париж, 1742) [20].

Величину типографского пункта по отношению к королевскому футу Фурнье подсчитал неточно. Его поправил Франсуа Амбруаз Дидо, система которого используется в полиграфии вплоть до сегодняшнего дня. В ее основе лежит пункт, равный 0,3759 мм. 12 пунктов составляют одно цицеро, а четыре цицеро — один квадрат. В Англии и США действует другая система, пункт которой равен 0,3514 мм.

Фурнье усовершенствовал и наборный инструментарий. Он сконструировал и первый типометр, позволявший производить обмеры литер, строк и полос наборного текста.

Изобретения, о которых идет речь, появились в период упадка феодализма и зарождения капиталистических отношений. Они на первых порах способствовали превращепию ремесленного полиграфического предприятия в хорошо развитую мануфактуру. В дальнейшем они заложили предпосылки для создания полиграфической машинной техники.

Торцовая ксилография и литография. В XVIII в. основным методом иллюстрирования книги была углубленная гравюра, имевшая при всех своих положительных качествах два серьезных недостатка — трудоемкость изготовления и невозможность одновременного печатания с текстом с наборной формы. Изобразительные возможности ксилографии не шли ни в какое сравнение с углубленной гравюрой, в силу чего этот старый метод применялся лишь для воспроизведения орнаментики.

Возродил ксилографию англичанин Томас Бьюик (1753—1828), который впервые стал гравировать на досках поперечного распила, моделируя объемы белым штрихом [21]. Доски мастер составлял из сравнительно

небольших брусочков, подбирая их таким образом, чтобы направление волокон древесины согласовалось. Шедевры Т. Бьюика — иллюстрированные издания «Всеобщая история четвероногих» (Лондон, 1790) и «История английских птиц» (Лондон, 1797—1804). В этих книгах иллюстрация вторгается в текст, становится его необходимой составной частью. Вскоре торцовая ксилография Т. Бьюика занимает господствующее место в иллюстрировании книги, проникает в журнал и газету. Господство продолжается до 80-х годов XIX в., когда в книгопечатание властно входят фотомеханические способы репродуцирования.

Своеобразной революцией в полиграфии явилось появление нового принципа формирования изображения. В основе всех полиграфических способов, известных со времен Иоганна Гутенберга, а частично существовавших и до него, лежало механическое разделение в пространстве печатающих и пробельных участков формы. В самом конце XVIII в. появился способ, основанный на химическом разделении печатающих и пробельных элементов. Будучи соответствующим образом обработаны, первые из них хорошо воспринимали жирную краску, вторые же — отталкивали ее. Способ получил наименование литографии (от греч. «литос» — «камень»), ибо первоначально изображение формировалось на специально подготовленных каменных плитах. Изобрел литографию немецкий новатор Алоиз Зенефельдер (1771—1834) [22]. Он сконструировал первый литографский станок и написал учебник по литографии [23]. Вследствие своей простоты и дешевизны новый репродукционный процесс вскоре же получил широкое распространение; его именовали «гравюрой для бедных».

Печатные машины. Анализируя пути проникновения машины в производство, К. Маркс подчеркнул, что «всякое развитое машинное устройство состоит из трех существенно различных частей: машипы-двигателя, передаточного механизма, наконец, машины-орудия, или рабочей машины» [24]. Промышленная революция, начавшаяся в Европе в конце XVIII в., исходит не от двигателя и не от передачи, но от механизма, непосредственно осуществляющего производственные операции.

Чтобы получить красочный оттиск, необходимо на-

нести краску на печатную форму, наложить на нее лист и создать давление между листом и формой. Последняя из этих операций была механизирована еще на станке Иоганна Гутенберга, содержавшем в себе некоторые элементы машины. Рабочий-тередорщик действовал здесь лишь как двигательная сила. Орудия такого типа, говорил К. Маркс, «прежде всего вызывают применение животных, воды, ветра как двигательных сил. Отчасти в мануфактурный период, в единичных же случаях уже задолго до него, эти орудия развиваются в машины, но они не революционизируют способа производства» [25].

Машина, применение которой положило начало промышленной революции, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который на протяжении цикла оперирует несколькими орудиями, причем последние получают движение от общего привода. Печатная машина появляется лишь тогда, когда наряду с операцией создания давления было механизировано и нанесение краски.

Изобрел печатную машину немецкий механик Фридрих Кениг (1774—1833) [26]. В 1803 г. он построил механизированный печатный стан, нажимная доска которого самостоятельно опускалась на форму, предварительно накатанную краской с помощью вращающихся кожаных валиков. Машина была громоздка, обладала низкой производительностью. Рациональное решение проблемы подсказал Кенигу стан глубокой печати. Идея создания печатной машины с плоской формной и цилиндрической давящей поверхностями была сформулирована впервые в патенте, полученном англичанином Уильямом Никольсоном (1753—1815) в 1790 г.[27] Предложение это осуществлено не было, и Ф. Кениг, скорее всего, о нем не знал. 30 октября 1811 г. немецкий изобретатель получил в Англии патент на машину с плоской формой, двигающейся возвратно-поступательно, и с давящим цилиндром; такие машины впоследствии назвали плоскопечатными [28]. К декабрю 1812 г. она была готова и установлена в одной из лондонских типографий. Производительность машины составляла 800 оттисков в час.

Во второй половине 1814 г. Ф. Кениг соорудил плоскопечатную машину с двумя цилиндрами и двумя накладными столами для подачи бумажных листов. Она была установлена в типографии лондонской газе-

ты «Таймс». 29 ноября 1814 г. подписчики получили номер газеты, который, как о том говорилось в редакционной статье, впервые в истории был оттиснут с помощью «механического аппарата». Эта машина уже печатала до 1100 оттисков в час. В 1816 г. Ф. Кениг построил машину, снабженную остроумным приспособлением для переворачивания листа после нанесения оттиска, а также вторым печатным аппаратом для запечатывания оборотной стороны листа.

Изобретатель продолжал совершенствовать свое детище. В его первых устройствах давящий цилиндр останавливался на время обратного хода талера с печатной формой. Машины такого типа в настоящее время называются стопцилиндровыми. В 1818 г. Ф. Кениг изготовил для лондонской типографии Ф. Тейлора печатающее устройство другого типа — с непрерывно вращающимся цилиндром. Таково было начало широко распространенных вплоть до самого последнего времени двухоборотных плоскопечатных машин.

Изобретение печатной машины и ее внедрение в производство создали предпосылки для возникновения полиграфического машиностроения. «...Машинное производство,— утверждал К. Маркс,— первоначально возникло на не соответствующей ему материальной основе. На известной ступени развития оно должно произвести переворот в самой этой основе... и создать для себя новый базис, соответствующий его собственному способу производства». И далее К. Маркс прямо указывает: «Мануфактура не могла бы создать таких машин, как, например, современный типографский станок» [29].

Первый завод полиграфического машиностроения был создан в 1817 г. Ф. Кенигом и его другом Андреа Ф. Бауером (1783—1860) в помещении монастыря Оберцель близ Вюрцбурга. Так возникла существующая поныне фирма «Шнельпрессенфабрик Кениг унд Бауер А. Г.». К 1873 г. фирма изготовила 2000 печатных машин. Отметим, что 393 из них были поставлены в Россию [30]. Собственное производство печатных машин было организовано в России в 1828—1829 гг. на Александровской мануфактуре в Петербурге, однако выпущено было всего несколько штук [31].

Изобретение Ф. Кенига совершенствовалось в разных направлениях. Эдвард Каупер в 1818 г. снабжает машину раскатной плитой, жестко связанной с тале-

ром, а Огастес Эппльгет в 1823 г. размещает раскатные валики под некоторым углом по направлению к движению плиты — все это позволило улучшить качество оттисков. В 1824 г. Дэвид Нэпир изобретает захваты для транспортировки листов. Он же конструирует так называемую однооборотпую плоскопечатную машину.

Постепенно совершенствовалась система привода талера. В первых аппаратах Кенига для этой цели использовался цевочный механизм. А. Бауер в 1840 г. построил плоскопечатную машину, привод талера которой осуществлялся планетарным зубчатым механизмом. Впоследствии для этой цели был применен кривошипно-шатунный механизм, шатун которой связан с тележкой, перемещавшейся по рельсам (так называемый механизм железнодорожного хода).

При возвратно-поступательном движении талера ограничена возможность повышения производительности плоскопечатной машины. Со временем эта производительность перестала устраивать типографов в связи со значительным ростом тиражности газет и журналов. Так возникли предпосылки для появления ротационных печатных машин, в которых как давящая, так и формная поверхности были уже цилиндричны. Ротационный принцип позволил осуществить построение печатного автомата непрерывного действия.

Принципиальная схема ротации была описана еще в 1790 г. в патенте У. Никольсона. В 1813 г. англичане Ричард Макензи Бэкон и Брайаи Донкин получили английский патент № 3757 на ротацию, формный цилиндр которой был выполнен в виде четырехгранника с установленным на его плоскостях шрифтом [32]. Самое трудное в этом случае было закрепить шрифт так, чтобы он не выпадал из формы при вращении четырехгранника. Проблему позволила решить стереотипия.

Стереотипом, в самом общем случае, именуют вторичную цельную печатную форму, изготовленную тем или иным способом и представляющую собой точную копию первичной наборной формы, составленной из шрифта и иллюстрационных клише. Начало стереотипии восходит к первым годам XVIII в.; оно связано с именем лютеранского проповедника Иоганна Мюллера (ум. 1710), жившего в Голландии. В 1708—1709 гг. он напечатал в Лейдене несколько молитвенников и Новый завет с латинским и сирийским текстами. Все они были оттиснуты с металлических стереотипов, об-

ладавших большей тиражеустойчивостью, чем обычная наборная форма. Мюллер снимал с наборной формы гипсовую копию — матрицу, в которую затем заливал типографский сплав. Один из сделанных указанным путем стереотипов поныне хранится в Британском музее [33]. В 1718 г. этим же способом была напечатана голландская Библия.

Опыты гипсового матрицирования продолжил шотландский ювелир Уильям Гед (ум. 1749). В 1739 г. он напечатал в Эдинбурге со стереотипов «О заговоре Катилины» и «Югуртинскую войну» Кая Саллюстия.

Гипсовое матрицирование отличалось серьезными недостатками. Стереотипы значительно лучшего качества удалось получить с матриц, изготовленных из папье-маше — легко поддающейся формовке массы, основу которой составляет бумага. Изобрел и опробовал бумажное матрицирование лионский наборщик Клод Жену в 1829 г.

Использовать стереотип в качестве формы для ротационной печатной машины додумался впервые англичанин Эдвард Каупер в 1816 г. [34] Плоский стереотип, полученный еще с гипсовых матриц, он с помощью несложного приспособления изгибал и натягивал на формный цилиндр. Машину Каупера установили в типографии Государственного банка и печатали на ней бумажные деньги.

В 1845 г. были отлиты полуцилиндрические стереотипы, которые применяются в ротационной печатной технике вплоть до сегодняшнего дня. Однако первые ротации конструировались для обычных наборных форм. Одним из первых изобретателей ротационных машин, внедренных в производство, был англичанин Огастес Эппльгет (1787—1871). Он занимался усовершенствованиями в стереотипии, получив первый патент в этой области еще в 1818 г., затем вместе с Э. Каупером строил плоскопечатные машины, одна из которых, установленная в типографии газеты «Таймс» в 1827 г., имела четыре цилиндра и давала до 5000 оттисков в час. Для той же типографии Эппльгет в 1848 г. соорудил ротацию, основу которой составлял большой формный цилиндр с закрепленными на нем шрифтом и клише [35]. В отличие от современных машин ось цилиндра размещена вертикально. Вокруг формного цилиндра Эппльгет установил восемь меньших по диаметру печатных цилиндров, бумажные листы к ко-

торым подавали восемь рабочих. Машина печатала до 12 000 оттисков в час.

Значительный шаг вперед в совершенствовании полиграфического оборудования вообще и печатных машин в частности сделала всемирно известная фирма, основанная в США англичанином Робертом Хоэ (1784—1833). Предпринимательской, но и изобретательской деятельностью с успехом занимались его сын Ричард и особенно внук Роберт-младший.

В 1846 г. фирма «Р. Хоэ» начала сооружать ротации, которые именовались «молниеносными» или «револьверными». В Англии машины установили в типографиях газет «Таймс» и «Дейли Ньюс». Здесь их образно называли «мамонтами». Наборная форма была закреплена на большом, горизонтально установленном цилиндре диаметром около 1,5 м. Вокруг формного цилиндра размещалось 10 печатных. Около них на платформах, закрепленных на разной высоте, стояли рабочие-накладчики, подававшие бумажные листы в машину. Габариты «мамонта» 10,5×3,6×5,4 м, производительность доходила до 25 000 оттисков в час [36].

Подлинную революцию в печатной технике совершила машина, запатентованная в 1865 г. американцем Уильямом Баллоком (1813—1867). Она печатала с полуцилиндрических стереотипов на бумажном полотне, сматываемом с рулона. Ротация была значительно компактнее, чем «мамонт» Р. Хоэ. Ее установили в типографии газеты «Филадельфиан Инквайер», где она печатала 10 000 экземпляров восьмистраничных номеров в час. В 1869 г. изобретатель Уолтер Скотт снабдил машину Баллока фальцевальным аппаратом.

Говоря о механизации печатных процессов, происходившей во второй и третьей четвертях XIX в., необходимо упомянуть и о тигельных печатных машинах. Снабженные плоскими формной и давящей поверхностями, они на первых порах были не больше чем механизированными типографскими станами. Как известно, механизировать стан пытался еще Фридрих Кениг, который впоследствии пошел более рациональным путем. Между тем тигельные машины, значительно уступая плоскопечатным и ротационным в производительности, позволяли добиться более высокого качества печати, что особенно сказывалось при изготовлении малотиражной и малоформатной продукции.

Одну из первых тигельных печатных машин соору-

дил в Бостоне в 1830 г. американец Айзек Адам. Форма здесь была установлена вертикально, а давящей поверхности (тиглю) сообщалось качательное движение. В дальнейшем появилось немало разновидностей тигельных машин, причем конструировали их преимущественно изобретатели из США: Дж. Гордон, Д. М. Галли, Д. Гольдинг. Отсюда и то название, под которым эти машины известны в нашей старой литературе,— «американки».

Внедрение печатных машин в производство послужило базой промышленной революции в полиграфии.

Фотомеханические способы репродуцирования. Промышленная революция в корне изменила и стародавние методы воспроизведения иллюстраций в печатных книгах. В XIX в. были созданы многочисленные фотомеханические способы репродуцирования, в основе которых лежит фотография — искусство получать с помощью химического действия света стойкие изображения предметов и явлений реально существующей жизни.

Фотография в современном понимании этого слова представляет собой комплекс открытий и технических усовершенствований, сделанных на протяжении многих десятилетий. Говоря о ее изобретателях, чаще всего называют три имени. Жозеф Нисефор Ньепс (1765—1833) сфотографировал в 1824 г. вид, открывающийся из окна его лаборатории, получив позитивное изображение на пластине, покрытой светочувствительным слоем сирийского асфальта. К 1839 г. Луи Жак Манде Дагер (1787—1851) завершил создание практичного фотографического процесса с использованием иодированных серебряных пластин; процесс получил название дагеротипии. Наконец англичанин Уильям Генри Фокс Тальбот (1800—1877) ввел в практику фотографии негативно-позитивный процесс, позволивший получать сколь угодно большое количество копий первоначально изготовленного снимка [37].

В фотографии видели соперницу книгопечатания, но она стала лучшей помощницей типографского станка. Фотография, как и полиграфия, это — процесс множественного воспроизведения отпечатков. Но краска в этом процессе не участвует. Конкурировать с книгопечатанием фотография не может, ибо фотографические отпечатки во много раз дороже полиграфических.

да и скоростей таких, как иа печатной машине, добиться не удается. Смысл использования фотографии в книгопечатании состоит в рационализации процессов изготовления сначала иллюстрационных, а затем и текстовых форм.

Первоначально пытались превратить в печатную форму сам дагеротип. Для этого использовали гальванотехнику — электролитический метод нанесения металлических покрытий и воспроизведения в металле копий рельефных поверхностей. Изобрел гальванотехнику в 1836 г. российский академик Борис Семенович Якоби (1801—1874) [38]. Он же впервые получил электролитические копии дагеротипов. Гальванопластика и дагеротипия положены в основу многочисленных полиграфических репродукционных процессов, таких, например, как гальванография, изобретение которой связывают с именем профессора Мюнхенского университета Франца фон Кобелля (1803—1875).

Попутно отметим, что гальванотехника применялась в полиграфии и для увеличения тиражеустойчивости печатных форм путем покрытия их твердым металлическим слоем, а также для изготовления гальваностереотипных копий оригинальных форм. Первые гальвано изготовила еще в 1839 г. петербургская Экспедиция заготовления государственных бумаг. Здесь же Евгений Иванович Клейн разработал электролитический способ железнения печатных форм [39].

Важный этап в истории фотомеханики связан с весьма примечательным открытием, сделанным в 1839 г. шотландцем Манго Понтоном (1801—1880), который установил, что раствор хромовокислого калия обладает светочувствительностью. У. Тальбот смешал хромовокислый калий с желатиной, покрыл этим составом пластину и проэкспонировал ее. На освещенных местах желатина задубилась — потеряла способность набухать и растворяться в воде. Это примечательное свойство хромированных коллоидов впоследствии было положено в основу растровой глубокой печати, фотолитографии, фототипии, гелиогравюры и многих других фотомеханических способов репродуцирования.

В 1855 г. французский фотограф Альфонс Луи Пуатевен (1819—1882) установил, что проэкспонированный и проявленный водой слой хромированного коллоида ведет себя подобно литографской печатной форме — набухшие участки его не воспринимают кра-

ски. Пуатевен покрыл литографский камень хромированной желатиной, проэкспонировал на этот слой изображение, проявил его и покрыл краской. Свой способ он назвал фотолитографией. Легко заметить, что литографский камень в этом случае участия в процессе не принимал — он использовался лишь в качестве подложки. Подлинная фотолитография описана в анонимном издании «Фотография, или Искусство снимать совершенно сходно с природою в продолжении нескольких минут и в желаемом цвете изображения, портреты и ландшафты на металлы, бумагу, стекло и камень». Книга вышла в Москве в 1855 г.; некоторые историки считают, что ее автором был первый русский фотограф Алексей Федорович Греков (около 1800 — после 1855) [40]. Один из разделов называется «Фотолитография, или Фотография на камне». Здесь описан способ фотографического перевода изображения на литографский камень с помощью светочувствительных солей окиси железа.

Метод А. Пуатевена был впоследствии положен в основу высококачественного репродукционного процесса — фототипии, изобретателями которого считают мюнхенского фотографа Иозефа Альберта (1825—1886) и чешского ученого-фототехника Якуба Гусника (1837—1916) [41].

В фототипии печатающей поверхностью является сам хроможелатиновый рельеф. Иллюстрационную форму можно получить и снимая копию этого рельефа. Соответствующий способ вошел в историю книгопечатания под названием гелиографии. Получивший наиболее широкую известность гелиографический метод был разработан в середине 60-х годов XIX в. Георгием Николаевичем Скамони (1835—1907) [42], техническим экспертом петербургской Экспедиции заготовления государственных бумаг. Скамони интересовался и фотомеханическим микрорепродуцированием [43]. Эти труды впоследствии, уже в XX в., выросли в перспективную отрасль микропринтирования.

Третье, по времени самое позднее направление в попытках использовать свойство хромированной желатины задубливаться на свету состояло в получении печатной формы путем травления металлической пластины через частично задубленный слой коллоида. Чешский художник Карел Клич (1841—1926) положил этот метод в основу нового способа изготовления фор-

мы глубокой печати — гелиогравюры; первые опыты были предприняты в 1879 г.[44]

Репродукционные процессы, о которых шла речь выше, связаны с изготовлением форм плоской или глубокой печати. Но ни гелиогравюру, ни фототипию нельзя печатать одновременно с текстом, воспроизведенным с наборной типографской формы. Задача состояла в том, чтобы разработать фотомеханический репродукционный метод, позволявший получать иллюстрационную форму высокой печати. Острую нужду в таких формах испытывала иллюстрированная периодика, которая во второй половине XIX в. переживала период бурного роста.

В марте 1850 г. француз Фирмен Жилло (1820—1872) получил патент на способ, первоначально называвшийся жиллотажем, а затем цинкографией. Он переводил красочное изображение с литографского камня на цинковую пластину, которую затем погружал в ванночку с азотной кислотой. Это был как бы офорт наоборот, печатающие элементы выходили не углубленными, но возвышенными. Г. Н. Скамони упростил способ, осуществив фотографический перенос изображения на цинк. Так появилась фотоцинкография. В промышленную практику она вошла в 70-х годах XIX в.

Поиски в области штриховой фотоцинкографии подготовили почву для первых опытов репродуцирования полутоновых оригиналов — произведений живописи, фотографий. Чтобы изготовить форму высокой печати для передачи таких оригиналов, их нужно предварительно разложить на микроштрих, одинаковый по интенсивности тона, но различный по величине. Для этой цели предназначено специальное приспособление — растр. Фотографический способ изготовления сетчатого растра был предложен в 60-х годах XIX в. известным фототехником Львом Викентьевичем Варнерке (1837—1900).

Над созданием фотомеханического метода репродуцирования полутоновых оригиналов с использованием растра работали многие изобретатели в разных странах. В России такими опытами занимался картограф Степан Дмитриевич Лаптев (ум. 1904), в США — Фредерик Айвс. Решающих успехов добился мюнхенский гравер Георг Мейзенбах (1841—1912), способ которого получил название автотипии[45]. Первую автоти-

пию Мейзенбах получил 2 августа 1881 г., используя растр в виде системы нарисованных на прозрачном листе бумаги параллельных линий. В дальнейшем он начал гравировать такие линии на стекле. Экспонирование изображения при этом приходилось осуществлять в два приема, поворачивая растр на 90°. В 1896 г. фотограф из Филадельфии Макс Леви взял два растра Мейзенбаха, разместил их так, чтобы линии пересекались под прямым углом, и склеил между собой канадским бальзамом. Такие растры позволили воспроизводить изображения с разрешающей способностью до 3000 точек на один сантиметр. На протяжении почти 70 лет автотипия оставалась господствующим способом репродуцирования полутоновых изображений в газетах и журналах.

Наборные машины. «Современный наборщик работает совершенно таким же образом, как работали его предшественники много веков тому назад. Само собою разумеется, что в наш век, век пара и электричества, такая работа должна казаться крайне медленной» [46]. Эти слова написаны в 1896 г. Промышленная революция, которая восторжествовала в печатных цехах типографий, в наборных и брошюровочно-переплетных цехах только-только начиналась.

Правда, первое известие о механизации наборного процесса относится еще к 1783 г. Сохранилось оно в Архиве Академии наук СССР [47]. Речь идет о сооруженной в Петербурге, но кем — неизвестно, машины, которая непосредственно изготовляла матрицу текстовой формы.

Широкие исследовательские и конструкторские поиски в области механического набора начались в XIX в. Первый патент на наборную машину был выдан 24 марта 1822 г. англичанину Уильяму Черчу [48]. С каждым годом все большее количество изобретателей увлекалось волнующей, но, казалось, недостижимой проблемой механизации набора. С 1822 по 1860 г. в Англии было выдано 57 патентов на наборные машины [49]. Большинство из них, однако, осталось на бумаге и в металле осуществлено не было. Первой машиной, работавшей в типографии, стал «Пианотип», запатентованный в 1840 г. Джеймсом Хедденом Янгом и Адриеном Делькамбром. Имеются сведения, что действительным изобретателем этого аппарата был Генри

Бессемер (1813—1898), прославивший свое имя созданием известного способа получения стали.

Некоторое распространение получила машина Тимоти Эльдена (1819—1858), над которой изобретатель начал работать 19 лет от роду и трудился до последнего дня. Более широко была известна машина Роберта Гэттерслея, защищенная патентом в 1857 г.[50] Она имела производительность до 7500 знаков в час и применялась в полиграфии вплоть до начала первой мировой войны. Сравнительно большой успех выпал на долю аппарата Карла Кастенбайна. Его детище с успехом работало в типографии газеты «Таймс», а также на полиграфических предприятиях Дании, Германии, Австро-Венгрии, США, Италии.

Машины Черча, Гэттерслея, Кастенбайна и многих других новаторов составляли текстовую печатную форму из отдельных литер, предварительно заложенных в магазин аппарата. Это было самым простым решением проблемы механизации набора. Почти все они действовали в паре с разборными устройствами, да и вообще были сложны и дорогостоящи. Вместе с тем в этих машинах были отработаны отдельные узлы (клавиатура, магазины и др.), которые в дальнейшем на протяжении многих лет верой и правдой служили делу механизации. В этой связи нужно сказать и о первых автоматических наборных машинах, управляемых с помощью перфорированной ленты. Помянутый принцип программирования применительно к наборному процессу был впервые описан в патенте англичанина Данкена Маккензи, выданном 5 августа 1848 г.[51]

Первую действующую автоматическую наборную машину построил в 1867 г. русский изобретатель Петр Петрович Княгининский (1839—около 1877). Его «Автомат-наборщик», защищенный патентами во многих странах мира, успешно работал в 1870 г. на Всероссийской мануфактурной выставке в Петербурге[52]. Близкие по конструкции машины в 70-х годах XIX в. активно эксплуатировал английский издатель Александр Мэкки, основатель популярной газеты «Манчестер Гардиан».

Следующим этапом в развитии наборной техники были так называемые матрицевыбивальные машины. Наибольшей популярностью среди них пользовался «Стереограф» разностороннего изобретателя Иосифа Николаевича Ливчака (1839—1914), установленный в

1875 г. в типографии газеты «Виленский вестник», а в дальнейшем работавший в Варшаве [53].

Строил матрицевыбивальные машины и немецкий новатор Отмар Мергенталер (1854—1899), работавший в США. В 1886 г. он сделал решающий шаг в механизации наборного процесса, запатентовав машину, которая сначала набирала в строки матрицы отдельных шрифтовых знаков, выключала эти строки, а затем отливала по ним цельные блоки текстового набора [54]. Машина эта, широко известная под фирменным наименованием «Линотип», была первым наборным аппаратом, получившим массовое распространение в полиграфической промышленности различных стран. Уже в 1904 г. в мире работало 10 тысяч линотипов, а к 1954 г., когда отмечалось столетие со дня рождения изобретателя, их было уже 100 тыс. Промышленное изготовление строкоотливных наборных машин было прекращено лишь в 1976 г. в связи с успехами фотографического набора [55].

Значительно менее, чем «Линотип», был распространен «Типограф» — строкоотливная наборная машина, изобретенная в США в 80-х годах XIX в. Дж. Р. Роджерсом. «Типограф» серийно выпускался в Германии вплоть до второй мировой войны.

Американский конструктор Тольберт Ланстон (1844—1913) использовал принцип предварительного программирования набора с помощью перфорированной ленты для управления буквоотливной машиной. Изобретенный им в 1897 г. комплект из двух машин получил наименование «Монотип». Монотипу суждено было занять второе место (после линотипа) в парке наборных машин XX в.[56]

Брошюровочно-переплетные машины. Дольше всего ручной труд удерживался в брошюровочно-переплетных цехах. Но и здесь во второй половине XIX в. появляются первые машины.

Отпечатанные листы необходимо сфальцевать таким образом, чтобы получить тетрадку — основу будущего книжного блока. Операция эта долго осуществлялась вручную, пока в 1851 г. американцы Цирус и Эдвин Чемберы не изобрели фальцевальной машины. Ее основой был тупой и широкий нож, который сгибал лежащий на столе лист и проталкивал его в щель, за которой были помещены вращающиеся валики, выглажи-

вавшие сгиб. Лист на первых порах подавал специальный рабочий. Но в 1907 г. лейпцигская фирма «А. Гутберлет» выпустила на рынок автоматическую фальцевальную машину, снабженную самонакладом и листоприемным устройством.

Производительность ножевой фальцевальной машины была невысока. Увеличить скорости фальцевания помогло изобретение немецкого инженера Георга Шписса, который в 1923 г. построил первую кассетную фальцевальную машину.

После того как тетради сфальцованы, их нужно подобрать таким образом, чтобы они составили книжный блок. Идею листоподборочной машины выдвинул впервые в 60-х годах XIX в. вологодский чиновник Александр Львович Четверухин[57]. Первые действующие машины появились намного позднее.

Отдельные тетради блока нужно скрепить друг с другом. Со времен Гутенберга, а может быть, и раньше операцию шитья блока производили на примитивном швальном станке. Немецкий изобретатель Гуго Бремер в 1879 г. сконструировал машину, скреплявшую тетради проволочными скобами. Но при этом качество блока было низким, скобы со временем ржавели и разрушали бумагу. В 1883 г. фирма «Братья Бремер» выпустила на рынок первую ниткошвейную машину. В дальнейшем, уже в середине XX в., в типографиях появились ниткошвейные автоматы, снабженные тетрадными самонакладами и всевозможными контрольно-управляющими устройствами.

Среди разнообразных операций переплетного мастерства немаловажное место занимает разрезка листов и обрезка блоков. Первый патент на бумагорезальную машину был выдан англичанину Эдварду Коуперу еще в 1813 г. В дальнейшем в этой области трудились англичанин Олдхем, французы Тироль и Массикво, немец Шперлинг. Практичную одноножевую машину построил в 1858 г. в Лейпциге Карл Краузе. Он же в 1877 г. начал изготовлять трехножевые машины для обрезки блоков.

Уже в XX в. были изобретены крышкоделательные, книговставочные и другие переплетные машины[58].

Глубокая ракельная печать и офсет. В самом конце прошлого века появились новые печатные процессы, получившие широкое распространение уже в наши дни и существенно потеснившие высокую печать.

Изобретенная Карелом Кличем гелиогравюра была ручным процессом. Пытаясь механизировать операцию удаления краски с пробельных участков формы, Клич пришел к созданию глубокой ракельной печати. Он спроецировал на поверхность покрытой светочувствительным слоем формной пластины, помимо изображения оргинала, также и негативный сетчатый растр с непрозрачными точками и прозрачной системой перекрещивающихся линий. После соответствующей обработки на поверхности формной пластины возникла совокупность ячеек различной глубины, отделенных одна от другой решеткой пробельных участков. Пластину закатывали краской, а затем снимали ее с непечатающих участков ракельным ножом, опорной поверхностью для которого служила помянутая решетка.

Первую машину ракельной глубокой печати К. Клич построил в Англии в 1890 г. Для распространения нового способа много сделали немецкие инженеры Эдуард Мертенс (1860—1919) и Эрнст Рольффс (1859—1939) [59]. Мертенс в 1900 г. запатентовал рациональный способ переноса изображения на формный цилиндр с помощью пигментной бумаги. Сам же растрированный цилиндр и способ его очувствления разработал Рольффс.

По проекту Мертенса в 1910 г. была сооружена рулонная ротация глубокой печати. 1 апреля 1910 г. на ней отпечатали пасхальный номер газеты «Фрайбургер Цайтунг» с текстом, воспроизведенным с набора, и иллюстрациями — с формы глубокой печати. В 1914 г. английский еженедельник «Иллюстрейтид Лондон Ньюс» целиком перешел на способ глубокой печати.

Основные этапы на пути совершенствования машинной техники глубокой печати знаменовали ротации «Каскад лити» (1925 г.), «Дюрер» (1928 г.), «Рембрандт» (1935 г.) и «Гольбейн» (1949 г.), сконструированные немецким инженером Карлом Шюнеманом.

Прототип второго нового печатного процесса — офсета — восходит к 1880 г., когда француз Вуарен использовал резиновый цилиндр для передачи красочного изображения с формы плоской печати на грубые сорта бумаги. Аналогичный принцип дал хорошие результаты и при печати на жести. Опыты Вуарена были забыты. Идею эту возродили к жизни в начале XX в. американец Айра Рубел (ум. 1908) и работавший в

США немец Каспар Герман (1871—1934). Сущность их способа, получившего название офсетной печати, состояла в том, что красочное изображение переносится с формного цилиндра через промежуточный эластичный цилиндр на бумагу, прижимаемую к эластичной поверхности печатным цилиндром. В 1905 г. фирма «Поттер Принтинг Пресс» построила по проекту А. Рубела ротационную машину офсетной печати. В Европе первая листовая офсетная ротация была сооружена в 1907 г. фирмой «К. Г. Редер» по проекту К. Германа. Тот же изобретатель год спустя сконструировал рулонную офсетную ротацию с двумя формными и двумя офсетными цилиндрами, между которыми пропускается бумажное полотно [60]. Определенные этапы в становлении машинной офсетной печатной техники знаменовали листовые одно- и двухкрасочные машины «Роланд» (1911 г.), «Планета» (1923 г.), «Планета-Квинта» (1926 г.), «Планета-Терция» (1928 г.).

Попутно упомянем и о своеобразном варианте офсета — печати не с двумя, как в офсете, а с тремя переносами красочного изображения. По имени изобретателя Ивана Ивановича Орлова (1861—1928) способ назван «орловской печатью». Он по сей день используется для воспроизведения ценных государственных бумаг, и прежде всего кредитных, казначейских и банковских билетов [61].

Фотонаборные машины. Появление новых способов печати поставило перед изобретателями вопрос о рационализации наборного процесса. При воспроизведении текста с помощью этих способов отпадает нужда в металлическом наборе, рассчитанном на большие тиражи и высокое удельное давление. Решение задачи было найдено с появлением фотонаборных машин.

Идею фотографического набора выдвинули в 1894—1895 гг. венгр Ено Порцхольт и англичанин Уильям Фриз-Грин (1855—1921). Первую действующую машину построил в 1895—1896 гг. Виктор Афанасьевич Гассиев (1879—1962) [62]. В XX в. было сконструировано и построено большое количество различных фотонаборных машин, но в производство они были широко внедрены лишь после второй мировой войны [63].

Первые получившие распространение фотонаборные машины строились на базе строко- и буквоотливной техники. В 1946 г. американская фирма «Интертайп»

выпустила опытный образец машины «Фотосеттер». Серийное производство их началось в 1951 г. В 50—60-х годах они пользовались определенной популярностью, но преимущественно в США и Канаде. В Европе более широкое применение нашла машина «Монофото», опытный образец которой был продемонстрирован в 1954 г. В основу конструкции этого аппарата положен «Монотип» Т. Ланстона с заменой отливных узлов фотографическими. К 31 марта 1970 г. в Европе работало 289 машин «Монофото» — примерно 30% всего европейского парка фотонаборной техники [64].

«Фотосеттер» и «Монофото» — машины с оптико-механическим выбором знака. Отбор знака и вывод его на оптическую ось осуществлялись в принципе теми же методами, что и отбор матрицы и транспортировка ее к отливному устройству в машинах так называемого горячего набора. Более высокую производительность имеют машины с электронно-оптико-механическим выбором знака. Основой для создания таких машин послужило изобретение французов Рене Хигонне и Луи Мойру. В качестве знаконосителя здесь применен непрерывно вращающийся матричный диск, причем отбор знака и точное фиксирование его прохождения мимо объектива фотографического устройства осуществлялись средствами электроники. Первый опытный образец под названием «Люмитайп» был продемонстрирован в 1949 г. В дальнейшем машина выпускалась под наименованием «Фотон». К началу 1960 г. было продано 88 «Фотонов», в основном в США. В 1965 г. на рынке появилась модернизированная модель «Фотон 713», в которой литерный диск заменен барабаном.

Успех «Фотонов» побудил фирмы наборного машиностроения заняться исследовательскими поисками в области фотонаборных машин с непрерывно вращающимися дисками или барабанами. В 1964 г. фирма «Гаррис-Интертайп» впервые экспонировала машину «Фототроник», а в 1969 г. фирма «Монотайп» — машину «Монофото 600».

Параллельно с совершенствованием фотонаборных машин с подвижными литероносителями велись исследовательские поиски в области машин, в которых литероносители неподвижны. Занималась этим преимущественно фирма «Мергенталер Линотайп», все еще продолжавшая изготовлять линотипы. В 1954 г. фирма продемонстрировала фотонаборную машину «Лино-

фильм», управляемую перфорированной лентой, а четыре года спустя начала их серийный выпуск. В 1964 г. на смену этой машине пришел высокоскоростной бесклавиатурный аппарат «Линофильм-Квик», программу для которого готовил электронный печатно-программирующий аппарат «Лино-Квик».

Базой научно-технической революции многих отраслей народного хозяйства в послевоенные годы стали электронные вычислительные машины (ЭВМ). Использовать их в наборной технике впервые предложили Г. Бальфур, А. Бланшар и Ф. Реймонд в 1954 г. В июле 1961 г. М. Барпет в Массачусетском технологическом институте изготовил на ЭВМ программу для управления машиной «Фотон». В Англии аналогичные опыты применительно к машине «Монофото» проводил К. Дункан.

В начальный нериод считали, что задача ЭВМ в наборной технике — осуществить автоматическое строкоделение, а затем и грамматически правильный перенос слов с одновременной выключкой строки. В дальнейшем их стали использовать и для корректуры текста. Но наиболее перспективным направлением в этой области стало использование запоминающих блоков ЭВМ в качестве своеобразных литероносителей, емкость которых практически неограниченна. Это создало предпосылки для их применения в фотонаборных машинах с электронно-лучевыми трубками (ЭЛТ). Первые опыты воспроизведения штриховых знаков на экране ЭЛТ были предприняты еще в 1938 г. инженером ленинградского завода «Светлана» И. П. Полевым. Однако прошло около 10 лет, прежде чем эту идею связали с задачами наборной техники. Заявка на первую фотонаборную машину с ЭЛТ была подана фирмой «Мергенталер Линотайп» в 1948 г., а спустя четыре года американский инженер Джозеф Т. Макнейни создал фотонаборную машину с ЭЛТ, воспроизводящей знак без развертки. На базе этого предложения сконструировано наборно-печатающее устройство «Карактрон», широко использовавшееся в устройствах для знаковой индикации.

Другое решение вопроса состояло в проецировании комплекта шрифтовых знаков на фотокатод ЭЛТ, осуществляющий отбор необходимого знака и его воспроизведение на экране. Этот принцип положен в основу машины «Линотрон 1010», которую фирма «Мергента-

лер Линотайп» начала изготовлять в 1966 г. Ее максимальная производительность до 10 000 знаков в секунду.

В мае 1966 г. западногерманская фирма «Р. Хелл» экспонировала фотонаборную машину «Дигисет», конструкторы которой впервые отказались от вещественного литероносителя с визуально воспринимаемыми знаками. Отныне в наборной технике начинает использоваться принцип предварительного цифрового кодирования конфигурации знаков с использованием в качестве запоминающих устройств сначала магнитных лент, а затем и магнитных дисков.

Новейшие поиски в области фотонаборных машин связаны с лазерным экспонированием знаков, представленным, например, в системе «Линотрон 101», выпущенной в 1983 г.

* * *

Встречая XX век, человечество одновременно отмечало 500-летие со дня рождения Иоганна Гутенберга. Книгопечатание к этому времени превратилось в широко развитую и в высокой степени механизированную отрасль промышленности.

Недалеко уже 600-летие со дня рождения великого изобретателя. За последние 80—90 лет полиграфическая техника сделала поистине впечатляющие успехи. XX в. стал в книгопечатании периодом перехода от машин, механизирующих отдельные производственные операции, к автоматическим системам машин. Были созданы автоматизированные линии в брошюровочно-переплетных цехах. Изобретатели выдвинули проекты полностью автоматизированных типографий.

В последнее время появились портативные системы для совокупной переработки текстовой и иллюстрационной информации [65], в основе которых лежит микрокомпьютерная и микропроцессорная техника. Тенденция миниатюризации, крепнущая от года к году, а также значительное снижение стоимости электронных устройств уже сегодня сделали такие системы портативными и дешевыми. Они становятся доступными для личного употребления. В процессе самой первой перепечатки рукописи одновременно с машинописным оригиналом создается программа, записанная иа магнитных дисках. По данным Американской ассоциации издателей, в 1984 г. 60% авторов применяли персональ-

ные микрокомпьютеры при подготовке рукописей, 75% авторов предпочитают сдавать рукопись в издательство в виде магнитных дисков[66]. Авторская и редакторская правки вносятся непосредственно в программу На наших глазах возникает принципиальное новое электронное книгоиздание.

Тенденции, которые заметны уже сегодня, позволяют говорить о грядущем отмирании формных процессов. Программа, изготовленная совместными усилиями автора и издательства, может управлять так называемой переменной печатной формой, непосредственно изготовляющей красочные оттиски.

Научно-техническая революция в полиграфии, современниками которой мы являемся,— закономерный результат многовекового развития книгопечатания, у истоков которого стоит великое изобретение Иоганна Гутенберга.

Список сокращений

Варбанец — *Варбанец Н. В.* Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе: Опыт нового прочтения материала. М., 1980.

Венгерова-Зилинг — *Венгерова-Зилинг Э. В.* Актовые свидетельства о жизни и деятельности Иоганна Гутенберга // Книга: Исслед. и материалы. 1971. Сб. 22. С. 185–198.

Киселев — *Киселев Н. П.* Неизвестные фрагменты древнейших памятников печати Германии и Голландии. М., 1961.

AGB — Archiv für Geschichte des Buchwesens.

BDB — Börsenblatt für den Deutschen Buchhandel.

Faulmann — *Faulmann K.* Die Erfindung der Buchdruckerkunst nach den neuesten Forschungen. Wien etc., 1891.

GF 1900 – Festschrift zum fünfhundertjärigen Geburtstage Gutenberg. Mainz, 1900.

GF 1925 – Gutenberg-Festschrift zur Feier des 25 järigen Bestehens des Gutenbergmuseums in Mainz. Mainz, 1925.

GJ — Gutenberg Jahrbuch. Mainz, 1926 – [издание продолжается].

GSGF — Der gegenwärtige Stand der Gutenberg-Forschung/Hrsg. H. Widmann. Stuttgart, 1972.

GW – Gesamtkatalog der Wiegendrucke. B., 1925.

Joannis – *Joannis G.* Scriptorum historiae Moguntinensi cum maxime inservientum. Moguntiae, 1741.

Kapr – *Kapr A.* Schrift- und Buchkunst. Leipzig, 1982.

Köhler — *Köhler J. D.* Hochverdiente und aus bewährten Urkunden wohlbeglaubte Ehrenrettung Johannes Gutenbergs. Leipzig, 1741.

Lazare – *Lazare E.* Die Gutenberg-Bibel: Ein Census. Wien, 1951.

Ricci — *Ricci S.* de. Catalogue raisonné des premières impressions de Mayence, 1445–1467. Mainz, 1911.

Ruppel – *Ruppel A.* Johannes Gutenberg: Sein Leben und sein Werk. B., 1947.

Schöpflin — *Schöpflin J. D.* Vindiciae typographicae. Argentorati, 1760.

Schorbach — *Schorbach K.* Die Urkundliche Nachrichten über Johann Gutenberg // GF 1900. S. 133–250.

Schwenke – *Schwenke P.* Die Donat- und Kalender-Type: Nachtrag und Übersicht. Mainz, 1903.

Stöwesand – *Stöwesand R.* Noch unbekannte Gutenbergbibeln und ein Überblick über die Entwicklung der Registrierung // AGB. 1958. Bd. 1. S. 490–512.

Swierk – *Swierk A.* Johannes Gutenberg als Erfinder in Zeugnissen seiner Zeit // GSGF. S. 79–90.

ZfB — Zentralblatt für Bibliothekswesen.

Примечания

Введение

[1] *Гюго В.* Собр. соч.: В 15 т. М., 1953. Т. 2. С. 187–188.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 41. С. 448.
[3] Там же. С. 84.
[4] См.: *Грачева О. А.* Гутенберговский альбом // Наука и жизнь. 1966. № 2. С. 22–23.
[5] См.: Gutenbergs-Album. Braunschweig etc., 1840.
[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 41. С. 35–36.
[7] Там же. С. 40.
[8] Там же. Т. 20. С. 501.
[9] *Маркс К.* Машины: Применение природных сил и науки: (Из рукописи 1861–1863 гг. «К критике политической экономии») // Вопр. истории естествознания и техники. 1968. Т. 25. С. 36.
[10] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 262.
[11] См.: Там же. Т. 23. С. 361.
[12] Там же. Т. 7. С. 350–351.
[13] Ленин и книга. М., 1964. С. 362.
[14] *Ленин В. И.* Телеграмма Президиуму Совдепа, Союзу печатников, Сытину, 25 февраля 1918 г. // Ленинский сб. 1970. Т. 37. С. 70.
[15] См.: *Linde A.* Geschichte der Erfindung der Buchdruckerkunst. B., 1886. Bd. 1. S. I–LVII.
[16] См.: *MacMurtrie D. C.* The invention of printing: A bibliography. Chicago, 1942.
[17] См.: *Ruppel.* S. 9.
[18] См.: *Arnold J.* De chalcographiae inventione, poema encomiasticum. [Moguntiae, 1541].
[19] См.: *Junius A.* Batavia. [Antwerpen], 1588; Idem. Dordrecht, 1652.
[20] См.: *Hornschuch H.* Orthotypographia. Leipzig, 1634; *Idem* // Gepriesenes Andenken von Erfindung der Buchdruckerei. Leipziger Stimmen zur Erfindung Gutenbergs. Leipzig, 1968. S. 21–33.
[21] См.: *Starke G.* Kurtze historische Rede von der edlen, weltberühmten, hochnützlichen Buch – Trucker – Kunst // Jubilaeum typographorum Lipsiensium. Leipzig, 1640. S. 17–60.
[22] См.: *Mallinckrot B.* De ortu et progressu artis typographicae. Köln, 1639–1640.
[23] См.: *Köhler.*
[24] См.: *Senckenberg H. Ch.* Selecta iuridica et historica. Frankfurt a. M., 1734.
[25] См.: *Schöpflin.*
[26] См.: Gepriesenes Andencken von Erfindung der Buchdruckerey wie solches in Leipzig beym Schluß des dritten Jahrhun-

derts von den gesammten Buchdruckern daselbst gefeyert worden. Leipzig, 1740.

27 См.: *Wolf J. Ch.* Monumenta typographica. Hamburg, 1740. Vol. 1–2.

28 См.: *Meerman G.* Origines typographicae. Hagae, 1765.

29 См.: *Breitkopf J. G. I.* Ueber die Geschichte der Erfindung der Buchdruckerkunst. Leipzig, 1779.

30 См.: *Falkenstein C. K.* Geschichte der Buchdruckerkunst in ihrer Entstehung und Ausbildung. Leipzig, 1840; Idem. Leipzig, 1856.

31 См.: *Lorck C. B.* Handbuch der Geschichte der Buchdruckerkunst. Leipzig, 1882–1883. Th. 1–2; *Faulmann K.* Illustrierte Geschichte der Buchdruckerkunst mit besonderer Berücksichtung bis zur Gegenwart. Wien etc., 1882.

32 См.: *Linde A.* Gutenberg: Geschichte und Erdichtung aus den Quellen nachgewiesen. Stuttgart, 1878.

33 См.: *Linde A.* Geschichte der Erfindung... Bd. 1–3.

34 См.: *Faulmann.*

35 См.: *Hessels J. H.* The so-called Gutenberg documents // Library, 1901. Vol. 3; Idem. The Gutenberg fiction: Acutical examination of the documents relating to Gutenberg. Showing that he was not the inventor of printing. L., 1912.

36 См.: *Schorbach*; Idem. // ZfB. 1900. Beih. 8. S. 153–319.

37 См.: *Ricci.*

38 См.: *Dziatzko K.* Beiträge zur Gutenbergfrage. B., 1889.

39 См.: *Schwenke P.* Die Donat- und Kalendertype. Mainz, 1903; Idem. Die 36 zeilige Bibel // Festschrift der Kgl. Bibliothek. B., 1900. S. 75–90.

40 См.: *Schwenke P.* Johannes Gutenberg 42-zeilige Bibel. Faksimileausgabe. Leipzig, 1913. Bd. 1–2; Idem. Ergänzungsband. Leipzig, 1923.

41 См.: *Zedler G.* Von Coster zu Gutenberg: Der holländische Frühdruck und die Erfindung des Buchdrucks. Leipzig, 1923.

42 См.: Gutenberg-Gesellschaft Mainz, 1901–1976. Mainz, 1976. (Публикуется хроника деятельности общества за 70 лет его существования и подробная библиография изданий).

43 См.: Veröffentlichungen der Gutenberg-Gesellschaft. Bd. 1–23. Mainz, 1902–1934.

44 См.: Gutenberg-Festschrift zur Feier des 25-jaehrigen Bestehens des Gutenbergmuseums in Mainz. Mainz, 1925.

45 См.: GJ.

46 См.: Kleiner Druck der Gutenberg-Gesellschaft. Mainz, 1926. H. 1 – (издается до настоящего времени].

47 См.: *Ruppel*; Idem. B., 1939; Idem. Nieuwkoop, 1967.

48 См.: *Blum R.* Der Prozeß Fust gegen Gutenberg. Wiesbaden, 1954; *Wehmer C.* Manzer Probedrucke in der Type des sogenanten Astronomischen Kalenders für 1448. München, 1948; *Kapr A.* Johannes Gutenberg: Tatsachen und Thesen. Leipzig, 1977; *Fuhrmann O. W.* Gutenberg and the Strasbourg documents of 1439. N. Y., 1940.

49 См.: *Малеин А. И.* «Донаты», принадлежащие Библиотеке Академии наук СССР // ДАН СССР. 1926. С. 9–12.

50 См.: *Зданевич Б. І.* «Provinciale Romanum». Невідоме видання Йоганна Гутенберга. Київ, 1941; *Он же.* Каталог Інкунабул. Київ, 1974. С. 180–200.

51 См.: *Lublinsky V.* Leningrader Notizen // Beitr. Inkunabelkunde. F. 3. 1965. Bd. 1. S. 1–6.
52 См.: *Киселев.*
53 См.: *Бас И.* Великое открытие: 500 лет книгопечатания. М.; Л., 1940; *Он же.* Пятисотлетие книгопечатания, 1440–1940 // Большевист. печать. 1940. № 13. С. 55–59; *Киселев Н. П.* Изобретение книгопечатания и первые типографии в Европе: (К 500-летию книгопечатания) // Ист. журн. 1940. № 9. С. 77–99; *Люблинский В. С.* Производство книги в прошлом. Л., 1940; *Проскурнин Н. П.* 500-летие изобретения книгопечатания // Полигр. пр-во. 1940. № 6. С. 3–10; *Скржинская Е. И.* 500 лет европейского книгопечатания // Сов. наука. 1940. № 8. С. 98–121; *Киселев Н. П.* Пятисотлетие книгопечатания: (Выставка и конференция во Львове) // Историк-марксист. 1940. № 1. С. 100–109.
54 См.: *Люблинский В. С.* Подвиг Гутенберга // Книга: Исслед. и материалы. 1968. Сб. 16. С. 96–110; То же // Люблинский В. С. Книга в истории человеческого общества. М., 1972. С. 62–84; *Немировский Е. Л.* Труды и дни Иоганна Гутенберга // В мире книг. 1968. № 3. С. 44–45; *Он же.* Великий изобретатель // Кн. обозрение. 1968. № 6. С. 16; *Самородов Б. П.* Иоганн Гутенберг: (К 500-летию со дня смерти) // Полиграфия. 1968. № 2. С. 43–44.
55 См.: *Варбанец Н. В.* Иоганн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972; *Зилинг Э. В.* Жизнь и деятельность Иоганна Гутенберга: (Актовые свидетельства и ранние источники): Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1969. О Н. В. Варбанец см.: *Simmons J. S. G.* A Russian incunabulist Natal'ya Vasil'evna Varbanets. Oxford, 1987.
56 См.: *Presser H.* Johannes Gutenberg in Zeugnissen und Bilddokumenten. Reinbek bei Hamburg, 1967.
57 См.: *Kusko B. H., Cahill T. A., Eldred R. A., Schwab R. N.* Proton milliprobe analyses of the Gutenberg bible // Nucl. Instrum. and Meth. Phys. Res. B., 1984. Vol. 3. P. 689–694.
58 См.: *Stevenson A.* Paper evidence and Missale speciale // GJ. 1962. S. 86–93; *Gerardy Th.* Galizianimarke, Krone und Turm als Wasserzeichen in großformatigen Frühdrucken // GJ. 1971. S. 11–23; *Ziesche E., Schnitger D.* Elektronenradiographisch Untersuchungen der Wasserzeichen // AGB. 1980. Bd. 21. S. 1303–1360.
59 См.: Der Türkenkalender. Mainz, 1454; Das älteste vollständing erhaltene gedruckte Buch/Komment. von F. Geldner. Wiesbaden, 1975.
60 См.: Johannes Gutenbergs zweiundvierzigzeilige Bibel: Faksimile-Ausgabe nach dem Exemplar der Staatsbibliothek Preußischer Kulturbesitz Berlin: Kommentarband. München, 1979.
61 См.: Der gegenwärtige Stand der Gutenbergforschung/Hrsg. H. Widmann. Stuttgart, 1972.
62 См.: *Hoffmann L.* Gutenberg, Fust und der erste Bibeldruck // ZfB. 1983. H. 11. S. 473–481; 1984. H. 12. S. 529–536; 1986. H. 12. S. 535–547; 1987. H. 2. S. 53–63.
63 См.: *Kapr A.* Johannes Gutenberg. Persönlichkeit und Leistung. Leipzig etc., 1986.
64 См.: *Kunze H.* Geschichte der Buchillustration in Deutschland: Das 15. Jahrhundert. Leipzig, 1975.

[1] Архив Маркса и Энгельса. Т. 6. С. 82.
[2] *Franck S.* Chronica, Zeitbuch und Geschichtsbibel. Ulm, 1536.
[3] Цит. по: *Колесницкий Н. Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность. М., 1977. С. 12.
[4] *Варбанец.* С. 30.
[5] Здесь и ниже цит. по: Архив Маркса и Энгельса. Т. 6. С. 169, 218.
[6] *Гюго В.* Собр. соч.: В 15 т. М., 1953. Т. 2. С. 189.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 23.
[8] См.: Немецкий город XIV—XV вв.: Сб. материалов. М., 1936. С. 14.
[9] См.: Bibliotheca Corviniana. Die Bibliothek des Königs Mattias Corvinus. Budapest, 1969; *Berkovits I.* Corvinen: Bildenhandschriften aus der Bibliothek des Königs Mattias Corvinus. Budapest, 1963.
[10] См.: *Капр А.* Отношения между Иоганном Гутенбергом и Николаем Кузанским // Книга и графика. М., 1972. С. 48—54.
[11] Там же. С. 48.
[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 346.
[13] Там же. Т. 21. С. 163.
[14] См.: *Эпштейн А. Д.* История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1961. С. 34.
[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 347.
[16] Там же. Т. 20. С. 50.
[17] См.: *Schlieder W.* Zur Geschichte der Papierherstellung in Deutschland von den Anfängen der Papiermacherei bis zum 17 Jh. // Beitr. Ges. Buchwesens. 1966. Bd. 2. S. 91, 101.
[18] См.: *Meisner H., Luther J.* Die Erfindung der Buchdruckerkunst. Bielfeld; Leipzig, 1900. S. 63, 66.
[19] См.: *Schenk zu Schweinsberg G.* Genealogie des Mainzer Geschlechts Gönsfleisch // GF. 1900. S. 65—131.
[20] См.: *Hupp O.* Das Wappen Gutenbergs // GF. 1900. S. 1—3.
[21] См.: *Ruppel.* S. 34.
[22] См.: *Haemmerle A.* Das Rätsel um das Wappen Johannes Gutenbergs // GJ. 1971. S. 31—35; *Singerman R., Pollak M.* A curious document attributing a Jewish btckground to Johann Guttenberg // Print. Hist. 1980. Vol. 2, N 1. P. 31—34.
[23] См.: *Friederichs H. E.* Der Erfinder Johann Gutenberg // Genealogisches Jahrbuch. 1968. Bd. 8. S. 93—101; Idem. Gutenbergs Herkunft // GSGF. S. 68—78.
[24] См.: *Ruppel.* S. 34.
[25] Ibid. S. 26.
[26] Ibid. S. 27.
[27] См.: *Joannis.* S. 456; *Köhler.* S. 82.
[28] См.: *Ruppel.* S. 29.
[29] См.: *Schorbach.* S. 135, N 1.
[30] См.: *Corsten S.* Wann wurde Gutenberg geboren? // GJ. 1965. S. 70—73.
[31] См.: *Riccobaldus Ferrariensis.* Chronica summorum pontificum imperatorumque. Rom, 1474. Bl. 121 r. Старейшие свидетельства современников о Гутенберге были недавно собраны Альфредом Сверком. См.: *Swierk A.* Johannes Gutenberg als Erfinder in Zeugnissen seiner Zeit // GSGF. S. 79—90.

32 См.: *Jacobus Philippus Forest*
chronicarum. Venetiae, 1483.
33 См.: Cronica van der hillige
Bl. gg – 1 v.– gg – 2 r.
34 См.: *Wimpfeling Jacobus*. Ar
logus. Strassburg, 1508. Bl. 62
35 См.: *Немировский Е. Л.* Пе
Краковском университете // С
С. 49–56.
36 См.: *Geldner F.* Der junge
37 См.: Akten der Erfurter Univ
Weissenborn. Halle/Saale, 188
Sachsen; Bd. 8).
38 См.: *Kapr A.* Hatte Johannes
versität studier? // GJ. 1980. S
268.
39 См.: *Kapr A.* Der Erfurter Abl
170.
40 См.: *Ruppel.* S. 26.
41 Ibid. S. 30.
42 Ibid. S. 26.
43 См.: *Бернал Дж.* Наука в
С. 176–177.
44 См.: *Schorbach.* S. 135–137;
45 См.: Немецкий город XIV–X
46 См.: *Joannis.* S. 460.
47 См.: *Köhler.* S. 67; *Венгерова*
48 Немецкий город XIV–XV вв.
49 См.: *Schöpflin.* S. 3–4.

[64] См.: *Венгерова-Зилинг Э. В.* Акты страсбургского процесса 1439 г. «Братья Дритцен против Гутенберга» // Книга и графика. С. 55–67.
[65] См.: *Kocowski B.* Drzeworytowe ksiązki średniowiecza. Wrocław, 1974. S. 54.
[66] *Венгерова-Зилинг Э. В.* Акты страсбургского процесса... С. 66.
[67] См.: *Ruppel.* S. 94.
[68] См.: *Schmidt-Künsemüller F. A.* Gutenbergs Schritt in der Technik // GSGF. S. 127–128.
[69] См.: *Ruppel.* S. 89.
[70] См.: *Gerhardt C. W.* Was erfand Gutenberg in Strassburg? // GJ. 1970. S. 56–72.
[71] См.: *Mori G.* Was hat Gutenberg erfunden? Ein Rückblick auf die Frühtechnik des Schriftgusses. Mainz, 1921.
[72] См.: *Schöpflin.* S. 41; *Schorbach.* S. 176, N 12; *Венгерова-Зилинг.* С. 192, № 12.
[73] См.: *Schöpflin.* S. 41–42; *Венгерова-Зилинг.* С. 192–193, № 13.
[74] См.: *Schmidt Ch.* Nouvau detailes sur la vie de Gutenberg tirés des archives de l'ancienn chapitre de St. Thomas à Strassburg. Strassburg, 1841.
[75] *Schorbach.* S. 215, N 23.
[76] См.: *Linde A.* Geschichte der Erfindung der Buchdruckerkunst. B., 1886. Bd. 3. S. 803; *Венгерова-Зилинг.* С. 194, № 16.
[77] См.: *Schöpflin.* S. 41; *Schorbach.* S. 185, N 14; *Венгерова-Зилинг.* С. 193. № 14.
[78] См.: Ztschr. Ges. Oberreihns. 1892. N 7. S. 593; *Венгерова-Зилинг.* С. 193, № 15.
[79] См.: Die Chroniken der mittelrheinischen Städt/Hrsg. C. Hegel. Leipzig, 1881. Bd. 17.
[80] См.: *Faulmann.* S. 56.
[81] *Eusebius Caesariensis.* Chronicon a S. Hieronyno latine versum et ab eo Prospero Britannico et Mattheo Palmerio continuatum. Venetiae, 1483. Bl. 2–3; *Swierk.* S. 83, N 7. Нем. пер. см.: *Faulmann.* S. 64.
[82] См.: *Johannes Trithemius.* Opera historica. Frankfurt a. M., 1601. Ps 2. P. 366; *Swierk.* S. 83, N 8; *Faulmann.* S. 73–74.
[83] *Bossius Donatus.* Cronica Bossiana. Mailand, 1492; *Swierk.* S. 83, N 8; *Faulmann.* S. 66.
[84] См.: Cronica van der hilliger stat van Coellen. Köln, 1499. Bl. gg 1 v–gg 2 r; *Swierk.* S. 86–87; *Faulmann.* S. 71–72.
[85] Romische historie usz Tito Liuio gezogen. Mainz, 1505. Rückseite des Titelblattes; *Swierk.* S. 88, N 17.
[86] См.: *Widmann H.* Gutenberg in Urteil der Nachwelt // GSGF. S. 258.
[87] Ibid. S. 258; Breviarium Annalium Francorum. Mainz, 1515.
[88] См.: *Requin H.* L'imprimerie à Avignon en 1444. P., 1890; Idem. Documents inédits sur les origines de la typographie // Bull. hist. et philol. du Ministère de l'Instruction publ. 1890; Idem. Origine de l'imprimerie en France // J. gén. imprimerie. 1891. 28 févr.
[89] Тм.: *Swierk A.* Was bedeutet «ars artificaliter scribendi»? // GSGF. S. 243–250.
[90] См.: *Ruppel.* S. 196.
[91] Ibid. S. 198.

[92] См.: *Варбанец.* С. 132.
[93] Там же.
[94] См.: *Geldner F.* Die ersten typographischen Drucke // GSGF. S. 154.
[95] См.: *Corsten S.* Das Missale special // GSGF. S. 185–199.
[96] См.: *Zedler G.* Von Coster zu Gutenberg: Der holländische Früdruck und die Erfindung des Buchdrucks. Leipzig, 1921. S. 127–128.
[97] Ibid. S. 129–130.
[98] Ibid. S. 130.
[99] Ibid. S. 131–135.
[100] См.: *Bradshow H.* List of the founts of type and woodcut devices used by printers in Holland in the fifteenth century. L., 1871.
[101] См.: *Zedler G.* Von Coster zu Gutenberg; Idem. Die neue Gutenbergforschung und die Lösung der Costerfrage. Frankfurt a. M., 1923.
[102] См.: *Zedler G.* Von Coster zu Gutenberg. S. 31–32.
[103] *Киселев.* С. 30.
[104] См.: *Geldner F.* Die erste typographische Drucke. S. 154–155.
[105] См.: *Schaab C. A.* Die Geschichte der Erfindung der Buchdruckerkunst. Mainz, 1830. Bd. 1. S. 28; *Венгерова-Зилинг.* С. 194–195, № 18.
[106] См.: *Schorbach K.* Neue Straßburgische Gutenbergfunde // GF. 1925. S. 130–134.
[107] См.: *Schorbach.* N 19; *Венгерова-Зилинг.* С. 195, № 19.
[108] См.: *Faulmann.* S. 92.
[109] Ibid. S. 93.
[110] См.: *Капр А.* Отношения между Иоганном Гутенбергом и Николаем Кузанским. С. 48–54; *Kapr A.* Gab es Beziehungen zwischen Johannes Gutenberg und Nikolaus von Kues? // Kapr. S. 113–126.
[111] См.: *Zedler G.* Gutenbergforschungen. Leipzig, 1901. S. 27; Idem. Das vermeintlich Gutenbergische Missale // ZfB. 1903. Bd. 20. S. 32–55.
[112] См.: *Blum R.* Der Prozeß Fust gegen Gutenberg: Eine Interpretation des Helmaspergerschen Notariatinstruments im Rahmen der Frühgeschichte des Mainzer Buchdrucks. Wiesbaden, 1954. S. 89–99; *Geldner F.* Das Helmaspergersche Notariatsinstrument in seiner Bedeutung für die Geschichte des ältesten Mainzer Buchdruck // GSGF. S. 111–114.
[113] См.: *Geldner F.* Die ersten typographischen Drucke. S. 182–184.
[114] См.: *Senckenberg H. Ch.* Selecta iuridica et historica. Frankfurt a. M., 1734. Vol. 1. P. 269 ff; *Köhler.* S. 21–36, 54–57.
[115] См.: *Dziatko K.* Beiträge zur Gutenbergfrage. B., 1889. S. 11–18.
[116] См.: *Ruppel.* S. 95–105; *Blum R.* Der Prozeß Fust gegen Gutenberg; *Schmidt-Künsemüller F. A.* Rudolf Blums Interpretation des Prozesses Fust gegen Gutenberg // GJ. 1955. S. 22–32; *Geldner F.* Das Helmaspergersche Notariatsinstrument. S. 90–121.
[117] См.: *Зилинг Э. В.* Актовое свидетельство о процессе «Фуст против Гутенберга» // Пятьсот лет после Гутенберга. М., 1968. С. 370–387.

[118] См.: Немецкий город XIV–XV вв. С. 167–173.
[119] См.: *Geldner F.* Das Helmaspergersche Notarialinstrument. S. 105.
[120] См.: *Kapr A.* Hatte Johannes Gutenberg an der Erfurter Universität studiert? // Kapr. S. 258.
[121] См.: *Lehmann-Haupt H.* Peter Schoeffer of Gernsheim and Mainz: With a list of his surviving books and broadsides. Rochester; N. Y., 1950.
[122] См.: *Ruppel A.* Peter Schoeffer aus Gernsheim. Mainz, 1937.
[123] См.: *Lehmann-Haupt H.* Peter Schoeffer... P. 7.
[124] Ibid. P. 5.
[125] *Iustinianus.* Instutiones. Mainz, 1468; *Heidenheimer H.* Das Begleitgedicht zum Justiniani Institutiones-Druck von 1468 // GF. 1925. S. 108–117; *Swierk.* S. 81, N 2.
[126] *Trithemius J.* Annales Hirsaugienses. St. Gallen, 1690. Vol. 2. P. 421 ff. Пер. на нем. яз. см.: *Faulmann.* S. 74–75.
[127] См.: *Faulmann.* S. 75.
[128] См.: *Schorbach K.* Der Straßburger Frühdrucker J. Mentelin (1458–1478). Mainz, 1932; *Geldner F.* Die deutsche Inkunabeldrucker. Stuttgart, 1968. Bd. 1. S. 56–57.
[129] *Riccobaldus Ferrariensis.* Chronica summorum pontificum imperatorumque. Rom, 1474. Fol. 121 r.; *Swierk.* S. 82, N 4.
[130] *Варбанец.* С. 123.
[131] См.: *Ruppel.* S. 195.
[132] Цит. по: *Swierk.* S. 80, N 1.
[133] *Barzizius G.* Orthographia. P., 1471. Fol. 1 r – 2 r.; *Swierk.* S. 81, N 3.
[134] См.: *Leonardo (Bruni) Aretino.* De Bello Italico. Venezia, 1471.
[135] *Quintilianus M. F.* Institutiones oratoriae. Venezia, 1471.
[136] *Jacobus Philippus Foresti (Bergomensis).* Supplementum chronicarum. Venezia, 1483; *Swierk.* S. 82–83, N 6.
[137] Цит. по: *Swierk.* S. 87, N 14.
[138] См.: *Thiel R.* Kritische Gutenbergstudien // GJ. 1939. S. 62–86.
[139] См.: *Schmidt Ch.* Nouveaux detailes sur la vie de Gutenberg tires des archives de l'ancienn chapitre de St. Thomas a Straßburg. Straßburg, 1841; *Венгерова-Зилинг.* С. 196, № 22.
[140] См.: *Ruppel.* S. 44–45; *Венгерова-Зилинг.* С. 196–197, № 23.
[141] См.: *Венгерова-Зилинг.* С. 197, № 24.
[142] См.: *Schorbach.* N 21; *Венгерова-Зилинг.* С. 196, № 21.
[143] *Варбанец Н. В.* Современное состояние гутенберговского вопроса // Пятьсот лет после Гутенберга. С. 125.
[144] См.: *Bruch A. Ph.* Mainz von Verlust der Stadtfreiheit bis zum Ende des Dreissigjärigen Krieges (1462–1648). Mainz, 1972. S. 1–2.
[145] Цит. по: *Faulmann.* S. 57.
[146] См.: *Schorbach.* S. 227, N 27; *Венгерова-Зилинг.* С. 198, № 27.
[147] См.: *Geldner F.* Ein neuer Hinweis auf Bamberg als Druckort der 36 zeiligen Bibel // GJ. 1964. S. 48–51; *Geldner F.* Die Buchdruckerkunst im alten Bamberg 1458/59 bis 1519. Bamberg, 1964.
[148] *Schorbach* S. 220, N 25; *Вангерова-Зилинг.* С. 197, № 25.
[149] См.: *Ruppel.* S. 154; GSGF. S. 178.
[150] См.: *Венгерова-Зилинг.* С. 197–198, № 26.

151 См.: *Stamm K.* Gutenberg und seine Zugehärigkeit zum Mainzer St. Viktor-Stift – eine Fälschung Bodmanns // Mainz. Ztschr. 1961. N 56/57. S. 183–187.

152 См.: *Wimpfeling J.* Argentinensium episcoporum catalogus. Straßburg, 1508. Fol. 62 r; *Swierk.* S. 69–90. N 21.

153 См.: *Ruppel.* S. 66.

154 Ibid. S. 69.

155 См.: *Rott F. W. E.* Gutenbergs Tod und Begräbnisstätte // Wochenbeil. Darmstädt. Ztg. 1913. 22. Febr. S. 29; Idem. Johann Gensfleisch zum Gutenberg // Hessische Chronik. 1916. S. 232.

156 *Ruppel.* S. 70–71.

157 *Wolf J. Ch.* Monumenta Typographica. Hamburg, 1740. P. 33.

158 См.: *Ruppel.* S. 75.

159 См.: *Nicolaus Ferarius.* Moguntiacarum libri quinque. Mainz, 1604. P. 159; *Swierk.* S. 89, N 20; *Ruppel.* S. 183.

160 *Pantaleon H.* Der ander Theil Teutscher Nation warhafften Helden. Basel, 1578. S. 507.

161 *Варбанец.* С. 18.

162 См.: *Pantaleon H.* Op. cit. S. 30, 311, 574.

163 См.: *Thevets A.* Vies et portraits des hommes illustres. P., 1584.

164 См.: *Painter G. D.* The true portraits of Johann Gutenberg // GJ. 1965. S. 73–79.

165 См.: *Moxon J.* Mechanick Exercises; or the Doctrine of Handy-works, applied to the Art of Printing. L., 1683.

166 См.: A Gutenberg képmásohról // Magy. grafika. 1966. N 6. Old. 400–413.

167 См.: *Presser H.* Johann Gutenberg in Zeugnissen und Bilddokumenten. Reinbek bei Hamburg, 1967. S. 89; Gutenberg-Museum der Stadt Mainz. Weltmuseum der Buchkunst. Festkatalog. München, [1968]. S. 2.

168 См.: *Grimm H.* Ein neues Gutenberg-Bildnis «aus der ersten Hälfte des sechzehnten Jahrhunderts // BDB [Frankfurter Ausgabe]. 1968. Bd. 26. S. 239–243.

Издания

1 См.: *Ricci.*

2 См.: *Ruppel.* S. 110–113.

3 См.: *Zedler G.* Die älteste Gutenbergtype. Mainz, 1902.

4 См.: *Ricci.* N 1.

5 См.: *Schröder E.* Das Mainzer Fragment vom Weltgericht, ein Ausschnitt aus dem deutschen Sybillenbuch // VGG. 1908. Bd. 5/7. S. 1–9.

6 См.: Цит. по: *Киселев.* С. 14.

7 См.: GW 8674–8797.

8 См.: GW 8676.

9 *Киселев.* С. 16.

10 См.: *Ricci.* N 2; GW 8677.

11 См.: *Fischer G.* Beschreibung einiger typographischen Seltenheiten. Mainz, 1800. Lfg. 1. S. 55–56; *Idem.* Essai sur monuments typographiques de Jean Gutenberg. Mainz, 1802. P. 68–70.

12 См.: *Zedler G.* Die älteste Gutenbergtype. S. 15.

13 *Киселев.* С. 18.

14 См. примечание 11.

[15] *Киселев.* С. 20.
[16] См.: *Schmidt-Künsemüller F. A.* Der Streit um das Missale Speciale // Aus der Welt des Bibliothekars. Köln, 1961. S. 51.
[17] Обзор литературы о «Миссале специальном», а также анализ новейших исследований в этой области см.: *Altmann U.* Das Missale speciale (Constantiense) und der Gesamtkatalog der Wiegendrucke // Deutsche Staatsbibliothek, 1661–1961. B., 1965. S. 403–426) *Corsten S.* Das Missale speciale // GSGF. S. 185–189.
[18] См.: *Hupp O.* Ein Missale speciale, Vorläufer des Psalteriums, 1457 // ZfB. 1898. Bd. 16. S. 361–368.
[19] См.: *Collijn I.* Ein neuaufgefundenes Exemplar des L. Rosenthalischen Missale speciale // GJ. 1926. S. 32–46.
[20] См.: *Geissler P.* Ein viertes Exemplar des Missale speciale // GJ. 1962. S. 86–93.
[21] См.: *Misset E.* Le premier livre imprimé connu. Un Missal spécial de Constance oeuvre de Gutenberg avant 1450. Etude liturgique et critique // Bibliogr. moderne. 1899. Vol. 3. P. 254–293.
[22] См.: *Briquet Ch. M.* La date de troi impressions précisée par leurs filigranes. 1. Le Missal de M. Rosenthal, attribué à Gutenberg // Ibid. 1900. Vol. 4. P. 113–123.
[23] См.: *Buller C. F.* Who printed the Missale speciale Constantiense // Book Collector. 1957. Vol. 6. P. 255–258; *Idem.* Another view on the dating of the Missale speciale Constantiense // Library. 1959. Vol. 14. P. 1–10.
[24] См.: *Pfister A.* Vom frühen Basler und Schweizer Buchdruck // Stultifera navis. 1957. Bd. 14. S. 36–42.
[25] См.: *Ruppel A.* Druckte Gutenberg vor seiner 42 zeiligen Bibel ein grösseres Werk? Mainz, 1955. S. 15–18.
[26] См.: *Schmidt-Künsemüller F. A.* Op. cit. S. 51.
[27] См.: *Stevenson A.* Paper evidence and the Missale speciale // GJ. 1962. S. 94–105; *Idem.* The problem of the Missale speciale. L., 1967.
[28] См.: *Geissler P.* Op. cit. S. 86–93.
[29] См.: *Stevenson A.* The problem of the Missale...
[30] См.: *Corsten S.* Das Missale speciale // GSGF. S. 185–199.
[31] *Варбанец.* С. 178–179.
[32] См.: *Ricci.* N 55.
[33] См.: ZfB. 1901. Bd. 18. S. 501–503.
[34] См.: *Zedler G.* Ein neu entdeckter astronomischer Kalender für das Jahr 1448. Mainz, 1902.
[35] См.: *Lewicka-Kamińska A.* Inkunabul Biblioteki Jagiellońskiej nr. 2267 źródłem przewrotu w dotychczasowych badaniach nad Gutenbergiem // Przegł. biblioteczny. 1952. Rocz. 20. S. 222–232.
[36] См.: *Wislocki W.* Incunabula typographica Bibliothecae Universitatis Jagellonicae Caracoviensis. Kraków, 1900.
[37] См.: *Wehmer C.* Mainzer Probedrucke in der Type des sogenannten Astronomischen Kalender für 1448. München, 1948.
[38] См.: *Presser H.* Johann Gutenberg in Zeugnissen und bilddokumenten. Reinbek bei Hamburg, 1967.
[39] *Варбанец.* С. 185–186.
[40] См.: *Белый Ю. А.* Йоганн Мюллер (Региомонтан). М., 1985. С. 12.
[41] См.: *Schwenke.* S. 19–20; *Ricci.* N 7; GW 8683.

[42] См.: *Schwenke*. S. 17–19; *Ricci*. N 8; GW 8682.
[43] См.: *Schwenke P*. Neue Donatstücke in Gutenbergs Urtype // ZfB. 1908. Bd. 25. S. 70–75.
[44] См.: *Schwenke*. S. 20–21; *Ricci*. N 11; GW 8687.
[45] См.: *Schwenke P*. Die Berliner Brüchstücke eines 27 zeiligen Donats in der Kalendertype // ZfB. 1906. Bd. 23. S. 449–452.
[46] См.: ZfB. 1910. Bd. 27. S. 62–63; GW 8685.
[47] См.: *Schwenke P*. Karlsruher Bruchstücke eines 27 zeiligen Donats in der Kalendertype // ZfB. 1907. Bd. 24. S. 112–131.
[48] См.: *Ricci*. N 14; GW 8681; ZfB. 1915. Bd. 32. S. 270; 1917. Bd. 34. S. 197.
[49] См.: *Ruppel*. S. 120.
[50] См.: *Ricci*. N 16.
[51] Ibid. N 17.
[52] Ibid. N 18.
[53] См.: *Schwenke*. S. 21–23.
[54] См.: *Ricci*. N 6.
[55] См.: GW 8688–8690.
[56] См.: *Ricci*. N 15; GW 8688.
[57] См.: *Ricci*. N 24; GW 8689.
[58] См.: *Schwenke*. S. 11–13; *Ricci*. N 19.
[59] См.: *Aretin J. Ch. von*. Vorläufige Anzeige eines neu endeckten teutschen gedruckten Kalenders für das Jahr 1455 // Neuer lit. Anz. 1806. N 21. S. 330 ff; Idem. Nähere Anzeige des ältesten bisher bekannten typographischen Denkmals // Ibid. N 22. S. 344–348.
[60] См.: *Wyß A*. Der Türkenkalender für 1455: Ein Werk Gutenbergs // GF 1900. S. 305–321; *Schwenke P*. Gutenberg und die Type des Türkenkalenders // ZfB. 1901. Bd. 18. S. 289–296; *Mori G*. Der Türkenkalender für das Jahr 1455. Mainz, 1928; Der Türkenkalender/Komment. von F. Geldner. Wiesbaden, 1975.
[61] См.: *Schwenke P., Degering H*. Die Türkenbulle des Papstes Calixtus III. B., 1911; *Ricci*. N 20.
[62] См.: GW 5916.
[63] См.: *Fischer G*. Über einen Calender von 1457, den ersten Druck mit gedruckter Jahrzahl und beweglichen Typen // Fischer G. Beschreibung einiger typographischen Seltenheiten nebst Beyträgen zur Erfindungsgeschichte der Buchdruckerkunst. Mainz, 1804. Lfg 6. S. 25–36.
[64] См.: *Wyß A*. Gutenberg Cisianus zu Dutsche // ZfB. 1901. Bd. 18. S. 145–150; Idem. Ein deutscher Cisianus für das Jahr 1444 gedruckt von Gutenberg. Strassburg, 1900; *Schwenke*. S. 15–17; *Ricci*. N 22.
[65] См.: *Зданевич Б. І*. Provinciale Romanum: Невідоме видання Йоганна Гутенберга. Київ, 1941.
[66] См.: *Зданевич Б. І*. Каталог інкунабул/Упорядник Г. І. Ломонос-Рівна. Київ, 1974. С. 180–200.
[67] См.: Einblattdrucke des 15. Jahrhunderts. Halle, 1914. S. 281, N 1051.
[68] См.: *Geldner F*. Ein unbeachteter Einblattdruck der Type der 36 zeiligen Bibel in der Universitäts-Bibliothek zu München // ZfB. 1940. Bd. 57. S. 278–292.
[69] См.: *Geldner F*. Die ersten typographischen Drucke // GSGF. S. 170.
[70] Ibid.

[71] См.: *Kapr A.* Johannes Gutenberg und die Cyprischen Ablassbriefe 1454/55. Leipzig, 1968. S. 8.
[72] См.: GW 6556; *Geldner F.* Die ersten typographischen Drucke. S. 173.
[73] См.: ZfB. 1909. Bd. 26. S. 30–31.
[74] См.: *Ruppel.* S. 153–154.
[75] См.: *Dziatzko K.* Beiträge zur Gutenbergfrage. B., 1889. S. 56–86.
[76] См.: *Kapr A.* Marginalien zur Gutenberg-Forschung // Beitr. Inkunabelkunde. N. F. 1969. Bd. 4. S. 28–31.
[77] См.: *Zedler G.* Die sogenannte Gutenbergbibel sowie die mit der 42 zeiligen Bibeltype ausgeführten kleineren Drucke. Mainz, 1929.
[78] *Франс А.* Речь по случаю пятисотлетия со дня рождения Гутенберга // Франс А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1960. Т. 8. С. 540.
[79] См.: *Geldner F.* Bemerkungen zum frühesten Buchdruck // GJ. 1971. S. 58.
[80] См.: *Schwarz Ch. G.* Primaria quaedam documenta de origine typographiae. Altdorf, 1728. Vol. 2. P. 4.
[81] См.: *Ricci.* N 34.1; *Lazare.* N 18; *Stöwesand.* N 22.
[82] См.: Ölrich Entwurf einer Geschichte der Königliche Bibliothek zu Berlin. B., 1752. S. 27.
[83] См.: *Ricci.* N 34.21; *Lazare.* N 8; *Stöwesand.* N 2.
[84] См.: Johannes Gutenbergs 42 zeilige Bibel. Faksimileausgabe des Insel-Verlags. Leipzig, 1913; Bd. 1–2; *Schwenke P.* Ergänzungsband. Leipzig, 1923.
[85] См.: *Herbert M.* Iter Alemannicum. 1773. P. 164, pl. VII.
[86] См.: *Ricci.* N 34. 31; *Lazare.* N 34; *Stöwesand.* N 47.
[87] См.: *Debure G.-F.* Bibliographie instructive ou Traité de la connoissance des livres rares. P., 1763. Vol. 1. P. 32.
[88] См.: *Ricci.* N 34. 13; *Lazare.* N 4; *Stöwesand.* N 18.
[89] См.: *Meerman G.* Origines Typographicae. Hagae, 1765. P. 46.
[90] См.: *Ricci.* N 34. 11; *Lazare.* N 3; *Stöwesand.* N 16.
[91] См.: *Fischer G.* Berichtungen der Mainzer Gutenbergischen Bibel. Eine nicht unwichtige Aufklärung in der Erfindungsgeschichte der Buchdruckerkunst // Fischer G. Beschreibung typographischen Seltenheiten und merkwürdiger Handschriften nebst Beyträgen zur Erfindungsgeschichte der Buchdruckerkunst. Nürnberg, 1801. Lfg 3. S. 7–12.
[92] См.: *Ricci.* N 34.23; *Lazare,* N 10; *Stöwesand.* N 7.
[93] См.: *Heinecken K. H.* Neue Nachrichten von Künstlern und Kunstsachen. Dresden; Leipzig, 1786.
[94] См.: *Laire F. X.* Index librorum ab inventa typographia ad annum 1500. Senonis, 1790. P. 5–11.
[95] См.: *Ricci.* N 34.3; *Lazare.* N 25; *Stöwesand.* N 26.
[96] См.: *Ricci.* N 34.33; *Lazare.* N 30; *Stöwesand.* N 31.
[97] См.: *Zapf G. W.* Aelteste Buchdruckergeschichte von Mainz von derselbe Erfindung bis auf das Jahr 1499. Ulm, 1790. S. 127.
[98] См.: *Ricci.* N 34.12; *Lazare.* N 5; *Stöwesand.* N 17.
[99] См.: *Wyttenbach J. H.* Verzeichniß einiger alten Drucke, welche die offentliche Stadtbibliothek zu Trier besitzt und nicht von Panzer angefürt sind // Neuer lit. Anz. 1807. N 46. S. 725–728; *Ricci.* N 34.15; *Lazare.* N 17.
[100] См.: *Ricci.* N 34.26; *Lazare.* N 14; *Stöwesand.* N 10.

[101] См.: *Dibdin Th. F.* Bibliotheca Spenceriana; or a descriptive catalogue of the books printed in the fifteenth century. L., 1814. Vol. 1. P. 7–10.
[102] См.: *Ricci.* N 34.4; *Lazare.* N 24; *Stöwesand.* N 25.
[103] См.: *Ricci.* N 34.16; *Lazare.* N 12; *Stöwesand.* N 3.
[104] См.: *Ricci.* N 34.2; *Lazare.* N 23; *Stöwesand.* N 23.
[105] См.: *Ricci.* N 34.9; *Lazare.* N 39; *Stöwesand.* N 42.
[106] См.: *Dibdin Th. P.* The Bibliographical Decameron; or Ten days pleasant discours upon illuminated manuscripts and subjects connected with early engraving, typography and bibliography. L., 1817. Vol. 1. P. 339.
[107] См.: *Ricci.* N 34.40; *Lazare.* N 35; *Stöwesand.* N 45.
[108] См.: *Dibdin Th. P.* A bibliographical, antiquarian and pictoresque tour in France and Germany. L., 1821. Vol. 3. P. 488.
[109] См.: *Ricci.* N 34.29; *Lazare.* N 1; *Stöwesand.* N 13.
[110] См.: *Dibdin Th. F.* The Library Companion. L., 1824. P. 13; *Lazare.* N 46; *Stöwesand.* N 48; *Carter J.* Books and book collectors. L., 1956. P. 187–192.
[111] См.: *Praet J. B. B. van.* Catalogue de livres imprimés sur vélin de la Bibliothèque du Roi. P., 1822. Vol. 1. P. 15–18; Vol. 5. P. 360; 1828. Vol. 6. P. 3, 146–147.
[112] См.: *Pettigrew Th. J.* Bibliotheca Sussexiana. L., 1827. Vol. 1. P. 292.
[113] См.: *Ricci.* N 34.8; *Lazare.* N 40; *Stöwesand.* N 44.
[114] См.: *Ricci.* N 34.24; *Lazare.* N 13; *Stöwesand.* N 7.
[115] См.: *Stöwesand.* S. 493.
[116] См.: *Ricci.* N 34.7; *Stöwesand.* N 27.
[117] См.: *Ricci.* N 34.5; *Lazare.* N 22; *Stöwesand.* N 21.
[118] См.: *Ricci.* N 34.34; *Lazare.* N 43; *Stöwesand.* N 40.
[119] См.: *Ricci.* N 34.39; *Lazare.* N 38; *Stöwesand.* N 36.
[120] См.: *Schaab C. A.* Die Geschichte der Erfindung der Buchdruckerkunst durch Johann Gensfleisch genannt Gutenberg in Mainz, pragmatisch aus den Quellen bearbeitet. Mainz, 1830. Bd. 1. S. 270–275.
[121] См.: *Ricci.* N 34.17; *Lazare.* N 15; *Stöwesand.* N 1.
[122] См.: Телеграфическая депеша // Санктпетербург. ведомости. 1858. № 87; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1858 г. СПб., 1859. С. 35–36.
[123] См.: *Ricci.* N 34.28; *Lazare.* N 33; *Stöwesand.* N 32.
[124] См.: *Deckert H.* Katalog der Inkunabeln der Sächsischen Landesbibliothek zu Dresden. Leipzig, 1957. S. 57.
[125] См.: Serapeum. 1870. S. 230–234, 241–248.
[126] См.: *Ricci.* N 34.36; *Lazare.* N 45; *Stöwesand.* N 46.
[127] См.: Neuer Anz. 1874. S. 369.
[128] См.: *Ricci.* N 34.37; *Lazare.* N 44; *Stöwesand.* N 43.
[129] См.: *Ruble A.* Notice des principaux livres manuscrits et imprimés que ont fait partie du l'exposition de l'art ancien ou Trocadero. P., 1879. P. 47–48, N 87.
[130] См.: *Ricci.* N 34.25; *Lazare.* N 11; *Stöwesand.* N 8.
[131] См.: Fuldaer Kreisblatt. 1879. 5. März.
[132] См.: *Ricci.* N 34.20; *Lazare.* N 9; *Stöwesand.* N 4.
[133] См.: Каталог аукциона Б. Кворича за декабрь 1884. С. 30–31, № 284.
[134] См.: *Ricci.* N 34–35; *Lazare.* N 42; *Stöwesand.* N 39.
[135] См.: Biblia Gutenberga zmienia wlaściciela // Zycie Warszawy. 1978. 15–16 kwiet., N 89.

136 См.: Каталог распродажи библиотеки Госфорда. [L., 1884. Apr. P. 16, N 339].
137 См.: *Ricci.* N 34.41; *Lazare.* N 26; *Stöwesand.* N 35.
138 См.: *Linde A. van der.* Geschichte der Buchdruckerkunst. B., 1886. Bd. 3. S. 871–879.
139 См.: *Ricci.* N 34.15; *Lazare.* N 41; *Stöwesand.* N 37.
140 См.: *Bruun Ch.* De nyeste undersögelser om bogtrykkerkunstens opfindelse. Copenhague, 1889. Pl. 6.
141 См.: *Ricci.* N 34.27; *Lazare.* N 2; *Stöwesand.* N 15.
142 См.: Каталог распродажи библиотеки лорда Хоуптона. [L., 1889. Febr. P. 17, N 269].
143 См.: *Ricci.* N 34.10; *Lazare.* N 20; *Stöwesand.* N 20.
144 См.: *Coppinger W. A.* Incunabula biblicae. L., 1892. P. 1–6.
145 См.: *Ricci.* N 34.18; *Lazare.* N 7; *Stöwesand.* N 5.
146 См.: *Ricci.* N 34.38; *Lazare.* N 36; *Stöwesand.* N 41.
147 См.: *Schwenke P.* Untersuchungen zur Geschichte des ersten Buchdrucks // Festschrift zur Gutenbergfeier herausgegeben von der Königlichen Bibliothek zu Berlin am 24. Juni 1900. B., 1900. S. 1–9.
148 См.: *Ricci.* N 34.32; *Lazare.* N 27; *Stöwesand.* N 28.
149 См.: *Ricci.* N 34.22; *Lazare.* N 29; *Stöwesand.* N 30; *Liedtke A.* Saga pelplinskiej Biblii Gutenberga. Pelplin, 1891.
150 См.: *Ricci.* N 34.14; *Lazare.* N 6; *Stöwesand.* N 19.
151 См.: *Ricci.* N 34.6; *Lazare.* N 19; *Stöwesand.* N 24.
152 См.: *Lazare.* N 31; *Stöwesand.* N 33.
153 См.: *Lazare.* N 32; *Stöwesand.* N 34.
154 См.: *Ricci.* N 34.
155 См.: Ibid. N 34.19; *Stöwesand.* N 9.
156 См.: Ibid. N 34.30; *Lazare.* N 37; *Stöwesand.* N 38.
157 См.: *Reichner H.* Die Gutenbergbibel der Sammlung Vollbehr. B., 1927.
158 См.: *Schwenke P.* Johannes Gutenbergs 42 zeilige Bibel. Faksimileausgabe. Ergänzungsband. Leipzig, 1923; *Reichner H.* Die Gutenberg Bibel der Sammlung Vollbehr. B., 1927; *Johnson H. L.* Gutenberg and the book of books. L., 1932; *Muller J. W.* Gutenberg bibles: A list of the 45 known copies of the first book ever printed // Publishers' Weekly. 1927. N 8. P. 691–694; *Lazare.*
159 См.: *Stöwesand.*
160 Ibid. S. 508–510.
161 Ibid. S. 510–511.
162 *Norman D. C.* The 500th aniversary pictorial census of the Gutenberg bible. Chicago, 1961; *Stummvoll J.* Die Gutenberg-Bibel. Eine Census-Übersicht // Biblos. 1971. Bd. 20. S. 19.
163 См.: *Staub K. H.* Die Immenhäuser Gutenbergbibel // GJ. 1976. S. 74–84.
164 См.: *Ruppel.* S. 142.
165 Ibid. S. 145–146.
166 Ibid. S. 143.
167 *Галактионов И. Д.* Беседы наборщика. Пг., 1922. С. 8.
168 См.: *Ruppel.* S. 142.
169 См.: *Немировский Е. Л.* Иван Федоров. М., 1985. С. 249.
170 См.: *Ruppel.* S. 144.
171 См.: *Немировский Е. Л.* Начало славянского книгопечатания. М., 1971. С. 195.
172 См.: *Ruppel.* S. 146.

[173] См.: *Zedler G.* Ein neuer mit der 42 zeiligen Bibeltype in ihrem Urzustande gedruckter Donat // GJ. 1933. S. 26–70.
[174] См.: *Lewicka-Kamińska A.* Neues Donatfragment in der Type der 42 zeiligen Bibel in der Jagiellonischen Bibliothek // Festschrift Hans Lülfing. Leipzig, 1966. S. 13–15.
[175] См.: Catalogus bibliothecae Harleiane, in locos communes distributus cum indice auctorum. Londini, 1743.
[176] См.: *Knoch G. L.* Bibliothece Biblica das ist Verzeichnis der Bibel-Sammlung. Braunschweig, 1752; *Idem.* Historische-critische Nachrichten von der Braunschweigischen Bibelsammlung. Wolfenbüttel, 1754.
[177] См.: *Ricci.* N 23.5.
[178] См.: *Schelhorn J. G.* De antiquissimae latinorum Bibliorum editionae cen primo artis typographicae foetu et rariorum librorum phoenice. Ulmae, 1760.
[179] См.: *Ricci.* N 23.9.
[180] О нем см.: *Debenedetti S.* Gli studi provenzali in Italia nel Cinquecento. Torino, 1911.
[181] См.: *Dibdin Th. F.* Bibliotheca Spenceriana. P. 7–10.
[182] См.: *Ricci.* N 23.2.
[183] См.: Ibid. N 23.8.
[184] См.: Ibid. N 23.7.
[185] См.: *Bernhart J. B.* Untersuchung über die von Gutenberg gedruckte lateinische Bibel // Beitr. Ges. und Lit. 1804. N 11/12. S. 75.
[186] См.: *Ricci.* N 23.13.
[187] См.: Ibid. N 23.10.
[188] См.: *Dibdin Th. F.* Bibliotheca Spenceriana. P. 10.
[189] См.: *Ricci.* N 23.1.
[190] См.: Ibid. N 23.4; *Dibdin Th. F.* A bibliographical, antiquarian and picturesque tour. P. 485.
[191] См.: Catalogue de livres imprimés sur vélin, que se trouvent dans des Bibliothèques tant publiques que particuliéres. P., 1824. Vol. 1. P. 17–21.
[192] См.: *Ricci.* N 23.12.
[193] См.: *Vanderhaeghen G. F.* Musée Plantin à Anvers. Notice sur la bibliothèque Plantinenne. Gand, 1875. P. 13–14.
[194] См.: *Ricci.* N 23.6.
[195] См.: Ibid. N 23.11.
[196] См.: *Freys E.* Die Pergamentfragmente des 36 zeiligen Bibel, systematisch verzeichnet // Beitr. Inkunabelkunde. F. 3. 1975. Bd. 6. S. 7–13.
[197] См.: *Люблинский В. С.* «Грамматика в лицах» // Книга: Исслед. и материалы. 1961. Сб. 5. С. 197–198; *Lublinsky V.* Leningrader Notizen // Beitr. Inkunabelkunde. 1965. Bd. 1. S. 1–3.
[198] См.: *Ricci.* N 23.
[199] См.: *Ruppel.* S. 132.
[200] См.: *Geldner F.* Die Buchdruckerkunst im alten Bamberg 1458/59 bis 1519. Bamberg, 1964.
[201] См.: *Ricci.* N 23.17.
[202] См.: Ibid. N 23.30.
[203] См.: *Dziatzko K.* Gutenberg früheste Druckerpraxis. B., 1890. S. 95; *Dold A.* Die Beweisstücke für die Priorität der B 42 vor dem B 36 im Lichtbild dargeboten und kurz erläutert // GJ. 1951. S. 48–51.

204 См.: *Schaab C. A.* Die Geschichte der Erfindung der Buchdruckerkunst durch Johann Gensfleisch genant Gutenberg zu Mainz. Mainz, 1830. Bd. 1. S. 226–227. Ср.: *Мыльников А. С.* Чешская книга. М., 1971. С. 21.
205 См.: *Herold E.* Die Coburger Gutenbergfunde und ihre Bedeutung für die Gutenberg-Forschung // GJ. 1941. S. 52–58.
206 См.: *Geldner F.* Ein neuer Hinweis auf Bamberg als Druckort der 36 zeiligen Bibel: Das Wappen des Peter Knorr im Exemplar der Bibliothèque National // GJ. 1964. S. 48–51.
207 См.: *Mazal O.* Der Mainzer Psalter von 1457. Kommentar zum Faksimiledruck. Zürich, 1969.
208 См.: *Ricci.* N 54.
209 См.: Ibid. N 54.9.
210 См.: *Lambecius P.* Commentarium de bibliotheca Caesarea Vindobonensi. Vindobonae, 1665. Vol. 2. P. 744, 989.
211 Цит. по: *Faulmann.* S. 59.
212 См.: *Ruppel A.* Probleme um das Mainzer Catholicon von 1460 // CJ. 1938. S. 83–96.
213 См.: *Hoffmann L.* Ist Gutenberg der Drucker des Catholikon? // ZfB. 1979. N 5. S. 201–213.
214 См.: *Ruppel.* S. 170.
215 См.: *Hoffmann L.* Op. cit. S. 201.
216 См.: *Zedler G.* Das Mainzer Catholicon. Mainz, 1905.
217 См.: *Gerardy Th.* Galizianimarke, Krone und Turm als Wasserzeichen in großformatigen Frühdrucken // GJ. 1971. S. 11–23; *Ziesche E., Schnitger D.* Elektronenradiographische Untersuchungen des Mainzer Catholicon // AGB. 1980. Bd. 21. S. 1303–1360.
218 См.: *Gerardy Th.* Wann wurde das Catholicon mit der Sclußschrift 1460 (GW 3182) wirklich gedruckt? // GJ. 1973. S. 105.
219 См.: *Needham P.* Johann Gutenberg and the Catholicon press // Pap. Bibliogr. Soc. Amer. 1982. Vol. 76. P. 395–456.
220 См.: *Zedler G.* Das Mainzer Catholicon. S. 39–40.
221 *Tritemius J.* Annales Hirsaugienses. St. Gallen, 1690. Vol. 2. P. 421.
222 См.: *Киселев Н. П.* Инвентарь инкунабулов Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина. М., 1939. С. 36, № 423.
223 См.: *Hoffmann L.* Op. cit. S. 202–204.

Изобретение

1 См.: *Hunter G. R.* The script of Harappa and Mohenjo-Daro and its connection with other scripts. L., 1934.
2 См.: *Wieseman D. J.* Götter und Menschen im Rollspiegel Westasiens. Pr., 1958.
3 См.: *Hamanowá P.* Z dějin knižni vazby. Pr., 1959. S. 21.
4 См.: *Loubier H.* Der Bucheinband in alter und neuer Zeit. B.; Leipzig, 1926.
5 См.: *Молчанов А. А.* Таинственные письмена первых европейцев. М., 1980. С. 21.
6 См.: *Бекштрем А.* Загадочный диск // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1911. № 12.
7 См.: *Молчанов А. А.* Указ. соч. С. 52.
8 Цит. по: *Щелкунов М. И.* История, техника, искусство книгопечатания. М.; Л., 1926. С. 42.

[9] См.: *Ruppel A.* Die Technik Gutenbergs und ihre Vorstufen. Düsseldorf, 1961. S. 13–14.
[10] Ibid. S. 14.
[11] *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 92.
[12] Цит. по: *Немировский Е. Л., Горбачевский Б. С.* С книгой через века и страны. М., 1964. С. 38.
[13] См.: *Hupp O.* Die Prüfeninger Weihinschrift vom Jahr 1119 // Studien aus Kunst und Geschichte. Freiburg, 1906. S. 185.
[14] См.: *Lehman-Haupt H.* Englische Holzstemplalphabete des 13. Jahrhunderts // GJ. 1940. S. 93–97.
[15] См.: *Boock F.* Die Einbände des Dominikaners Konrad Forster // Jb. Einbandkunst. 1928. Bd. 2. S. 14–32.
[16] См.: *Hussing M. J.* Neues Material zur Frage des Stempeldrucks vor Gutenberg // GF. 1925. S. 66–72.
[17] См.: *Forrer R.* Die Zeugdrucke der byzantinischen, romanischen, gothischen und späteren Kunstepochen. Straßburg, 1894.
[18] См.: *Bachmann M., Reitz G.* Der Blaudruck. Leipzig, 1962. S. 5.
[19] См.: *Якунина Л. И.* Русские набивные ткани XVI–XVII вв. М., 1954. С. 15.
[20] См.: *Kunze H.* Geschichte der Buchillustration in Deutschland: Das 15. Jahrhundert. Leipzig, 1975. S. 85–86.
[21] Ibid. S. 83–84.
[22] *Ченнини Ч.* Книга об искусстве, или Трактат о живописи. М., 1933. С. 119–120.
[23] См.: *Pow-Key Sohn.* Early Korean printing // GSGF. S. 217.
[24] См.: *Loehr M.* Chinese landscape woodcuts. Cambridge, 1968. P. 1.
[25] См.: *Goodrich L. C.* Tho new discoveries of early block prints // GSGF. S. 214.
[26] См.: *Лю Гоцзюнь.* Рассказ о китайской книге. М., 1957. С. 49.
[27] См.: *Гривнин В. С.* История развития и современное состояние книгоиздательства в Японии // Книга: Исслед. и материалы. 1961. Сб. 4. С. 287–314.
[28] См.: *Лю Гоцзюнь.* Указ. соч. С. 46–47.
[29] См.: *Флуг К. К.* История китайской печатной книги Сунской эпохи X–XIII вв. М.; Л., 1959. С. 29–30; *Carter Th. F.* The invention of printing in China and its spread westward. L., 1925. P. 25.
[30] Цит. по: *Флуг К. К.* Указ. соч. С. 60–62.
[31] Там же. С. 65–68.
[32] См.: *Pow-Key Sohn.* Op. cit. S. 219.
[33] См.: *Hons Hi-gu.* Der Druck mit Metalletern in Korea // Buchkunst. Leipzig, 1963. Bd. 4. S. 193.
[34] Ibid. S. 193.
[35] См.: *Seokko Chwen S.* In search of the origin of metal type printing // GJ. 1985. S. 15–18.
[36] См.: *Pow-Key Sohn.* Op. cit. S. 226.
[37] Ibid. S. 224.
[38] Ibid. S. 229.
[39] См.: *Ruppel A.* Haben die Chinesen und Koreaner die Druckkunst erfunden? Mainz, 1954; *Kapr A.* Konnte Gutenberg bei seiner Erfindung vom Drucken mit metallenen Einzelbuchstaben in Korea Kenntnis gehabt haben? // Beitr. Inkunabelkunde. F. 3. 1969. Bd. 4. S. 31–33.

[40] См.: *Carter Th. F.* The invention of printing in China and its spread westward. 2nd ed. N. Y., 1955.
[41] См.: *Терентьев-Катанский А. П.* Книжное дело в государстве тангутов. М., 1981. С. 85.
[42] См.: *Wu K. T.* Chinese printing under four Alien dynasties // Harward J. Asiat. Stud. 1950. N 3/4. P. 451.
[43] См.: *Терентьев-Катанский А. П.* Указ. соч. С. 98.
[44] См.: *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М., 1972. С. 114–118.
[45] См.: Papirus Erzherzog Rainer. Führer durch die Ausstellung. Wien, 1894.
[46] См.: *Sand Ch.* Appendix addendorum, confirmandorum et emendadorum ad nucleum historiae ecclesiasticae. Coloniae, 1678.
[47] См.: *Малышевский И. И.* Подложное письмо половца Ивана Смеры. Киев, 1876.
[48] См.: *Теплов Л. П.* Иван Смер – изобретатель книгопечатания // Сталинский печатник. 1949. 29 марта, № 4. С. 3–4; *Сидоров А. А.* К вопросу об Иване Смере и изобретении книгопечатания // Там же. 1949. 30 апр., № 7. С. 4; *Теплов Л. П., Немировский Е. Л.* Книгопечатание – русское изобретение // Лит. газ. 1950. 1 апр., № 27.
[49] *Спафарий Н. Г.* Описание первыя части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его города и провинции. Казань, 1910. С. 25.
[50] *Kapr.* S. 99.
[51] См.: Geschichte der Deutschen Kunst, 1350–1470/Hrsg. E. Ullmann. Leipzig, 1981. S. 292.
[52] См.: *Кристеллер П.* История европейской гравюры XV–XVIII вв. М., 1939. С. 29.
[53] См.: *Friedländer M. J.* Der Holzschnitt. B.; Leipzig, 1921. S. 18.
[54] См.: *Heinecken K. H. von.* Idée générale d'une collection complète d'estampes. Leipzig; Vienne, 1771. P. 250.
[55] См.: *Dibdin Th. F.* Bibliotheca Spenceriana; or a descriptive catalogue of the books printed un the fifteenth century. L., 1814. Vol. 1. P. I–IV.
[56] Цит. по: *Чэнь Яньсяо.* Лу Синь и гравюра на дереве. М., 1956. С. 46–47.
[57] См.: *Rosenfeld H.* Zur Geschichte der Splekarten // Die schönsten deutschen Spielkarten. Leipzig, 1964. S. 37.
[58] См.: *Schreiber W. L.* Darf der Holzschnitt als Vorstufe der Buchdruckerkunst behandelt werden? // ZfB. 1895. Bd. 12. S. 201.
[59] См.: *Kunze H.* Op. cit. S. 115.
[60] См.: *Kocowski B.* Drzeworytowe książki średniewiecza. Wrocław, 1974. S. 16.
[61] *Бахтиаров А. А.* Иоганн Гутенберг: Его жизнь и деятельность в связи с историей книгопечатания. СПб., 1892. С. 22.
[62] См.: *Кристеллер П.* Указ. соч. С. 11.
[63] См.: *Вазари Дж.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. М., 1956. Т. 1. С. 123; 1970. Т. 4. С. 7.
[64] См.: *Zedler G.* Von Coster zu Gutenberg. Leipzig, 1921. S. 18–20.

65 См.: *Mori G.* Was hat Gutenberg erfunden? Ein Rückblick auf die Frühtechnik des Schriftgusses. Mainz, 1921.

66 См.: *Schmidt-Künsemüller F. A.* Die Erfindung des Buchdrucks als technisches Phänomän. Mainz, 1951. S. 41 ff.

67 См.: *Audin M.* La métallographie et le problème du livre // GJ. 1930. S. 11–52; *Hupp O.* Der Neudruck des Canon Missae Und der Sandguß/GJ. 1942–1943. S. 68 ff.

68 См.: *Schmidt-Künsemüller F. A.* Gutenbergs Schritt in die Technik // GSGF. S. 131.

69 См.: *Sachs H.* Eygentliche Beschreibungen aller Stände auff Erden. Frankfurt a. M., 1568. Fol. E3.

70 См.: *Moxon J.* Mechanick exercises; or the Doctrine of Handy-works, applied to the Art of Printing. L., 1683. Vol. 2. Tab.

71 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 497.

72 См: *Ruppel A.* Die Technik Gutenbergs... S. 42.

73 См.: *Giesecke A.* Das Schriftmetall Gutenbergs // GJ. 1944–1949. S. 53–65.

74 См.: *Немировский Е. Л.* Иван Федоров. М., 1985. С. 224.

75 Репродукцию см.: *Kunze H.* Das große Buch vom Buch. B., 1983. S. 73.

76 См.: *Klein Ch.* Sur Gutenberg et la fragments de sa presse. Mayence, 1856.

77 См.: *Самородов Б. П.* Находка Балтазара Борзнера: Очерк из истории печатного станка // Полиграфия. 1971. № 1. С. 45–47.

78 См.: *Nešvera R. K.* Vývoj ručního knihtiskařského lisu (1440–1850) // Sb. Nar. mus. Praze. R. C. 1960. Sv. 5, N 1/2. Tab. 9–15.

79 См.: *Zonca V.* Novo teatro di machine et edificii. Padoua, 1607. P. 64–67.

80 Цит. с исправлениями по: *Бек Т.* Очерки по истории машиностроения. М.; Л., 1933. С. 206–207.

81 См.: *Kusko B. H., Cahill T. A., Eldred R. A., Schwab R. N.* Proton milliprobe analyses of the Gutenberg bible // Nucl. Instrum. and Meth. Phys. Res. B. 1984. Vol. B3. P. 689.

82 См.: *Wallau H.* Die zweifarbigen Initialen der Psalter-Drucke von J. Fust und P. Schoeffer // GF. 1900. S. 261–304.

83 См.: *Lehman-Haupt H.* Gutenberg und der Meister der Spielkarten // GJ. 1962. S. 360–379; *Idem.* Gutenberg and the master of the playing cards. New Haven, 1966.

84 *Кристеллер П.* Указ. соч. С. 58.

85 См.: *Rosenfeld H.* Der Meister der Spielkarten und die Speilkartentradition und Gutenbergs typographische Pläne im Rahmen der Entwicklung der graphischen Künste // AGB. 1964. Bd. 5. S. 1505–1520.

86 *Кристеллер П.* Указ. соч. С. 59.

Судьба изобретения

1 *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 79.

2 Там же. С. 81–82.

3 См.: *Kunze H.* Geschichte der Buchillustration in Deutschland: Das 15. Jahrhundert. Leipzig, 1975. S. 204.

[4] См.: *Boner U.* Der Edelstein. Bamberg, 1641. Faksimile der 1. Druckausgabe. Stuttgart, 1972.
[5] См.: *Dante Alighieri.* La divina commedia/Col commento di C. Landino. Firenze, 1481.
[6] См.: *Кристеллер П.* История европейской гравюры XV—XVIII вв. М., 1939. С. 178.
[7] См.: *Ненарокова Е. Н.* Итальянская цветная гравюра на дереве XVI—XVIII вв. Л., 1962.
[8] См.: *Nešvera R. K.* Vývoj ručního knihtiskařského lisu (1440—1850) // Sb. Nar. mus. v Praze. R. C. 1960. Sv. 5, N 1/2. S. 9—52.
[9] См.: *Dieterichs K.* Die Buchdruckerpresse von J. Gutenberg bis F. Koenig. Mainz, 1930; *Pottinger D.* The history of the printing press. N. Y., 1938; *Moran J.* Printing presses: History and development from the fifteenth century to modern times. L., 1973.
[10] См.: *Doppelmayr I. G.* Historische Nachrichten von nürnbergischen Mathematics und Künstler. Nürnberg, 1730.
[11] См.: *Baudet P. I. N.* Leven en werken von Willen Janzon Blaeu. Amsterdam, 1871.
[12] См.: Beschreibung einer neuen Buchdruckpresse von W. Haas dem Vater. 1722. Wiedergegeben nach dem Druck von W. Haas dem Sohne. Basel, 1790.
[13] См.: *Johnson J.* Typographia. L., 1824.
[14] См.: *Moran J.* Op. cit. P. 64.
[15] См.: *Zonca V.* Novo teatro di machine et edificii. Padoua, 1607. P. 64—66; *Bosse A.* Traite des manièrs de graver en taille-douce. P., 1645. Pl. 12, 15.
[16] См.: *Dyson A.* The rolling-press: Some aspects of its development from the seventeenth century to the nineteenth century // J. Print. Hist. Soc. 1982/1983. N 17. P. 4—5.
[17] См.: *Schmid A.* Ottaviano dei Petrucci da Fossombrone, der erste Erfinder des Musiknotendruckes mit beweglichen Metalltypen. Wien, 1845.
[18] См.: *Юргенсон Б. П.* Очерк истории нотопечатания. М., 1928.
[19] См.: *Fournier P. S.* Manuel typographique. P., 1764—1766.
[20] См.: *Fournier P. S.* Modèles des caractères de l'imprimerie. P., 1742.
[21] См.: *Масютин В.* Томас Бьюик: Художник-гравер. Берлин, 1923; *Немировский Е. Л.* Торцовая гравюра Томаса Бьюика // В мире книг. 1974. № 10. С. 35—37.
[22] См.: *Wagner C.* Alois Senefelder, sein Leben und Wirken. Leipzig, 1914.
[23] См.: *Senefelder A.* Vollständiges Lehrbuch der Steindruckerey. München; Wien, 1818.
[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 384.
[25] Там же. С. 386.
[26] См.: *Goebel T.* Friedrich Koenig und die Erfindung der Schnellpresse. Stuttgart, 1906; *Bolza A.* Friedrich Koenig: Der Erfinder der Druckmaschine. B., 1933.
[27] Printing patents: Abridgments of patent specifications relating to printing, 1617—1857. L., 1969. P. 97—100.
[28] Ibid. P. 123—125.
[29] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 393—395.
[30] Schnellpressenfabrik Koenig und Bauer: Festschrift zum 150 jährigen Jubiläum, 1817—1967. Würzburg, 1967. S. 23.

[31] См.: *Усов С.* Александровская мануфактура в начале 1831 г. // Сев. пчела. 1831. № 111.
[32] См.: Printing patents. P. 128–129.
[33] См.: Printing and the mind of man. L., 1963. P. 60–61.
[34] См.: Printing patents. P. 134–135.
[35] См.: Printing and the mind of man. P. 79.
[36] Ibid. P. 79.
[37] См.: Документы по истории изобретения фотографии. М.; Л., 1949; *Раскин Н. М.* Жозеф Нисефор Ньепс. Луи Жак Манде Дагерр. Вильям Генри Фокс Тальбот. Л., 1967.
[38] См.: *Радовский М. И.* Борис Семенович Якоби. М., 1953.
[39] См.: *Немировский Е. Л.* Работы русских изобретателей в области гальванотехники // Электричество. 1951. № 9. С. 74–80.
[40] См.: *Теплов Л. П.* Неудачный экскурс английского журнала в историю полиграфической техники // Полигр. пр-во. 1951. № 9. С. 29.
[41] См.: Lichtdruck, 1865–1965. Dresden, 1965.
[42] См.: *Скамони Г. Н.* Руководство к гелиографии. СПб., 1872; *Он же.* Изобретения и усовершенствования в области графических искусств. СПб., 1906.
[43] См.: *Немировский Е. Л.* Петербургский мастер книги Г. Н. Скамони // Вопр. истории естествознания и техники. 1984. № 4. С. 88–90.
[44] См.: Karel Klič vanálezce hlubotisku. Pr., 1957; *Albert K.* Karl Klietsch, der Erfinder der Heliogravüre und des Rakeltiefdruckes. Wien, 1927.
[45] См.: *Немировский Е. Л., Теплое Л. П.* Изобретение автотипии // Полиграф. пр-во. 1950. № 8. С. 27–30.
[46] Промышленность и техника. СПб., 1896. Т. 10. С. 201.
[47] Арх. АН СССР. Ф. 3. Кн. 335. Л. 189.
[48] См.: Printing patents. P. 159–160.
[49] См.: *Lorck C. B.* Handbuch der Geschichte der Buchdruckerkunst. Leipzig, 1883. Bd. 2. S. 41.
[50] См.: *Решетов С. И.* Наборные машины, их изобретение и развитие. М., 1932. С. 17–20.
[51] См.: Printing patents. P. 286.
[52] См.: *Виноградов Г. А.* Наборные машины русских изобретателей. М., 1949; *Немировский Е. Л., Теплов Л. П.* Новое о Петре Княгининском // Полиграф. пр-во. 1949. № 10. С. 26–29.
[53] См.: *Немировский Е. Л.* Изобретатель Ливчак // Знание – сила. 1952. № 2. С. 2–4; *Klossowski A.* Zarys dzieów mechanizacji i automatyzacji skladu drukarskiego. Stereograf Józefa Liwczaka // Biul. poligr. 1974. N 9. S. 31–38.
[54] См.: *Schröder F.* Ottmar Mergenthaler. B., 1942.
[55] См.: Von der Mechanik zum Laserstrahl // STZ. 1986. N 17. S. 25–28.
[56] См.: *Решетов С. И.* Указ. соч. С. 104–110.
[57] См.: *Теплов Л. П.* Наш земляк – выдающийся русский изобретатель // Красный север. Вологда, 1950. 15 сент.
[58] См.: *Rhein A.* Wie das Maschinenzeitalter in der Buchbinderei begann // Allgem. Anz. Buchbindereien. 1962. N 9. S. 634–650.
[59] См.: *Lilien O. M.* Die Geschichte des Tiefdruckes von 1900–1920. Frankfurt a. M., 1963.

[60] См.: *Engelmann A.* Der Offsetdruck in der Praxis. Leipzig, 1953. S. 24–26.
[61] См.: *Немировский Е. Л.* Способ многокрасочной печати И. И. Орлова // Полиграф. пр-во. 1949. № 2. С. 29–31.
[62] См.: *Кануков Н. Д.* Изобретатель В. А. Гассиев. Орджоникидзе, 1958.
[63] См.: *Попов В. В.* Фотонаборные машины: Очерк развития и современного состояния. М., 1933; *Он же.* Фотонабор и его место в полиграфии. М., 1936; *Васильев В. И.* Развитие фотонабора и его применение в издательстве. М., 1980.
[64] См.: *Немировский Е. Л.* Развитие фотонаборной техники в послевоенный период // Полиграфия. 1971. № 9. С. 45–48.
[65] См.: *Васильев В. И.* Техника научного книгопечатания: История, состояние, перспективы. М., 1981.
[66] См.: *Сикорский Н. М., Немировский Е. Л.* Книга и социальный прогресс // Книга и социальный прогресс. М., 1986. С. 11.

Основные даты жизни и деятельности Иоганна Гутенберга

Между 1394 и 1399 – родился Иоганн Гутенберг.

1411, 15 августа – семья Фриле Гензфляйша, отца изобретателя, покидает Майнц.

1418–1420 – учится в Эрфуртском университете.

1419, между 1 июля и 18 октября – умирает Фриле Гензфляйш, отец изобретателя.

1420 – тяжба со сводной сестрой Патце по поводу наследства.

1430, 16 января – Эльза Гутенберг, урожденная Вирих, снижает сумму ренты, получаемой ее сыном Иоганном.

1430–1444 – живет в Страсбурге.

1430, 28 марта – грамота архиепископа Конрада III об умиротворении между патрициями и цехами города Майнца с упоминанием Иоганна Гутенберга в числе эмигрантов, которым позволено вернуться.

1433, до 20 августа – умирает Эльза Гутенберг, мать изобретателя.

1434, 14 марта – освобождение из-под ареста Николая Верштадта, писца города Майнца, арестованного по настоянию Гутенберга в связи с отказом Майнца выплачивать ему ренту.

1434, 30 мая — пожизненная рента Фриле Гензфляйша, старшего брата Иоганна Гутенберга, переведена на имя изобретателя.

1436 – тяжба с Эннелин цу дер Изерин Тюр в связи с нарушением брачного обязательства.

1438–1439 – изготовляет зеркала в Страсбурге, обучает этому искусству А. Дритцена и А. Хейльмана.

1439 – проводит в Страсбурге первые опыты книгопечатания.

1439, 12 декабря – решение городского совета Страсбурга по процессу братьев Дритцен против Иоганна Гутенберга.

Около 1444 – печатает «Сивиллину книгу».

1444–1447 – предполагаемые поездки в Авиньон (?), в Базель и Голландию.

1445–1448 – печатает первые Донаты и календари.

1447, конец года – печатает «Астрономический календарь».

1448, 17 октября – одалживает в Майнце при посредничестве Арнольта Гельтхуза 150 гульденов.

1452–1455 – печатает 42-строчную Библию.

1454, конец года – печатает «Турецкий календарь».

1454–1455 – печатает кипрские индульгенции.

1455, вторая половина года – процесс с Иоганном Фустом.

1455, 6 ноября – Хельмаспергеровский нотариальный акт.

1457, 21 июня – выступает свидетелем при заключении нотариального акта.

1457, 15 августа – выходит в свет Псалтырь Иоганна Фуста и Петера Шеффера.

1458, 4 октября – ордонанс Карла VII о посылке Никола Жансона учиться у Иоганна Гутенберга искусству книгопечатания.

1458–1460 – печатает 36-строчную Библию (в Бамберге?).

1460 – печатает «Католикон».

1461–1462 – печатает индульгенции для монастыря Нойхаузен.

1462, 28–29 октября – взятие Майнца войсками Адольфа фон Нассау.

1465, 17 января – получает пожизненную пенсию в связи с принятием в свиту Адольфа фон Нассау.

1468, 3 февраля – Иоганн Гутенберг умирает в Майнце; похоронен в церкви св. Франциска.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

1 р. 20 к.